

4° H. lit. P. 325 Z

<36622881040012

<36622881040012

Bayer. Staatsbibliothek

4° Н. lit. Р. 325 Ξ

А. М. Могилевский
Июль 1903 г.

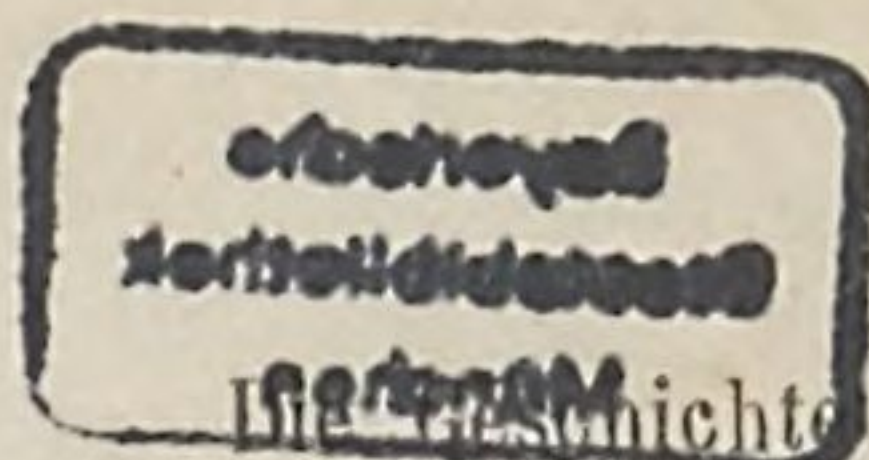
ЖИВОТНЫЙ ЭПОСЪ

НА ЗАПАДЪ

И

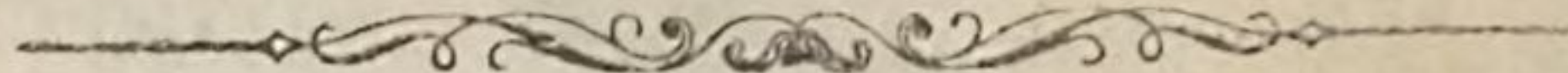
У СЛАВЯНЪ.

Превратъ по определению Платона. Философическое Слово. Казань. Университетъ. 1882 г.
Л. Колмачевскаго.

Die Geschichte der Poesie kennt keine
Verjährung des Irrthums.

J. Grimm Kl. Schriften V, 480.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.
1882.

79/72/33

146 H

1882. 1. 1.

ЖИВОТНЫМЪ ЭПОСЪ

НА ЗАПАДЪ

И

У СЛАВЯНЪ

Печатать по опредѣленію Историко-Филологическаго Факультета Казанскаго Университета дозволяется 17 апрѣля 1882 г.

Деканъ Н. Буличъ.

Bayrische
Staatsbibliothek
München

Kol'masovskij

1882

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ наше время странно было бы распространяться о важности того или другаго научнаго вопроса, о необходимости его изученія, притомъ изученія сравнительнаго и т. п. Все это уже устрѣляя истины: никому не приходитъ въ голову высказывать свои сомнѣнія или поднимать по этому поводу споры. Въ виду этого здѣсь достаточно ограничиться немногими лишь замѣчаніями.

„Никакой сюжетъ въ средніе вѣка“, говоритъ Потвэнъ по поводу романа о Ренарѣ, „не занималъ столькохъ поэтовъ, не породилъ столькохъ произведеній, не удостоился столькохъ изданій на всѣхъ языкахъ“.

Мы не въ состояніи провѣрить этого взгляда на всѣхъ отдѣльных случаяхъ въ области литературы вообще. Но если Потвэнъ (ук. ниже соч. стр. 7), проф. брюссельскаго университета, имѣвшій, допустимъ, возможность заняться провѣркой подобнаго вопроса, рѣшался высказать это мнѣніе съ небольшимъ лѣтъ 20 тому назадъ, то можно безъ преувеличеній сказать, что съ тѣхъ поръ до настоящаго момента вся литература, касающаяся романа о Ренарѣ, увеличилась по крайней мѣрѣ на треть своего объема. Стало быть, оказывается полный *embarras des richesses*. Притомъ послѣднее двадцатилѣтіе дало преимущественно рядъ критическихъ изслѣдованій и изданій, устанавливавшихъ весьма оригинальныя точки зрѣнія. Такъ какъ всѣ эти воззрѣнія представляли между собою рѣзкіе контрасты и нетрудно было потеряться въ этомъ хаосѣ противорѣчій, то трудъ, предпринятый съ цѣлью свести результаты, добытые различными учеными, представить настоящее положеніе вопроса, — едва ли можетъ казаться лишнимъ.

IV

Но помимо такого опредѣленія окончательныхъ результатовъ, животный эпосъ возбуждалъ также весьма живой самостоятельный интересъ. Съ этой точки зрѣнія отвѣтъ на тему о животномъ эпосѣ, на которую любезно обратилъ наше внимание А. Н. Веселовскій, представляется не только не лишнимъ, но даже необходимымъ. Это важно замѣтить преимущественно въ виду того, чтобы обратить по крайней мѣрѣ вниманіе на несостоятельность господствовавшей, такъ сказать, санкціонированной гипотезы, которая удерживалась до сихъ поръ путемъ традиціи и признавалась непреложной истиной. Это т. наз. индогерманская гипотеза, которую провозгласилъ знаменитый Я. Г р и м м ъ. Обаяніе имени этого ученаго, обаяніе его теоріи держало въ оковахъ умы даже лучшихъ ученыхъ. А между тѣмъ это пристрастіе, эта вѣра на слово породили массу ошибочныхъ воззрѣній. Объ этомъ можно судить по первой главѣ настоящаго труда, служащей вмѣстѣ съ тѣмъ введеніемъ къ разсматриваемому вопросу.

Рѣшеніе вопроса казалось тѣмъ болѣе заманчивымъ, что представлялась возможность введенія въ кругъ сравнительнаго изученія совершенно новой области, именно животнаго эпоса с л а в я н с к а г о м і р а. Западнымъ ученымъ эта область оставалась совершенно недоступной и неизвѣстной, словомъ, книгой за семью печатями. Одна сербская сказка о животныхъ, которая была извѣстна Я. Г р и м м у, конечно, не могла способствовать знакомству съ этой невѣдомой областью. Со стороны русскихъ ученыхъ, правда, нерѣдко сопоставлялись животныя сказки славянъ съ животнымъ эпосомъ запада и констатировалось ихъ взаимное сходство; но серьезной попытки опредѣлить отношеніе славянскаго животнаго эпоса къ западному и восточному, указать на степень тожества, опредѣлить—самостоятельное ли явленіе животный эпосъ славянъ или нѣтъ, и, — въ случаѣ отрицательнаго отвѣта и признанія зависимости, — установить пути перехода отдѣльныхъ моментовъ животнаго эпоса, — подобныхъ попытокъ, сколько намъ извѣстно, не было. Скажемъ болѣе — и не могло быть, такъ какъ исходнымъ пунктомъ было не изученіе непосредственное самихъ животныхъ сказокъ у славянъ и восхожденіе къ извѣстнымъ выводамъ, а, наоборотъ, непосредственно прилагалась индогерманская гипотеза и къ явленіямъ въ области славянскаго жи-

вотнаго эпоса. Притомъ упускалась изъ виду возможность, т. е. невозможность, примѣненія индогерманской гипотезы къ явленіямъ славянскаго эпоса безъ предварительной ея провѣрки на основаніи аналогичныхъ явленій въ другихъ сферахъ животнаго эпоса.

Въ предлагаемомъ трудѣ мы постарались дать отвѣтъ и на послѣдній вопросъ. Если отвѣтъ этотъ многимъ покажется отступленіемъ отъ господствовавшихъ у насъ воззрѣній, то этого нельзя поставить намъ въ укоръ: рѣшеніе вопроса было продиктовано намъ по возможности тщательнымъ и вполне безпристрастнымъ изученіемъ источниковъ и пособій.

Устанавливая литературное заимствованіе, мы старались притомъ строго слѣдовать ея теоріи, главныя требованія которой А. И. К и р п и ч н и к о в ъ (Св. Георгій и Егорій Храбрый [1879] стр. 175) формулируетъ въ слѣдующихъ мѣткихъ выраженіяхъ: „Теорія литературнаго заимствованія тогда только имѣетъ доказательную силу, когда, указывая сходство между отдаленнымъ и близкимъ, древнимъ и новымъ, въ то же время указываетъ и пути перехода; но если и нѣтъ посредствующихъ звеньевъ, не бесполезно указать на разительное сходство, хотя только въ видѣ вопроса, на пользу будущаго“.

Мы впрочемъ очень хорошо сознаемъ, что предлагаемый трудъ, какъ и всякое подобное изслѣдованіе, посвященное сравнительному изученію предмета, заключаетъ въ себѣ недостатки и пробѣлы. Могутъ, напр., указать на то, что не исчерпанъ весь матеріаль. Въ извиненіе мы готовы высказать увѣренность, что даже въ любомъ столичномъ городѣ, не говоря уже о провинціальныхъ университетскихъ городахъ, не окажется на лицо весь матеріаль необходимый для извѣстнаго научнаго вопроса. Наконецъ, при сравнительномъ изученіи предмета матеріаль всегда будетъ представляться въ видѣ неисчерпаемаго источника. Чѣмъ больше будетъ собрано матеріала, тѣмъ нагляднѣе обнаружится его неисчерпаемость, что невольно наводитъ на мысль сравненіе съ песочной ямой, которая становится тѣмъ больше, чѣмъ больше изъ нея выбрасываютъ земли. Мы по крайней мѣрѣ стремились къ возможной полнотѣ въ собираніи матеріала, и въ этомъ смыслѣ, надѣемся, намъ не сдѣлаютъ упрека, что выводы построены на двухъ-трехъ фактахъ.

Допущенныя нами сокращенія въ цитатахъ такъ просты или общеприняты, такъ часто встрѣчаются, что распростра-
няться о нихъ подробнѣе — значило бы даромъ тратить время.

Въ заключеніе мы спѣшимъ выразить искреннюю при-
знательность тѣмъ русскимъ и заграничнымъ ученымъ, кото-
рые содѣйствовали нашему труду совѣтами, указаніями или
книгами: Н. Н. Буличу, А. Н. Веселовскому, Н.
П. Дашкевичу, А. И. Кирпичникову, Е. Коскэ-
ну, проф. А. Лескину, М. П. Петровскому, проф.
Е. Теца и мн. др.

Посвящаю этотъ трудъ моей матери и моему дядѣ, А.
В. Минятову.

1 азань

17 іюля 1882 г.

Л. К.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Гл. I. Гипотезы о происхожденіи развитіи и распространеніи животнаго эпоса 1 слл.

Индогерманская или миѳологическая гипотеза Я. Гримма 2. Возрѣнія Гервинуса 5 и Герцберга 7. Индѣйская гипотеза Вахенера 8. Греческая гипотеза Вебера 9. Возрѣнія Бенфея 11. Принципъ естественности, обоснованный О. Келлеромъ 15. Взгляды Полэнъ Парі 16, Шотвэна 17 и Вакернагеля 18. (Мюлленгоффъ 20). Взгляды Мейснера, основанные на изученіи памятниковъ искусства 20. Критика означенныхъ гипотезъ 23. Выводы 53.

Гл. II. Отношеніе славянскаго животнаго эпоса къ западному 55 слл.

Главные группы животныхъ сказокъ: 1) Кража рыбы 57. 2) Рыбная ловля 68. 3) Лиса-Исповѣдница или Похищеніе пѣтуха лисою 93. („Перехитряемость“ 105). 4) Неравный дѣлежъ жатвы и 5) Избавленіе человѣка отъ хищнаго звѣря 111. 6) Звѣри странники 123. 7) Лиса-судья или Старая хлѣбъ-соль забывается 135. 8) Волкъ-дурень 139. 9) Дроздъ-кормилецъ 152. Отдѣльно стоящія животныя сказки и отношеніе ихъ къ даннымъ группамъ 163. Выводы 173.

Гл. III. Главнѣйшіе вопросы въ сферѣ средневѣковыхъ поэмъ о животныхъ 174 слл.

Изданія „Изенгрима“ и „Рейнарда“ 174. Содержаніе „Изенгрима“ 175. Esbasis 177. „Рейнардъ“ 182. Изданія романа о Ренарѣ 194. Рукописи 195. 1-я—19-я вѣтви 196—210. 20-я вѣтвь и иностранные ея истоки („Рейнартъ“ I и „Райнардо“) 210—221. 21-я—

VIII

23-я вѣтви 221—224. 24-я вѣтвь и ея нидерландск. истокъ („Рейнартъ“ II) 224—235. 25-я — 36-я вѣтви 235—259. Позднѣйшія сатирическія поэмы о Ренарѣ 259. Общія замѣчанія 261. Отношеніе вѣтвей между собой въ связи съ вопросомъ объ авторѣ ихъ по Іонкблуту и Кнорру 263. Отношеніе и соотвѣтствіе вѣтвей въ изд. Мартина и Меона 267.—„Рейнгартъ“ Генриха Лицемѣра и „Рейнгартъ“ въ обработкѣ анонима 268—277. „Рейнартъ“ Виллема и „Исторія Рейнарта“ 277—287. „Рейнке“ 287—294. Слѣды утраченныхъ приключеній 294.—Чертежъ развѣтвленій литературныхъ обработокъ животнаго эпоса (къ стр. 296).

Гл. IV. Сатирическій элементъ въ предѣлахъ животнаго эпоса 297 слл.

Возрѣнія Эккарда 297, Моне 298 и Я. Гримма 299. Взглядъ Мейснера 300. Характеръ сатиры въ данныхъ поэмахъ 302. 306. Монашество волка 304. Выводы 311.

ДОПОЛНЕНІЯ 132.

I.

Гипотезы о происхожденіи, развитіи и распространеніи животнаго эпоса.

Bei unseren deutschen Forschern [den Brüdern Grimm]... ward die Vorliebe für alle Volksdichtung, ward die Voraussetzung volksthümlicher Unterlagen bei aller möglichen Dichtung allzu einseitig übertrieben.

Gervinus Gesch. d. Deut. Dichtung I^o [1871] 206.

Первымъ и самымъ существеннымъ вопросомъ въ области животнаго эпоса представляется вопросъ о его происхожденіи. Первоклассные ученые, прибѣгая къ обширному запасу знаній или необыкновенному остроумію, рѣшали этотъ вопросъ крайне разнообразно. Изучаемый предметъ представлялся каждому изъ нихъ подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, опредѣляемымъ весьма ограниченнымъ и узкимъ субъективизмомъ.

Односторонность взглядовъ въ значительной мѣрѣ обуславливалась патріотическими тенденціями или недостаточнымъ знакомствомъ съ національными произведеніями или преданіями другихъ народностей, преимущественно же славянскаго міра. Впрочемъ, послѣдній упрекъ значительно ослабляется тѣмъ обстоятельствомъ, что лѣтъ за двадцать тому назадъ не было еще той массы накопившагося матеріала, который въ настоящую пору поражаетъ своимъ объемомъ и тѣмъ не менѣе въ извѣстныхъ случаяхъ все еще недостаточенъ для окончательнаго рѣшенія спорныхъ вопросовъ. Что же касается патріотическихъ симпатій, то ими нерѣдко опредѣлялись научныя воззрѣнія. Подчасъ играли роль даже спеціальныя занятія, предъ которыми долженъ былъ преклоняться научный вопросъ, рѣшавшійся вслѣдствіе этого

Источникъ животнаго эпоса, по мнѣнію Я. Г р и м м а, заключается въ поэтическомъ созерцаніи народа, усматривавшаго въ разнообразныхъ способностяхъ и качествахъ звѣрей множество чертъ, общихъ съ природой людей. Все это непременно должно было установить интимныя отношенія между первобытнымъ человѣкомъ и міромъ звѣрей (Р. Г. стр. j сл.). Отсюда вѣра въ превращеніе людей въ животныхъ и наоборотъ, вѣра въ переселеніе душъ, убѣжденіе, что звѣри—существа вѣщія, обладающія чародѣйственной силой, что звѣри одарены предвидѣніемъ человѣческой судьбы, не лишены возможности говорить человѣческимъ языкомъ или обладаютъ своимъ собственнымъ, таинственнымъ говоромъ (стр. ii j слл.). Все это вело къ тому, что человѣкъ поспѣшилъ дать звѣрямъ больше простора, вводя ихъ въ сферу собственныхъ дѣйствій, въ кругъ событій человѣческой жизни (стр. jv). Вслѣдствіе этого, естественно, долженъ былъ образоваться родъ „сказаній о животныхъ“, коренящихся въ незапамятной, устойчивой традиціи (стр. v сл. xv j сл. x j x. l x j x. l x x v i j. c c x v j. c c l x v i i j и др.), разраставшихся съ теченіемъ времени и видоизмѣнявшихся смотря по мѣстности и обстоятельствамъ времени (стр. v сл.). Весь циклъ „сказаній“ о Рейнгартѣ основанъ, такимъ образомъ, на народномъ сказаніи, которое сохранялось и развивалось

ПОЛОЖЕНІЯ.

1. „Животная сага“ (Thiersage) вообще не существовала; на первых порах сложилась животная сказка. Басня является дальнѣйшимъ развитіемъ отдѣльнаго момента животной сказки, а не „осколкомъ животной саги“. Дидактическій элементъ проникъ въ животную сказку сравнительно поздно.

2. Черты сходства животныхъ сказокъ или отдѣльных ихъ мотивовъ объясняются;

а) процессомъ равномернаго психическаго развитія, но только въ примѣненіи къ отдѣльнымъ моментамъ сходства; сходство на всемъ протяженіи разсказа и такихъ отдѣльныхъ чертъ, толкованіе которыхъ при помощи „общихъ мѣстъ“ представляетъ несообразности, — необходимо объяснять теоріей заимствованія;

б) литературнымъ заимствованіемъ,

в) господствомъ устнаго преданія (въ извѣстныхъ случаяхъ)

3. Большинство животныхъ сказокъ на европейскомъ континентѣ представляетъ заимствованіе съ Востока; значительная часть этихъ „народныхъ“ сказокъ восходитъ къ литературнымъ образцамъ.

4. Необходимо допустить самостоятельное зарожденіе сказокъ, какъ на европейской почвѣ, такъ и въ другихъ странахъ; но такимъ оригинальнымъ характеромъ, самостоятельностью отличается лишь весьма ограниченное число сказокъ.

5. Часть животныхъ сказокъ перешла съ Востока на Западъ цѣликомъ, часть же развивалась на европейской почвѣ изъ отдѣльныхъ мотивовъ индѣйскихъ сказокъ, изъ басенъ Эзопа и другихъ источниковъ.

6. Животныя сказки неслись на Русь по двумъ теченіямъ:

- а) восточно-византійскому и
- б) западному;

оба теченія сливались нерѣдко въ одинъ потокъ въ юго-восточномъ углу Европы, т. е. къ юго-западу отъ Руси.

7. Животныя сказки съ своимъ кажущимся разнообразіемъ сводятся къ довольно ограниченному числу основныхъ мотивовъ.

8. Многія животныя сказки съ теченіемъ времени подверглись вырожденію:

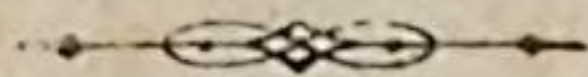
- а) частью въ нихъ внесенъ былъ элементъ полуживотный,
- б) частью онѣ подчинились антропоморфизму.

9. Славянскія — въ томъ числѣ и русскія — сказки о животныхъ находятся очень часто на болѣе поздней ступени развитія, чѣмъ западныя.

10. Животныя сказки западныхъ славянъ находятся почти подъ исключительнымъ вліяніемъ Запада.

11. Въ славянскихъ сказкахъ о животныхъ господство устной передачи проявляется сильнѣе, чѣмъ у романо-германскихъ племенъ.

12. Животныя эпопеи среднихъ вѣковъ развились на основаніи классической басни, животныхъ сказокъ, бестиаріевъ и рассказовъ изъ восточныхъ сборниковъ; притомъ каждая изъ предшествовавшихъ поэмъ доставляла матеріалъ послѣдующимъ поэмамъ. Исходной точкой является баснь Эзопа о больномъ львѣ.

Типографія М. М. Стасюлевича. В. О., 2. л., № 7

Печатается по опредѣленію Историко-Филологическаго Факультета
Спб. Университета 27-го Ноября 1882 г.

Деканъ В. Бауеръ.

среди германскаго племени и обнаруживается, слѣдовательно, какъ чисто „нѣмецкая животная сага“ (deutsche Thiersage, стр. xlviii. lii. cclxviii. cclxxv и мн. др.). Она расцвѣла въ Нидерландахъ, сѣверной Франціи и западной Германіи и не выходила за предѣлы этого тѣснаго района: не проникала она ни на югъ Франціи, ни въ Испанію и Италію, ни къ кельтамъ, ни въ Англію и Скандинавію, ни въ славянскія земли (стр. xvj). Въ пользу мнѣнія о „нѣмецкой животной сагѣ“ прежде всего краснорѣчиво говоритъ к у м о в с т в о, встрѣчающееся между животными, согласно воззрѣніямъ животнаго эпоса (стр. xxvj слл.); затѣмъ, приписываніе лисѣ и волку роли главныхъ героевъ, роли, въ которой они выступали искони (стр. vjx слл.; его - же Kleinere Schriften V [1871] 459); изображеніе непримиримой вражды между волкомъ и лисою (R. F. стр. cclxviii Kl. Schrift. V, 459); приписываніе царской власти среди животныхъ медвѣдю, которая на первыхъ порахъ принадлежала исключительно ему, а не льву (R. F. xliij слл. Kl. Schr. V, 174. 459). Помимо всего этого самымъ важнымъ доказательствомъ въ пользу нѣмецкаго происхожденія „животной саги“ являются собственныя имена героевъ животнаго эпоса, преимущественно Рейнгарта и Изенгрима, ясно обличающія свою германскую основу (R. F. стр. cclxix. cclxi слл. Kl. Schr. V, 174. 459 слл.). Одного имени Рейнгарта достаточно, чтобы вывести заключеніе о распространенности этихъ сказаній между франками уже въ IV—VI вв., когда еще не могло быть и рѣчи о вліяніи галльскаго языка на ихъ германское нарѣчіе (R. F. cclxij). Что касается о б щ а г о с х о д с т в а всѣхъ видовъ животнаго эпоса у разныхъ народовъ, то оно очень просто объясняется на основаніи общихъ преданій составляющихъ основу „животной саги“, на основаніи исконнаго родства арійскихъ племенъ, на основаніи „флуктуации первобытнаго элемента сказаній“ (R. F. cclxviii. v. cclxxij, cclxxix. cclxxij. Kl. Schr. V, 462). О з а и м с т в о в а н і и не можетъ быть и рѣчи (R. F. cclxvj сл. cclxix. cclxxix. cclxxij. Kl. Schr. V, 175); оно возможно только въ крайне рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ (R. F. cclxxij. cclxxxj). Независимость „нѣмецкаго“ животнаго эпоса отъ восточныхъ вліяній обнаруживается, между прочимъ, въ томъ, что въ восточныхъ сборникахъ отдѣльныя сказки вставлены въ рамку и не представляютъ

между собой внутренней связи, тогда какъ въ нѣмецкомъ эпосѣ, который въ случаѣ заимствованія сохранилъ бы и форму восточныхъ рамокъ, ничего подобнаго не замѣчается (Kl. Schr. V, 458). Кромѣ того подтвержденіемъ нѣмецкаго происхожденія служатъ также извѣстныя народныя вѣрованія и мифическія черты (R. F. ssxsv сл. Kl. Schr. V, 461 сл.), свидѣтельствующія въ пользу глубокой древности „животной саги“. — Басни грековъ и римлянъ представляются только скудными осколками первобытной „животной саги“ (R. F. xv). Въ нѣкоторыхъ, весьма рѣдкихъ случаяхъ сходство нѣмецкихъ и греческихъ басенъ можетъ быть объяснено заимствованіемъ изъ Византіи благодаря посредничеству готовъ, лонгобардовъ и франковъ. Но эта устная передача довольно сомнительна и допущеніе возможности такой передачи еще не доказываетъ, что она имѣла мѣсто на самомъ дѣлѣ (R. F. sslxvj. lii).

Этимъ исчерпываются основные взгляды Я. Гримма на происхожденіе и развитіе животнаго эпоса и взаимное отношеніе его видовъ.

Гипотеза Я. Гримма, которой можно приписать названіе мифологической или индогерманской, изложена послѣднимъ съ такимъ искреннимъ увлеченіемъ, такъ краснорѣчиво свидѣтельствуешь о его учености и остроуміи, что на первыхъ порахъ невольно подкупаетъ всякаго въ свою пользу. Въ дѣйствительности же трудъ Я. Гримма долженъ считаться, пользуясь выраженіемъ А. Л. Мейснера (въ Archiv f. d. Studium d. neueren Spr. u. Lit. LXV [1881] 203), „въ высшей степени занимательнымъ филологическимъ романомъ и одной изъ остроумнѣйшихъ вѣтвей нескончаемаго романа о Ренарѣ“. Неудивительно, что столь увлекательно изложенныя мнѣнія были немедленно признаны не только почти всѣми нѣмецкими учеными, но и весьма многими иностранными изслѣдователями. Мнѣнія эти въ видѣ догматовъ перешли во всѣ руководства исторіи литературы, проникали въ каждое новое изданіе, распространялись съ каждымъ новымъ учебникомъ, словомъ, казались такой непреложной истиной, противъ которой ратовать — значило бы донкихотствовать.

Дѣйствительно, на первыхъ порахъ индогерманская гипотеза оставалась неприкосновенной. Мало того, многіе уче-

ные принялись за расширение или болѣе прочное обоснованіе доводовъ Я. Г р и м м а. Даже такой самостоятельный изслѣдователь какъ Г е р в и н у с ъ соглашался съ его взглядами и ограничился только болѣе точнымъ разграниченіемъ опредѣленія ж и в о т н о й с к а з к и отъ б а с н и: и тотъ и другой видъ Я. Гриммъ считалъ вырожденіемъ разложившагося животнаго эпоса.

Возражая на взглядъ Я. Г р и м м а, Г е р в и н у с ъ (*Geschichte der Deutschen Dichtung von G. G. Gervinus I*⁵ [1871] [1-е изд. появилось въ 1835 г.]) считаетъ баснь „первичнымъ проявленіемъ древняго Востока“ (стр. 207). Какъ только у человѣка появилось сознаніе о пропасти, отдѣлявшей его отъ животныхъ, то первое впечатлѣніе этого сознанія выразилось въ признательности по отношенію къ животнымъ за оказанную ему помощь или высказалось въ благодарности за поученія, извлекаемыя человѣкомъ въ столкновеніяхъ съ міромъ животныхъ, служившихъ ему во многихъ случаяхъ образцомъ. Болѣе древняго отношенія человѣка къ міру животныхъ невозможно себѣ и представить. Поэтому-то древнѣйшими п о с л о в и ц а м и оказываются именно тѣ, которыя прилагаютъ различныя состоянія и свойства животныхъ къ человѣческимъ правамъ, причемъ легко замѣтить, какъ естественно и просто назидательный элементъ присоединяется къ сдѣланному надъ міромъ животныхъ наблюденію. Извлеченная изъ басни пословица, правоучительная сентенція, представляется повидимому вполне народной чертой; даже въ испорченныхъ браншахъ романа о Ренарѣ пословица постоянно удерживается обокъ съ разказомъ. Слѣдовательно, во всѣхъ видахъ животнаго эпоса замѣчается одна основная черта: общежитейскія отношенія, добродѣтели и пороки, обыденная житейская мудрость составляютъ основу его, всю суть его поученія (стр. 207). Такимъ образомъ, изъ первыхъ отношеній человѣка къ міру животныхъ неизбѣжно слѣдуетъ, что п о у ч е н і е является первичнымъ элементомъ въ басни, а б а с н ѣ примитивнымъ элементомъ въ „животной сагѣ“. Весьма мирнымъ характеромъ, соотвѣтственно миролюбивому настроенію той отдаленной эпохи, отличается баснь на Востокѣ. Первые фазисы ея развитія восходятъ къ незапамятнымъ временамъ, когда общественная жизнь не подвергалась сильнымъ тревоженіямъ. Тогда, наоборотъ, проявлялась весьма мѣткая наблюдательность

по отношенію къ самымъ разнообразнымъ проявленіямъ; всему придавалась остроумная форма изложенія, форма притчъ. Высшую стадію развитія баснь достигла уже въ болѣе позднюю, утонченную эпоху, которой вполне отвѣчаетъ эпоха Эзопа, значительно опередившая старинный востокъ въ культурномъ отношеніи (стр. 208). На первыхъ порахъ своего возникновенія произведенія о животныхъ но- или правоучительный характеръ, представлялись жанровой поэзіей, которая впоследствии достигла болѣе свободнаго развитія въ животномъ эпосѣ (стр. 209). Такимъ образомъ, мораль вовсе не является признакомъ позднѣйшаго наслоенія или вырожденія (стр. 210).—Рядомъ съ баснью въ Индіи и Греціи существовала животная сказка, которая отѣснялась своей соперницей на задній планъ и оставалась въ тѣни. Главная цѣль животной сказки—страсть къ повѣствованію, что впрочемъ вовсе не исключаетъ примѣненія морали. Въ позднѣйшее время и притомъ у народовъ сѣверной Европы преобладала сказка, хотя рядомъ съ ней, напр., у славянъ, встрѣчается и баснь. Прослѣдить исторію этихъ народностей за предѣлы военнаго положенія, смѣнившаго періодъ мирныхъ отношеній въ человѣческомъ быту,—нѣтъ возможности; вслѣдствіе этого въ пересказахъ „животной саги“—все борьба да война и, по той же причинѣ, все передается обстоятельнѣе, такъ какъ только періодомъ войнъ начинается эпоха событій и исторіи. Вскорѣ животная сказка, не довольствуясь сравнительно обширнымъ объемомъ, стремится къ еще большему расширенію, стремится къ сліянію съ другими сказками (стр. 211).—Зависимость западныхъ разказовъ отъ восточныхъ Гервинусъ признаетъ только въ томъ случаѣ, если факты слишкомъ очевидно обнаруживаютъ слѣды заимствованія. Схождство различныхъ сказаній онъ болѣе склоненъ объяснять „одинаковыми природой и развитіемъ человѣческаго духа“, словомъ, единствомъ послѣдняго (стр. 213).—Относительно главныхъ героевъ животнаго эпоса слѣдуетъ замѣтить, что въ древнѣйшую пору первенствующую роль игралъ волкъ, который впоследствии замѣненъ былъ лисою. Это доказываетъ посредственная, нерѣдко невыгодная роль лисы въ древнѣйшихъ произведеніяхъ (стр. 216).

Дальше этихъ возраженій Гервинусъ не пошелъ. Къ остальнымъ взглядамъ Я. Гримма, ко всей его сис-

темъ Г е р в и н у с ъ выказываетъ полное сочувствіе. Тѣмъ не менѣе онъ далъ первый толчекъ къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ въ его духѣ и съ него слѣдуетъ вести начало протеста противъ мифологической гипотезы Я. Г р и м м а.

Мало по малу относительно достовѣрности извѣстныхъ взглядовъ Я. Гримма стали высказываться сомнѣнія довольно рѣшительнаго свойства. Однимъ изъ первыхъ, отнесшихся скептически къ существеннымъ пунктамъ индогерманской теоріи,—былъ В. Г е р ц б е р г ъ (*Babrius Fabeln übersetzt in deutschen Choliamben. Nebst einer Abhandlung über den Begriff der Fabel und ihre historische Entwicklung bei den Griechen von W. Hertzb erg. Halle 1846*). Онъ полагаетъ, что гипотеза Я. Гримма рѣшительно нуждается въ существенномъ видоизмѣненіи.

Весьма невѣроятно, по мнѣнію Г е р ц б е р г а, чтобы разительное с х о д с т в о отдѣльныхъ чертъ животнаго эпоса у грековъ и нѣмцевъ могло быть объяснено на основаніи общаго достоянія сказаній, существовавшихъ, будто бы, въ предѣлахъ прародины индоевропейцевъ, вообще, чтобы умѣстно было объясненіе существованіемъ такъ наз. праарійской „животной саги“. Объясненіе совпаденій существованіемъ сказаній о животныхъ у грековъ въ до-гомеровскую эпоху невѣроятно уже потому, что всѣ свидѣтельства указываютъ на сравнительно позднее проникновеніе животнаго эпоса въ Грецію, гдѣ онъ получилъ только новый толчекъ къ дальнѣйшему развитію. Впрочемъ, это еще вовсе не свидѣтельствуєтъ въ пользу теоріи Я. Гримма объ общемъ достояніи первобытной старины, такъ какъ мифъ распространяется совершенно иначе, нежели баснь, точнѣе—животная сказка. „[Мифъ] заключаетъ въ себѣ частью самыя священныя религіозныя убѣжденія народа, частью самыя дорогія воспоминанія о его происхожденіи и о представителяхъ этого происхожденія, царскихъ и богатырскихъ родахъ“ (стр. 150). Животная же сказка, „которая служила не сосудомъ для столь драгоцѣннаго содержимаго, а только цѣлямъ невиннаго развлеченія“, поражаетъ именно своей замѣчательной неподвижностью, устойчивостью, сохранявшейся и въ теченіи самыхъ грандіозныхъ переворотовъ въ народной жизни (стр. 151). Идентичность отдѣльныхъ частей животнаго эпоса у грековъ и германцевъ объясняется инымъ путемъ. Прежде всего должна была играть извѣстную роль у с т н а я п е р е-

дача сюжетовъ, проникавшихъ изъ Византіи при посредствѣ готовъ, лонгобардовъ и франковъ. Помимо страсти византійцевъ къ морализаціи, къ сказочнымъ сюжетамъ и болтливости, устное посредничество значительно облегчалось военной службой и лагерной жизнью германскихъ племенъ въ предѣлахъ Византіи (стр. 153). Съ другой стороны необходимо допустить непосредственно заимствованіе басенъ Эзопа при посредствѣ римлянъ изъ разнообразныхъ латинскихъ сборниковъ. Въ этомъ легко убѣдиться по басни о больномъ львѣ (*Fabulae Aesopicae collectae, ex rec. S. Nalimii. № 255* = Басни Езоповы, перевод. съ Греческаго Иваномъ Мартыновымъ [Спб. 1823] № 72), котораго лиса вылѣчиваетъ шкурой, содранной съ живаго волка. Баснь эта составляетъ и сходную точку всѣхъ средневѣковыхъ литературныхъ обработокъ животнаго эпоса, начиная съ латинской поэмы *Isengrimus*; такъ какъ въ послѣдней царемъ звѣрей является левъ, а не медвѣдь, который свойственъ, какъ доказываетъ Я. Гриммъ, древне-германскому животному эпосу, то понятно левъ могъ удержаться въ поэмѣ *Isengrimus* единственно благодаря заимствованію изъ басенъ Эзопа (стр. 151 сл. 154). Позднѣйшіе авторы, принимавшіеся за литературную обработку животнаго эпоса, ограничивались расширеніемъ сюжета этой латинской поэмы (стр. 152 сл. 155). Принимая же во вниманіе баснь о больномъ львѣ въ довольно полномъ изложеніи Бабрія (№ 95),—относительно распространенности и общеизвѣстности которой косвеннымъ путемъ постарался представить доказательства самъ Я. Гриммъ (R. F. стр. xlviii сл.),—становится весьма сомнительнымъ существованіе среди германскаго племени „животной саги“, какъ наслѣдія глубокой древности, и возможность объясненія отдѣльных басенъ дробленіемъ, а небольшихъ эпопей „скромнымъ выборомъ изъ великаго цѣлаго“ (стр. 155).

Еще рѣшительнѣе высказался А. Вахенеръ. Въ своемъ изслѣдованіи (*Essai sur les rapports qui existent entre les apologues de l'Inde et les apologues de la Grèce, par A. Wagnier, вѣ Mémoires couronnés et mém. des savants étrangers, publiés par l'Acad. royale des sciences etc. de Belgique. XXV [1854] 1—126*) онъ выступилъ въ качествѣ защитника индѣйской гипотезы о происхожденіи животнаго эпоса.

Вахенеръ между прочимъ доказываетъ, что древнѣйшими сборниками басенъ являются отчасти Махабхарата (стр. 21 сл.), главнымъ же образомъ Панчатантра и Гитопадеса (стр. 22 сл.). Многія греческія басни, въ которыхъ сами греки усматриваютъ восточное происхожденіе, представляютъ замѣчательное сходство съ индѣйскими баснями (стр. 56 сл.). Сопоставленіе цѣлаго ряда примѣровъ доказываетъ, что родиной животнаго эпоса должна считаться Индія (стр. 122 сл.). Къ этому заключенію привело примѣненіе слѣдующаго правила: если извѣстная басня у какого нибудь народа нелѣпа, неестественна, а у другаго, наоборотъ, естественна, то она должна быть приписана той національности, которой принадлежитъ лучшая редакція (стр. 112). Такъ какъ извѣстныя греческія басни сходны съ соотвѣтствующими индѣйскими „не только по основѣ, по общей идеѣ, но представляютъ также очевидныя аналогіи по формѣ и даже по мельчайшимъ подробностямъ“, и такъ какъ, кромѣ того, замѣчается, что чѣмъ древнѣе греческая басня, тѣмъ болѣе она приближается къ соотвѣтствующей индѣйской басни, то необходимо вывести заключеніе, что „въ извѣстную эпоху между Индіей и Греціей существовали литературныя отношенія, по крайней мѣрѣ по отношенію къ басни“. Литературную связь можно отнести къ III в. до Р. Х., хотя она, по всей вѣроятности, восходитъ къ болѣе отдаленному времени (стр. 122). Греческія свидѣтельства и географическія приуроченія говорятъ въ пользу восточнаго происхожденія басни, созданной вѣроятно индусами, такъ какъ одни индусы почти ничего не заимствовали у сосѣдей и мѣтко подмѣчали характеристическія особенности животныхъ, не говоря о томъ, что они придерживались метемпсихозы (стр. 124) и что многія греческія басни носятъ индѣйскій отпечатокъ (стр. 125). Пути литературнаго заимствованія установились при посредничествѣ ассирійцевъ и персовъ (стр. 125 сл.).

Главнымъ противникомъ изложенной теоріи явился А. Веберъ, который выдвинулъ на сцену новую теорію, такъ называемую греческую. Онъ впрочемъ не столько озабоченъ вопросомъ о происхожденіи животнаго эпоса, сколько опроверженіемъ Вахенера. Съ первой же страницы своего труда (A. W[eber] Ueber den Zusammenhang indischer Fabeln mit griechischen, въ Indische Studien III

[1855] 327—373) Веберъ заявляетъ, что Вахенеръ стоитъ на устарѣлой точкѣ зрѣнія.

Допуская возможность вполне самостоятельнаго развитія животнаго эпоса у разныхъ народовъ (стр. 332. 369), Веберъ утверждаетъ, что индѣйскія басни за весьма немногими исключеніями заимствованы у грековъ (стр. 333 сл.) при посредствѣ буддистовъ (стр. 360). Проводя свои взгляды, Веберъ, подобно Вахенеру, опирается на правилѣ, что естественность и послѣдовательность извѣстной басни обыкновенно является единственно рѣшающимъ критеріемъ ея примитивности или покрайней мѣрѣ древности. Шакаль индѣйскихъ сказокъ явился только позднѣйшимъ замѣстителемъ лисы въ заимствованныхъ у грековъ басняхъ; онъ оказался самымъ подходящимъ къ ея характеру животнымъ, хотя на самомъ дѣлѣ онъ вовсе не отличается хитростію, а только воемъ, трусостію и обжорствомъ (стр. 335 сл.). Впрочемъ этимъ не устраняется фактъ, что у индѣйцевъ, независимо отъ грековъ, сталъ рано развиваться животный эпосъ (стр. 361 сл.).—Съ индогерманской теоріей Я. Гримма Веберъ не въ состояніи примириться. Онъ полагаетъ, что совпаденія въ сказаніи о Рейнгартѣ съ греческими баснями частью восходятъ къ великому переселенію народовъ, вообще, къ сношеніямъ германцевъ съ Византіею, частью должны быть объяснены непосредственнымъ заимствованіемъ изъ басенъ Эзопа при помощи образованныхъ клериковъ, къ званію которыхъ нерѣдко принадлежали и относящіеся сюда поэты. Менѣе рѣзкое сходство германскихъ разказовъ съ индѣйскими,—при отсутствіи ихъ въ области греческой поэзіи,—должно быть объяснено частью столкновеніемъ съ арабами въ Испаніи, частью непосредственно переводомъ изъ Бидпая, частью, наконецъ, крестовыми походами (стр. 363). Если Я. Гриммъ (Р. Ф. стр. сxcv сл.) и доказалъ, что фабула о Изенгримѣ и Рейнгартѣ пользовалась популярностію уже въ 1112 г., когда сборникъ Бидпая едва ли былъ особенно распространенъ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы въ ней тогда уже заключалось все то, что въ обработкахъ, возникшихъ два-три столѣтія спустя. Кромѣ того, Я. Гриммъ доказываетъ, что левъ чуждъ нѣмецкому эпосу: „Какимъ же образомъ спеціально касающіяся его басни могли принадлежать индогерманской старинѣ? Развѣ тутъ всюду левъ заступилъ мѣсто медвѣдя? И въ тѣхъ [басняхъ],

гдѣ греки и индусы имѣютъ льва?“ Напротивъ, эти басни столь же чужды нѣмецкому животному эпосу, какъ и самъ левъ, привнесенный извнѣ (стр. 364). Въ этомъ убѣждаетъ цѣлый рядъ эпизодовъ изъ цикла „сказаній“ о Рейнгартѣ (стр. 364 сл.), которые при сличеніи съ восточными разказами облачаютъ часто индѣйское происхожденіе. „Производство отъ индогерманской старины, помимо его невѣроятности въ другихъ отношеніяхъ“, достаточно устраняется приведенными доводами (стр. 367).

Хотя возраженія Вебера главнымъ образомъ направлены противъ Вахенера, тѣмъ не менѣе послѣдній все не является первымъ защитникомъ индѣйской теоріи: онъ только первый обратилъ на нее серьезное вниманіе. Однимъ изъ первыхъ, высказывавшихся въ пользу индѣйской теоріи, былъ Луазлёръ Делоншанъ. Онъ посвятилъ свой любопытный трудъ (*Essai sur les fables indiennes et sur leur introduction en Europe par A. Loiseleur Deslongchamps*. Paris 1838. На стр. 6 сл. 38. 45 и др. онъ является приверженцемъ послѣдней теоріи) изученію литературныхъ отношеній между востокомъ и западомъ, но самъ признавалъ необходимость болѣе основательныхъ изслѣдованій для окончательнаго рѣшенія этого вопроса.

Этому требованію постарался удовлетворить Бенфей въ своемъ введеніи къ переводу Панчатантры (*Pantschatantra: Fünf Bücher indischer Fabeln, Märchen und Erzählungen. Aus d. Sanskrit übers. mit Einleitung u. Anmerk. von Theodor Benfey*. I [1859]). Подвергая вопросъ о заимствованіи сказочныхъ сюжетовъ всестороннему разсмотрѣнію, Бенфей пришелъ къ извѣстнымъ выводамъ, которые съ теченіемъ времени онъ долженъ былъ, впрочемъ, подвергнуть нѣкоторымъ видоизмѣненіямъ. Обусловливалось это частію появленіемъ въ свѣтъ новыхъ изслѣдованій, открывавшихъ инныя точки зрѣнія, частію обнародованіемъ неизданныхъ раньше памятниковъ. Дополненія и поправки онъ помѣщалъ преимущественно въ различныхъ рецензіяхъ и въ введеніи къ сирійскому переводу Калилы и Димны (*Kalilag und Damnam. Alte syrische Uebersetzung des ind. Fürstenspiegels. Text u. deutsche Uebers. v. Gustav Bickell. Mit e. Einleitung von Theodor Benfey*. Leipzig 1876).

Бенфей, выступая въ качествѣ посредника между индѣйской теоріей и греческой, склоняется однако болѣе на сторону первой.

Признавая за Панчатантрой въ примитивной ея формѣ буддѣйское происхожденіе (Pantschat. I, xj сл.; особ. 585 слл. Kalilag и. Damnap стр. jx), Бенфей ео ipso признаетъ его за огромнымъ большинствомъ басенъ, сказокъ и повѣстей, входящихъ въ ея составъ (Pantsch. I, xj сл. xjv. 20. 91. 592 и мн. др.). Большинство басенъ проникло съ запада (Pantsch. I, xxj. 95. 120 и др.) и онѣ представляются притомъ болѣе или менѣе видоизмѣненными баснями Эзопа (I, xxj. 210. 382 слл. 425 и др.). Нѣкоторыя басни впрочемъ столь разнообразны, что ясно обличаютъ чисто индѣйское происхожденіе и сложились до появленія басенъ Эзопа въ предѣлахъ Индіи. Отличіе индѣйской басни отъ греческой заключается лишь въ томъ, что въ послѣдней животныя дѣйствуютъ сообразно свойственной имъ природѣ; тогда какъ въ первой они дѣйствуютъ какъ люди, скрывающіеся только подъ маской животныхъ (I, xxj. 324 сл.); послѣднее обстоятельство объясняется частью исключительно дидактическимъ характеромъ индѣйской басни, частью вѣрой въ переселеніе душъ (I, xxj. 327). Наоборотъ, повѣсти и преимущественно сказки чисто индѣйскаго происхожденія; всѣ онѣ отъ исходнаго пункта — Индіи распространились въ огромномъ количествѣ почти по всему міру (I, xxij). Переходъ этотъ совершался уже до X в. п. Р. X. не только при посредствѣ устной передачи (I, xxij. 417. 213), которая преимущественно господствовала среди славянскихъ племенъ (I, xxvj. 401), но и при помощи заимствованій литературнымъ путемъ (е го ж е въ Götting. gelehrte Anzeigen 1860 стр. 874) ⁽¹⁾. Притомъ сказки и повѣсти переходили изъ об-

⁽¹⁾ Мнѣніе свое (въ послѣдней цитатѣ) Бенфей выразилъ слѣдующимъ образомъ: Ihre [indischer Conceptionen] litterarische Ueberleitung beginnt also nicht erst durch die nähere Bekanntschaft der islamitischen Völker mit Indien; schon vorher ist ein—vielleicht selbst reicher—Strom indischer Litteratur nach dem Westen geführt und der geistige Einfluss Indiens auf den Westen bis zu Europas Westgrenzen, welcher schon vor dem 10-ten Jahrhundert bestimmt und deutlich hervortritt, beruht nicht bloss.. auf vereinzelt mündlichen Communicationen, sondern hat ebenfalls eine litterarische Schicht zur Unterlage und zwar eine solche, welche ganz geeignet ist, die Einflüsse indischer Conceptionen auf die christlichen Heiligenlegenden und die Uebertragung einzelner religiöser Gebraüche zu erklären. Измѣненіе взгляда Бенфея обуславливалось от-

ласти литературы въ народъ, затѣмъ обратно въ литературу, чтобъ снова спуститься въ народную среду и т. д. (Pantsch. I, xxvj. 207. 216. 452. 454. 483. 501. 525. 597). Индѣйскіе сборники повѣстей и сказокъ распространялись съ необыкновенной быстротой съ одной стороны мусульманами (I, xxij. xxiv) и отчасти евреями (I, 26. 406), съ другой буддѣйскими монголами (I, xxiv. 24. 116. 161. 370. 497 и мн. др.). Благодаря мусульманамъ индѣйскія произведенія проникали въ предѣлы западной Азіи (I, 442. 480. 508), въ Европу (I, 162. 169. 172 сл. 206 сл. 213 и мн. др.) и не только въ сѣверную Африку (Kalilag стр. vj. Pantsch. I, 265), къ обитателямъ Сенегамбіи (Pantsch. I, 102), къ племенамъ туарегъ (I, 354), борну и др. (его же въ Orient u. Occident II [1864] 167 сл.; ср. его же въ G. G. A. 1871 стр. 2093 сл.), но и на югъ Африки, къ бечуанамъ (Pantsch. I, 182 сл. 354) и готтентотамъ (его же въ G. G. A. 1871 стр. 2093 сл.). Передаточными пунктами при переходѣ восточныхъ сказаній въ Европу были Византія, Италія и Испанія (Pantsch. I, xxij его же въ Ausland 1858 № 41 стр. 974). Въ болѣе раннюю эпоху и въ болѣе обширныхъ размѣрахъ индѣйскія произведенія распространились къ сѣверу и востоку отъ Индіи; на югъ они перешли въ Сіамъ (его же Beiträge zur Gesch. d. Verbreitung d. ind. Samml. v. Fabeln etc. въ Orient u. Occident III [1864] 171 слл. и 479¹). Въ связи съ буддѣйской литературой они, начиная съ I в. по Р. Х., непрерывно проникали въ Китай и Тибетъ, сначала при посредствѣ Китая, а затѣмъ при помощи прямыхъ сношеній съ индусами (Pantsch. I, xxij). Далѣе, выступивъ за предѣлы Тибета, индѣйскія произведенія попадали въ руки монголовъ (I, xxiv. 213. 417. 481 и др.), которые въ теченіи двухсотлѣтняго владычества въ Европѣ были постоянными посредниками между Индіей и восточной Европой (I, xxiv. 116. 213 и др.). Притомъ монголы передавали сказочный матеріалъ главнымъ образомъ славянамъ, именно, русскимъ (I, 393. 509; ср. 401. 425. 483; его же въ Ausland 1859

крытіемъ въ буддѣйской литературѣ прототипа легенды о Варлаамѣ и Іоасафѣ, восходящей къ VII или VIII в. Честь открытія принадлежитъ Либрехту (Felix Liebrecht Die Quellen des «Barlaam und Josaphat» въ Jahrbuch f. roman. u. engl. Liter. II [1860] 314—334 = его же Zur Volkskunde [1879] стр. 441—460).

№ 22 стр. 511),—въ свою очередь сообщавшимъ ихъ литовцамъ (I, 509),—сербамъ (323), чехамъ (491), затѣмъ, помимо славянъ, киргизамъ (II, 545). Такой переходъ восточныхъ произведеній на западъ непреложенъ, и только частные случаи не могутъ быть закрѣплены за этимъ общимъ правиломъ съ той же убѣдительностью за недостаткомъ данныхъ (I, 25).

Въ такой формѣ выразилось, по мнѣнію Бенфея, взаимодѣйствіе Востока и Запада въ области сказокъ и повѣстей.

Историческій взглядъ Бенфея относительно литературнаго вліянія Востока, взглядъ, щедро подкрѣпляемый всѣми данными, являлся прямо противоположнымъ мифологической гипотезѣ Я. Гримма и не преминулъ обратить на себя вниманіе ученыхъ. Одни отнеслись къ его теоріи враждебно, хотя и не могли не поступиться значительной долей своихъ воззрѣній, другіе—сочувственно. Къ числу послѣднихъ слѣдуетъ отнести и Келлера (*Untersuchungen über die Geschichte der griechischen Fabel von Dr. Otto Keller*, въ *Jahrbücher für class. Philol.* 4. Supplementband [1862] стр. 309 сл.).

Воззрѣнія Келлера, въ строгомъ смыслѣ, не могутъ претендовать на оригинальность: всѣ они высказывались уже другими учеными. Указать на нѣкоторые его взгляды необходимо однако потому, что онъ первый развилъ ихъ съ большей подробностію, указывалъ на нихъ болѣе настойчиво, снабдилъ возможно значительнымъ числомъ доводовъ и даже возвелъ въ принципы.

Келлеръ считаетъ родину басни, какъ утверждалъ уже Гервинусъ,—Индію и доказываетъ это мнѣніе на основаніи „принципа естественности“ (*das Princip der Naivetät*). Чѣмъ естественнѣе и болѣе соотвѣтственно природѣ изображается характеръ животныхъ и отношенія ихъ къ человѣку, тѣмъ примитивнѣе должна быть баснь и тѣмъ легче выдѣлить ее изъ ряда неудачныхъ версій. Опираясь на этотъ принципъ, Келлеръ приходитъ къ заключенію, что основные сюжеты эзоповыхъ басенъ проникли въ Грецію изъ Индіи задолго до Бабрія, тогда какъ уже послѣ Р. Х. нѣкоторые апологи прослѣдовали по тому же пути изъ Греціи въ Индію (стр. 335). Выводъ этотъ подтверждается именно „принципомъ естественности“, свидѣтельствующимъ въ

пользу вѣрности изображенія въ греческихъ басняхъ характера животныхъ, если разсматривать послѣднихъ какъ обитателей Индіи. Все это примѣнимо и по отношенію къ „сказкамъ о животныхъ“ (Märchenfabeln, стр. 337). Примѣромъ можетъ служить главный представитель индѣйскаго животнаго эпоса—шакаль и его отношеніе ко льву. Служебное отношеніе шакала ко льву, изображаемое въ сказкахъ о животныхъ, оправдывается дѣйствительностью. Шакаль, точно слуга, является постояннымъ спутникомъ льва и слѣдуетъ за нимъ въ почтительномъ отдаленіи въ надеждѣ полакомиться остатками его обѣда. Хриплаго лая шакала достаточно для заключенія о присутствіи льва или для опредѣленія пути, по которому онъ слѣдуетъ. Эти отношенія были вѣрно подмѣчены индусами и выражены въ рядѣ сказокъ, въ которыхъ левъ, рано уже признаваемый въ Индіи царемъ звѣрей, получалъ въ совѣтники или министры шакала; притомъ слабый, но хитрый шакаль одерживаетъ верхъ надъ сильнымъ, но ограниченнымъ львомъ. „Поэтому для меня не подлежитъ никакому сомнѣнію, что древнія эзоповы басни о лисѣ, слѣдовательно, зерно всей нашей басенной литературы, происходятъ изъ первоначальныхъ санскритскихъ сказокъ о животныхъ“ (стр. 338). Перенесеніе же роли шакала на лису объясняется незнаніемъ дѣйствительныхъ отношеній шакала ко льву, вслѣдствіе чего послѣдовала замѣна шакала лисой, пользовавшейся репутаціей самаго хитраго животнаго уже въ старину (стр. 338); этой замѣнѣ могла способствовать и идентичность названія лисы (*ἄλσιπης*) и прозвища шакала (*lôpâsa*, d. h. Aasfresser, стр. 339). На основаніи того же принципа извѣстная басня о лисѣ, пожирающей сердце оленя и оправдывающейся передъ львомъ тѣмъ, что у оленя не было сердца (Halm № 243), въ пересказѣ Бабрія (№ 95) представляетъ больше древнихъ чертъ; она болѣе приближается къ предполагаемому индѣйскому оригиналу, чѣмъ въ пересказѣ Панчатантры (Pantschat. II, 295 сл.); но только при помощи обѣихъ версій возможно возстановленіе этой предполагаемой древнеиндѣйской примитивной формы (стр. 340 сл.). Сказка объ ищѣленіи льва шкурой, содранной съ живаго волка (Halm № 255; въ переводѣ Мартынова № 72), какъ и цѣлый рядъ другихъ басенъ и сказокъ о животныхъ на основаніи принципа естественности оказываются индѣй-

скаго происхожденія (стр. 342 сл.). Все въ виду того же приѣма приходится непремѣнно вывести заключеніе, что царемъ звѣрей искони могъ быть только левъ, а не неуклюжій медвѣдь, не только не производящій впечатлѣнія царя, но и не находящійся въ какихъ бы то ни было отношеніяхъ къ лисѣ, какъ это замѣчается по отношенію шакала ко льву (стр. 323). Признавать эзоповы басни за „осколки первобытной животной саги“ можно только въ томъ смыслѣ, что слѣдуетъ допустить, что „въ весьма раннюю пору на индѣйской почвѣ образовались болѣе значительныя связныя животныя сказки, отрывки которыхъ сохранились еще въ нѣкоторыхъ басняхъ Эзопа“ (стр. 323; ср. 313 сл.). Эти первобытныя сказки основываются на „поэтическомъ созерцаніи естественныхъ явленій“ (стр. 313). Сначала онѣ являлись ничѣмъ инымъ, какъ эпической группировкой сценъ изъ міра животныхъ, разительныя аналогіи которыхъ (т. е. сценъ) съ бытомъ людей еще значительно приукрашены фантастическимъ колоритомъ. Сказки эти не исключаютъ впрочемъ нѣкоторой доли дидактизма, который съ теченіемъ времени беретъ перевѣсъ надъ ея наивнымъ элементомъ; сказка разрастается тогда въ обширный восточный романъ, становясь рамкой для морализацій, или она разбивается,—вслѣдствіе устной передачи или продолжительности странствованія,—на такія мелкія части, что удерживается только отдѣльный моментъ дѣйствія, обыкновенно уже въ сопровожденіи правоученія, словомъ, возникаетъ б а с н я (стр. 314).

Таковъ принципъ, развитый Келлеромъ и прилагаемый имъ къ опредѣленію первобытности отдѣльных эпизодовъ изъ области животнаго эпоса.

На вопросъ о происхожденіи средневѣковаго животнаго эпоса рѣшительнѣе многихъ отвѣтилъ Полэнъ Парі. Онъ изложилъ свои взгляды въ небольшомъ изслѣдованіи (*Nouvelle étude sur le roman de Renart*), составлявшемъ академическое чтеніе въ 1860 г. и присоединенномъ имъ впослѣдствіи къ сдѣланному имъ прозаическому переводу (вѣрнѣе—передѣлкѣ) избранныхъ мѣстъ и вѣтвей романа о Ренарѣ. Въ этомъ видѣ книга носитъ заглавіе: *Les aventures de maître Renart et d'Ysengrin son compère... suivies de nouvelles recherches sur le roman de Renart par A. Paulin Paris. Paris 1861.*

Отмѣтивъ фактъ преобладающаго значенія латыни въ средневѣковой Европѣ, Полэнъ Парі указываетъ на вторженіе классической басни въ тогдашнія школы, гдѣ она подвергалась различнымъ видоизмѣненіямъ вслѣдствіе разнообразныхъ передѣлокъ въ прозѣ и въ стихахъ; вслѣдствіе тѣхъ или другихъ дополненій, присоединенія правоученій и т. п. (стр. 324 сл.). За сочиненіе басенъ и рассказовъ о подвигахъ волка и лисы принялись духовныя лица (стр. 326); но постепенно изъ тѣснаго кружка школы сюжеты эти переходятъ въ руки труверовъ, которые вводятъ ихъ въ предѣлы народной поэзіи (стр. 327). Басни Эзопа, сдѣлавшіяся первымъ источникомъ, изъ котораго черпали труверы, (стр. 346), и различные рассказы, возникавшіе въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ, составили собственно романъ о Ренарѣ (стр. 327), а новыя подражанія рядъ новыхъ вѣтвей (стр. 355). Только вражда и война Ренара съ Изенгримомъ не обязаны своимъ происхожденіемъ античному міру (стр. 328), а составляютъ достояніе среднихъ вѣковъ (стр. 329), составляютъ измышленіе какого нибудь латинскаго версификатора первой половины XII в., по происхожденію, повидимому, французу (стр. 330). „Во второй [же] трети XII в. какой-то труверъ произвелъ родъ революціи въ [области] народной французской легенды о Ренарѣ, обработавъ впервые сюжетъ великой войны, возникшей между лисой или Ренаромъ и волкомъ или Изенгримомъ“ (стр. 346). Иностраннымъ подражателямъ романа была знакома только обширная вѣтвь о с у д ѣ (le Jugement, стр. 356; ср. 360). За собственными именами главныхъ героевъ можно, пожалуй, признать довольно древнее и притомъ франкское происхожденіе, но весьма сомнительно, чтобъ имя Р е н а р ѣ было избрано только потому, что на древне-нѣмецкомъ оно означало с о в ѣ т н и к ѣ, а И з е н г р и м ѣ потому, что почти отвѣчало значенію ж е л ѣ з н ы й з а п о р ѣ (barre de fer) (стр. 348).

Любопытно, что почти одновременно съ П. Парі, независимо отъ него, къ подобнымъ же выводамъ относительно нѣкоторыхъ вопросовъ пришелъ Потвэнъ въ своемъ введеніи къ сдѣланному имъ переводу одной изъ браншъ романа о Ренарѣ (Le roman du Renard mis en vers... précédé d'une introduction et d'une bibliographie par Ch. Potvin. Paris, Bruxelles 1861).

Признавая за животнымъ эпосомъ восточное происхождение (стр. 44), Потвэнъ указываетъ на распространенность т. наз. ф и з і о л о г о в ъ, б е с т і а р і е в ъ и т. п. въ средніе вв.,—возникшихъ на основаніи зоологическихъ свѣдѣній, помѣщенныхъ у Аристотеля и встрѣчавшихся въ библии (стр. 46 слл.),—и на необыкновенную популярность басенъ Эзопа, которому безъ разбора приписывали самые разнообразные сборники басенъ (стр. 50). Къ латинскимъ баснямъ стали примѣшиваться сказки изъ восточныхъ сборниковъ и евангельскія морализаціи; поэмы изъ цикла о Ренарѣ возникли на основаніи латинскихъ басенъ: въ первыхъ встрѣчаются не только цѣлые эпизоды, но и главныя идеи этихъ басенъ (стр. 51 слл.). Рядъ вѣтвей изъ цикла о Ренарѣ, составленныхъ позднѣйшими труверами оказывается только подражаніемъ или развитіемъ немногихъ основныхъ сюжетовъ (именно, трехъ: *Изенгримусъ*, поэма *Пьера де Сэнъ-Клу* и *собраніе при дворѣ*; стр. 51) съ присоединеніемъ заимствованій изъ Эзопа и Бидная (стр. 53)

Взгляды Потвэна и особенно П. Парі въскорѣ подверглись критикѣ со стороны *Іонкблута* (*Étude sur le roman de Renart par. W. J. A. Jonckbloet. Groningue, Leipzig, Paris. 1863*). *Іонкблутъ* опровергаетъ Потвэна (стр. 22. 26) и П. Парі (стр. 23 слл. 28 слл. 36 слл. и др.) съ точки зрѣнія мифологической гипотезы, слѣдовательно, въ безусловной зависимости отъ взглядовъ Я. Гримма, поэтому къ его воззрѣніямъ могутъ быть отнесены тѣ же критическія замѣчанія, какія были и будутъ сдѣланы по отношенію къ теоріи послѣдняго.

На оригинальность могутъ претендовать только тѣ взгляды, которые *Іонкблутъ* высказалъ относительно предполагаемаго автора извѣстныхъ браншъ романа о Ренарѣ и эпохи, устанавливаемой за нимъ. Съ этими выводами придется познакомиться ниже.

Не менѣе ревностнымъ защитникомъ теоріи Я. Гримма, чѣмъ *Іонкблутъ*, является В. Вакарнагель. Онъ старается дополнить взгляды Гримма частью болѣе обстоятельнымъ развитіемъ ихъ, частью новымъ подборомъ данныхъ. Слѣдуя этимъ путемъ, Вакарнагель дѣйствуетъ осторожнѣе *Іонкблута*. Онъ даже рѣшается дѣлать извѣстныя уступки въ пользу мнѣній противнаго лагеря. Уступки эти такого свойства, что не могутъ быть отнесены къ

средствамъ, упрочивающимъ основы индогерманской теоріи. Въ его изслѣдованіи (Wilhelm Wackernagel Von der Thiersage u. d. Dichtungen a. d. Thiersage, въ Kleinere Schriften II [1873] 234—326 [статья написана въ 1867 г.]) любопытенъ взглядъ по вопросу о причинахъ, обусловливавшихъ развитіе и процвѣтаніе животнаго эпоса среди франковъ, и замѣчанія по поводу собственнаго имени Рейнгарта.

Относительно перваго вопроса Вакернагель основывается на доводахъ Л. Рота (L. Roth Die mittelalterlichen sammlungen latein. thierfabeln въ Schneidewins Philologus I [1846] 523—546, особ. 523 и 544), который доказывалъ, что въ самую раннюю пору (IV—IX вв.) средне-вѣковыя басни Эзопа непрерывно проникали на западъ и процвѣтали преимущественно „въ странѣ, гдѣ возникъ животный эпосъ“, гдѣ его „старательно лелѣяли“ и гдѣ онъ получалъ дальнѣйшее развитіе.

Исходя изъ этого положенія, Вакернагель объясняетъ себѣ любовь этой мѣстности (т. е. Галліи, resp. Фландріи) къ басни тѣмъ, что принесенная франками на галло-римскую почву „животная сага возобновила и возвысила значеніе“ басни и, наоборотъ, классическія римскія басни подняли значеніе „варварской животной саги“ (Klein. Schriften II, 255). Притомъ баснь, какъ болѣе древняя въ литературномъ отношеніи, какъ болѣе развитый продуктъ, должна была вліять на сюжетъ и форму „животной саги“, въ которую не замедлили проникнуть также извѣстныя черты изъ басни (стр. 255. 271. 282. 299. 302. 304 сл.). Последнимъ обстоятельствомъ объясняется отчасти ослабленіе своеобразныхъ чертъ „саги“ и то, что франки выучились при случаѣ примѣнять къ ней дидактическій элементъ (стр. 255). Впрочемъ, дидактизмъ развивался не только подъ вліяніемъ Эзопа, но и подъ вліяніемъ назидательнаго сборника повѣстей (Disciplina clericalis) Петра Альфонса (стр. 271) и bestiаріевъ (стр. 272).—Далѣе, онъ считаетъ невозможнымъ, чтобы французу, да еще XII в., было извѣстно происхожденіе слова Renart отъ Raginhard, совѣтникъ, т. е. чтобы ему было извѣстно дѣйствительное значеніе этого имени. Въ романѣ о Ренарѣ оно понимается очевидно уже въ нарицательномъ смыслѣ, и поэтому извѣстные стихи (Ren. v. 15876): Si ai maint bon conseil doné, — Par mon droit non ai non Renart (т. е. я много давалъ хорошихъ

совѣтовъ; моимъ настоящимъ именемъ мнѣ имя Ренаръ), могутъ быть поняты только въ смыслѣ: „я по справедливости называюсь лисою“. И помимо того, чтобъ ее называли вслѣдствіе этого Raginhard, лиса являлась животнымъ, которое всегда умѣла себя выручать изъ бѣды, была хитра на выдумки, т. е. „совѣтъ“. „Я слышалъ однажды наивное замѣчаніе, что свиньи по справедливости называются свиньями, потому что онѣ такъ нечистоплотны; точно также вправѣ сказать лиса: меня по справедливости называютъ лисою, потому что я такъ хитра“ (стр. 259).—Относительно пословицъ, заимствуемыхъ изъ міра животныхъ, Вакернагель замѣчаетъ, что многія пословицы похожи на „животныя саги, которыя сведены только къ возможно большей степени краткости“, и, наоборотъ,—часто онѣ цѣликомъ заимствованы изъ области „животной саги“ (стр. 308).

Если въ статьѣ Вакернагеля высказывается еще стремленіе примирить противоположные взгляды, то въ послѣдующихъ трудахъ извѣстныхъ ученыхъ замѣчается почти исключительно отрицательное направленіе по отношенію къ основнымъ положеніямъ Я. Гримма.

Краткую замѣтку Мюлленгоффа (K. M[üllenhoff]. Ueber Reinhart Fuchs въ Zeitschr. f. deutsch. Alterthum XVIII [N. F. VI. 1874] 1—9) принимающаго оппозиціонное положеніе по отношенію къ Я. Гримму, можно бы обойти молчаніемъ, такъ какъ въ ней не высказывается ни одной новой мысли. Если тѣмъ не менѣе мы упоминаемъ о ней, то только потому, что самъ авторъ не считаетъ ее, какъ слѣдовало бы ожидать, краткимъ résumé, составленнымъ на основаніи трудовъ его предшественниковъ, а придаетъ ей значеніе открытія. На самомъ дѣлѣ результаты этой замѣтки разсѣяны въ выше изложенныхъ мнѣніяхъ. Впрочемъ, при случаѣ будетъ указано на тѣ взгляды, къ которымъ присоединяется Мюлленгоффъ.

Совершенно противоположное впечатлѣніе производятъ статьи Мейснера (A. L. Meissner Die bildlichen Darstellungen des Reineke Fuchs im Mittelalter въ Archiv f. d. Studium d. neuer. Sprachen u. Literaturen LVI [1876] 265—280. LVIII [1877] 241 — 260. LXV [1881] 199—232). Правда, онъ немного высказываетъ оригинальныхъ взглядовъ; статья его не столько привлекательна по новизнѣ выводовъ, сколько по матеріалу, изъ котораго можно сдѣлать

извѣстные выводы. Строго говоря, только взглядъ Мейснера на значеніе сатирическаго элемента въ предѣлахъ животнаго эпоса, взглядъ, съ которымъ придется познакомиться впослѣдствіи, болѣе или менѣе можетъ считаться независимымъ: существенныя возраженія падаютъ на долю его предшественниковъ. Тѣмъ не менѣе замѣчанія Мейснера, высказываемыя категорически, весьма любопытны.

Интересъ, возбуждаемый его статьями, объясняется тѣмъ, что Мейснеръ подходитъ къ вопросу съ другой стороны. Онъ принялся за изученіе памятниковъ искусства, сюжетъ которыхъ не выступаетъ за предѣлы животнаго эпоса. Вытекавшіе изъ этого изученія выводы являлись подтвержденіемъ взглядовъ его предшественниковъ, съ трудами которыхъ Мейснеръ познакомился повидимому уже по выходѣ въ свѣтъ первыхъ двухъ статей. Покрайней мѣрѣ послѣднія не отличаются столь рѣшительнымъ тономъ, имѣютъ въ виду рѣшеніе только одного вопроса и, кромѣ того, заключаютъ въ себѣ одно выраженіе (Thiersage, LVI, 265. 280. LVIII, 253), противъ неумѣстнаго и неправильнаго употребленія котораго сильно вооружается Мейснеръ въ третьей статьѣ.

Такъ какъ Мейснеръ приводитъ нѣсколько новыхъ соображеній въ опроверженіе сильно потрясенной уже въ своихъ основахъ мифологической гипотезы, то не лишнимъ будетъ остановиться на нихъ вкратцѣ.

Подобно Герцбергу, Мейснеръ прежде всего вооружается противъ созданнаго Я. Гриммомъ выраженія „животная сага“. „Животная сага никогда не существовала и не могла существовать“ (LXV, 200). Первые фабулисты вовсе не были пастухами, крестьянами или охотниками. Если бы на основаніи сближеній міра животныхъ съ человекомъ развивался животный эпосъ, то нынѣшніе ирландскіе крестьяне и погонщики муловъ въ Испаніи должны бы быть замѣчательными поэтами въ этой области. Вся фабулистическая поэзія отличается созерцательнымъ характеромъ, является искусственнымъ продуктомъ и составляла достояніе школы. Если признавать за именемъ Рейнгартъ германское происхожденіе и допускать существованіе національной саги, то совершенно непонятно ея безслѣдное исчезновеніе; еще страннѣе ея позднее появленіе, въ эпоху реформаціи, и то въ переводѣ съ французскаго (въ ук. м.).

О дѣйствительномъ значеніи имени Рейнгартъ никто не подозревалъ до его открытія въ извѣстномъ стихѣ: *Si ai maint bon conseil doné,—Par mon droit non ai non Renart* (см. выше стр. 19). Допустивъ, что французскій клерикъ зналъ филологически правильную этимологию этого слова, необходимо предположить, что она досталась ему путемъ „ученой традиціи“, т. е. изъ монастырскихъ школъ Франціи. Вздумаи онъ прибѣгнуть къ самостоятельному словопроизводству,—онъ непремѣнно обратился бы къ помощи латыни; изъ Германіи онъ не могъ заимствовать значенія этого имени, такъ какъ тамъ оно не было извѣстно. Слѣдовательно, нѣтъ ничего удивительнаго, что монахъ, сочинявшій для своихъ учениковъ басни, называлъ лису чужимъ именемъ, которое въ послѣдствіи объяснялось устно и по традиціи удерживалось въ монастырскихъ школахъ. Во Франціи животный эпосъ пользовался необыкновенной популярностью, тогда какъ нѣмецкіе памятники ограничиваются переводами съ французскаго или латинскаго (LXV, 201). Вообще въ Германіи животный эпосъ не былъ популяренъ, какъ можно судить по рѣдко встрѣчающимся изображеніямъ отдѣльных эпизодовъ изъ цикла рассказовъ о Рейнгартѣ въ церквахъ, причемъ попадаются только нѣкоторыя версіи, но всѣ онѣ обличаютъ не нѣмецкое происхожденіе (LXV, 223 сл.). Т. образомъ, средневѣковой эпосъ о Рейнгартѣ развился на основаніи латинскихъ басенъ, служившихъ цѣлямъ школьнаго обученія. Къ существовавшимъ баснямъ присочинялись новыя, а когда одновременно къ нимъ присоединились бестіаріи или фیزیологи, то изъ этого соединенія въ монастыряхъ бенедиктинцевъ постепенно развилась исторія о Рейнгартѣ (LXV, 206. 209. 214). Въ реформаціонную же эпоху приключенія Рейнеке „перестаютъ быть монастырской исторіей“ (LXV, 216), исчезаютъ (стр. 222).

Къ такимъ заключеніямъ Мейснера привело главнымъ образомъ изученіе памятниковъ искусства.

Этимъ ограничиваются существенныя мнѣнія по изложеннымъ выше спорнымъ вопросамъ въ области животнаго эпоса. Только перечисленныя теоріи дѣйствительно заслуживаютъ вниманія и критической оцѣнки; цѣлый же рядъ гипотезъ приписывавшихъ животному эпосу, специально басни, то арабское, то еврейское, то египетское происхожденіе,—окончательно опровергнуты различными учеными и можетъ

считаться сданнымъ въ архивъ. Изложены эти гипотезы вкратцѣ у Келлера (ук. соч. стр. 324 слл.).

Въ виду опроверженій, которымъ подверглись основныя положенія мифологической или индогерманской теоріи можно ограничиться дополнительными замѣчаніями.

Противъ гипотезы объ индогерманской старинѣ и до-историческомъ родствѣ арійскихъ племенъ, гипотезы, при помощи которой Я. Гриммъ объясняетъ себѣ сходство нѣмецкаго, греческаго и индѣйскаго животнаго эпоса, высказался также Мюлленгоффъ (Z. f. D. A. VI, 1). Онъ не находитъ никакихъ слѣдовъ „животной саги“ ни въ Германіи, ни въ Англіи, ни на сѣверѣ и поэтому считаетъ существованіе ея невысказаннымъ. Такимъ образомъ, индогерманская гипотеза оказывается несостоятельной, если взвѣсить всѣ доводы *pro et contra*.

Хотя съ опроверженіемъ главныхъ положеній рушатся и частныя, тѣмъ не менѣе приходится обратиться и къ разсмотрѣнію послѣднихъ, такъ какъ имъ нерѣдко придается весьма важное значеніе.

Подтвержденіемъ своей гипотезы Я. Гриммъ считалъ и то обстоятельство, что „нѣмецкая животная сага“ не выходила за тѣсныя предѣлы Фландріи и не проникла ни къ германскимъ племенемъ на сѣверѣ, ни къ романскимъ на югѣ, ни къ славянамъ.

Достаточно вопроса о родинѣ „животной саги“, чтобъ возбудить сомнѣніе относительно ея германскаго происхожденія. Еслибъ она составляла достояніе германцевъ, она должна бы встрѣчаться и у другихъ германскихъ племенъ. На самомъ дѣлѣ этого не замѣчается, и если можно указать на Англію, въ которой рассказы изъ области животнаго эпоса пользовались повидимому громадной популярностью, то подобное заявленіе вовсе не говоритъ въ пользу теоріи Я. Гримма. О популярности животнаго эпоса въ Англіи необходимо заключить по любопытному матеріалу, собранному Мейснеромъ. Свидѣтельство же это такого свойства, что далеко не подтверждаетъ взгляда о германскомъ происхожденіи, а напротивъ указываетъ на развитіе средневѣковаго животнаго эпоса изъ классической басни съ

извѣстной примѣсью другихъ элементовъ, притомъ на развитіе его въ монастырскихъ стѣнахъ. Судя по даннымъ у Мейснера, можно заключить, что животный эпосъ въ Германіи почти не былъ извѣстенъ, какъ можно судить по отсутствію изображеній на церковныхъ стѣнахъ, окнахъ и различныхъ церковныхъ принадлежностяхъ. Притомъ особаго вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что въ церквахъ Германіи исторія Рейнгарта и Изенгрима вовсе не извѣстна. Тѣ немногіе сюжеты, которые проникли въ Германію, непосредственно заимствованы изъ басенъ Эзопа, а не изъ литературныхъ обработокъ исторіи о Рейнгартѣ. Нельзя также обойти молчаніемъ тотъ фактъ, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ Германіи встрѣчается намекъ на эту исторію, непременно оказывается мѣстность, которая такъ близко граничитъ съ Франціей, что не требуется большаго напряженія ума, чтобы догадаться о причинахъ этого явленія. Такъ, 1) приглашеніе лисы въ судъ медвѣдемъ, 2) поимка медвѣдя въ расклиненномъ деревѣ, 3) котъ въ домѣ священника, 4) жилище лисы (Malepartus), 5) пляска волка и медвѣдя—встрѣчаются въ числѣ гротесковъ собора въ Бристоль (Meissner въ ук. м. LVI, 279 сл.). Далѣе, рѣзьба, изображающая лису на возу съ рыбой, находится въ соборѣ въ Беверли (тамъ-же LVIII, 249; ср. LXV, 215 № 3, гдѣ указывается варіантъ); лиса, прикинувшаяся мертвой, встрѣчается во Франціи (Ла Фауэ) и въ Испаніи (Таррагона) (LXV, 209. 214; казнь лисы чрезъ повѣшеніе, причемъ палачами являются гуси, попадаетъ на барельефахъ въ Англіи (Кентербѣри, Бристоль, Беверли), Испаніи (Овiedo) и одинъ барельефъ въ Германіи (Бранденбургъ) (LVI, 278. 279 [bis]. LVIII, 248. LXV, 216 [= LVI, 276]. 226); смерть лисы, отпѣваніе, погребальная процессія и т. д. изображены во Франціи (Буржъ), въ Испаніи (Овiedo) и въ Германіи (Маріенгафе [?] и Страсбургъ) (LVI, 274. 276 [= LXV, 216]. 269 LXV, 224). Этимъ ограничиваются главнѣйшія сцены изъ обработокъ о Рейнгартѣ. Не касаясь множества постороннихъ эпизодовъ изъ области животнаго эпоса вообще, свидѣтельствующихъ своимъ перевѣсомъ опять таки въ пользу Англіи, Франціи и Испаніи,—и приведенныхъ примѣровъ достаточно для разрушенія иллюзіи о „нѣмецкой животной сагѣ“.

Сообщенныя данныя служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ опроверженіемъ взгляда Я. Г р и м м а будто средневѣковой животный эпосъ оставался въ тѣсныхъ предѣлахъ Фландріи, окруженный точно китайской стѣной. Между тѣмъ, ниже представится случай убѣдиться, что отрывки его проникали и къ славянамъ. Памятники искусства доказываютъ, что онъ существовалъ и въ Англіи и въ Испаніи, только не подъ видомъ (псевдо-) нѣмецкаго, а, вѣроятно, подъ какимъ нибудь болѣе нормальнымъ названіемъ. Наконецъ, проникновеніе его въ Италію доказано отрывкомъ, изданнымъ проф. Э. Те ц о й (Rainardo e Lesengrino, per cura di E. Teza. Pisa 1869), который приводитъ (стр. 5¹) мнѣнія Я. Гримма, Форіэля и дю-Мерилля, отрицавшихъ мысль о возможности проникновенія отрывковъ романа о Ренарѣ въ Италію. Въ данный моментъ возможно, пожалуй, утверждать, что романъ о Ренарѣ пользовался въ Италіи нѣкоторой извѣстностью. Покрайней мѣрѣ Р. П у т е л л и „открылъ въ архіепископской библіотекѣ въ Удине рукопись XIV в., содержащую Ренара въ редакціи, отличающейся отъ обнародованной проф. Тецой“. Такъ свидѣтельствуется Б а р т о л и (Storia della letteratura italiana di Adolfo Bartoli. II [1878] 387). Теперь редакция эта издана П у т е л л и подъ заглавіемъ: Un nuovo testo veneto del Renard въ Giornale di filologia Romanza № 5 Luglio 1879, какъ значитъ въ Literaturblatt f. german. u. roman. Philologie 1880 № 12 стлб. 468; само изданіе, къ сожалѣнію, осталось для насъ пока недоступнымъ.

Едва ли нужно долго останавливаться на чертѣ о к у м о в с т в ѣ, тоже служащей одной изъ подпоръ теоріи Я. Гримма. Если бы уже въ то время, когда Я. Гриммъ писалъ свой любопытный „филологическій романъ“, были извѣстны тѣ сборники сказокъ, въ числѣ которыхъ встрѣчается и много сказокъ о животныхъ, гдѣ кумовство обыкновенное явленіе,—то онъ, конечно, не сталъ бы приписывать эту черту исключительно „нѣмецкому“ эпосу.

Г е р в и н у с ъ (ук. соч. I, 216), а за нимъ В а к е р н а г е л ь (ук. соч. II, 248) признаютъ за волкомъ роль главнаго героя животнаго эпоса, тогда какъ Я. Гриммъ отдавалъ предпочтеніе лисѣ. Достаточно этого оспариванія, сопровождаемаго извѣстными доводами, чтобъ покрайней мѣрѣ усумниться въ непреложности заключенія Я. Гримма.

На самомъ дѣлѣ на первыхъ порахъ всѣ животныя пользуются въ эпосѣ одинаковыми правами и нерѣдко самыя ничтожныя изъ нихъ выступаютъ главными героями; частая же замѣна лисы и волка другими животными довольно ясно свидѣтельствуетъ о непрочности ихъ положенія въ качествѣ протагонистовъ.

Излишне присоединять, что черта о враждѣ волка и лисы не можетъ вовсе считаться доказательствомъ ни въ пользу германизма животнаго эпоса, ни въ пользу любой другой національности. Притомъ отвѣтъ на этотъ вопросъ обуславливается рѣшеніемъ другихъ вопросовъ.

Несостоятельность доводовъ Я. Гримма относительно принадлежности въ германскомъ эпосѣ царской власти медвѣдю доказана Келлеромъ (ук. соч. 323) и затѣмъ Мюллергоффомъ (въ ук. м. VI, 2 сл.). Помимо неуклюжести и непредставительности медвѣдя, Келлеръ, съ точки зрѣнія принципа естественности, указалъ на отсутствіе какихъ бы то ни было отношеній лисы къ медвѣдю въ дѣйствительности, въ природѣ, чѣмъ можно было бы оправдать роль лисы въ эпосѣ въ качествѣ совѣтника, министра льва и т. п. Кромѣ того весьма важнымъ опроверженіемъ является свидѣтельство Фредегара о лисѣ, заманившей оленя въ пещеру больного льва и похитившей сердце растерзанной жертвы, свидѣтельство, приводимое Я. Гриммомъ (R. F. стр. xlviii) въ доказательство существованія „нѣмецкой животной саги“ уже въ VII в. Но именно въ этомъ древнѣйшемъ свидѣтельствѣ въ качествѣ царя звѣрей фигурируетъ не медвѣдь, а левъ. Во всякомъ случаѣ какъ рассказъ Фредегара, такъ и рассказы въ двухъ другихъ памятникахъ (J. Grimm R. F. стр. xlix слл.), развивающіе ту же тему, вовсе не могутъ быть рассматриваемы какъ чисто народное сказаніе, такъ какъ приводятся въ связь съ римско-византійской исторіей и сообщаются въ видѣ притчъ. Слѣдовательно, воздвигать по этимъ преданіямъ и рассказамъ клериковъ теорію о царской власти медвѣдя и германизмъ животнаго эпоса — нѣтъ ни малѣйшаго основанія (ср. Hertzb erg ук. соч. стр. 156. Keller въ ук. м. Müllerhoff въ ук. м.).

Допустивъ, что имена Reinhart и Isengrîm дѣйствительно германскаго происхожденія, нельзя однако не замѣтить, какую разнообразную массу толкованій допускаютъ эти име-

на, сколько произвольныхъ значеній можно имъ приписать. Достаточно обратиться къ Люббену (August Lüb-
ben Die Thiernamen im Reineke Vos [Progr.]. Olden-
burg [1863]. Стр. 5 слл.). Въ данномъ случаѣ вполне при-
мѣнимо замѣчаніе А. И. Кирпичникова (Поэмы лом-
бардскаго цикла [1873] стр. 149): „Какъ ни тверды сами
по себѣ лингвистическія данныя, но собственные имена эпо-
са, на которыхъ часто основываются и миѳическія и исто-
рическія толкованія, представляютъ донельзя зыбкую почву“. Обыкновенно принимаютъ для имени Reinhart (Reginhard)
значеніе совѣтникъ (rathskräftig, т. е. хитрый), а
для имени Isengrîm (Isangrîm) — желѣзный шлемъ,
желѣзная маска, въ смыслѣ грозный (ср. Lüb-
ben ук. соч. стр. 15. Schade Aldt. Wörterbuch² s. v.
Reinhart. J. Grimm R. F. стр. ccxi слл. Егго-же Deutsche
Mythol. I⁴ [1875] 197. Отноительно устройства масокъ
Мюлленгоффа въ ук. м. VI, 7 ссылается на Engelhard
Thorsbjerg mosefund. Kjøbenhavn 1863 и E. Hübner въ Bonner
jahrb. 1873 стр. 171). Но уступка въ пользу германскаго
происхожденія именъ не означаетъ еще торжества теоріи.
Мюлленгоффа (въ ук. м. VI, 6 сл.) обратилъ уже вниманіе
на то, что въ латинской поэмѣ Isengrimus имя лисы употреб-
ляется въ неправильной формѣ Renardus и что волкъ, изо-
бражается грубымъ, невѣжественнымъ нѣмцемъ, незнающимъ
ни французскаго, ни итальянскаго языковъ, тогда какъ
остальные звѣри представлены утонченными французами (J.
Grimm R. F. стр. lxxv. lxxviii слл.). Это, понятно, ясно доказы-
ваетъ, изъ чьихъ рукъ почерпалъ авторъ. Значенія имени Рейн-
гартъ французы уже не понимали и, слѣдовательно, извѣстнымъ
стихамъ изъ Ренара (см. выше стр. 19) можно придавать только
толкованіе Вакернагеля, или почти такое же толкованіе его
предшественника Люббена (ук. соч. стр. 17). Имя Renart, по-
добно древнему заимствованію имени медвѣдя Brun (Diez
Wörterb. d. roman. Spr. I³ s. v. bruno), могло казаться про-
изводнымъ словомъ, которое, утративъ первоначальный
смыслъ, — причемъ вторая его часть (hard), какъ во фран-
цузскомъ (—ard), такъ и въ средне-нидерландскомъ (—aert),
успѣла вскорѣ получить значеніе уничижительнаго или бран-
наго суффикса, употреблявшагося при образованіи нари-
цательныхъ именъ (J. Grimm Deutsche Gramm. II² [1878]
332 сл.; ср. Lübben ук. соч. 17 сл. Müllenhoff въ

ук. м. VI, 8),—стало примѣняться въ значеніи хитреца, лукавца съ бессознательнымъ намекомъ на первую часть слова (готское *gaip*—совѣтъ). Тоже слѣдуетъ замѣтить относительно имени *Isengrim*. Рядъ искаженій послѣдняго въ родѣ *Aengris*, *Alengri*, *Sengrin* и т. п. (*J. Grimm R. F.* стр. сс слл.) доказываетъ, что во Франціи имя это представлялось не менѣе дикимъ, чѣмъ, напр., въ Италіи, гдѣ оно вслѣдствіе темнаго смысла слилось даже съ членомъ въ одну форму *Lesengrino* (различные виды этого имени помѣтилъ *Thesa* ук. соч. стр. 17³⁴). Такимъ образомъ и съ именемъ Изенгрима вовсе не связывалась память о его дѣйствительномъ значеніи, а употреблялось оно какъ нарицательное имя для обозначенія непривѣтливаго, мрачнаго чело-вѣка. Въ такомъ значеніи оно употребляется и понынѣ, безъ всякаго, конечно, отношенія къ настоящему значенію имени (*Lübben* ук. соч. стр. 22. *Müllenhoff* въ ук. м. VI, 7). Такой участи могли подвергаться имена Рейнгарта и Изенгрима только въ рукахъ французовъ, подъ перомъ авторовъ, которые ясно обличаютъ, что ихъ симпатіи на сторонѣ французовъ, а не нѣмцевъ. Какъ же можетъ быть рѣчь о германизмѣ животнаго эпоса? Возникаетъ однако вопросъ: какимъ образомъ германскія имена проникли во французскія поэмы? Такое явленіе объясняется тѣмъ, что животный эпосъ развивался на рубежѣ двухъ народностей, на пространствѣ, на которомъ преданія, языкъ и понятія постоянно смѣшивались. Дѣйствительно, первыя латинскія поэмы XII в., *Isengrimus* и *Reinardus*, съ которыхъ собственно начинается эпическая обработка сюжетовъ о Ренарѣ, возникли въ южной и сѣверной Фландріи (*J. Grimm R. F.* стр. lxxj. lxxxij). Подъ вліяніемъ происходившихъ здѣсь смѣшеній должно было совершиться и перенесеніе именъ Рейнгарта и Изенгрима на лису и волка.

Какъ шатка вообще гипотеза, объясняющая сходство сказаній племеннымъ родствомъ, доказалъ Бенфей, слѣдовательно, распространяться о ней было бы излишне. Впрочемъ, какъ на болѣе любопытныя мѣста, трактующія объ исторической связи сказаній, можно указать на слѣдующія страницы введенія Бенфея: *Pantschat*. I, 246. 265. 311. 324. 328. 338. 346. 370 и др.

[8781] Мнѣніе Я. Гримма, будто нѣмецкій эпосъ, отличающійся замѣчательнымъ единствомъ, въ случаѣ заимствованія

долженъ былъ бы сохранить форму восточныхъ рамокъ, — не можетъ считаться серьезнымъ возраженіемъ. Упущено изъ виду довольно важное обстоятельство. Восточные сборники передаютъ самые разнообразные разказы: то о шакалѣ, то о львѣ и зайцѣ, то объ обезьянѣ, то о журавлѣ и ракѣ и т. п. Неудивительно, если сюжеты разнообразны, если каждый изъ нихъ существуетъ самъ по себѣ. Въ „нѣмецкомъ“ же эпосѣ только и разказывается о лисѣ и волкѣ, о волкѣ и лисѣ и т. д. При такомъ постоянствѣ сюжета не мудрено быть „внутреннему единству“, которое перѣдко граничитъ съ однообразіемъ. Такъ какъ именно изъ извѣстныхъ только мотивовъ развился животный эпосъ, т. е. заимствование ограничивалось весьма немногими сюжетами, притомъ перешедшими не непосредственно изъ восточныхъ сборниковъ, то понятно не могли удержаться и рамки послѣднихъ.

Высказываясь вообще противъ м и о л о г и ч е с к о й гипотезы въ области животнаго эпоса, странно было бы возражать противъ нѣсколькихъ частныхъ замѣчаній Я. Г р и м м а относительно присутствія въ животномъ эпосѣ миѳическихъ чертъ. Замѣчанія эти высказаны голословно и притомъ вызваны Калевалой, Панчатантрой, Бабріемъ, Ренаромъ, эстонскими сказками и т. п., такъ что едва ли могутъ служить доказательствомъ въ пользу „нѣмецкой саги“. Касательно же перенесенія животнаго эпоса въ сферу облачнаго миѳа мы пришли къ убѣжденію, высказанному А. Н. Веселовскимъ (Сравнит. миѳологія и ея методъ, въ Вѣстн. Европы 1873 № 10 стр. 657): „я не могу себя увѣрить, чтобы всѣ продѣлки нашей Лисы-Патрикѣевны когда-либо имѣли мѣсто въ облакахъ, а не въ курятникѣ“.

Какъ слѣдуетъ понимать мнѣніе Я. Г р и м м а о „драгоцѣнныхъ остаткахъ“, сохранившихся въ басняхъ Эзопа, показалъ К е л л е р ъ, взглядъ котораго единственно долженъ считаться правильнымъ. „Остатки“, т. е. басни, являются дальнѣйшимъ развитіемъ, если угодно, — вырожденіями животной сказки. Подобно послѣдней и басни не утрачивали способности расширять свои предѣлы и превращаться по желанію любого поэта въ любое же эпическое произведеніе — новеллу, эпопею и т. п. Таковъ, напр., средне-греческій эпосъ объ О с л ѣ, в о л к ѣ и л и с ѣ; всѣ трое исповѣдуютъ другъ другу свои грѣхи; присужденный къ смерти оселъ за съѣденіе латуковаго листа избавляется отъ своихъ крово-

жадныхъ товарищей хитростью. Напечатана эта поэма у Я. Г р и м м а (Sendschreiben an Karl Lachmann über Reinhart Fuchs [1840] стр. 75 слл.) и вновь издана Ва г н е р о м ъ (Carmina graeca medii aevi ed. Guilelmus Wagner [1874] стр. 124 слл.). Такимъ же развитіемъ басни о Мышѣ и Лягушкѣ (Halm № 298 = Мартыновъ № 245) является Батрахомиомехія, какъ готовъ допустить даже Ва к е р н а г е л ь (ук. соч. 238). Впрочемъ ниже мы постараемся представить болѣе наглядные примѣры необходимости подобнаго развитія.

Взглядъ К е л л е р а на отношеніе басни къ животной сказкѣ долженъ быть также приложенъ къ гипотезѣ Г е р в и н у с а, допускающаго совмѣстное существованіе, точнѣе, сосуществованіе басни и животной сказки чуть ли не въ періодъ ихъ зарожденія. На самомъ дѣлѣ возможно одно изъ двухъ: или баснь вытекаетъ изъ сказки, или, наоборотъ, животная сказка изъ басни. Г е р в и н у с ъ постарался по возможности убѣдительно изложить свое мнѣніе, что при первомъ сознательномъ отношеніи къ міру животныхъ человѣку прежде всего приходила въ голову мысль о поученіи, о морали. Не говоря уже о томъ, что такой выводъ вовсе не согласуется съ понятіями младенческой эпохи, когда, по выраженію Гервинуса же (Gesch. d. D. Dicht. I, 208), „вся тварь кротко вступала въ одинъ ковчегъ,“—съ нимъ трудно примириться и по другимъ соображеніямъ. Прежде чѣмъ „первобытный“ человѣкъ выводилъ поученіе, онъ долженъ же былъ имѣть для него извѣстную подкладку: должна же была разыгратъ въ кругу животныхъ какая нибудь сцена, должны были предшествовать наблюденіе, опытъ и т. п., которые могли бы служить основой для морализаціи. Подобной основой былъ, конечно,—хотя бы самый краткій,—разказъ; онъ могъ заключать въ себѣ задатки морали. Но извлеченіе морали могло произойти только въ сравнительно позднюю эпоху, когда животные не уживались уже въ одномъ ковчегѣ, словомъ, когда пробудилась извѣстная доля критическаго сознанія. Подтвержденіемъ этого взгляда должны служить и заключенія, вытекающія на основаніи принципа естественности, выдвинутаго К е л л е р о м ъ. Въ виду этого принципа и К е л л е р ъ (ук. соч. стр. 338) пришелъ къ заключенію, что животный эпосъ „постоянно подвигается отъ наивнаго [элемента] къ дидактическому“, другими сло-

вами,—животная сказка должна считаться болѣе раннимъ продуктомъ. Почти излишне прибавлять, что дикари обла- даютъ только сказками о животныхъ, а не баснями. Слѣдо- вательно, страсть къ разказу оказывается сильнѣе морали.

Объясненіе с х о д с т в а различныхъ сказаній единствомъ человѣческаго духа, допускаемое Г е р в и н у с о мъ въ ши- рокихъ размѣрахъ, въ большинствѣ случаевъ оказывается единственно возможнымъ. Впрочемъ нельзя скрывать, что бывають случаи, когда и этотъ критерій становится недѣй- ствительнымъ. Случается, что къ извѣстной сказкѣ по отно- шенію къ другой, сходной съ ней, трудно или немислимо прилагать теорію литературнаго заимствованія, такъ какъ онѣ находятся внѣ всякой предполагаемой связи; а между тѣмъ сходство поразительно, до того поразительно, что со- впадаютъ мельчайшія черты, совпадаютъ на всемъ протяженіи разказа и даже повторяются въ количественномъ отношеніи. Такое сходство перѣдкость въ самыхъ отдаленныхъ угол- кахъ міра, на діаметрально противоположныхъ концахъ его. Едва ли оно поддается объясненію при помощи общихъ пріе- мовъ психическаго процесса. Въ подобныхъ случаяхъ при- мѣненіе послѣдней теоріи представляется повидимому труд- нѣе, чѣмъ допущеніе совершенно неуволимыхъ для изслѣдо- ванія путей литературнаго заимствованія или устной традиціи.

Совершенно справедливо замѣчаетъ Г е р ц б е р гъ, что баснь Эзопа о б о л ь н о мъ л вѣ, излѣчиваемаго шкурой волка (Halm № 255 = Мартыновъ № 72), составляетъ точку отправленія всѣхъ литературныхъ обработокъ живот- наго эпоса. Къ этому взгляду присоединяется и М ю л л е н- г о ф фъ (въ ук. м. VI, 3 сл.); несомнѣнное происхожде- ніе этой басни съ востока доказано К е л л е р о мъ (ук. соч. 342). Обработка этой басни, относящаяся къ концу IX в. и приписываемая издателемъ Павлу Діакону, открыта Д ю м м- л е р о мъ (E. Dümmier Gedichte aus dem Hofkreise Karls des Grossen въ Z. f. D. A. XII [1865] 446 слл.; ср. XVI [N. F. IV. 1873] 480). Недостающее въ изданіи по- слѣдняго начало обнародовано Вейландомъ (L. Wei- land Zur Thierfabel въ ук. м. XIV [N. F. II. 1869] 498 слл.). Въ этой обработкѣ, какъ и у Фредегара, царемъ звѣ- рѣй является, понятно, левъ, ясно указывающій на путь, которымъ шла баснь. Павелъ Діаконъ могъ заимствовать свой сюжетъ изъ Италіи, хотя къ послѣднему присоеди- н

лось и устное преданіе, о чемъ свидѣтельствуютъ изорванная обувь (*indumenta pedum*), показываемая лисой, и черта объ излѣчиваніи льва медвѣжьей шкурой. Затѣмъ тотъ же сюжетъ, ближе подходящій къ греческой баснѣ, встрѣчается въ X в. въ *Ecbasis* (J. Grimm Latein. Gedichte d. X. u. XI. Jh. [1838] стр. 256 слл. vv. 391—1095 = *Ecbasis captivi, d. älteste Thierepos d. Mittelalters* hrsg. v. Ernst Voigt [въ *Quellen u. Forschungen VIII* (1875)] стр. 93 слл.); постепенно развиваясь, онъ превращается, наконецъ, въ цѣлыя поэмы, *Isengrimus* и *Reinardus*, въ которыхъ появляются и собственыя имена (ср. *Müllenhoff* въ ук. м.)

Индѣйская теорія Вахенера по идеѣ совершенно вѣрна. Ошибочность же многихъ его выводовъ указана Веберомъ и частью Бенфеймъ.

И крайностямъ греческой теоріи Вебера Бенфей и Келлеръ постарались поставить опредѣленные границы. Келлеръ указалъ между прочимъ на то, что Веберъ искажаетъ факты, утверждая будто шакаль не отличается хитростью; онъ ссылается (стр. 338 сл.) на древнѣйшій санскритскій лексиконъ, въ которомъ шакаль носитъ уже прозвище *обманщика*, *плута* между звѣрями. Можно замѣтить, что и зоологи ставятъ шакала во всѣхъ отношеніяхъ на одну доску съ лисой (А. Брэмъ Иллюстрир. жизнь животныхъ I [1874] 419. 421). Бенфей (*Pantschat. I, 325*) тоже указываетъ на несостоятельность критерія Вебера, по которому всякая греческая басня только потому оригинальна, первобытна, что обладаетъ прекрасной формой, тогда какъ отвѣчающая ей индѣйская представляется ему всегда утрировкой.

Осуждая эстетическую критику Вебера, Бенфей тѣмъ не менѣе самъ нерѣдко пользуется ею для опредѣленія относительной древности извѣстныхъ разказовъ (ср. *Pantschat. I, 100. 102. 106. 326. 426* и др.), утверждая, что болѣе грубая, простая и несовершенная форма должна служить критеріемъ примитивности. Противъ ошибочности подобныхъ аргументовъ не замедлилъ высказаться Гольцманъ (*Heidelberger Jahrbücher 1860* стр. 269.). Такимъ образомъ опредѣленнаго критерія не существовало и у Бенфея, пока Келлеръ не выдвинулъ на сцену принципъ естественности.

Предѣлы, которыми Бенфей ограничивалъ время перехода индѣйскихъ сказаній на западъ, приходится значи-

тельно раздвинуть. Помимо значительнаго передвиженія предѣльной черты, допускаемаго самимъ Бенфеємъ, Либрехтъ (*Zum Panchatantra* въ *Jahrb. f. roman. u. engl. Literatur* III [1861] 82) находитъ его все еще слишкомъ скромнымъ. Онъ полагаетъ невозможнымъ отрицать существованіе сношеній между Индіей и Европой до V в. до Р. Х.

Объясненіе сходства различныхъ сказаній въ теоріи Бенфея повидимому не требуетъ никакихъ видоизмѣненій или дополненій, развѣ въ томъ только смыслѣ, какъ мы имѣли случай высказать выше. Для опредѣленія этого сходства Бенфей пользуется тремя приѣмами: допущеніемъ устной передачи, литературнымъ заимствованіемъ и единствомъ человѣческаго духа. Повидимому этихъ приѣмовъ достаточно для объясненія сходства, и тѣмъ не менѣе миѳологическая гипотеза все еще напрашивается на болѣе внимательное къ ней отношеніе. Не говоря объ отстаиваніи этой теоріи Ганомъ (*J. G. v. Hahn Griech. u. albanes. Märchen* I [1864] введ.), нельзя однако обойти молчаніемъ взглядъ Шмидта (*Bernhard Schmidt Griech. Märchen, Sagen u. Volkslieder* [1877] стр. 14 слл.). Послѣдній не столько выступаетъ въ качествѣ защитника миѳологической гипотезы, сколько посредникомъ между ней и теоріей заимствованія. Основываясь преимущественно на извѣстныхъ взглядахъ Либрехта, Шмидтъ въ видахъ объясненія сходства снова поднимаетъ вопросъ о праарійской родинѣ, объ исконномъ наслѣдіи. Главнымъ аргументомъ приверженцевъ индогерманской гипотезы служитъ обыкновенно указаніе на параллель, представляемую родственными языками, т. е. на аналогію въ ходѣ развитія сказаній и языковъ. Но, допуская, такую аналогію, кажется, естественно будетъ требовать, чтобъ она была дѣйствительно аналогіею, а не пустымъ звукомъ, т. е., чтобы сказанія, считающіяся достояніемъ племеннаго наслѣдія, принимали тотъ же характеръ видоизмѣненій, какой замѣчается въ арійскихъ языкахъ: всѣ эти языки такъ сильно расходятся между собой въ своихъ особенностяхъ, что взаимное ихъ родство уловимо только для лингвиста. Ничего подобнаго сказки не представляютъ. Тутъ, наоборотъ, любой читатель въ состояніи констатировать сходство извѣстной сказки съ соотвѣтствующей ей другой, къ какой бы эпохѣ и національности она не принадлежала. Едва ли возможно про-

длить существованіе міеологической гипотезы подобными аргументами.

Зато у Ш м и д т а (стр. 16) встрѣчается указаніе на необходимость допущенія самостоятельнаго, независимаго возникновенія и развитія сказокъ на европейской почвѣ. Впрочемъ и Б е н ф е й (Pantsch. I, 144. 222. 333 и др.) иногда упоминаетъ о самостоятельномъ возникновеніи сказокъ на западѣ, но всегда только мелькомъ. Между тѣмъ черта эта заслуживаетъ большаго вниманія; нерѣдко только при ея помощи возможно объясненіе изолированныхъ сказокъ.

Точно также полнаго вниманія заслуживаетъ выдвинутый К е л л е р о мъ на первый планъ принципъ естественности. Впрочемъ Келлеру принадлежитъ только починъ вполне основательнаго и послѣдовательнаго приложенія этого критерія. Принципъ естественности примѣнялся уже В а х е н е р о мъ и В е б е р о мъ. Судя по намеку у послѣдняго (ук. соч. стр. 333) и по ссылкѣ у перваго (ук. соч. стр. 77¹⁾), уже Я к о б с ъ (Nachträge zu Sulzers Theorie der schönen Künste) возводилъ его на степень критическаго приема. Слѣдуетъ также упомянуть, что и Я. Г р и м м ъ (Kl. Schr. IV, 10; ср. R. F. стр. xviii. cxxxvj) считалъ принципъ наивности отличительнымъ признакомъ и мѣриломъ древности поэтическихъ памятниковъ.

Вопреки возраженіямъ І о н к б л у т а, теперь не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ общемъ взглядъ П о л э н а П а р ѣ вполне вѣренъ, что для развитія животнаго эпоса главной точкой отправленія служили басни Эзопа.

Здѣсь встаетъ будетъ указать на странное (покрайней мѣрѣ на нашъ взглядъ) возраженіе Я. Г р и м м а противъ теоріи заимствованія и возможности развитія довольно обширнаго эпическаго произведенія изъ сравнительно скудной основы, возраженіе, повторяемое нерѣдко и сторонниками этого ученаго. Не допуская возможности подобнаго развитія (R. F. стр. cclxviii), Я. Г р и м м ъ утверждаетъ (Kl. Schr. V, 458) вмѣстѣ съ тѣмъ, что всѣ черты, существующія въ какомъ нибудь источникѣ при заимствованіи должны непременно перейти цѣликомъ въ почерпавшее изъ него произведеніе. Какъ это понимать? Какъ отрицаніе всякаго творчества, — и личнаго и народнаго? Стало быть, напр., въ Божественной Комедіи не могло появиться ни одной іоты больше срав-

нительно съ содержаніемъ любой изъ извѣстныхъ ея автору легендъ о загробномъ мірѣ? Едва ли это такъ.

Въ виду отрицанія возможности развитія, изъ краткой основы болѣе обширнаго произведенія приходится остановиться нѣсколько на этомъ вопросѣ.

Развивая взглядъ Гервинуса на пословицу, Вакернагель, а за нимъ Мюленгофъ (въ ук. м. VI, 1) указали на то, что нѣкоторыя пословицы представляютъ какъ бы родъ маленькихъ басенъ, которыя съ теченіемъ времени могли принять болѣе или менѣе обширные размѣры; наоборотъ, цѣлыя животныя сказки превращаются въ краткія изрѣченія, сокращаются въ пословицы. У насъ касался этого вопроса А. Н. Пыпинъ (О русскихъ народныхъ сказкахъ, въ Отеч. Зап. 1856 № 5 стр. 25). Число примѣровъ, приведенныхъ этими учеными, можно бы значительно увеличить. Впрочемъ, упомянутые ученые не прилагали развиваемыхъ ими взглядовъ непосредственно къ животному эпосу среднихъ вѣковъ, а между тѣмъ на это слѣдовало бы обратить больше вниманія.

Ради поясненія первой категоріи, когда извѣстныя пословицы могутъ быть разсматриваемы въ качествѣ мелкихъ басенъ, можно привести, напр., слѣдующія: „Видя волкъ козу, забываетъ и грозу“; „виноватъ волкъ, что козу ободралъ, не права и коза, что въ лѣсъ зашла“; „падетъ на медвѣдя желудъ, и онъ рыкнетъ, а какъ цѣлый дубъ, и онъ не мигнетъ“ (И. Снегиревъ Русск. народн. послов. и притчи [1848] стр. 33. 34. 319). Сербь, напр., говорятъ: ругала се сова сјеници: иди кучко главата; чим се коза дичила тим се овца срамила (Карацић Српске народне пословице [1849] стр. 272. 347). Какъ возникаютъ подобныя пословицы, объясняетъ Гервинусъ. Нѣкоторыя изъ приведенныхъ пословицъ не исключаютъ возможности, что онѣ прошли уже одну метаморфозную среду, представляютъ уже сокращеніе краткаго рассказа, слѣды котораго, можетъ быть, безвозвратно исчезли.

Образчикомъ перехода пословицы въ притчу можетъ служить, напр., слѣдующая: *der hunt enizzet [en izzet] höuwes niht und grînt doch sô erz ezzen siht* (Freidank von Wilhelm Grimm [1860]² 138, 11—12). Пословица эта встрѣчается также въ хрестоматіи Мюленгофа и Шерера (*Denkmäler deut. Poesie u. Prosa aus d. VIII—*

XII Jh. hrsg. v. K. Müllenhoff u. W. Scherer [1873]² стр. 354 № 19) съ помѣткой: darnach ein beispiel altd. wälder 2,96 rehte als des gebûren hunt dem ohsen höuwes niht engan, des er doch niht geniezen kan.

Болѣе наглядный примѣръ перехода весьма краткаго разсказа въ довольно обширное эпическое повѣствованіе представляется въ самомъ циклѣ поэмъ о Ренарѣ.

Въ романѣ о Ренарѣ встрѣчается извѣстный эпизодъ, который повторяется въ немъ на разные лады. Сюжетъ безъ всякаго сомнѣнія заимствованъ изъ средневѣковыхъ бестіаріевъ, зоологическія преданія которыхъ восходятъ къ зоологіи Аристотеля и, главнымъ образомъ, къ баснословнымъ разсказамъ о замѣчательныхъ и чудесныхъ свойствахъ различныхъ звѣрей, описываемыхъ древними авторами. Подъ причудливымъ перомъ поэтовъ отдѣльныхъ вѣтвей романа о Ренарѣ благодарный сюжетъ не замедлилъ принять довольно обширные размѣры и своеобразныя прикрасы, вторгающіяся даже въ предѣлы цинизма.

Предварительно слѣдуетъ замѣтить, что время составленія средневѣковыхъ бестіаріевъ не играетъ почти никакой роли, такъ какъ зоологическія традиціи, вошедшія въ ихъ составъ, сохраняются въ бестіаріяхъ почти безъ всякихъ видоизмѣненій: то, что приписывается тому или другому животному въ одномъ фізіологѣ или бестіаріи, — непременно повторяется и въ другомъ. Если же въ позднѣйшихъ бестіаріяхъ и встрѣчаются нѣкоторыя отступленія сравнительно съ болѣе древними, то отступленія эти во всякомъ случаѣ незначительны и дополненія не существенны. Разногласія заключаются только въ пространныхъ аллегорическихъ толкованіяхъ и поясненіяхъ, сопровождающихъ краткое описаніе свойствъ того или другаго животного. Въ каждомъ бестіаріи эти комментаріи, назиданія и благочестивыя размышленія представляютъ болѣе или менѣе существенные контрасты (¹).

(¹) Вообще о бестіаріяхъ и ихъ литературной исторіи см. Adolf Kressner Ueber die Thierbücher des Mittelalters etc. въ Archiv f. d. Studium d. neuer. Sprachen u. Literaturen LV (1876) 241—296. Къ приведенной у Кресснера (стр. 247—250) литературѣ вопроса слѣдуетъ еще присоединить: Ch. Gidel Nouvelles études sur la littérature grecque moderne (1878), гдѣ стр. 401—443 посвящены вновь открытому имъ въ національной библіотекѣ въ Парижѣ греческому тексту бестіарія,

Въ физиологѣ (IV в.) Псевдо-Епифанія (εἰς τὸν φυσιολόγον) передается слѣдующая черта, свидѣтельствующая о хитрости лисы: *Vulpes versutum est animal. cū enim esurit, et cibo caret, aprica loca adit, et humi strata animamque continens, ac simulans se mortuam supina jacet, oculis et pedibus sursum erectis. Aves itaque delabuntur ut ipsa vescantur: illa verò arripit eas subito, ac pro libito devorat* (Τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Ἐπιφανίου ἐπισκόπου τῆς Κωνσταντίας Κύπρου etc. Sancti patris nostri Epiphanii Constantiae... Episcopi, operum omnium. Dionysius Petavius Aurelianusensis... latine vertit, et animad versionibus illustravit. Editio nova. II [Coloniae. 1682] 214; cap. xix: De volpe).

Почти совершенно тѣми же словами рассказываетъ объ этой уловкѣ лукавой лисы славянскій текстъ физиолога въ сборникѣ XVI—XVII в. Текстъ этотъ изданъ проф. В. Ягичемъ (Kníževnik III [1866] 128) и можетъ служить переводомъ выше приведеннаго латинскаго текста: Лисица іестъ кеҳнита (! Може бити теҳнита! грѣка гіеѣ, замѣчаетъ издатель) вещь. егда не обрецетъ іасти что, приходить въ присоино место и смрътвити се, едва оудръжитъ доушоу оу себе. и приходеть птице летеце и скоуклють ю. она же скочивши оухититъ сътъ нихъ и іасть.

Эти прозаическіе рассказы въ теченіи среднихъ вѣковъ весьма часто облекались въ стихотворную форму. Тѣмъ не менѣе и риёмованные физиологи придерживались довольно близко завѣщаннаго содержанія, какъ можно судить по физиологу Теобальда, „вѣроятно“, аббата монтекассинскаго, отъ 1022—1035 (Kressner ук. соч. стр. 248. Ср. Eduard Kollhoff Die sagenhafte u. symbol. Thiergeschichte des Mittelalters въ Histor. Taschenbuch, hrsg. v. Fr. v. Raub-

содержаніе котораго вкратцѣ пересказывается (стр. 428—442). Физиологъ, изданный проф. В. Ягичемъ въ Kníževnik III (1866) 124—129. Physiologus, изданный Ф. Палацкимъ въ časopis Musea království českého XLIX, (1875) 127—133. Кн. П. П. Вяземскій О литературной исторіи «физиолога» въ Памятникахъ Древней Письменности 1878—79 стр. 47—83. По поводу послѣдней статьи ср. рецензію А. Котляревскаго въ Критич. Обзорѣніи 1879 № 7, гдѣ встрѣчаются дополненія и поправки. Рецензія проф. Н. С. Тихонова на Ист. русск. слов. древн. и нов. А. Галахова, въ Отч. о девятинадцатомъ присужденіи наградъ гр. Уварова (1878) стр. 59 слл.

mer, 1867 стр. 195. F. Heider [и J. V. Häufner] Archeol. Notizen въ Archiv f. Kunde österreich. Geschichts-Quellen III [1860] 532), помѣщенному между прочимъ у Потвэна (ук. соч. стр. 48¹⁾). Встрѣчающійся въ этомъ физиологѣ отрывокъ о лисѣ любопытенъ тѣмъ, что опредѣляетъ породу птицъ, опускающихся на мнимую „пададь“, именно— „ворона“ или „воронь“. Въ позднѣйшихъ подражаніяхъ, именно въ различныхъ браншахъ романа о Ренарѣ, постоянно удерживается эта порода птицъ. Обыкновенно же упоминаются птицы вообще, согласно рассказамъ древнихъ писателей, служившихъ, конечно, главнымъ источникомъ для средневѣковыхъ бестиаріевъ. И приведенный отрывокъ о хитрости лисы встрѣчается уже у Оппіана (Oppiani de piscatione I. II. vv. 108—119 [ed. Schneider (1776) стр. 93 и 279]), слѣдовательно, во II в. по Р. X.

Чтобы составить себѣ понятіе объ отступленіяхъ или разницѣ, существующей между стихотворными обработками бестиаріевъ и приведенными прозаическими текстами, и о разногласіяхъ самихъ обработокъ, приводимъ—все на ту же тему объ уловкѣ лисы—тексты двухъ французскихъ бестиаріевъ en regard. Одинъ изъ нихъ составленъ въ 1121 г. Филиппомъ Таонскимъ, другой, столѣтіемъ спустя, Гюйомомъ Норманскимъ. Приводимъ тексты, къ сожалѣнію, изъ вторыхъ рукъ.

Philippe de Thaon
(у Мейснера въ ук. м.
LVIII, 258).

Gulpis⁽¹⁾ de beste est nun
Que gupilz apellum;
Gulpils est mult livrié
E forment vezié;

Guillaume le Nor-
mand (у Robert Fables
inédites I [1825] lvij).

Assetz oï avez fabler
Comment renars soloit embler.
Li goupils est moult artillous,
Quant il est auques famillous

(¹) Относительно древне-франц. названій лисы goupil, gorpil и т. п., которыя впоследствии были вытѣснены собственнымъ именемъ Renart, превратившимся въ нарицательное (renard), см. J. Grimm R. F. стр. xxiv и cxxi слл. Jagník Index zu Diez' etymol. Wb. (1878) s. v. goupil и renard. Касательно перехода звука *v* въ *g* (т. е. перехода vulpecula въ goupil) см. G. F. Burgu Grammaire de la langue d'oïl I² (1869) 33.

Grant praie volt conquere,
Met sai en ruge terre,
Tut s'i enpuldrat (¹),
Cum mort se girat,
Là gist gule baée,
Sa langue hors getée;
Li oisel ki la veit,
Quide que mort seit,
Al gupil vent volant
Là ù fait mort semblant,
Lors li volt menger,
Si la prent a becchieer,
En la buche li met
Sun chef e sun bech,
Li gupils en eslure
Li cisel prent e devure...

Et il ne seit où querre proie;
Por la faim qui forment l'as-
proie,
S'en vait a une rouge terre:
Là setoaille et veautre et merre
Tant qu'il resamble tout san-
glant (¹);
Puis s'en vait coucher bele-
ment,
En une place descouverte
Qui est a ces oiseaus aperte:
Dedens son cors retient s'alaine,
Si a la pance dure et plaine,
Li cuices qui tant sert de boule,
Trait la langue fors de la goule,
Les elx et les dens rechingne,
Et en ceste meniere enguigne
Les oiseaus qui gesir le voient:
Certainement tout mort le
croient
Dont descendent por lui be-
chiés;
Mais quant il se voit aprochiés
Près de ses dens et il sent aise,
Si felenesement les baise,
Quant en sa gueule sont enclos,
Que tout devore char et os.

(¹) Черту о томъ, что лиса катается въ «красной землѣ», чтобы ка-
заться «окровавленной», по мнѣнію П е т а в і я (въ примѣч. къ издан.
трудовъ Елифавія II, 245), присовокушилъ Michaël Herus [?], тогда какъ
К р е с н е р ь (въ ук. м. LV, 262) заявляетъ, что — Hugues de St. Vic-
tor († 1141) (см. о немъ Hist. littér. de la France XII [1869] 1—72).
Мы не станемъ останавливаться на примиреніи этихъ взглядовъ, а замѣ-
тимъ, что черта эта передается въ латинскомъ bestiarii, стоящемъ на
рубежѣ IV и V вв. и изданномъ въ Classicorum auctorum e vaticanis
codicibus editorum... curante A [u g u s t o] M [a i] VII (1835) 595 (...re-
quirit ubi est rubra terra, et volvit se super eam, ita ut quasi cruentata
appareat tota...). Ту же хитрость приписываетъ лисѣ древне-нѣмецкій бе-
стиарій начала XII в. (Fundgruben f. Gesch. deutsch. Sprache u. Litteratur
hrsg. von Dr. Heinrich Hoffmann. I [1830] 34 (...so bewillet si
[т. е. лиса] sich in der roten erde...)). Cp. Bibliothek d. gesammt. deutsch.
National-Literatur III [1837] ч. I-я=Deutsche Gedichte d. zwoelft. Jh...hrsg.

Различные стихотворные обработки средневековых бестиариевъ являются источниками, изъ которыхъ непосредственно почерпали составители вѣтвей романа о Ренарѣ черту объ уловкѣ коварной лисы, прикидывающейся мертвой. Вскорѣ рассказъ объ этой хитрости сталъ приурочиваться къ различнымъ эпизодамъ о похожденияхъ лисы. Къ двумъ эпизодамъ онъ приурочивался *par excellence*, — къ эпизоду о лисѣ, обкрадывающей возъ съ рыбой, и къ эпизоду о лисѣ, обманывающей своей притворной смертью воронъ. Въ послѣднемъ случаѣ, строго говоря, рассказъ объ этой уловкѣ не приурочивался, а остался на своемъ мѣстѣ, т. е. сохранилъ тоже положеніе и тѣ же отношенія, какія изображаются въ бестиаріяхъ. Наоборотъ, къ эпизоду о кражѣ рыбы примѣнена была только первая часть рассказа о хитрости лисы, т. е. ея притворная смерть, тогда какъ вторая часть должна была, естественно, отпасть.

Для болѣе нагляднаго представленія объ отношеніи переработокъ и подражаній въ романѣ о Ренарѣ къ оригиналамъ, представителями которыхъ являются бестиаріи, приводимъ относящіяся сюда выдержки.

Собираясь обмануть извозчиковъ, украсть у нихъ рыбу, Ренаръ, съ цѣлью попасть къ нимъ на возъ, поступаетъ по двумъ вариантамъ слѣдующимъ образомъ (*Ren. v. 791*):

Lors s'est couchiez enmi la voie.
Or o[i]ez comment les desvoie!
En un gason s'est ventrilliez
Et conme mort apareilliez.
Renart qui tot le monde engingne
Les eulz clot et les denz rechingne,
Si tenoit s'alaine en prison.
Oïstes mès [mais] tel traïson?
Illeques est remés gesanz...

v. H. F. M a s s m a n n, стр. 349. Въ провансальскомъ бестиаріи у K a r l B a r t s c h Chrestomathie provençale (1875)³ столб. 334—336 лиса не упоминается. Рассказъ о хитрости лисы переходилъ иногда цѣликомъ безъ всякихъ видоизмѣненій въ средневековыя притчи; см., напр., *Magistri Odonis de Ciringtonia, liber parabolarum*, въ *Kleine latein. Denkmäl. d. Thiersage hrsg. v. Ernst Voigt*, (1878) стр. 129, parab. 17=O e s t e r l e y Die Narrationes des Odo de Ciringtonia въ *J a h r b. f. roman. u. engl. Lit.* IX (1868) 137 № xvij: De volpe esuriente:

Далѣе добавляется, что купцы: *Le gorpil trovent enversé* (*Ren. v. 813*).

Противорѣчіе, заключающееся въ послѣдней фразѣ, сообщаемой о Ренарѣ, „лежащемъ навзничь“ и въ одномъ изъ вышеприведенныхъ стиховъ, гдѣ значитъ, что Ренаръ „растянулся на животъ“ (*s'est ventreilliez*), — устранено въ новомъ изданіи *Мартина* (*Le Roman de Renart publié par Ernest Martin. Strasbourg, Paris. 1882*. Такъ какъ пока вышелъ только первый томъ и, кромѣ того, вверху страницъ изданія *Мартина* отмѣчены стихи изданія *Меона*, то мы предпочли приводить цитаты по послѣднему изданію). У *Мартина* (*br. III v. 43*) вм. *s'est ventreilliez* стоитъ *s'est voutrilliez*—„вывалялся“.

По другому варианту Ренаръ (*Ren. v. 3951 сл.*).

El chemin se met de travers,
Si s'estoit couchiez à envers,
Et prent les denz à rechinier
Por plutost la gent enginier.
Si a son balevre retret,
Les eulz clot et la langue tret:
En l'ardille s'est tooilliez
Tant que il estoit toz soilliez
A merveille ressemble mort...

Въ этомъ вариантѣ сохранилась между прочимъ и „глина“ (*l'ardille*), *roge terrier* *бестиаріевъ*.

Въ приведенныхъ примѣрахъ удержалась только первая часть разсказа *бестиаріевъ* о мнимо-умершей лисѣ; цѣль же ея хитрости иная. Но притворная смерть лисы въ связи съ тѣми же послѣдствіями примѣненія этой хитрости, какъ это развивается въ *бестиаріяхъ*, встрѣчается и въ романѣ о Ренарѣ.

Въ 18-й вѣтви романа о Ренарѣ (*Ren. v. 7668 слл.*) сообщается между прочимъ, что Ренаръ замѣчаетъ на деревѣ (*sur un fust, v. 7672*) ворону (*une cornille*), которая послѣ купанья расправляетъ свои перья. *Ren. v. 7676*:

Sitost comme Renart la voit
Es-le-vos à terre estendu...

Ворона опускается на Ренара, собираясь его клевать, но (R e n. v. 7688 сл.):

Renart saut sus qui son leu vit;
Par les êles l'a bien conbrée,
La teste li a engoulée.

Этотъ вариантъ представляетъ уже извѣстныя отступленія отъ разсказа бестиаріевъ, что, между прочимъ, замѣтно по циничному прибавленію (Ren. v. 7678), замѣстившему скромное замѣчаніе бестиарія: [Renart] *trait la langue fors de la goule*.

Послѣдняя черта сохранилась въ другомъ вариантѣ романа о Ренарѣ (Ren. vv. 22825—22873). Тутъ Ренаръ улегшись на кучѣ сѣна (*un tas... de fein*. v. 22829 сл.) и умаливая Бога и св. Жермена о ниспосланіи ему пищи, замѣчаетъ вдругъ летящую ворону и рѣшается провести ее при помощи хитрости. R e n. v. 22846:

Lors se lesse chaoir sovin
Le dos desoz, les piez desus,
La langue trete, n'i ot plus:
Iloc se gisoit estendu.

И когда неосторожная ворона опустилась на хитреца (R e n. v. 22862 сл.):

Renart l'a sesi par le col,
Con il la tint, si en fu liez,
De li à ses gernons torchiez
Si en a fait ses joes bruire⁽¹⁾...

Въ вариантѣ той же 29-й вѣтви, сообщенномъ у Р. С h a b a i l l e (*Le Roman du Renart, Supplément* [Paris 1835] стр. 250 сл.), основной сюжетъ бестиаріевъ развивается еще подробнѣе, хотя и не утрачиваются черты сходства. Уловка Ренара передается, напр., такъ (въ ук. м.):

Lors s'est tornes à ventrillons
Le dos desous, les piés desus,

(¹) Относительно выраженій *ч а в к а т ь* (*faire ses joes bruire*), *у т в р а т ь у с ы* (*les grenons torcher*) и т. п. см. м. пр. J. G r i m m R. F. стр. xliij.

La langue traicte n'y ha plus
Les iex ha tornés en la teste,
Moult par samble bien morte beste.
Là se gist et là se ventreille...

Подобными же чертами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ новыми прикрасами передается хитрость Ренара въ 32-й вѣтви (R e n. vv. 30074—30132) и точно также въ средне-нидерландской переработкѣ, именно Рейнартъ. (R e i n. vv. 3557—3616) ⁽¹⁾. Въ послѣднемъ Corbout, супругъ погибшей вороны, является къ царю звѣрей съ жалобой на Рейнарта, умертвившаго его жену ⁽²⁾. Безпечно игралъ онъ утромъ съ своей женой, какъ вдругъ увидалъ растянувшагося на лугу Рейнарта. R e i n. v. 3566:

Sijn oghen stonden te staer beide,
Sijn tonghe heinc ver uut sinen mont,
recht ghelijc enen doden hont,
met opghelokenre wider kele...

Вороны ощупываютъ его животъ и „внутренности“ ⁽³⁾ и одна изъ нихъ, съ цѣлью убѣдиться, что Рейнгартъ не дышетъ, приближается къ его „широко раскрытой пасти“. Хитрый Рейнгартъ не преминулъ воспользоваться неосторожностью вороны: „онъ щелкнулъ зубами въ великой злобѣ и откусилъ ей голову“ (R e i n. v. 3582 сл.).

Почти въ тѣхъ же, понятнo, выраженiяхъ передается этотъ эпизодъ въ ниже-нѣмецкой переработкѣ или, точнѣе, переводѣ, именно въ Reinke (vv. 3350—3414). Вообще упо-

⁽¹⁾ Цитаты изъ Рейнарта мы приводимъ по изданiю М а р т и н а: Reinaert. Willems Gedicht von den Vos Reinaerde u. d. Umarbeitung und Fortsetzung Reinaerts Historie hrsg. u. erläutert v. Ernst Martin. Paderborn 1874.

⁽²⁾ Очевидно по недосмотру авторъ заявляетъ (R e i n. v. 3555) устами кролика, что ко двору является и жена Corbout, Scerpenebbe (о с т р о к л ю в а я), а между тѣмъ вслѣдъ за этимъ заявленiемъ присоединяется цѣлый рассказъ о ея гибели.

⁽³⁾ Какъ понимать выраженiе: wi tasten sinen buuc ende gic (R e i n. v. 3572), т. е. «мы ощупывали его животъ и внутренности», — мы не беремся рѣшать. У Мартина слово gic сопровождается только значенiемъ Eingeweide. Вариантовъ, поясняющихъ это странное сочетанiе, нѣтъ. Можетъ быть вмѣсто gic слѣдовало бы поставить g i g g h e — с п и н а?

минанія о хитрости лисы, связанной съ мнимой ея смертию встрѣчаются еще въ слѣдующихъ мѣстахъ литературныхъ обработокъ животнаго эпоса: *Rein. vv. 15843. 28595. Rein. v. 3986 сл. = Reinke v. 3726 сл.*

Хотя пришлось сильно ограничиться относительно выписыванія цѣликомъ всѣхъ эпизодовъ о мнимо-умершей лисѣ, что способствовало бы болѣе рельефному выдѣленію ихъ особенностей, тѣмъ не менѣе и рядъ приведенныхъ вкратцѣ примѣровъ и параллелей, кажется, достаточно убѣдительно свидѣтельствуетъ, во первыхъ, въ пользу того, что изъ краткаго разсказа весьма легко можетъ развиваться сравнительно обширная поэма, и, во вторыхъ, что въ составъ животнаго эпоса входили и сюжеты, заимствованные изъ бестіаріевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти сличенія служатъ подтвержденіемъ изложеннаго выше взгляда П. Парі, считавшаго частью басни Эзопа, частью другіе разсказы главными источниками романа о Ренарѣ.

Останавливаясь снова на воззрѣніяхъ П. Парі, слѣдуетъ замѣтить, что вражда Ренара съ Изенгримомъ, рассматриваемая имъ какъ выдумка среднихъ вѣковъ, должна быть дѣйствительно приурочена къ этой эпохѣ. Повидимому импульсомъ къ изложенію вражды или „суда“ могли служить не только естественныя, всегда крайне враждебныя отношенія между волкомъ и лисой, которая нерѣдко становится добычей перваго (А. Брэмъ ук. соч. I, 436), но, можетъ быть, и баснь Эзопа о Волкѣ и Лисицѣ (Halm № 271. Мартыновъ № 232), гдѣ пойманная волкомъ лиса принуждена ему высказать правду, заключающуюся въ пожеланіи, чтобъ онъ никогда не встрѣчался съ ней, а лучше находился въ числѣ мертвыхъ.

Взглядъ П. Парі на вліяніе классической басни въ развитіи поэмъ о Ренарѣ раздѣляютъ и Потвэнъ, Вакернагель, Мюлленгоффъ (въ ук. м. VI, 1. 8) и Мейснеръ. Потвэнъ и Вакернагель указываютъ и на значеніе другихъ сказочныхъ сборниковъ, въ томъ числѣ и бестіаріевъ. Что послѣдніе играли довольно видную роль въ романѣ о Ренарѣ, не трудно заключить по отмѣченнымъ выше параллелямъ.

Въ подтвержденіе мнѣнія Вакернагеля, раздѣляемаго и Мюлленгоффомъ (въ ук. м. VI, 1), что многія пословицы нерѣдко цѣликомъ заимствованы изъ области

„животной саги“, можно привести нѣсколько примѣровъ. Впрочемъ, извлеченіе изъ извѣстнаго разсказа краткаго изрѣченія, сокращеніе сказки въ пословицу или афоризмъ во все не ограничивается одной областью животнаго эпоса. Процессъ этотъ часто происходитъ и въ другихъ литературныхъ сферахъ, хотя здѣсь достаточно ограничиться первой областью.

Такъ, пословицы, вошедшія въ составъ сборника В. Даля (Пословицы русск. народа, въ Чт. въ Имп. общ. исторіи и древн. росс. при Моск. Унив. 1861 кн. 2-я стр. 163. 183. 176): „тягался, какъ лещъ съ ершомъ“; „билъ ершъ челомъ на лихаго леща“; „сомъ, съ большимъ усомъ, въ понятые не пошелъ: брюхо-де велико и глазами вдаль не вижу“, — восходятъ всѣ къ извѣстной Сказкѣ объ Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ (А о а н а с ѣ в ѣ Народныя русскія сказки I² [1873] 123 слл. IV², 38). Пословица: „сама (мышь [и лиса]) залѣзла въ кувшинъ, а кричитъ: пусти!“ (Д а л ь въ ук. м. стр. 211) можетъ быть выведена изъ сказки о лисѣ, засунувшей голову въ кувшинъ и, не будучи въ состояніи вытащить ее обратно, обращающейся къ нему съ той же просьбой (П. П. Ч у б и н с к і й Малорусскія сказки въ Трудахъ этнографическо-статистич. экспедиціи въ Западно-Русскій край II [1878] 113 сл. № 37. Э р л е н в е й н ѣ Народн. сказки [1863] № xxxiv. Ср. А о. Сказки I², 43 № 7d. И. Р у д ч е н к о Народныя южно-русскія сказки I [1869] 18). „Битый битаго везетъ“, „битый небитаго везетъ“ (Д а л ь тамъ же стр. 212) или „бить небитаго на рукахъ носить“ (С н е г и р е в ѣ Посл. стр. 13) заимствованы изъ сказки о жестоко избитомъ волкѣ, везущемъ на своей спинѣ мнимо-побитую лису (А о. I², 2. 3). Поговорка: „заяць отъ листья, а лягушка отъ зайца бѣжитъ“ (Д а л ь въ ук. м. стр. 279) вытекаетъ изъ басни Эзопа о зайцахъ, отказывающихся отъ намѣренія утопиться, когда убѣждаются, что лягушки еще большіе трусы, чѣмъ они сами (Н a l m № 237 = М а р т ы н о в ѣ № 57. Ср. E s o p u s von Burkhard Waldis, hrsg. v. H. Kurz кн. I № 23 и прим.). Поговорка: „каждая лиса свой хвостъ береги“ (Д а л ь въ ук. м. кн. 4 стр. 685) ⁽¹⁾ восходитъ къ сказкѣ, гдѣ лиса,

⁽¹⁾ У Даля (на стр. 547) встрѣчается, м. пр., поговорка: «по промыслу кишки дѣли» съ помѣткой: «изъ побаски, о лисѣ». На какую здѣсь

преслѣдуемая собаками, выставляетъ имъ въ наказаніе за мнимую помѣху свой хвостъ, вслѣдствіе чего лишается послѣдняго или даже платится жизнью (А. о. I², 38. 40. 41. 43; ср. Рудч. I, 18). Повидимому того же происхожденія поговорка: *Der Fuchs könnte den Schwanz noch einmal brauchen; il y aura un temps où les renards auront besoin de leur queue* (Wander Deutsches Sprichwörter-Lexicon I [1867] s. v. Fuchs № 65). Предостереженіе: „подбери, волкъ, хвостъ: котъ крадется“ (Даль въ ук. м.) относится къ сказкѣ, въ которой передается, какъ котъ кинулся къ грудѣ листьевъ или хворосту, предполагая, что тамъ шевельнулась мышь, тогда какъ въ дѣйствительности убѣжище это избралъ себѣ волкъ (А. о. I², 62 сл.). Къ числу пословицъ и притчъ, не встрѣчающихся, кажется, у Даля, могутъ быть отнесены еще слѣдующія, заимствованныя изъ Сказки о Ершѣ Ершовичѣ: „кто ерша знаетъ да вѣдаетъ, тотъ безъ хлѣба обѣдаетъ“; „хоть ты [щука] съ рыла и востра, да не возьмешь ерша съ хвоста“ (А. о. I², 124. 127).

Подобнаго же происхожденія цѣлый рядъ пословицъ, приведенныхъ у Вандера (ук. соч. I s. v. Fuchs). Ради примѣра достаточно ограничиться нѣсколькими. *Der Fuchs bekommt sein Glück in enger Flasche, ein Storch auf flacher Schüssel* (въ ук. м. № 43. 127. 301. 303. 414); *de vos en kraen hebben malkanderen te gast* (Reinaert de Vos von J. F. Willem s [1836] стр. 300) отвѣчаютъ баснѣ, рассказывающей о томъ, какъ лиса угощала аиста (журавля) кашею (похлебкой) съ плоскаго камня (блюда), а аистъ въ отмщеніе подчивалъ лису говядиной (окрошкой) изъ кувшина съ узкимъ горлышкомъ (Halm № 34. La Fontaine: Le Renard et la Cicogne [Robert Fables inéd. I, 75 и прим.] B. Waldis Esopus I № 27 и прим. Coelho Contos populares portuguezes [1879]

«побаску» намекается намъ неизвѣстно. Въ одной сказкѣ (А. о. I², 45) лиса научаетъ медвѣдя, добиваясь его смерти, таскать «изо лба кишечки», въ другой (А. о. I², 47) она достигаетъ того, что свинья разрываетъ свое «брюхо» и таскаетъ «кишечки» (или уговариваетъ волка ѣсть свои мозги [ib. 44], а медвѣдя просунуть «себѣ лапу въ рѣбра» [ib. 49]). Если приведенная поговорка причастна къ этимъ сказкамъ, то всетаки непонятно, какимъ образомъ изъ послѣднихъ возникла поговорка, которую Даль могъ помѣстить подъ рубрикой: «работа — праздность»?

стр. 16. 15, гдѣ встрѣчается та любопытная особенность, что въ одномъ случаѣ журавль [um grou], въ другомъ цапля [a garça] первые приглашаютъ лису поѣсть пшенной каши [umas rapas de milho] или похлебки [um caldo de farinha], такъ что лисѣ остается только отмстить, прибѣгнувъ къ подобной же хитрости. А в. I², 51 сл. № 13. Орбеліани Книга мудрости и лжи, перев. и объясн. А. л. Цагарели [1878] стр. 82 № 73. Д. Ровинскій Русскія народныя картинки I [1881] 274 № 86 и прим.). Ehe der Fuchs den Löwen besucht, sieht er sich erst die Fusstritte der frühern Besucher an (Wander въ ук. м. № 118) извлечено изъ басни о престарѣломъ львѣ, притворившемся больнымъ и пожиравшемъ всѣхъ звѣрей, посѣщавшихъ его въ пещерѣ; только лиса не рѣшается навѣстить льва, такъ какъ видитъ много слѣдовъ, ведущихъ въ пещеру, но не замѣчаетъ слѣдовъ выходящихъ (Halm № 246 = Мартыновъ № 136. Benfey Panschat. I, 382. Waldis I № 43. Oesterley Die Narrationen des Odo de Ciringtonia въ Jahrb. f. roman. u. engl. Lit. XII [1871] 150 № 53. Willems Reinaert de Vos 292—295. Du Méril Poésies inédites du moyen âge [1854] стр. 30 сл. W. H. J. Bleek Reineke Fuchs in Afrika [1870] стр. 15 № 10. [Mickiewicz Pisma. Lipsk 1876; стр. 143 сл.]. Ср. И. П. Минаевъ Индѣйскія сказки и легенды, собранныя въ Камаонѣ въ 1875 г. въ Запискахъ историко-филологич. факультета Имп. С.-Петербург. университета ч. II [1877] № 24). Поговорка: Der Fuchs sagt: die Trauben sind sauer; la volpe dice che l'uva è agreste (Wander въ ук. м. №№ 74. 274. 366. 403) восходитъ къ извѣстной басни о „Лисицѣ и Виноградѣ“ (Halm № 33; ср. Мартыновъ № 155. Waldis Esopus III № 73. Felix Liebrecht Zur Volkskunde [1879] стр. 103 [№ 23]. Ровинскій ук. соч. I, 276 № 88). Пословица: Der Fuchs sagt zum Leuen: Ich habe den Schnupfen (Wander въ ук. м. № 75) отвѣчаетъ басни о царѣ звѣрей, умерщвляющемъ своихъ подданныхъ, которыхъ онъ объявляетъ то нахалами, то лжецами, за то, что, въ отвѣтъ на его вопросъ: каковъ запахъ въ его пещерѣ? они возражаютъ, что отвратительный или пріятный; только лиса избавляется отъ смерти, ссылаясь на невозможность судить о запахѣ по причинѣ насморка (Du Méril ук. соч. стр. 29¹⁾. 108¹⁾. J. Grimm R. F. стр. ccxij. Goedeke Deutsche Dichtung im

Mittelalter [1871]¹ стр. 649 [№ 53]. Joseph Wenzig Westslav. Märchenschatz [1870]² стр. 203 слл. Valjaves Narodne pripovjedke [1858] стр. 280 сл. № lxxvii. Ср. А о а н а с ъ е в ъ Сказки IV², 13 слл).

Пословицъ, извлеченныхъ изъ сказокъ, чрезвычайно много. Въ сборникѣ Д а л я многія изъ нихъ носятъ помѣтку „отъ“ или „изъ сказки“, „присказки“, „были“ и т. п. (кн. 2 стр. 171. 185. 192. 195. 222. 237. 262; кн. 4 стр. 368. 386. 410. 470. 473. 476. 486. 491. 497. 520. 534. 562. 567. 604. 624. 645. 678) (1). У К а р а д ж и ч а (ук. соч. стр.

(1) Относительно поговорки: «монахъ говоритъ: сатана соблазнилъ (яйцо на свѣчкѣ испечь); а чортъ говоритъ: и самъ впервые вижу» (стр. 185) не указанъ источникъ. Она сложилась на основаніи К р ы л о в а «Напраслина», что отмѣтилъ уже впрочемъ В. О. К е н е в и ч ъ Библиогр. и историч. примѣч. къ баснямъ Крылова, въ С б о р н и к ѣ статей, читанныхъ въ отдѣл. русск. яз. и сл. Имп. Акад. Наукъ VI (1869) стр. 160. Исслѣдователи басенъ Крылова считаютъ, если не ошибаемся, «Напраслину» оригинальнымъ произведеніемъ, по крайней мѣрѣ не относятъ ее къ числу «заимствованныхъ», хотя на самомъ дѣлѣ сюжетъ этотъ не разъ уже подвергался литературной обработкѣ. Въ этомъ можно убѣдиться по Schimpf und Ernst von Johannes Pauli hrsg. v. Hermann Oesterley (1866) стр. 223 № cccxvi и прим. Тутъ нищенствующій монахъ (barguszer münch) признается духовнику, что искусилъ его съѣсть собранныя имъ яйца чортъ, который однако рѣшительно отказывается отъ обвиненія, заявляя, что ему и въ голову бы не пришло печь яйца на свѣчкѣ, какъ онъ, монахъ, это дѣлалъ. Вообще, тема о невинно обвиняемомъ чортѣ, на котораго падали обвиненія въ подстрекательствѣ ко злу, вопреки даже благимъ совѣтамъ чорта, пользовалась большою популярностью. Ср. напр. Waldis von Kurz кн. II № 64 и прим. Pauli ук. соч. № 84 и прим. (стр. 482).

Опредѣленіе Д а л я (стр. 368) относительно поговорки: «стрижено, нѣтъ брито» (сербск.: кошено, стрижено, Караџић Посл. стр. 159), относимой имъ къ разряду «прибасокъ», нѣсколько неточно, такъ какъ она восходитъ къ цѣлой повѣсти или новеллѣ, относящейся къ циклу рассказовъ о злыхъ женахъ: мужъ утверждаетъ, что лугъ скошенъ, жена—что онъ стриженъ; если мужъ увѣряетъ, что онъ выбрился, то жена заявляетъ, что онъ остригся и т. п. Предметъ спора въ этихъ повѣстяхъ большей частью мѣняется. Ср. о нихъ Benfey Pantsch. I, 523. Liebrecht (по поводу сказокъ Зимрока) въ Orient u. Occident III, 376 № 61. Oesterley Schimpf u. Ernst v. J. Pauli прим. къ № 595 (стр. 540. Lüzknüller namt eine iren man). Къ этому слѣдуетъ еще присоеди-

1. 3. 4. 10. 13. 15 и мн. др.) помѣщены даже самые рассказы, вызвавшіе ту или другую пословицу. Впрочемъ, и у Даля, и у Караджича встрѣчаются пословицы несомнѣнно сказочнаго происхожденія, хотя и не относимыя издателями къ этой категоріи; по крайней мѣрѣ онѣ лишены всякаго указанія на ихъ генеалогію. Таковы, напр., пословицы: „куда чортъ не поспѣетъ, туда бабу пошлетъ“ или „гдѣ сатана не сможетъ, туда бабу пошлетъ“ (Д а л ь Посл. стр. 371); ѣ ѣаво не може што свршити онѣ бабу пошале (К а р а д ж и ч Посл. 73); wo der Teufel nichts ausrichten kann, dahin schickt er ein altes Weib; ce que diable ne peut, femme le fait (W a n d e r ук. соч. IV s. v. Teufel № 1056; ср. №№ 1038. 1041. 1042. 1054. 1063. 1065. 1039. 1066). Эти пословицы, относящіяся къ пресловутой темѣ средневѣковья о злыхъ женахъ, о женской злобѣ, восходятъ къ весьма популярной повѣсти о томъ, какъ согласіе добродѣтельныхъ мужа и жены не въ состояніи былъ нарушить чортъ, вслѣдствіе чего онъ обратился къ злой женѣ, обѣщавшейся пособить его горю за пару новыхъ башмаковъ. Она, дѣйствительно, достигаетъ того, что мужъ убиваетъ жену. Признавая искусство злой бабы (des geben ich dir die meisterschafft, v. 1005), чортъ даже опасается подойти къ ней близко и передаетъ ей обѣщанные башмаки на палкѣ⁽¹⁾. Точно также поговор-

нить A s b j ö r n s e n Tales from the Fjeld, by D a s e n t [1874] стр. 217 слл. (Goody gainst-the-Stream). В а г а с з Bajki, Fraszki, Podania... na Rusi (1866) стр. 215 (Upor). M i c k i e w i c z Pisma. Paryż I (1861) 183—187 (Golono, strzyżono). M. S t o j a n o w i c Рѣчке priroviedke i pjesme (1867) стр. 133 слл. (№ xxx: Zla žena). А. Н. Пыпинъ Очеркъ литер. истор. старинн. повѣстей и сказокъ русскихъ, въ Уч. Зап. втор. отд. Имп. Акад. Наукъ кн. IV (1858) стр. 202. 268 сл. А в а н а с ѣ в ѣ Сказки III², 146 слл. (№ 237) и прим. (IV², 529 сл.). Л е о н и д ѣ Г л ѣ б о в ѣ Стрижено! Стрижено! малоросс. пословица—легенда, въ Черниговск. губ. вѣд. 1858 г. № 16. Д. Р о в и н с к і й Русск. народн. картинки I (1881) 380 № 153 и прим. (IV, 252 сл.).

(¹) S o l o m o n u. M o r o l f (т. наз. второй, der ander Morolff) vv. 917—1005, въ Deutsche Gedichte d. Mittelalters hrsg. v. F. H. v. der Hagen u. J. G. Büsching I (1808) 55 сл. (послѣд. статьи) (Нов. изд. Die deutsch. Dichtungen v. Salomon u. Markolf, hrsg. v. Friedr. Vogt. Halle 1880. I. у насъ не было подъ руками). См. кр. того А. Н. В е с е л о в с к а г о Соломонъ и Китоврасъ стр. 272 сл., гдѣ стр. 273²)

ка: „умерла та курица, что несла золотыя яйца“ (Даль стр. 313) составила на основаніи извѣстной басни о курицѣ, несшей золотыя яйца и зарѣзанной въ расчетъ найти въ ней громадный слитокъ золота (Halm № 343 = Мартыновъ № 135. Ср. Benfey Pantsch. I, 378 слл. § 159. Pauli hrsg. v. Oesterley № 53 и прим. Крыловъ „Скупой и Курица“. Кеневичъ ук. соч. стр. 169 сл.)⁽¹⁾.

Достаточно сдѣланныхъ указаній, чтобъ убѣдиться въ основательности замѣчанія Вакернагеля относительно заимствованія многихъ пословицъ изъ области животнаго эпоса, другими словами,—относительно сокращенія цѣлыхъ рассказовъ въ краткіе афоризмы.

Вѣрность взглядовъ Вакернагеля по вопросу о бестиаріяхъ и восточныхъ сборникахъ повѣстей и сказокъ, о невозможности отчетливаго пониманія французами XII в. значенія имени Reinhart (Raginohard)—не подлежитъ сомнѣнію. Повидимому Вакернагель находился также на пути къ рѣшенію вопроса о вліяніи классической басни на развитіе средневѣковыхъ поэмъ о Ренарѣ, но остановился на половинѣ дороги и, вмѣсто того, чтобы придать своей мысли надлежащія формы, законченность, освѣтитъ ее критически,—сталъ толковать о „возобновленномъ и возвеличенномъ значеніи занесенной франками на римско-галльскую почву

указана и литература вопроса; ср. въ ук. м. первое прим. съ ссылкой на стр. 86 сл. Ср. еще Ровинскій ук. соч. III (1881) 165 № 783 и прим. (IV, 569 слл., прим. стр. 573. «О злой женѣ»); а также В. Ягичъ Исторія сербско-хорватской литературы. Переводъ съ сербско-хорватскаго [М. П. Петровскаго] (1871) стр. 134 сл.

⁽¹⁾ Г. Кеневичъ считаетъ прототипомъ басни Крылова баснь Эзопа (Мартыновъ № 24): «Вдова и Курица», гдѣ алчная вдова, желая заставить свою курицу нестись два раза въ день, стала такъ усердно кормить ее, что курица, разжирѣвъ, вовсе перестала нести яйца. «Этотъ сюжетъ», говоритъ г. Кеневичъ (въ ук. м.), «передѣлалъ Ла Фонтень: у него курица несетъ золотыя яйца, и скупой обладатель ея убиваетъ ее въ надеждѣ, что найдетъ въ ней сокровище». Замѣчаніе по поводу Лафонтена ошибочно. Лафонтену не зачѣмъ было передѣлывать сюжетъ басни о «Вдовѣ и Курицѣ»: онъ прямо заимствовалъ сюжетъ своей басни изъ басни Эзопа: «Курица, несущая золотыя яйца» (Halm № 343 = Мартыновъ № 135). Слѣдовательно, и прототипомъ басни Крылова «Скупой и Курица» должна считаться не баснь, указанная г. Кеневичемъ, а баснь о «Курицѣ, несущей золотыя яйца».

животной саги“, о „рекомедаціи варварской животной саги“, при посредствѣ классической басни и т. п. А между тѣмъ неумолимые факты постоянно наводили его на болѣе естественную мысль. Онъ даже рѣшился признать возможность развитія изъ небольшой и сжатой басни сравнительно обширной поэмы (Батрахіомачіи),—мысль, которая Я. Г р и м м у (Р. Ф. стр. сслхviiij) казалась болѣе чѣмъ невѣроятной.

Невольно возникаетъ вопросъ: чему же приписать такое странное ослѣпленіе, заставлявшее В а к е р н а г е л я уклоняться отъ истины? На это можетъ послѣдовать только одинъ отвѣтъ: ослѣпленіе обуславливалось патріотизмомъ, ложнымъ патріотизмомъ. Слова, сказанныя І о н к б л у т о м ъ (Étude стр. 48) въ укоръ П. П а р і в ѣ видахъ защиты миѳологической теоріи, должны быть еще съ большимъ основаніемъ обращены противъ Я. Г р и м м а и его приверженцевъ: „Прекрасная вещь любовь къ отечеству, но слѣдуетъ остерегаться противъ преувеличенія лучшихъ чувствъ, особенно, если это преувеличеніе стремится извратить наше сужденіе“. И В а к е р н а г е л ь не сумѣлъ уберечься—если не отъ „преувеличенія лучшихъ чувствъ“, то отъ потаканія имъ.

М е й с н е р ь (въ ук. м. LXV, 202 сл.) вѣрно опредѣлилъ причины, побудившія Я. Г р и м м а къ провозглашенію теоріи о „нѣмецкой животной сагѣ“. Я. Гриммъ писалъ свое изслѣдованіе о Рейнгартѣ въ эпоху миѳологическихъ гипотезъ, въ эпоху смутнаго политическаго состоянія Германіи и личныхъ невзгодъ. Лучшіе умы мѣняли бурную политическую арену на болѣе мирное поприще и принимались за изученіе роднаго языка и національной литературы. Послѣдніе служили единственнымъ связующимъ звеномъ для самыхъ разнородныхъ партій и стремленій и отчасти способствовали умиротворенію разлада, царившаго среди общества. Естественно, что литературные памятники, преимущественно среднихъ вѣковъ, подвергались пристрастной оцѣнкѣ, значеніе ихъ преувеличивали, ихъ достоинства и недостатки превозносились до небесъ. Французскихъ источниковъ никто не зналъ или не признавалъ, вслѣдствіе чего все считалось нѣмецкимъ оригиналомъ. Стоило сдѣлать порядочный нѣмецкій переводъ съ произведенія любого иностраннаго поэта и оно тотчасъ превращалось въ „наше“, нѣмецкое. „Гомеръ сталъ н а ш и м ъ, Шекспиръ сталъ н а ш и м ъ и, такимъ образомъ,

лись Рейнеке сталъ тоже нашимъ“ (Meissner въ ук. м. LXV, 203). Это нѣсколько ѣдкое, но вполне справедливое замѣчаніе. Изъ ложнаго патріотизма сыръ боръ загорѣлся. Все тѣ же побужденія вызвали цѣлую теорію, создавшую рядъ новыхъ гипотезъ, служащихъ и понынѣ тормазомъ для окончательнаго перенесенія животнаго эпоса на твердую историческую почву.

Переходя къ замѣчанію Мейснера относительно ирландскихъ поселянъ и испанскихъ погонщиковъ, среди которыхъ, согласно теоріи Я. Гримма, долженъ бы процвѣтать и развиваться животный эпосъ *par excellence*,—необходимо упомянуть, что замѣчаніе это не слѣдуетъ разсматривать какъ простую шутку. Предположеніе этого пункта индо-германской гипотезы, дѣйствительно, таково, что допускаетъ необходимость развитія животнаго эпоса въ кругу людей, находящихся въ постоянномъ общеніи съ міромъ животныхъ. Въ дѣйствительности едва ли это такъ. Дикари, номады, вообще, расы, стоящія на низшей ступени цивилизаціи и проводящія всю свою жизнь чуть ли не съ колыбели въ кругу животныхъ, находясь къ нимъ въ разнообразныхъ отношеніяхъ, не обладаютъ вовсе оригинальными животными сказками. Въ одномъ довольно обширномъ сборникѣ сказокъ сѣверо-американскихъ индѣйцевъ (Karl Knortz *Märchen und Sagen der Nordamerikanischen Indianer*. Jena 1871) нѣтъ ни одной животной сказки. Въ сборникѣ африканскихъ сказокъ Блека (Reineke Fuchs in Afrika Weimar 1870), посвященномъ преимущественно животнымъ сказкамъ, громадное большинство послѣднихъ оказывается заимствованіемъ, а тѣ немногія сказки, которыя носятъ туземный отпечатокъ и обязаны своимъ существованіемъ самостоятельному зарожденію, въ строгомъ смыслѣ не могутъ считаться животными сказками, за весьма немногими исключеніями. Инородцы южной Сибири (W. Radloff *Proben der Volksliteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens*. Petersburg 1866 т. I-й и III-й) обладаютъ только заимствованными животными сказками, причемъ извѣстная часть заимствована у русскихъ. Жалкое заимствование у русскихъ представлятъ одна животная сказка вотяковъ (Борисъ Гавриловъ *Произведенія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній*. Казань 1880. Стр. 123 сл.), заимствованіемъ же со всѣхъ сторонъ

оказываются животныя сказки кавказскихъ горцевъ (С б о р н и к ъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, издаваемый .. при Кавказкомъ Горскомъ Управленіи. Тифлисъ). Тоже слѣдуетъ замѣтить о большинствѣ сборниковъ сказокъ мелкихъ инородческихъ племенъ восточной Россіи. Всѣ эти примѣры не могутъ внушить довѣрія къ гипотезѣ Я. Г р и м м а о благопріятныхъ условіяхъ, какія представляются для развитія животнаго эпоса, напр., въ пастушескомъ быту. Слѣдовательно, при образованіи животнаго эпоса рисуемая Я. Г р и м м о м ъ идиллическая картина—не приче́мъ, а играютъ роль нѣсколько иныя условія.

Что касается другихъ замѣчаній М е й с н е р а, то они находятъ себѣ подтвержденіе въ разсмотрѣнныхъ выше мнѣніяхъ. Здѣсь остается только коснуться затронутаго выше вопроса о значеніи и участіи бестіаріевъ въ развитіи животнаго эпоса среднихъ вѣковъ, на что указываетъ и М е й с н е р ъ (въ ук. м. LXV, 206. 209. 214).

Въ мѣстечкѣ Ле-Фауэ (въ Бретани) въ церкви Сэнь-Фіакръ встрѣчается изображеніе лисы, притворившейся мервой: лиса лежитъ навзничъ, съ высунутымъ языкомъ, который клюетъ курица, тогда какъ пѣтухъ и три другія курицы хлопчутъ около другихъ частей мнимаго трупа; въ слѣдующей группѣ лиса душитъ уже курицу (M e i s s n e r въ ук. м. стр. 209). Подобный же гротескъ встрѣчается въ Таррагонѣ въ мѣстномъ соборѣ. Тутъ одна курица клюетъ языкъ мнимо умершей лисы, другая животъ, стоя на немъ, тогда какъ пѣтухъ, находящійся въ нѣкоторомъ отдаленіи, становится въ слѣдующей группѣ добычей плутовки (тамъ же стр. 214). Изображенія эти ясно доказываютъ, въ чьихъ рукахъ развивался средневѣковой животный эпосъ и откуда почерпались его сюжеты. Совмѣстное же изображеніе сценъ изъ бестіаріевъ и классической басни показываетъ, какимъ путемъ происходило соединеніе сюжетовъ, развившихся впоследствии въ циклѣ поэмъ о Ренарѣ.

Въ заключеніи необходимо вкратцѣ указать на результаты, вытекающіе изъ всего выше сказаннаго. Получаются слѣдующіе выводы:

1. „Животная сага“ (Thiersage) вообще не существовала; на первыхъ порахъ сложилась ж и в о т н а я с к а з к а.

2. Б а с н ь является дальнѣйшимъ развитіемъ отдѣльнаго момента животной сказки, а не „осколкомъ животной саги“; дидактическій элементъ проникъ въ животную сказку сравнительно поздно.

3. Животный эпосъ вообще своимъ происхоженіемъ обязанъ востоку, именно Индіи.

4. Переходъ индѣйскихъ сказокъ на западъ совершался уже (можетъ быть даже значительно) ранѣе V в. до Р. Х.

5. Самымъ главнымъ этапнымъ пунктомъ на пути перехода животнаго эпоса изъ Индіи въ Европу была Византія.

6. Черты сходства животныхъ сказокъ или отдѣльных ихъ мотивовъ у разныхъ народовъ объясняются:

а) процессомъ равномернаго психическаго развитія, или

б) литературнымъ заимствованіемъ, или

с) господствомъ устнаго преданія (въ извѣстныхъ случаяхъ).

7. Необходимо допустить самостоятельное зарожденіе сказокъ, какъ на европейской почвѣ, такъ и въ другихъ странахъ.

8. Единственнымъ критеріемъ для правильной оцѣнки оригинальности и относительной древности животныхъ сказокъ можетъ служить только принципъ естественности.

9. Въ сферѣ животнаго эпоса невозможно усматривать слѣды облачныхъ мифовъ.

10. Животныя эпопеи среднихъ вѣковъ развились на основаніи классической басни, животныхъ сказокъ, бестіаріевъ и рассказовъ изъ восточныхъ сборниковъ (подобно тому, какъ изъ краткаго рассказа развивается болѣе обширный и наоборотъ); исходной точкой является басня Эзопа о больномъ лѣвѣ.

11. Развитіе животнаго эпоса происходило въ монастырскихъ школахъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ клериковъ, отъ которыхъ онъ перешелъ къ труверамъ.

12. Средневѣковому животному эпосу приличнѣе названіе французскаго, чѣмъ „нѣмецкаго“, такъ какъ

а) онъ пользовался необыкновенной популярностью во Франціи, а въ Германіи былъ извѣстенъ только по немногимъ переработкамъ и переводамъ, и

б) царемъ звѣрей былъ только левъ, а не медвѣдь (и первоначально роль лисы принадлежала шакалу). Ср. выше стр. 26.

13. Примѣненіе нѣмецкихъ именъ главныхъ героевъ (Рейнгарта и Изенгрима),—причемъ не сознавалось ихъ дѣйствительное значеніе,—произошло во Фландріи, гдѣ чередованіе французскаго языка съ нѣмецкимъ способствовало такому приуроченію.

14. Внесеніе с у д а въ область животнаго эпоса—средневѣковой замысль.

II.

Отношеніе славянскаго животнаго эпоса къ западному.

Ein Märchen, eine Erzählung u. s. w., findet Wege der Fortpflanzung, die sich oft durchaus allem nähern Nachweise entziehen.

F. Liebrecht въ Jahrb. f. rom. u. engl. Lit. III, 83.

На западѣ животныя сказки уже въ средніе вѣка достигли извѣстной полноты изображенія. Получивъ довольно опредѣленные очертанія, онѣ сравнительно рано были закрѣплены на бумагѣ, при томъ въ той формѣ, въ какой онѣ удерживались въ устахъ народа. Не говоря о раннихъ литературныхъ обработкахъ животнаго эпоса, въ составъ котораго вошли и многія животныя сказки, къ числу сказокъ, рано закрѣпленныхъ на письмѣ, слѣдуетъ отнести между прочимъ, такъ наз. *Fabulae Aesopi extravagantes*, записанныя въ XIV в. (J. Grimm R. F. стр. clxxxvij ср. L. Roth въ *Schneidewins Philologus* I, 525); часть изъ нихъ напечатана у Я. Гримма (ук. соч. стр. 421—431), часть пересказана или переведена у Робера (*Fables inédites des XII, XIII, et XIV siècles* I [1825] xc—cii). Вслѣдствіе подобнаго закрѣпленія животныя сказки должны были пріобрѣсть нѣкую неподвижность, окаменѣлость формъ и при неизбѣжномъ переходѣ въ народную среду обнаруживали болѣе устойчивости и съ большимъ упорствомъ и успѣхомъ сопротивлялись противъ преобразующаго народнаго вліянія. Наоборотъ,

тѣ звѣриныя сказки, которыя исключительно оставались достояніемъ устнаго преданія, легче поддавались всевозможнымъ корректурамъ со стороны народнаго творчества. Повидимому только такимъ путемъ возможно себѣ объяснить, отчего, съ одной стороны, многія животныя сказки, записанныя изъ устъ народа въ текущемъ столѣтіи, почти дословно совпадаютъ съ записями среднихъ вѣковъ и отчего, съ другой стороны, все тѣ же сказки представляютъ однако самое странное сочетаніе и перемѣщеніе своихъ основныхъ сюжетовъ.

У славянъ животныя сказки почти до послѣдняго времени сохранялись исключительно въ устной передачѣ, слѣдовательно, постоянно подвергались видоизмѣненіямъ со стороны народнаго творчества и, такимъ образомъ, все глубже проникались чисто народнымъ элементомъ, становились вѣрнымъ отраженіемъ народнаго міросозерцанія. Продолжительное господство устной передачи незамедлило однако оказать и разрушительное дѣйствіе на животныя сказки: онѣ искажались, перетасовывались, дробились на безсвязные отрывки. Объ этомъ разложеніи свидѣлствуютъ сказки, сохранившіяся въ болѣе полномъ видѣ; въ нихъ эпизоды, на которые распались извѣстныя сказки, сохраняютъ еще опредѣленную связь и послѣдовательность.

Хотя неблагопріятныя условія устной передачи обуславливали отрывочность, утрату своеобразныхъ особенностей или затемненіе первоначальнаго смысла животныхъ сказокъ у славянъ, тѣмъ не менѣе сходство ихъ съ западнымъ животнымъ эпосомъ столь очевидно, что никому еще не приходило въ голову высказывать сомнѣніе относительно этого факта. Впрочемъ въ данномъ случаѣ важно не столько признаніе этого явленія, сколько болѣе точное опредѣленіе степени этого сходства или болѣе близкихъ отношеній между животнымъ эпосомъ на западѣ и у славянъ.

Въ виду общей извѣстности доводовъ Я. Гримма, сдѣлавшихся достояніемъ учебниковъ, теперь излишне было бы посвящать особую рубрику на разсмотрѣніе сходства опредѣленныхъ чертъ и подробно излагать на основаніи сказокъ, въ какихъ родственныхъ отношеніяхъ находятся между собою животныя, какъ играютъ они роль людей, сохраняя вмѣстѣ съ тѣмъ свои животныя инстинкты, и т. п. Достаточно открыть любой сборникъ славянскихъ сказокъ, заключающій и животныя сказки, чтобъ немедленно встрѣтиться

съ лисой и ея прозвищами: кума, сестричка, тетка; или волкомъ, тоже называемымъ кумомъ, братикомъ, дядею и т. п.

Важнѣе сходства подобныхъ чертъ — совпаденіе сюжетовъ на всемъ протяженіи разсказа. Сюжеты эти сравнительно съ западнымъ животнымъ эпосомъ представляютъ замѣчательныя аналогіи.

Сюжеты славянскихъ животныхъ сказокъ распадаются на слѣдующія главныя группы.

1. КРАЖА РЫБЫ.

Moult estion fol et musart
Trestuit qui creïon Renart.

Ren. v. 879.

De lui ne se puet nus partir
Jusqu'à tant qu'il l'ait fait honir.

Ren. v. 27841.

Славянскіе варианты: А (малорусск. [?] сказка, Афанасьевъ Сказки I² [1873] стр. 1), Б (великорусская, тамъ-же стр. 2¹ вар. 1-й), В (великорусск., тамъ-же стр. 3 вар. 2-й), Г (малорусская, тамъ-же 7), Д (бѣлорусская, тамъ-же 10), Е (малорусск., тамъ-же 13), Ж (великорусская, тамъ-же 15), З (тоже, тамъ-же 19), И (тоже, тамъ-же 20), К (малорусская, И. Рудченко Народныя южнорусскія сказки II [1870] 8), Л (тоже, П. П. Чубинскій малорусскія сказки въ Трудахъ этнографическо-статистич. экспедиціи въ западно-русскій край II [1878] 116 [№ 38]), М (тоже, тамъ-же 118 [№ 39]), Н (лужицкая, Haupt und Schmalers Volkslieder der Wenden II [1843] 106 № 7: Welkower nebožomne rybołojenje); О (тоже, Edm. Veskenstedt Wendische Sagen, Märchen u. abergläub. Gebräuche [1880] 98), П (сербская, Караѣи Српске народне приповијетке [1870]² стр. 178: Лисица се осветила вуку).

Литературныя обработки: А (Ren. vv. 749—916), Б (Ren. vv. 3919—4030), В (Reinke vv. 165—198), Д (Rein. vv. 208—216 = II vv. 211—220).

Романо-германскіе варианты: Г (нѣмецкая, Kuhn Märkische Sagen u. Märchen [1843] стр. 297 сл. [№ 15]). Ж (тоже изъ Трансильваніи, Haltrich Zur deutschen Thiersage стр. 23 [№ v: Der fuchs betrügt den bauer

um die fische der wolf frisst sie]), **Г** (тамъ - же стр. 27 № xj: Der wolf und die zwei bauern), **Д** (итальянск., *Pitrè Fiabe, novelle e racconti popolari siciliani* IV [1875] стр. 186 сл. № cclxxvij: *La vurpi*. Ср. Александръ Веселовскій Джузеппе Питрэ и его библіотека народн. сицилійскихъ преданій, въ Ж. М. Н. Пр. ч. CLXXXIII, отд. 2 [1876] стр. 88), **З** (тоже, тамъ - же стр. 177 сл. № cclxxv: *Cumpari Lupu e cummari Vulpi*) **И** (французская, *Emmanuel Cosquin Contes populaires вѣ Romania* VIII [1879] 598 сл. [=отд. отд. 278 сл.]).

И породные варианты: **К** (кельтская, J. F. Campbell *Popular tales of the West Highlands* I [1860] 278 сл. [§ 19]), **Л** (венгерская, *Rainadroe Lesengrino per cura di E. Teza* [1869] стр. 72), **М** (лапландская, J. A. Friis *Lappiske Eventyr og Folkesagn* [1871] стр. I сл. № 1: *Ræven og Bjørnen* = F. Liebrecht *Lappländische Märchen* въ *Germania* XV [N. R. III. 1870] 162 № 1: *Der Fuchs und der Bär*), **Н** (эстонская, J. Grimm R. F. стр. cclxxxvj № 4: *bär und fuchs*), **О** (готтентотская, W. H. J. Bleek *Reineke Fuchs in Afrika* [1870] стр. 13 сл. № 8: *Der Fischdiebstahl* = Басни и сказки дикихъ народовъ [1874] стр. 15. Кража рыбы), **П** (хмерская [въ Камбоджѣ], *Cosquin* въ ук. м. стр. 599. [отд. отд. стр. 279]).

Ср. *Burkhard Waldis Esopus*, hrsg. v. Heinrich Kurz; кн. IV № lxxiij и прим. (*Vom Fuhrman, Fuchs und Wolffe*). J. Grimm R. F. стр. cclxxxiiij.

Вар. А. Собрался дѣдъ за рыбой. „Наловилъ рыбы и везетъ домой цѣлый возъ. Вотъ ѣдетъ онъ и видитъ: Лисичка свернулась калачикомъ и лежитъ на дорогѣ. Дѣдъ слѣзъ съ воза, подошелъ къ лисичкѣ, а она не ворохнется, лежитъ себѣ какъ мертвая“. Расчитывая привести домой прекрасный воротникъ на шубу для жены, дѣдъ кладетъ лису на возъ, „а самъ пошелъ впередъ“. „А лисичка улучила время и стала выбрасывать по легоньку изъ воза все по рыбкѣ да по рыбкѣ, все по рыбкѣ да по рыбкѣ. Повыбросала всю рыбу, и сама ушла“. Лиса собираетъ всю рыбу въ кучку и скрывается, а обманутому мужику приходится дома выслушивать брань разочарованной жены.

Вар. У. Голодный Ренаръ, отправившійся на поиски за добычею, выходитъ на торную дорогу и ложится подъ

плетень (*lez une haie*, v. 770) въ ожиданіи приключенія. Вско-
рѣ онъ замѣчаетъ „купцовъ“ (v. 773), везущихъ цѣлый возъ
съ „рыбой“ (v. 773). Ренаръ тотчасъ „ложится посрединѣ
дороги“ (v. 791) и „притворяется мертвымъ“ (v. 794)⁽¹⁾.
Считая его мертвымъ, купцы оцѣниваютъ его мѣхъ⁽²⁾ и, со-
бираясь на ночлегъ „скинуть съ него одежду“ (*li reverseront
la gonele*, v. 829), поднимаютъ его и кидаютъ на возъ.
Наѣвшись сельдей, Ренаръ запасается тремя связками съ
рыбой и, посмѣявшись надъ простодушіемъ купцовъ, скрывает-
ся въ свою нору.

Вар. В пересказываетъ тоже приключеніе вполне ана-
логично съ А, что впрочемъ совершенно понятно, такъ какъ
онъ является подраженіемъ послѣдняго⁽³⁾. Наѣвшись сель-
дей, Ренаръ уноситъ у „извозчиковъ“ (v. 3939), везущихъ
рыбу, одну селедку, которую онъ передаетъ волку *Primauf*,
брату Изенгрима⁽⁴⁾. Прельщенный вкусомъ рыбы волкъ рѣ-
шается, по совѣту Ренара, прибѣгнуть къ той же уловкѣ
(vv. 4031—4300), исходъ которой оканчивается для него
весьма плачевно: онъ подвергается жестокимъ побоямъ и,
весь израненный, едва спасается бѣгствомъ⁽⁵⁾.

Вар. Г. Изенгримъ и Рейнке становятся товарищами
Ike gesellen, v. 167). Однажды зимой Рейнке, въ угоду вол-
ку Изенгриму, который испытывалъ сильный голодъ, замѣ-
тивъ возъ съ рыбой, ложится на дорогу и прикидывается
мертвымъ. Очутившись на возу, Рейнке сбрасываетъ на до-
рогу рыбу, а кравшійся сзади волкъ подбираетъ всю до
послѣдней; онъ такъ наѣлся, что „чуть не лопнулъ“ (*he
wolde barsten*, v. 195), и принужденъ былъ обратиться къ

⁽¹⁾ О хитрости лисы, притворяющейся мертвой, см. выше стр. 36 слл.

⁽²⁾ Сначала мѣхъ лисы оцѣнивается въ четыре су (*quatre sols*,
Ren. v. 817), а затѣмъ въ пять (*cinc sols*, *Ren.* v. 819).

⁽³⁾ Ср. *J. Grimm R. F.* стр. cxxij и *E. Martin Le pelerinage
Renart*, въ *Romanische Studien* hrsg von. *E. Boehmer* Hft. III
[1873] 433.

⁽⁴⁾ Относительно идентичности волка *Primauf* съ Изенгримомъ до-
статочно пока и тѣхъ доказательствъ, которыя привелъ *Jonckbloet*
Étude sur le roman de Renart стр. 41²⁾ и 164 слл.

⁽⁵⁾ Намеки на приключеніе въ АВ встрѣчаются: *Ren.* vv. 10783—
85. 14461—84. 15840—50. 28594—95.

помощи врача, тогда какъ Рейнке ничего не остается, кромѣ нѣсколькихъ рыбьихъ костей.

Вар. Д представляется какъ бы весьма краткимъ résumé вар. Ё, хотя на самомъ дѣлѣ существуетъ обратное отношеніе: послѣдній вариантъ является болѣе подробнымъ развитіемъ перваго, въ которомъ не упоминается только о союзѣ, заключенномъ между волкомъ и лисою.

Вар. Ё. Голодный волкъ грозитъ съѣсть лису, если она не добудетъ ему пищи. Лиса прикидывается мертвой. Остальное, какъ въ вар. Ё.

Вар. Ђ. Разсорившись съ лисой, волкъ старается подражать уловкамъ послѣдней и, завидѣвъ возъ, нагруженный мѣшками, прикидывается мертвымъ. Исходъ таковъ, какъ въ концѣ вар. Ђ.

Вар. Ѓ. Поселянинъ несетъ на спинѣ корзину (сгес) съ сельдами и, встрѣтивъ на дорогѣ притворившуюся мертвой лису, прикидываетъ ее къ своей ношѣ. Обманываютъ его двѣ лисицы (a big fox и a little fox): одна изъ нихъ, по уговору, выбрасываетъ изъ корзины рыбу, а другая подбираетъ ее.

Вар. Є. Лиса видитъ слѣдъ проѣхавшаго по дорогѣ обоза и задумывается: она рѣшается прикинуться мертвой и ложится на дорогѣ. Вскорѣ снова показывается обозъ ⁽¹⁾, сопровождаемый однимъ лопаремъ, который, принявъ лису за мертвую, кидаетъ ее на сани ⁽²⁾. Лиса намѣренно сваливается съ саней и повторяетъ эту уловку до тѣхъ поръ, пока лопарь, перебрасывая ее съ саней на сани, не кидаетъ ее на послѣднія, нагруженные рыбой. Этого и добивалась лиса. Она перегрызаетъ тяжъ и сани остаются на дорогѣ. Поздно спохватился лопарь и замѣтилъ пропажу саней, а поднявшаяся мятель мѣшала его поискамъ...

⁽¹⁾ En Raide, что по объясненію подлинника значитъ: En Række af Ren, bundne efter hverandre og hver med sin Slæde — «рядъ сѣверныхъ оленей, привязанныхъ другъ къ другу и каждый съ своими санями», т. е. растянутый гуськомъ рядъ сѣверныхъ оленей, привязанныхъ каждый къ ближайшимъ санямъ.

⁽²⁾ En Kjæris объясняется какъ Slæde, der trækkes af Rensdyr — «сани, везомыя сѣвернымъ оленемъ»; это родъ маленькой лодки, судя по рисунку, приложенному къ оригиналу.

Вар. Ф. Замѣтивъ ѣдущій съ моря возъ, нагруженный рыбою, шакаль пытается вскочить на него сзади. Послѣ неудачныхъ попытокъ онъ перегоняетъ возъ и притворяется на дорогѣ мертвымъ. Одинъ изъ извозчиковъ заявляетъ другому: „здѣсь лежитъ прекрасная шуба для твоей жены“, и бросаетъ шакала на возъ. Шакаль выбрасываетъ рыбу на дорогу и, соскочивъ съ воза, добрую долю припрятываетъ. Появившаяся вдругъ „глупая гіена“ такъ усердно принимается пожирать рыбу, что шакаль рѣшается ей отплатить за нахальство. Онъ совѣтуетъ ей продѣлать ту же штуку, какую предпринимаетъ волкъ по подстрекательству лисы въ вар. ВВ. причемъ исходъ столь же плачевенъ, хотя гіену даже не пытаются поднять, такъ какъ она слишкомъ „гадкая тварь“, а—прямо бьютъ.

Вар. Д. Встрѣтивъ старуху, несущую на продажу бананы, заяцъ прикидывается мертвымъ и брошенный въ корзину поѣдаетъ бананы; потомъ онъ соскакиваетъ и исчезаетъ.

Частности всего этого ряда версій весьма близко подходятъ къ подробностямъ нѣкоторыхъ русскихъ вариантовъ. Въ послѣднихъ сохраняется все тотъ же остовъ, какъ и въ вар. А; видоизмѣняются только второстепенныя черты. Но именно различныя подробности представляютъ существенный интересъ для сравненія, способствуя раскрытію зависимости и болѣе близкаго отношенія между собой извѣстныхъ рассказовъ. Ограничиваясь же однимъ остовомъ рассказа, не трудно было бы доказать его сходство со всякимъ другимъ остовомъ. Вотъ почему любопытны мельчайшія совпаденія русскихъ вариантовъ съ западными редакціями.

Такъ, по вар. Г, лиса, подобно вар. ИВ, встрѣчаетъ „фуру чумаковъ“ или цѣлый обозъ рыболововъ (Д) или чумаковъ (КЛ: „валка чумакивъ“). Повидимому разногласіе французскихъ версій съ русскими заключается въ томъ, что въ послѣднихъ возъ съ рыбой сопровождается обыкновенно однимъ только дѣдомъ или мужичкомъ (АБЕЗИМ), тогда какъ въ первыхъ выводится большей частью цѣлая толпа извозчиковъ, хотя и упоминается одинъ только возъ съ рыбой. Но и во французскомъ текстѣ замѣтно колебаніе. Напр., Ренаръ рассказываетъ волку (R e n. v. 4124):

Car je trouai un charreton.

Qu'en portoit une charretée...

Въ другомъ мѣстѣ (R e n. v. 4002) Ренаръ опять таки имѣетъ дѣло какъ бы съ однимъ только извозчикомъ, стало быть, вполне согласно съ остальными западными вариантами, исключая **Д**, гдѣ объ извозикѣ вообще не упоминается.

Подобныя же колебанія замѣтны и относительно другихъ чертъ. Въ вар. **И** говорится постоянно о *marchéanz* ⁽¹⁾, тогда какъ въ заглавіи того же варианта стоитъ *charge-tiers*; часто же упоминаемые въ вар. **В** „извозики“ (*charge-tiers*) ⁽²⁾ повидимому смѣшиваются съ купцами. ⁽³⁾ Если же судить по R e n. vv. 4203—4209, гдѣ передается, что купцы на крики извозиковъ, замѣтившихъ волка, бѣгутъ къ нимъ на помощь, то приходится заключить, что кромѣ извозиковъ, везшихъ рыбу, съ ними были и купцы. Одному французскому варианту извѣстны и *personniers* (*Chabaille Suppl.* стр. 58¹¹), другой дѣлаетъ слабую попытку расширенія воза въ обозъ, такъ какъ упоминаетъ *ij. [dous] charrettes* ⁽⁴⁾.

Тѣ же замѣчанія приходится сдѣлать относительно видовъ везомой рыбы. Обыкновенно опредѣленіе общее: везется „рыба“. Иногда варианты высказываются точнѣе, и тогда упоминаются „снятки“ (**Б**), „сельди“ (**ИИВ**), „камбала“ (**ВД**) ⁽⁵⁾, „миноги“ и „угри“ (**И**). Но во всѣхъ этихъ случаяхъ спеціальныя названія являются чисто мѣстными чертами, которыя приурочились къ основному сюжету сравнительно поздно. Такъ, вар. **Б**, упоминающій о сняткахъ, записанъ въ Переяславль Залѣсскомъ уѣздѣ, вар. **И**, говорящій о сельдяхъ,—въ Архангельской губерніи, слѣдовательно, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ извѣстный видъ рыбы пользовался, повидимому, большей извѣстностію, былъ болѣе въ ходу.

Что спеціальныя опредѣленія сравнительно поздняго происхожденія, обличаютъ между прочимъ тѣ же варианты.

⁽¹⁾ R e n. vv. 773. 800. 810. 864. 867. 885. 891. 896.

⁽²⁾ I b. vv. 3939. 3982. 4002; ср. vv. 4124. 4161. 4194. 4204. 4218. 4239. 4243. 4247. 4289.

⁽³⁾ I b. vv. 3948. 3990. 4224. 4253.

⁽⁴⁾ Въ отрывкѣ, приведенномъ по рп. *S u Martin Examen critique des mscr. du Roman de Renart* стр. 24.

⁽⁵⁾ *Plaiz* (R e n. v. 4943), *pladise* R e i n v. 208. 214. II vv. 212. 215. 218). Относительно значенія и происхожденія этого слова см. *D i e z Etymol. Wörterb. der roman. Sprachen* II s. v. *plie*.

Только при дальнѣйшемъ изложеніи разсказа въ нихъ появляются подробныя опредѣленія видовъ рыбъ, причемъ это опредѣленіе обуславливается близостью моря и вообще сказывается вліяніе мѣстныхъ чертъ:

R e n. v. 773: Marchéanz qui p o i s s o n m e n o i e n t
Et qui d e v e r s l a m e r v e n o i e n t.

R e n. v. 3941: D e p o i s s o n c h a r g i e z e s t o i e n t.

Взвѣсивая всѣ упомянутыя колебанія приходится признать главнымъ образомъ въ вар. **ИВ** нѣсколько болѣе наносныхъ элементовъ и позднѣйшихъ наслоеній⁽¹⁾, чѣмъ въ народныхъ сказкахъ.

Это можно подтвердить еще слѣдующими соображеніями.

Въ **В** передается между прочимъ эпизодъ о волкѣ, притворяющимся мертвымъ въ подраженіе лисѣ. Излишне прибавлять, что эпизодъ этотъ является, естественно, дальнѣйшимъ развитіемъ или варіаціей основнаго мотива о притворствѣ лисы. Въ народныхъ сказкахъ его нѣтъ, исключая вар. **СР**. Но въ послѣднихъ слишкомъ замѣтно обнаруживаются слѣды, восходящіе къ извѣстнымъ намъ литературнымъ обработкамъ на западѣ. По отношенію къ вар. **С**, этому взгляду не противорѣчитъ и историческій фактъ, по которому король Гейза II (1141—61) призвалъ въ Семиградчину нѣмецкихъ колонистовъ изъ Фландріи и Нижне- и Средне-Рейнскихъ областей. Переселенцы, понятно, захватили съ собой извѣстныя имъ преданія и сказки. Относительно же вар. **Р** замѣтилъ уже Бенфей (G. G. A. 1871 стр. 2093): *ist die bekannte Fabel aus Reineke Fuchs* (Ср. также Bleek ук. соч. стр. xviij).

Несомнѣнно древняя черта о лисѣ, притворяющейся мертвою, сохранилась почти во всѣхъ варіантахъ. Черта эта, основанная, конечно, на старинномъ народномъ преданіи и встрѣчающаяся уже въ произведеніяхъ классическихъ писателей, пересказывается, какъ мы видѣли, и въ длинномъ рядѣ средневѣковыхъ бестиаріевъ, гдѣ впрочемъ цѣль притворства — поимка птицъ. Впрочемъ, не одна лиса прибѣгаетъ къ

(¹) Этимъ замѣчаніемъ впрочемъ вовсе не подрывается тотъ фактъ, что упомянутые варіанты относятся къ самымъ древнимъ браншамъ романа о Ренарѣ. Ср. Martin Examen critique стр. 23.

этой хитрости. Ею пользуются рыбы, лебеди, газели и др. животные, причемъ они имѣютъ обыкновенно въ виду спасеніе своей жизни. Примѣненіе этой хитрости въ послѣднемъ смыслѣ встрѣчается часто въ сказаніяхъ восточныхъ и западныхъ. Таковы рассказы въ Панчатантрѣ, Гитопадесѣ и романѣ о Ренарѣ (¹). Въ послѣднемъ, напр., Ренаръ, прикидываясь мертвымъ (R e n. vv. 24242 — 44), избавляется отъ дѣйствительныхъ побоевъ и терзаній со стороны собаки во время поединка съ ней. Къ той же хитрости Ренаръ прибѣгаетъ въ

(¹) B e n f e y Pantschat. II, 137. 139 сл.; ср. 242. 246—249. 333. 339. Hitopadesa von M a x M ü l l e r стр. 32. 125. 154 (=Hitopadésa par L a n s e g e a u [1855] стр. 32. 142. 175). Впрочемъ нельзя не замѣтить, что въ переводѣ Мюллера (стр. 32) воронъ говоритъ козюлкѣ: Freund, stelle dich todt. Blase den Leib mit Luft auf und mache die Füße steif, тогда какъ у Лансегеау (стр. 32) значится: Mon ami, ... fais le mort, retiens ta respiration, raidis tes membres et reste immobile; je vais te becqueter les yeux... что ближе напоминаетъ описаніе бестиаріевъ и романа о Ренарѣ.

Любопытно, что въ африканской (корол. Борну) сказкѣ уловку лисы, притворяющейся мертвой съ цѣлью поимки птицъ, продѣлываетъ аистъ съ жабами (B l e e k Reineke Fuchs in Afrika стр. 150). Хотя многія африканскія сказки обязаны своимъ происхожденіемъ европейской культурѣ, вслѣдствіе чего и въ приведенной баснѣ можно усматривать связь съ литературными обработками животнаго эпоса на западѣ, но въ данномъ случаѣ скорѣе обнаруживается непосредственно восточное вліяніе, именно замѣтна связь съ рассказомъ Панчатантры: Der Kranich und der Krebs (кн. I № 7 B e n f e y Pantschat II, 58; ср. I 174 слл. § 60); посредниками восточнаго вліянія являлись исповѣдники ислама (ср. B e n f e y Pantsch. I, 265). Къ указаніямъ B e n f e y слѣдуетъ еще присоединить сямскую версію той же сказки (B e n f e y [—Bastian] Beiträge zur Gesch. d. Verbreit. d. ind. Samml. v. Fabeln. ect. въ Orient u. Occident III, 172 слл.). Р. Кёлеръ (въ Gött. gel. Anz. 1872 стр. 1223) тоже упоминаетъ вариантъ (по S t e e l e An Eastern Love-Story стр. 251: The wily crane outwitted). Въ хорутанской сказкѣ (V a l j a v e s Narodne pripovjedke стр. 278 № lxxvj: Osel kralj 'se zverine=А в а н а с ѣ в ѣ Сказки IV², 20 хитрость лисы со всѣми подробностями перенесена на осла, который также ловитъ птицъ и при помощи этого искусства становится царемъ звѣрей. Въ хорутанскую сказку черта эта проникла, очевидно изъ бестиаріевъ и неумѣстно примѣнена къ осла. Къ той же хитрости прибѣгаетъ, будто бы, барсъ съ цѣлью поимки обезьянъ (E l i a n i De natura animalium, ed. Didot, l. V с. 54 [стр. 92]).

поединкѣ съ Изенгримомъ (R e n. vv. 15067—72, что впрочемъ противорѣчитъ v. 15091: de pasmoisons et revenuz, гдѣ, слѣдовательно, предполагается, что Ренаръ притворился мертвымъ не намѣренно, а упалъ въ обморокъ), съ пѣтухомъ (R e n. vv. 30054—57); ею же пользуется собака, надъ зубами которой хотятъ заставить Ренара произнести клятву (R e n. vv. 8984—87. 9081—84. R e i n h. v. 1127), и даже осель притворяется мертвымъ, чтобъ провести самаго Ренара (R e n. vv. 17032—85. 17062—64) ⁽¹⁾. Во всѣхъ этихъ случаяхъ взаимнаго совпаденія этой черты нѣтъ ни малѣйшаго основанія сводить все къ заимствованію. Даже Бенфей (Pantschat. I, 333) не колеблется сдѣлать заявленіе: Dieses Stratagem [притворная смерть]... ist ein so einfaches und sich von selbst anbietendes, dasz es selbständig in den Thierfabeln verschiedener Völker vorkommt.

Въ вар. ВЖ эта древняя черта изгладилась и лаконочески рассказывается, будто лиса „промыслила гдѣ-то рыбки“ (В) или передается, что она „повадилась... таскать изъ судковъ рыбу“ (Ж), а въ вар. Б хотя и не упоминается объ уловкѣ лисы, но она ясно выступаетъ изъ общаго хода рассказа: „Бхалъ лѣсомъ мужичокъ со снятками. Лисица накрала сняточковъ“... Во всякомъ случаѣ лисья уловка—существенная черта и отсутствіе ея въ извѣстной сказкѣ должно служить признакомъ искаженія послѣдней. Таковъ, напр., вар. Н, заключающій въ себѣ множество наносныхъ и искусственныхъ элементовъ, частью проникшихъ изъ западныхъ редакцій. Тутъ волкъ и лиса, которая точитъ на кума зубы, отправляются погрѣться къ дѣвушкамъ. Волкъ увивается около нихъ, а лиса, не найдя ничего, чѣмъ утолить свой голодъ, рѣшается прокатиться на лодкѣ (это въ стужу!—zo jenož tak

⁽¹⁾ Ср. также о притворствѣ кошки Waldis Esopus кн. III № 57 (Von Meusen und der Katzen) и прим. Въ бретонской сказкѣ (Sébillot Contes popul. de la Haute-Bretagne [1880]² стр. 333) дроздъ, чтобъ приманить лису, заставляетъ собаку прикинуться мертвой; та же хитрость, какъ мы увидимъ, знакома и русскимъ сказкамъ. Вообще достаточно вспомнить, какъ съ приближеніемъ какойнибудь мнимой или дѣйствительной опасности или врага быстро прикидываются мертвыми многія насѣкомыя и др. животныя, чтобъ убѣдиться въ обыденности и повсемѣстности этой уловки въ природѣ.

zehleſe—dass es nur so glühte), но встрѣчаетъ извозчика, везущаго сельди, сама вспрыгиваетъ на возъ, вскрываетъ одну изъ бочекъ (sudžik) и, выбросавъ достаточно много рыбы, пожираетъ ее.

Отъ подобныхъ искаженій не избавился и вар. О, въ которомъ является весьма странная и поздняя, конечно, замѣна лисы Тиллемъ Эйленшпигель. Послѣдній взлѣзаетъ на возъ, сбрасываетъ сельди и собираетъ ихъ затѣмъ въ кучу. Въ этой замѣнѣ, какъ и въ подобныхъ ей, можно видѣть слабую попытку перехода зооморфизма въ антропоморфизмъ. Еще замѣтнѣе высказывается въ подобныхъ искаженіяхъ неотразимое вліяніе германской литературы особенно на западныхъ славянъ.

Болѣе понятная, — хотя во всякомъ случаѣ не нормальная съ точки зрѣнія животнаго эпоса, — замѣна существуетъ въ вар. Q, гдѣ вторая лиса, подбирающая рыбу, введена очевидно по недоразумѣнію вмѣсто обычнаго волка, выступающаго въ этой роли въ ДС. При посредствѣ какихъ нибудь искаженныхъ версій сюжетъ этотъ сдѣлался достояніемъ и вар. Q. Подтверждается такое соображеніе сообщаемымъ вслѣдъ затѣмъ эпизодомъ въ вар. Q, въ которомъ вторая лиса должна играть роль, приписываемую обыкновенно только волку. Какъ бы намекъ на первоначально выступавшаго въ Q волка можно, пожалуй, усматривать въ опредѣленіи одной изъ лисицъ, именно — big и biggest, причемъ любопытно и то, что терпитъ неудачу „большая лисица“.

Вар. M видоизмѣнился сообразно мѣстнымъ условіямъ, что вполне естественно. Но помимо этого онъ обнаруживаетъ несомнѣнно много искусственныхъ чертъ, которыя не могли входить въ составъ предполагаемаго оригинала и, такимъ образомъ, должны быть отнесены къ проявленіямъ позднѣйшаго наслоенія. Дальновидныя размышленія лисы, слишкомъ самоувѣренный расчетъ на появленіе новаго обоза, непрерывный рядъ паденій съ саней и новое попаданіе на сани, въ расчетѣ добраться таки до рыбы, которая почему-то непременно предполагается въ обозѣ, — все это можетъ быть отнесено только къ категоріи позднѣйшихъ формацій. Для произнесенія этого приговора достаточно и одного послѣдняго факта, такъ какъ повтореніе извѣстныхъ сказочныхъ мотивовъ два, три раза, а тѣмъ болѣе нѣсколько разъ, хотя бы и подъ иной оболочкой, — является несомнѣннымъ при-

знакомъ позднѣйшихъ редакцій. Наоборотъ, краткость можетъ въ большинствѣ случаевъ служить вѣрной примѣтой первичной редакціи. Словомъ, вся сказка производитъ впечатлѣніе заимствованной, и есть нѣкоторое основаніе предполагать, что въ этомъ случаѣ посредниками являлись скандинавы.

Въ виду сдѣланнаго выше замѣчанія слѣдуетъ обратить вниманіе на любопытную особенность вар. 53222. Она состоитъ въ томъ, что лиса брошена въ корзину, перекинутую черезъ плечо рыбака, мужичка или старухи, которые слѣдуютъ путемъ-дорогою совершенно о д и н о к о, безъ провожатыхъ, какъ во многихъ русскихъ вариантахъ и отчасти въ нѣкоторыхъ западныхъ редакціяхъ. Выведеніе на сцену цѣлой толпы купцовъ, чумаковъ и т. п. могло возникнуть только при желаніи создать діалогъ, чтобы придать больше оживленности разсказу, раздвинуть послѣдній въ ширь.

Едва ли можно считать простой случайностью и ту особенность, что всѣ эти варианты встрѣчаются лишь на окраинахъ Европы и въ отдаленной Камбоджѣ. Въ этомъ обстоятельствѣ сказывается точно отрицаніе возможности позднѣйшаго вліянія литературныхъ обработокъ животнаго эпоса, вліянія, распространявшагося путемъ устнаго преданія и нерѣдко ощущаемаго въ романо-германскихъ сказкахъ о животныхъ. Въ упомянутыхъ вариантахъ сохранилось во всякомъ случаѣ болѣе естественныхъ чертъ. Замѣчательно кромѣ того, что вар. 53222 совпадаютъ именно съ вар. 2. Въ данномъ случаѣ не можетъ быть рѣчи о непосредственномъ заимствованіи вар. 2 съ запада, какъ, напр., относительно вар. 3. Въ противномъ случаѣ вар. 2 представлялъ бы болѣе точное отраженіе западныхъ версій, подобно 3, чего въ первомъ не замѣчается. Но помимо своеобразныхъ особенностей и мѣстныхъ чертъ, вар. 2 ясно обнаруживаетъ общую основу съ европейскими версіями. Остается, слѣдовательно, ради объясненія этого совпаденія, предположить или единство источниковъ, или независимость зарожденія. Общіе источники для даннаго случая пока неизвѣстны, хотя едва ли можетъ быть сомнѣніе, что ихъ слѣдовало бы искать въ Индіи. Впрочемъ, здѣсь сходство чертъ не представляется столь рѣзкимъ, чтобы необходимо было предположить заимствование. Болѣе правдоподобно будетъ объясненіе сходства единствомъ быта и человѣческаго духа.

Относительно роли зайца въ вар. *Q* слѣдуетъ замѣтить, что заяцъ и шакалъ играютъ поочередно ту же роль въ Азіи и Африкѣ, какую лиса играетъ на европейскомъ континентѣ. Замѣчательная хитрость зайца въ народныхъ разсказахъ востока вовсе не рѣдкость (*Ben fe y Pantschat*. I, 181 сл. 348. II, 226 549. К. *Endemann Mittheilungen über die Sotho-Neger* въ *Zeitschr. f. Ethnologie* VI, 64. *Bleek* укр. соч. стр. 75 слл. 144 сл.), и *Ро ж э* (*Fables Sénégalaises etc. par M. le Baron Roger* [1828] стр. 175), переложившій сѣверо-африканскія сказки въ формѣ басенъ, между прочимъ замѣчаетъ: *Les Sénégalais considèrent le lièvre comme le plus adroit, le plus rusé de tous les animaux; aussi, dans leurs fables, il trompe et mystifie tous les autres acteurs.*

Инаго рода отступленіе представляетъ вар. *II*. Древняя черта о хитрости лисы сохраняется неприкосновенной, но, попавъ на возъ, лиса воруетъ не рыбу, а три сыра. Но кража сыровъ не находится въ связи съ чертой о притворной смерти лисы и съ послѣдующимъ разсказомъ о ловлѣ рыбы, а является только мотивировкой къ другой самостоятельной сказкѣ.

Можно ограничиться пока сдѣланными замѣчаніями, откладывая дальнѣйшія соображенія до слѣдующей группы сказокъ.

2. РЫБНАЯ ЛОВЛЯ.

Cil qui tot convoite, tot pert.

Ren. v. 1186.

Swer hebet daz er niht mac getragen

Der muoz ez lâzen under wegen:

Des muose ouch Isengrîn nû pflegen.

Reinh. v. 801.

Славянскіе варианты: А (малорусск. [?] сказка, А. о. Сказки I², 1 сл.) Б (великорусск., тамъ-же стр. 2¹ вар. 1-й), В (тоже, тамъ-же стр. 3 вар. 2-й), Г (малорусская, тамъ-же стр. 7 сл.), Д (бѣлорусская, тамъ-же стр. 10 сл.), Е (малорусская, тамъ-же стр. 13 сл.), Ж (великорусск., тамъ-же стр. 15), З (тоже, тамъ-же стр. 19),

И (тоже, тамъ-же стр. 21), К (малорусская, Рудчен-
ко II, 8), Л (тоже, Чубинскій ук. соч. II, 116 сл.),
М (тоже, тамъ-же стр. 119 сл.), Н (лужицкая, Наурт
и. Schmalzer ук. соч. стр. 166), О (тоже, Vesken-
stedt ук. соч. стр. 98), П (польская, А. J. Gliński
Bajarz polski III² [1862] 176 сл.), Р (резьянская, И. Бо-
дуэнъ-де-Куртенэ Резья и Резьяне, въ Славянск.
Сборникъ III, 299), С (тоже, тамъ-же стр. 300 сл. № 4).

Литературныя обработки: R (Reina-
rdus I vv. 531—1128), B (Ren. vv. 1131—1266), G (Rein.
vv. 6269—6340 = Reinke vv. 5625—5702), D (Reinh.
vv. 727—822).

Романо-германскіе варианты: G (нѣмецкая,
Kuhn Märk. Sag. u. Märchen стр. 298 сл. № 15: Der
Wolf angelt), F (тоже, Haltrich Zur deutsch. Thiersage
стр. 23 сл. № vij: Der fuchs lehrt den wolf fischen), G (то-
же, Blaas Vom unzufriedenen Wolf, въ Germania XXIV
[1879] 413 сл.), H (нижне-нѣмецкая, J. F. L. Woeste Volks-
überlieferungen in der Grafschaft Mark [1848] стр. 39 сл.
№ 4: Wie der Fuchs d. Wolf Fische fangen lehrt), S (нор-
вежская, Asbjörnсен и. Моё Norwegische Volksmähr-
chen, deutsch v. Bresemann, I [1847] 118 № 17a), R (франц.,
Cosquin въ ук. м. стр. 597 сл. [отд. отт. стр. 277 сл.]),
Q (ново-провансальская [говоръ Saint-Jean-Soleymieux], R.
Köhler въ Jahrb. f. roman. u. engl. Lit. IX [1868] 400),
M (итальянская, Pitre Fiabe IV, 186 сл. № cclxxvij: La
Vurpi. Ср. Веселовскій въ ук. м. [см. выше стр. 58]),
N (тоже, тамъ-же стр. 180: Lu Luru e la Vurpi).

Инородныя варианты: O (кельтская, Samr-
bell ук. соч. I, 272 сл. № 9: How the wolf lost his tail),
P (бретонская, Paul Sébillot Contes populaires de
la Haute-Bretagne [1880]² стр. 326 № lvj: Le loup et le re-
nard), Q (лапландская, Friis ук. соч. стр. 2 сл. = Lieb-
recht въ Germania XV, 163), R (эстонская, J.
Grimm R. F. стр. cclxxxvj сл. № 4), S (венгерская, Te-
za Rain. стр. 72), T (оссетинская, A. Schiefner Zwei
osset. Thiermärchen въ Mélanges asiatique tirés du bulletin de
l'Acad. Imp. des sciences de St. Pétersbourg V [1864] 204—
205 [а не 104—105, какъ помѣчено вслѣдствіе опечатки,
перешедшей и къ Cosquin въ ук. м. стр. 600, и не
1863 г., какъ у послѣдняго же]).

Ср. кромѣ того J. Grimm R. F. стр. ccxvij (clxxxviii. cclxxxiiij). 425 сл. Grimm Kinder- u. Hausmärchen III^s (1856) 124 № 73: Der Wolf u. d. Fuchs [нижне-нѣмецкая сказка изъ окрестностей Падерборна, а не баварская, какъ ошибочно помялъ Cosquin въ ук. м. стр. 599]). R. Köhler въ Orient u. Occident II, 302 указываетъ на Birlinger Nimm mich mit! стр. 54. Cosquin въ ук. м. стр. 600 приводитъ ново-провансальскую сказку, по E. Rolland Faune populaire de la France I (1877) 150, и прим. въ ук. м. X (1881) 577 № lju. Oesterley Die Narrationen d. Odo v. Ciringtonia въ Jahrb. f. roman. u. engl. Lit. XII (1871) стр. 144 № 36 = Kleinere latein. Denkmäler d. Thiersage aus d. zwölften bis vierzehnten Jahrh. v. Ernst Voigt, (1878) стр. 135 Parab. 4. Burk h. Waldis Esopus, hrsg. v. H. Kurz, кн. III № xcj (Vom Wolffe und Fuchsz) и прим. F. Liebrecht въ Germania XXVI (N. R. XIV. 1881) 123.

Вар. А. Лиса собираетъ разбросанную рыбу въ кучу и „ѣстъ себѣ“. Является волкъ и проситъ рыбки. Лиса въ отвѣтъ совѣтуетъ ему самому наловить, ссылаясь на свой примѣръ: „опусти хвостъ въ прорубь—рыба сама на хвостъ нацѣпляется“, и наказываетъ сидѣть подольше. Волкъ идетъ на рѣку и дѣйствуетъ согласно совѣту. Такъ какъ „дѣло-то было зимою“ и онъ просидѣлъ цѣлую ночь, то „хвостъ его и приморозило“... „Эка, сколько рыбы привалило, и не вытащишь!“ радуется волкъ. Но когда появились бабы и съ крикомъ: „бейте его!“ стали наносить жестокіе удары, „чѣмъ кто попало“, то „волкъ прыгаль, прыгаль, оторвалъ себѣ хвостъ“ и пустился бѣжать, рѣшившись отплатить кумушкѣ.

Вар. Б. Лиса „сѣла подъ стогъ пообѣдать“ снятками. Волку она совѣтуетъ надѣть на хвостъ кувшинъ, въ которомъ была у нее рыба, и опустить хвостъ въ прорубь. Пока волкъ сидитъ лиса приговариваетъ: „ясни, ясни на небѣ звѣзды, мерзни волчій хвостъ!“ Она бѣжитъ въ деревню, попадаетъ „въ одной избѣ въ квашню головой“ и, поднявъ тревогу, „бѣжитъ... изъ деревни прямо на волка, а за лисцей народъ“... „Насилу полхвоста оторвалъ“ волкъ и спасается бѣгствомъ.

Вар. В. Лиса поясняетъ волку, что, когда онъ опуститъ хвостъ въ прорубь, „рыбка ...всползетъ на него грѣться“. Приговаривая, какъ въ Б, чтобъ хвостъ его примерзъ, она отвѣча-

еть на запросъ волка, что скликаеть рыбку. Подъ предлогомъ забѣжать въ деревню за медомъ, лиса скрывается, а волка мужики убиваютъ.

Вар. Г. Начало, какъ въ предыдущихъ вариантахъ. Опустившему въ прорубь хвостъ волку лиса совѣтуетъ приговаривать: „ловись рыбка и мала и велика, ловись рыбка и мала и велика!“, а сама между тѣмъ приговариваетъ: „мерзни, мерзни волчій хвостъ“, увѣряя волка, спрашивающаго, что она шепчетъ, что она „помогаетъ“ ему. Убѣдившись, что волкъ примерзъ, лиса сзываетъ народъ: „сюда, люди! спѣшите бить волка!...“ и волкъ лишается хвоста.

Вар. Д, отвѣчающій Г, прибавляетъ только, что лиса, уступая просьбамъ волка, даетъ ему одну рыбку, сама „пработала праломку“, „укачалася у рацину (тѣсто, мучной растворъ)“ и „сѣла на стогъ“ въ ожиданіи волка.

Вар. М. Лиса, послѣ обычнаго начала, совѣтуетъ волку приговаривать: „ловись, рыбка маленька ѿ велика“, а волкъ бормочетъ: „ловись, рыбка велика, та все велика!“ вслѣдствіе чего лиса, приговаривавшая свое „мерзны, мерзны, вовчий хвѣстъ!“ подъ видомъ участія дѣлаетъ ему легкій укоръ: „Отъ же бачишь, який ты жадный: казавъ: ловись велика та велика, а теперь и не вытягнешь“, и, подъ предлогомъ призвать кого нибудь на помощь, скликаеть людей.

Остальные русскіе варианты болѣе или менѣе отвѣчаютъ вышеизложеннымъ.

Вар. Ж. При встрѣчѣ съ волкомъ Изенгримомъ, на котораго Ренаръ злится за окорокъ, однажды добытый хитрой лисою, но цѣликомъ съѣденный волкомъ, — Ренаръ убѣждаетъ волка не ѣсть больше мяса, а лучше рыбу, разрѣшаемую уставомъ. Волкъ непрочь, если Ренаръ найдеть, что дать въ замѣнъ. Ренаръ заявляетъ, что знаетъ прудъ, изобилующій рыбою, которой даже волкъ въ состояніи будетъ удовлетворить своему вѣчно-неутолимому голоду. Изенгримъ въ восторгѣ и требуетъ, чтобъ Ренаръ немедленно свелъ его туда. Ренаръ повинуется и, явившись на мѣсто, совѣтуетъ Изенгриму опустить хвостъ въ замерзающую воду и не соблазняться большими рыбами, а довольствоваться малыми, — угрями, окунями; самъ же онъ отправляется на разсвѣтъ въ ближайшее село и уноситъ пѣтуха, принадлежащаго попу. Священникъ, служившій какъ разъ

обѣдню (missa), прерываетъ ее, обращается съ воззваніемъ къ прихожанамъ и всѣ, вооружившись церковной утварью — чашей, канделябрами, крестами, книгой, — пускаются въ погоню за похитителемъ. Ренаръ бѣжитъ по направленію къ волку, совѣтуетъ ему спастись бѣгствомъ и, жестоко посмѣявшись надъ несчастнымъ волкомъ, скрывается. Увидѣвшая Изенгрима толпа, набрасывается на него съ жестокими побоями, а крестьянка одна сгоряча наноситъ топоромъ неудачный ударъ и отрубаетъ хвостъ волка. Освобожденный волкъ обращается въ бѣгство.

Вар. В. На святкахъ Ренаръ ведетъ Изенгрима ловить рыбу къ проруби. Ренаръ находитъ здѣсь ведро, оставленное крестьянами, пригонявшими свой скотъ на водопой, и привязываетъ его къ хвосту волка, обѣщая ему богатый уловъ угрей и чебаковъ; онъ совѣтуетъ ему держаться благо-разумно, а самъ ложится подъ кустъ. Къ разсвѣту, когда хвостъ волка примерзъ, Ренаръ насмѣшливо заявляетъ, что пора уходить, такъ какъ довольно наловилъ онъ рыбы. Изенгримъ чистосердечно убѣжденъ въ богатомъ уловѣ рыбы и не знаетъ, какъ ему быть, — какъ сдвинуть эту тяжесть съ мѣста. Между тѣмъ уже разсвѣло. Въ сосѣднемъ помѣстьѣ собирается на охоту субъ-вассаль (vassal) съ своей челядью. Увидѣвъ волка, охотники спускаютъ собакъ, набрасывающихся на него со всѣхъ сторонъ. Разсерженный на первый неудачный ударъ, повлекшій за собой его паденіе на лѣду, рыцаръ наноситъ второй ударъ, но столь же неудачно, такъ какъ отсѣкаетъ мечомъ только хвостъ. Изенгримъ спасается бѣгствомъ ⁽¹⁾.

Вар. Г. Рейнартъ увѣряетъ волчицу, что она поймаетъ много рыбъ, если опуститъ хвостъ въ воду. Рейнартъ пользуется безвыходнымъ положеніемъ волчицы, хвостъ которой примерзъ во льду, насилуетъ ее и покидаетъ ее только при появленіи Изенгрима. Послѣ долгихъ усилій Изенгриму удается взломать ледъ и освободить свою жену, оставившую

⁽¹⁾ Намеки на злополучную рыбную ловлю волка встрѣчаются еще: Ren. vv. 10777—78. 13121—28 (=Le pelerinage Renart p. E. Martin, въ Roman. Studien hrsg. v. Roehmer, Hft. III [1873] 416, vv. 135—142). 13467—69. 14377—408. 15833—39. Chabaille Supplém. стр. 166 (къ v. 13478).

всетаки во льду добрую часть хвоста (*een groot stic*, Rein. v. 6309; *dat vërde dël* по Reinke v. 5671). Жалобный вой волчицы призывает народъ, который долго преслѣдуетъ супруговъ, пока ночь не скрываетъ бѣглецовъ въ густомъ кустарникѣ⁽¹⁾.

Вар. D передаетъ подробность, что Рейнгартъ собирается пригнать къ волку рыбу (*stürmen*)⁽²⁾, которую онъ видитъ сквозь ледъ. Когда волкъ начинаетъ ощущать тяжесть, Рейнгартъ насчитываетъ въ ведрѣ 30 штукъ угрей и увѣряетъ, что скоро ихъ будетъ сотня, если Изенгримъ будетъ сидѣть смирно (*stille gestân*). Рейнгартъ велитъ ему попытаться вытащить рыбу; когда попытки волка остаются безъ успѣха, Рейнгартъ, подъ предлогомъ отправиться за помощью, скрывается. Остальное, какъ въ вар. B, но сокращеннѣе.

Вар. E. Весь рассказъ почти совершенно совпадаетъ съ вар. A. Чтобы привлечь вниманіе мужиковъ на волка, лиса, какъ въ вар. M; похищаетъ курицу и бѣжитъ съ ней къ волку; эта хитрость предаетъ его въ руки немилосердныхъ крестьянъ.

Вар. K. Лиса предлагаетъ волку ловить рыбу. Нанулавъ угольщиковъ своимъ приближеніемъ, волкъ и лиса заручаются корзинами, необходимыми для рыбной ловли. Привязавъ одну изъ корзинъ къ хвосту волка, послѣдній влѣзаетъ въ холодную воду, чтобъ наловить побольше льдинъ, которыя лиса выдаетъ за дохлую рыбу. Съ трудомъ вытаскиваетъ наконецъ волкъ тяжелую корзину и обрываетъ себѣ хвостъ; лиса же совѣтуетъ ему попробовать пойманную имъ дичь (*bêtes*); волкъ рѣшается и, только переломавъ себѣ зубы, открываетъ, что это льдины...

При сравненіи русскихъ вариантовъ съ литературными обработками того же основнаго сюжета, невольно бросаются въ глаза ихъ отступленія, крайности и позднѣйшія наслоенія. Латинская редакція, т. е. вар. M, пересыпаетъ весь рассказъ

(1) Rein. vv. 6344—6408 и Reinke vv. 5707—5774 касаются того же приключенія съ точки зрѣнія Рейнарта.

(2) Относительно этого слова см. J. Grimm R. F. стр. 107 прим. къ v. 740 (ср. также стр. сіх); въ болѣе древней редакціи вм. *stürmen* стоятъ *pfulsin*, бить по водѣ, шумѣть въ водѣ, что Гриммъ (*Sendschreiben* стр. 56 къ прим. 740; ср. стр. 64, 65.) производитъ отъ лат. *pulsare*, франц. *pousser*.

многоглаголюющими вставками, не имѣющими ничего общаго съ животнымъ эпосомъ и относящимися къ иной области литературныхъ явленій. Вар. В вводитъ столь же чуждый животному эпосу рыцарскій элементъ. Больше половины стиховъ вар. В посвящено описанію сборовъ рыцаря на охоту, его борзымъ и ищейкамъ, скакуну, охотникамъ, трубящимъ въ рога, и т. п. Въ древней основѣ или въ оригиналѣ заключительная сцена происходила, очевидно, при болѣе простой обстановкѣ, какъ можно заключить изъ *Rein. v. 13121* слл., гдѣ волка поражаетъ не шпага рыцаря, а просто дубина виллана. Вар. Г впадаетъ въ другую крайность. Посмѣяться надъ злополучнымъ волкомъ—казалось мало; въ угоду усиливавшемуся сатирическому направленію, Изенгримъ замѣненъ былъ волчицей, чтобъ имѣть возможность изобразить довольно подробно скабрёзную сцену поруганія ея чести. Этимъ не исключаются скабрёзные сцены изъ сказокъ о животныхъ вообще, но не въ такой формѣ и не въ такомъ сочетаніи мотивовъ. Намѣренность замѣненія волка волчицей ясно высказывается въ томъ, что въ древней редакціи „Рейнарта“ этого эпизода нѣтъ, а напротивъ намечается на него, но выводится въ немъ не волчица, а волкъ:

*Sint dedic hem meerren scamp
upt ijs, daer icken leerde vischen
daer hi niet conste ontwischen,
hi ontfinker meneghen slach.*

Rein. vv. 1502—1505.

Причемъ любопытно то обстоятельство, что позднѣйшій передѣлыватель и продолжатель „Рейнарта“, удержавъ въ своей обработкѣ и приведенное мѣсто (им. *Rein. II vv. 1542—44*), въ присочиненномъ имъ продолженіи замѣнилъ однако волка волчицей. „Рейнке“, какъ вѣрный сколокъ съ „Рейнарта“, сохранилъ, конечно, намекъ на этотъ эпизодъ съ волкомъ:

*Ik lêrde em vische vangen up einen dach,
dâr hê ôk entfênk mannigen slach.*

Reinke vv. 1451—52.

и тѣмъ не менѣе тоже замѣняетъ далѣе волка волчицей. Вар. Д частью раздѣляетъ недостатокъ В, но въ значительно меньшей степени.

Несмотря на болѣе или менѣе значительныя видоизмѣненія, на наросты, западныя редакціи обличаютъ ту же

общую основу, какая обнаруживается въ русскихъ вариантахъ и родственныхъ съ ними западныхъ сказкахъ.

Совпаденіе подробностей весьма любопытно.

Ловля рыбы происходитъ въ звѣздную (*Li ciex fu clers*) *et estelez*, *Ren. v. 1133*; ср. БВЗИ), сильно морозную ночь, „що ажъ скалы (осколки) скачутъ“ (Г), „що ажъ шкварчить“ (К) и т. п. (почти во всѣхъ вариантахъ). Лиса совѣтуетъ волку опустить хвостъ въ прорубь (АГДЕЗИКЛМН), какъ въ западныхъ вариантахъ (МССШС и др.), или привязываетъ къ его хвосту ведро (ЖВД), кувшинъ (БМ) или корзину (ПШХР).

Любопытную, повидимому очень древнюю черту представляетъ родъ заклятій, произносимыхъ лисою, когда она желаетъ, чтобы настала ясная погода, ударилъ сильный морозъ, оказался богатый уловъ рыбы: „ясни на небѣ“ (БВЗИ), „мерзни волчій хвостъ“, „ловись рыбка“ (БВГДЗИКЛМП) и т. п. Этихъ заклятій западные версіи не знаютъ. Исключеніемъ является только вар. Ж, въ которомъ встрѣчается, кажется, совершенно такое же заклинаніе, какъ въ упомянутыхъ вариантахъ ⁽¹⁾.

Злополучное приключеніе волка передается въ другихъ сказкахъ—и прежде всего въ славянскихъ—аналогично съ русскими. Въ вар. Н лиса, разлакомивъ волка кускомъ селедки и соблазнивъ идти на рыбную ловлю, заставляетъ его пробовать три раза, не взялась ли рыбка, что совпадаетъ съ вар. ЛШЖ. По другимъ вариантамъ волкъ долженъ сидѣть до тѣхъ поръ, пока не начнетъ „пощипывать“ (З и *J. Grimm R. F. стр. ccxvij*) или „покусывать“ (Ш; ср. *Q* и *Ren. v. 14397: dès que tu les poissons sentis...*).

Образчикомъ значительной порчи основнаго мотива о рыбной ловлѣ можетъ служить вар. Ж, почти весь состоящій изъ натяжекъ. Достаточно показаться волку, чтобы напугать двухъ угольщиковъ; достаточно лисѣ заявить, что

⁽¹⁾ Къ сожалѣнію, мы вовсе незнакомы съ эстонскимъ языкомъ, но, судя по первой половинѣ сообщеннаго Я. Гриммомъ (*R. F. стр. cclxxxvj*) эстовскаго заклятія: *rikka taewas, rakka taewas*, которое онъ вслѣдствіе темнаго смысла не переводитъ, а ограничивается приведеніемъ значенія слова: *rikka—lang, taewas—himmel* (значеніе *rakka* ему неизвѣстно).—можно заключить, что оно, можетъ быть даже буквально, отвѣчаетъ заклятію: „ясни на небѣ“...

льдины дохлая рыба,—и волкъ ей слѣпо вѣритъ на слово; неестественъ и самый уловъ и наивное открытіе обмана.

Вар. **Ѣ** изглаживаетъ даже самую существенную черту: вовсе не упоминается, что дѣло происходитъ зимою. Волчій хвостъ обрывается вслѣдствіе того, что привязанная къ нему корзина становится слишкомъ тяжелой отъ богатаго улова. Въ чемъ на самомъ дѣлѣ заключается этотъ уловъ рыбы (*pêche*),—объ этомъ ни слова.

Въ вар. **Ѥ** въ привязанную къ хвосту волка корзину лиса кидаетъ камни (*de peïres*), которые своей тяжестью отрываютъ у него хвостъ; о проруби же нѣтъ рѣчи.

Въ вар. **Ѭ** не упоминается, что избитый (прачками, *le lavandaie*) волкъ отрываетъ себѣ хвостъ, а указывается на предложеніе лисы, оказывавшей ему мнимую помощь, отрубить его хвостъ. Понятно, волкъ *la ringrazia e di barbieri non vuol saperne*.

Въ вар. **Ѯ** исчезло даже главное дѣйствующее лицо—лиса. Она замѣнена рыболовомъ, у котораго волкъ просить рыбку для утоленія голода. Подъ условіемъ помогать сначала при рыбной ловлѣ, рыбакъ привязываетъ къ хвосту волка корзину, нагружаемую имъ постепенно камнями—мнимой рыбой. Въ концѣ концовъ, призвавъ нѣсколькихъ крестьянъ, онъ избиваетъ волка до полусмерти.

Вар. **Ѱ** измѣняетъ уже мѣсто и время дѣйствія: лиса привязываетъ къ хвосту волка кувшинъ для рыбной ловли и заставляетъ его плыть далеко въ море; открывъ крышку кувшина, волкъ погружается на дно и тонетъ.

Вар. **Ѳ** не имѣетъ почти ничего общаго съ разсчитываемымъ эпизодомъ, кромѣ развѣ того, что кума-лиса предлагаетъ куму-волку *jiri a piscari*. Остальное же, какъ плаваніе волка по морю до истощенія силъ и притворное участіе лисы, мало имѣетъ общаго съ рыбной ловлей.

Вар. **Ѵ** подвергся, очевидно, значительнымъ искаженіямъ. Волкъ по злобѣ на обманывавшую его лису пускается за ней въ погоню и отрываетъ ей хвостъ. Вскорѣ ей посчастливилось найти въ одномъ мѣстѣ рыбу и когда другія подбѣжавшія къ ней лисицы стали допытываться: откуда она взяла рыбу? то получили въ отвѣтъ, что она опустила хвостъ въ воду и затѣмъ стала вытаскивать рыбу. Лисицы слѣдуютъ ея примѣру. Такъ какъ ночью былъ морозъ, то всѣ онѣ лишились хвостовъ. Въ этомъ варіантѣ произошелъ, конеч-

но, рядъ смѣшеній различныхъ мотивовъ. Очевидно вар. *Э* передѣлка басни Эзопа: Безхвостая Лисица (*На І т* № 46. Мартыновъ № 7), гдѣ лиса, лишившаяся хвоста, уговариваетъ всѣхъ своихъ подругъ тоже обрубить себѣ хвосты. Затѣмъ къ этой басни присоединился глухой отголосокъ мотива о рыбной ловлѣ, отголосокъ, донесшійся повидимому со стороны славянъ. Такимъ образомъ, получилось сочетаніе, выразившееся приблизительно въ вар. *Э*.

Совершенно неестественную замѣну волка лисою съ точки зрѣнія сказокъ представляетъ вар. *О*. Лису побуждаетъ зимой долить рыбу Эйленшпигель, и лиса лишается хвоста. Вар. *Р.*, въ которомъ всевозможные мотивы до крайности перепутаны,—какъ въ извѣстныхъ намъ резьянскихъ сказкахъ вообще,—сохранилось только слабое воспоминаніе о злополучномъ приключеніи волка. Совершенно неожиданно передается, напр., что „у волка хвостъ былъ переломанъ“; остается догадываться, что, можетъ быть, отъ побоевъ, которымъ онъ подвергался. Когда волкъ получаетъ „другой хвостъ изъ пряжи“, лиса предлагаетъ ему прыгать черезъ огонь. Хвостъ волка загорается и лиса совѣтуетъ опустить его въ воду, гдѣ онъ примерзаетъ, такъ какъ дѣло происходитъ зимою. Такимъ образомъ основной мотивъ здѣсь уже окончательно изгладился, и, чтобы объяснить опусканіе хвоста въ воду, придуманъ мотивъ о воспламененіи хвоста. Вообще, самая нелѣпость разсказа въ резьянскихъ сказкахъ ясно обличаетъ заимствованіе. Странно только то, что подобныя нелѣпости „разсказываются ими [резьянами]... сопамогє“, по словамъ И. А. Бодуэна-де-Куртена (въ ук. м. стр. 298). Въ видѣ поправки необходимо также замѣтить, что если животныя сказки „кажутся какъ будто-бы родившимися у самихъ Резьянъ“ (въ ук. м.), то онѣ могутъ казаться такими только на взглядъ не спеціалиста; кромѣ того, въ нихъ не можетъ отражаться мнимый „обще-Аріо-Европейскій... животный эпосъ“ (въ ук. м.).

Въ крайне запутанномъ вар. *С* лиса выдаетъ отраженіе луны въ водѣ за сыръ и совѣтуетъ волку, какъ снова остается догадываться, выудить его хвостомъ; хвостъ зацѣпляется за скалу, а усилія волка вытащить мнимый сыръ ведутъ къ тому, что хвостъ обрывается.

Эпизодъ объ отраженіи въ водѣ луны, выдаваемый за сыръ, встрѣчается, кромѣ только что упомянутого вар. *С*, и въ

другихъ сказкахъ. Въ вар. *Д* волкъ надѣется добыть сыръ, за который лиса выдаетъ отраженіе луны „на льду; но такъ какъ волкъ по совѣту лисы прикрываетъ мнимый сыръ хвостомъ, пока она идетъ узнавать, спитъ ли фермеръ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она зоветъ его бить волка, примерзшаго тѣмъ временемъ ко льду,—то волкъ лишается хвоста. Въ романѣ о Ренарѣ (*Ren. vv. 10779—782*) встрѣчается тотъ же мотивъ, но онъ не развитъ въ подробный рассказъ. Въ сербской сказкѣ (*К а р а џ и ѣ Приповијетке² стр. 178 сл. = K a r a d s c h i t s c h Volksmärch. d. Serben, übers. v. dessen Tochter Wilhelmine [1854] стр. 267 сл.*) лиса заставляетъ волка локать воду, если онъ желаетъ добыть виднѣющійся на днѣ (мнимый) сыръ. Повидимому сказка эта простой пересказъ какого нибудь посредствующаго варианта, (прототипомъ котораго является баснь у *Marie de France J. Grimm R. F. стр. cclxxviii*), гдѣ волкъ, чтобы добыть мнимый сыръ, до тѣхъ поръ пьетъ воду, пока не лопаесть. Въ сербской сказкѣ лиса, въ виду дальнѣйшихъ приключеній, затыкаетъ у волка всѣ отверстія, чтобы удержать изливающуюся воду. Въ вар. *З*, съ легкимъ видоизмѣненіемъ основнаго мотива, выдается бѣлый камень (*ina reiga blatchi*) въ колодцѣ за масло (*burre*). Непосредственнымъ источникомъ западныхъ версій, выдающихъ отраженіе луны за сыръ, оказывается безъ всякаго сомнѣнія, какъ замѣтилъ уже *Бенфей* (*Pantschat. I, 349*), восточная баснь *Петра-Альфонса*. Прототипомъ же послѣдняго послужила баснь *Эзопа*: „Лисица и Козель“ (*Na 1 m № 45 = Мартыновъ № 4*; баснь *Измайлова*: „Козель и Лисица“) въ связи съ однимъ изъ рассказовъ *Панчатантры* (*Benfe y Pantsch. II, 226*), гдѣ заяцъ указываетъ слону отраженіе луны въ водѣ.

Указанія на нѣкоторыя параллели къ эпизоду объ отраженіи луны, выдаваемомъ за сыръ, встрѣчаются у *Р. Кёлера* въ примѣчаніяхъ къ вар. *З* (стр. 401 сл.). Сюда же должна быть отнесена испанская сказка (*Antonio de Trueba Cuentos populares [1875] стр. 91 [resp. 94 сл.]: La zorra y el lobo*), которая чрезвычайно близко слѣдуетъ своему источнику, упомянутому рассказу *Петра-Альфонса* (ср. *Grimm R. F. стр. cclxxviii*). Лиса ведетъ волка къ высохшему колодцу (*un rozo seco*), въ которомъ зажиточный крестьянинъ хранитъ цѣлый запасъ сыровъ (*provision de quesos*). Выдавая отраженіе луны въ колодцѣ за сыръ, величи-

ною чуть-ли не съ мельничное колесо (*una rueda de molina*), лиса, съ цѣлью внушить больше довѣрія къ своему плану, спускается въ одномъ изъ ведеръ, подвѣшенныхъ на валѣ. Увѣсистый волкъ, слѣдуя примѣру лисы, опускается въ другомъ ведрѣ и, поднявъ лису на верхъ, самъ остается въ колодецѣ.

Подобный же пересказъ все того же эпизода представляютъ и два португальскіе варианта, уцѣлѣвшіе впрочемъ въ довольно сокращенномъ видѣ и сообщенные у Коэльо (*Soeiro* ук. соч. стр. 16 сл. [№ viij: *Raposinha gaiteira*] и 14 сл. [№ vi: *A garosa e o lobo*]). Въ одномъ изъ нихъ (стр. 16 сл.) раздраженный волкъ, постоянно обманываемый лисой, бросаетъ послѣднюю въ колодець. Лиса садится въ ведро и даже изъявляетъ одобреніе волку, что онъ ее бросилъ въ колодець, такъ какъ она нашла тамъ много славныхъ сыровъ (*coisas muito bonitas*). Глупый волкъ подвергается далѣе извѣстной уже участи. Здѣсь, слѣдовательно, утраченъ мотивъ объ отражающейся въ водѣ лунѣ, а передается какъ бы дальнѣйшій выводъ этого мотива. За то онъ удержался въ другомъ вариантѣ (стр. 14 сл.). Тутъ странствующие вмѣстѣ волкъ и лиса видятъ отраженіе луны въ колодецѣ (*a sombra da lua n'um роço*), но лиса выдаетъ его не за сыръ, а за бѣлый (майсовый) хлѣбъ (*uma broa*) и предлагаетъ волку локать воду, пока онъ не лопасть (какъ у *Marie de France*).

Едва ли нужно прибавлять, что изъ того же источника у Петра-Альфонса вытекаютъ, какъ высказывалъ уже Бенфей (*Pantsch. I, 179* слл. преим. 182), и всѣ версіи въ литературныхъ обработкахъ животнаго эпоса о волкѣ, попавшемъ въ колодець, который выдается лисой за рай (*Reinh. vv. 823—1060. Ren. vv. 6455—7026. 14319—376. 15814—32. Chabaille Suppl. стр. 113—121. Reinh. vv. 6409—6439. Rienke vv. 5775—5827. Robert Fables inédites II, 300 слл. B. Waldis Esopus, v. Kurz, кн. IV № viij и прим.*). Что же касается подробности въ литературныхъ обработкахъ, въ которыхъ волкъ принимаетъ свое изображеніе на днѣ въ колодецѣ за волчицу, то черта эта находится въ зависимости отъ извѣстнаго разсказа Панчатантры (*Benfe y Pantsch. II, 67*). Тутъ заяцъ показываетъ льву его отраженіе въ водѣ колодца, принимаемое львомъ за своего врага; ринувшись на послѣдняго, онъ погибаетъ (ср. *Benfe y Pantsch. I, 182*). Въ народной сказкѣ

индѣйцевъ въ томъ же разсказѣ заяцъ замѣняется шакаломъ (M. F r e e Märchen aus d. indischen Vergangenheit, übers. v. A. Passow, [1874] стр. 209 слл. № 11).

Говоря о рыбной ловлѣ, нельзя не указать на сходство, существующее между западными редакціями и одной сѣвероафриканской (Haussa) сказкой (B l e e k ук. соч. стр. 38 № 1: Warum hat die Hyäne ein buntes Fell?). Въ послѣдней разсказывается, что шакалъ, наѣвшись рыбы, которую онъ наловилъ, предлагаетъ остальную подошедшей гіенѣ. Гіена все поѣдаетъ. Шакалъ такъ раздраженъ ея обжорствомъ, что изъ мести татуируетъ ее, т. е., обѣщая сдѣлать гіену такой же пестрой, какъ перья цесарки,—изрѣзываетъ ей всю спину острымъ ножомъ. Только конецъ этой сказки представляетъ отступленіе отъ разсмотрѣнныхъ вариантовъ; но и онъ находитъ себѣ аналогію въ вар. D. Вар. D передаетъ между прочимъ, что лиса, въ надеждѣ избавиться отъ разгнѣваннаго послѣ злополучной рыбной ловли медвѣдя, хвастается умѣніемъ раскрашивать птичекъ въ пестрые цвѣта (da jeg maledede hine smaa Fugle brogede) и примѣняетъ это искусство къ медвѣдю, котораго она послѣ извѣстныхъ экспериментовъ сжигаетъ въ ямѣ, наполненной смолой. Такимъ образомъ, мотивъ раскрашиванія представляетъ въ обѣихъ сказкахъ, очевидно, случайное совпаденіе. Относительно же первой половины африканской сказки, столь близко отвѣчающей нѣкоторымъ западнымъ вариантамъ и по характеру разсказа,—едва ли можетъ быть сомнѣніе, что она сложилась подъ вліяніемъ запада.

Другая сѣвероафриканская (Борну) сказка (B l e e k ук. соч. стр. 99 сл. № 8 = G r i m m Kinder- u. Hausmärch. III,³ 372) заключаетъ одинъ эпизодъ, сравниваемый Г р и м м о мъ (въ ук. м.), а за нимъ Р. К ё л е р о мъ (въ Jahrb. f. roman. u. engl. Lit. IX, 401), съ плачевнымъ эпизодомъ о лишившемся своего хвоста волкѣ въ западныхъ редакціяхъ. Чтобъ изжарить умерщвленнаго гіеной звѣря, передаетъ сказка, лисица отправляетъ ее за огнемъ. Пока глупая гіена,—преслѣдующая заходящее солнце, которое она принимаетъ за огонь,—на поискахъ, ласка прячетъ въ свою нору мясо и сваливаетъ затѣмъ вину на прохожихъ. Подъ предлогомъ вытащить мясо, ласка коварно привязываетъ къ хвосту гіены увѣсистую палку вмѣсто мяса и заставляетъ гіену тащить мнимое мясо на верхъ, сама же крѣпко ухва-

тывается за дубину, вследствие чего хвостъ гіены обрывается. Въ данномъ случаѣ все сходство сближаемыхъ сказокъ заключается впрочемъ только въ томъ, что съ одной стороны волкъ, съ другой гіена лишаются вследствие извѣстныхъ обстоятельствъ хвоста. Возникаетъ вопросъ: какъ смотрѣть на совпаденіе подобныхъ чертъ, относительно которыхъ Я. Гриммъ и Келеръ довольствуются однимъ сближеніемъ?

Предварительно слѣдуетъ разсмотрѣть нѣкоторые варианты.

Хвостъ звѣрей играетъ въ народныхъ преданіяхъ нерѣдко весьма видную роль. Звѣри гордятся своимъ хвостомъ, лелѣютъ его, употребляютъ его въ качествѣ оружія или орудія (напр., J. Grimm R. F. стр. xlj. Reinh. v. 819 сл. Ren. vv. 10055 слл. 16747—48. 16896. Reinke vv. 2265—66. Bleek ук. соч. стр. 1. 79. 136): то лиса уноситъ на своемъ хвостѣ пѣтуха (Рудченко I, 27), то волкъ лису (Pitè Fiabe IV, 179. 181), то даже пѣтухъ лису, волка (Nah n Griech. u. alban. Märch. № 85). Во многихъ сказкахъ хвостъ лисы является ей помѣхой, она разсуждаетъ съ нимъ, наказываетъ его и т. п. Словомъ, существованіе цѣлаго ряда подобныхъ преданій доказываетъ, что хвостъ звѣрей не замедлилъ обратить на себя вниманіе человѣка, стоявшаго на младенческой ступени развитія. Дѣлая свои наблюденія, послѣдній подмѣтилъ вскорѣ, какъ общее правило, что у громаднаго большинства звѣрей хвостъ длинный. И вдругъ—его глазамъ представляется звѣрь съ короткимъ хвостомъ. Это поражаетъ воображеніе человѣка, кажется ему явленіемъ ненормальнымъ, и онъ такъ или иначе старается его объяснить. И вотъ, являются сказки, которымъ можно бы дать общее заглавіе: отчего у извѣстнаго звѣря хвостъ короткій?

Въ Норвегіи (З) похождение на льду разсказывается не о волкѣ, а о медвѣдѣ, причемъ прямо высказывается мотивъ, который имѣется въ виду сказкой: „и понынѣ еще ходитъ онъ [медвѣдь] съ короткимъ хвостомъ“. Тоже самое приключеніе приписывается тоже медвѣдю лопарями и эстами (ДЖ), которые повидимому заимствовали, какъ можно судить по нѣкоторымъ признакамъ, это приключеніе у своихъ сосѣдей, скандинавовъ. Хотя въ вар. ДЖ и не указывается прямо на мотивъ короткохвостости, но онъ ясно сказывается самъ. Въ Шотландіи передается (Д), что при добываніи сыра на льду волкъ лишился хвоста, вследствие чего

онъ сталъ съ тѣхъ поръ куцомъ. Ошибочное примѣненіе этого вывода, какъ замѣтилъ уже Кемблѣ (ук. соч. I, 273), объясняется тѣмъ, что заимствованная, очевидно, у норвежцевъ сказка замѣнила по недоразумѣнію медвѣдя волкомъ. Одна нѣмецкая сказка (Köhler вѣ Orient u. Occident II, 302) приписываетъ приключеніе на льду зайцу, очевидно, все съ тѣмъ же стремленіемъ объяснить: отчего у него хвостъ короткій? Что эта догадка основательна, покажетъ слѣдующая сказка. Всѣ упомянутые варианты вращались около эпизода о рыбной ловлѣ и, слѣдовательно, не столь убѣдительно, какъ нижеслѣдующіе.

Словинцы прямо задались вопросомъ: отчего у зайца хвостъ короткій (V alja v e s Narodne pripovjedke стр. 281 сл. № lxx. Zakaј nema zajes celoga gера)? Оказывается, что лиса обвиняетъ зайца въ покражѣ меда; волкъ погнался за зайцемъ, чтобъ ему отомстить, но успѣлъ схватить его только за хвостъ, которой и оторвалъ, „и вслѣдствіе этого и понынѣ заяцъ не имѣетъ цѣлаго хвоста и поэтому называется куцомъ“ (kurtač).

Нѣмцы старались себѣ объяснить куцость козъ слѣдующимъ образомъ (Grimm Kinder- u. Hausmärch. № 148: Des Herrn u. des Teufels Gethier). Господь Богъ забылъ создать козъ. Чортъ, желая пополнить этотъ пробѣлъ, сотворилъ козъ съ тонкими длинными хвостами. Понятно, на пастбищѣ онѣ постоянно запутывались длинными хвостами въ терновники и чорту приходилось ихъ выпутывать. Наконецъ это ему надоѣло: онъ взялъ, да и откусилъ всѣмъ козамъ хвосты, „какъ это поднесъ можно видѣть по кончикамъ“.

Готтентоты объясняютъ себѣ (Bleek ук. соч. стр. 80 № 44: Warum hat der Felshase keinen Schwanz?) причину отсутствія хвоста у зайца тѣмъ, что когда происходила раздача хвостовъ, то небо было покрыто тучами; заяцъ не рѣшался покинуть своей норы и просилъ другихъ звѣрей захватить для него хвостъ. Но они ему не принесли, поэтому заяцъ и по нынѣ безъ хвоста.

Въ центральной Америкѣ тоже встрѣчается преданіе, объясняющее, почему олень и кроликъ являются куцами. Однажды, говорить это преданіе (Tylor Researches into the early History of Mankind [1880] стр. 365 сл.), два принца вздумали расчистить лѣсъ подъ пашню. Они вырубили деревья, истребили заросль и кустарники, но на слѣдующій

день, къ удивленію, нашли все въ прежнемъ состояніи. Принцы снова расчистили мѣсто и стали караулить. Въ полночь появились вдругъ всѣ звѣри, малые и большіе, и, произнося на своемъ языкѣ заклятіе: „деревья, возстаньте! заросли, возстаньте!“ они приблизились къ принцамъ. Попытка принцевъ поймать льва и тигра оказалась неудачной; за то имъ удалось поймать за хвостъ оленя и кролика, но хвосты ихъ оборвались и поэтому у оленя и кролика и до нынѣ сохранился „лишь кончикъ“ (scarce a stump)...

Если къ этому ряду сказокъ присоединить выше приведенное объясненіе куцости медвѣдя и гіены, то легко замѣтить, что всѣ версіи вращаются около одной и той же темы о куцости того или другаго звѣря, но каждая изъ нихъ объясняетъ причину этого явленія иначе. Слѣдовательно, одинаковое явленіе, поражавшее младенческой умъ человека, должно было въ разныхъ уголкахъ вселенной вызывать извѣстное объясненіе или, говоря словами Д а з е н т а, который, по поводу куцости медвѣдя и гіены, пришелъ, очевидно, къ тому же убѣжденію, — „безхвостое состояніе какъ медвѣдя, такъ и гіены... не преминуло возбудить вниманіе въ охотничьей расѣ и можно было ожидать, что народная традиція попытается найти объясненіе для обоихъ“. Къ этому мнѣнію присоединяется и Т э й л о р ь, который приводитъ эти слова (ук. соч. стр. 365).

Въ видѣ дополненія къ высказаннымъ замѣчаніямъ слѣдуетъ еще прибавить, что въ различныхъ странахъ народъ, давая объясненіе куцости извѣстнаго звѣря, исходилъ изъ того убѣжденія, что короткій хвостъ ненормальное явленіе, что онъ укороченъ искусственнымъ путемъ, что онъ оторванъ, откушенъ, недоданъ.

Дальнѣйшій выводъ изъ сдѣланныхъ сопоставленій тотъ, что только подобные рассказы, т. е. при полномъ совпаденіи исходной точки, но вполне своеобразномъ дальнѣйшемъ ходѣ объясненія, — могутъ и должны быть признаны возникшими совершенно независимо другъ отъ друга.

Только при подобныхъ условіяхъ и при соотвѣтствующей обстановкѣ могутъ самостоятельно развиваться у разныхъ народовъ вполне схожіе рассказы, исключаящіе притомъ всякую возможность подозрѣвать заимствованіе. И тогда не только вполне уместно, но необходимо толковать о такъ наз. эпическихъ пріемахъ или общихъ мѣстахъ.

Но какъ объяснить цѣлый рядъ почти дословныхъ совпаденій русскихъ варіантовъ съ западными версіями? На этотъ вопросъ можетъ послѣдовать, кажется, только одинъ отвѣтъ: такъ какъ совпаденія на столько разительны, что выраженіе ихъ въ однихъ и тѣхъ же формахъ на всемъ протяженіи разказа невозможно разсмаривать какъ продуктъ равномѣрнаго психическаго развитія, то остается только объяснить эти совпаденія—путемъ заимствованія.

Въ данномъ случаѣ объясненіе значительно осложняется, такъ какъ произошолъ рядъ смѣшеній основныхъ мотивовъ, только съ трудомъ поддающихся объясненію. Тѣмъ не менѣе допущеніе заимствованія изъ извѣстнаго источника имѣетъ за себя много основаній. Правда, такой источникъ, изъ котораго лучеобразно расходилось бы рассматриваемое приключеніе о рыбной ловлѣ, причемъ извѣстные лучи этого источника падали бы и на Русь, и на Германію,—пока неизвѣстенъ. Тѣмъ не менѣе можно представить рядъ соображеній и доводовъ, въ виду которыхъ становится болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что замѣчательное согласіе всѣхъ варіантовъ можетъ быть объясняемо исключительно путемъ заимствованія.

Такъ, въ вар. (Б)ГДЛ встрѣчается странная, повидимому, черта, характеризующая изобрѣтательность хитрой лисы. Рассказывается, будто лиса, съ цѣлью казаться больной или избитой, *вымазывается тѣстомъ*. Присматриваясь внимательно къ другимъ варіантамъ, вельзя не замѣтить, что нѣчто соотвѣтствующее этой чертѣ встрѣчается въ сказкѣ трансильванскихъ саксонцевъ: *der fuchs und der wolf auf der bauernhochzeit* (H a l t r i c h Z. deutsch. Thiersage стр. 26 № х). Тутъ лиса, желая казаться больной, *вымазывается медомъ и валяется въ кострикѣ* (ahnen). Это соотвѣтствуетъ отчасти вар. В, гдѣ говорится, что лиса бѣжитъ въ деревню за медомъ, хотя и не упоминается, что она употребляетъ его въ видѣ мази. Въ эстонской сказкѣ (J. G r i m m R. F. стр. сслxxxv) лиса *совываетъ голову въ бочку со сметаной*. Далѣе. Въ моравской сказкѣ (F r. M. V r á n a Moravské národní pohádky a pověsti. S. I [1880] 52) лиса *oválela se v červených jahodách* и выдаетъ себя волку за *окровавленную* (jsem sama krév). Лужицкая сказка (H a u p t u. S c h m a l e r ук. соч. II, 16) точно опредѣляетъ, что ягоды, придававшія лисѣ кровавый видъ,—

б р у с н и к а. Другая лужицкая сказка (V e s k e n s t e d t ук. соч. стр. 423 № 2), какъ бы недовольствуясь этимъ, рассказываетъ, что лиса вымазала съ кровью задушеннаго ею пѣтуха, а въ резьянскихъ сказкахъ (Б о д у - э н ъ - д е - К у р т е н ѧ ук. соч. стр. 299. 300. 302)—это кровь вола или коровы.

Подыскивая соотвѣтствующія этимъ примѣрамъ черты, нельзя не прійти къ убѣжденію, что они вполне отвѣчаютъ рассказамъ средневѣковыхъ бестіаріевъ о хитрости лисы, по которымъ она *involvit se rubra terra, ut appareat quasi cruentata* (см. выше стр. 39¹). Весьма вѣроятно, что въ западныхъ сказки черта эта проникла изъ бестіаріевъ, по крайней мѣрѣ видоизмѣнилась подъ ихъ вліяніемъ почти до неузнаваемости.

Что же касается русскихъ вариантовъ и эстонской сказки, то нельзя не замѣтить, что описываемая въ нихъ черта представляетъ болѣе совпаденій съ однимъ мотивомъ въ Тути-Намѣ (Touti-Nameh von I k e n, стр. 77 № 17), гдѣ, между прочимъ, говорится, что одинъ шакаль повадился ходить въ городъ, *wo er seine Schnauze in Gefässe hineinsteckte, die verschiedenen Leuten gehörten.. Als er seinen Kopf in einen Kübel mit Indigo gesteckt hatte..* Этотъ мотивъ повидимому вполне соотвѣтствуетъ русскимъ вариантамъ. Только вар. Б говоритъ нѣсколько глухо: „[лиса] попалась... въ квашню голову“, причемъ не дѣлается никакого вывода, такъ какъ лиса помимо того „прикинулась хворой“. Слѣдуетъ еще замѣтить, что первоначально с и н і й ц в ѣ т ѣ, въ который окрашивается шакаль, уже въ турецкомъ Тути-Намѣ (R o s e n II, 146) измѣнился въ *mannichfaltige Farben*, которыя придаютъ ему *einen seltsamen Anblick*. Это отвѣчало бы странному виду, который производитъ лиса, понавъ головой или всѣмъ тѣломъ въ „рацину“ („мучной растворъ“), „у тісто“ и т. п.

Совпаденіе этой черты какъ въ русскихъ, такъ и въ восточныхъ сказкахъ даетъ уже нѣкоторое право предположить заимствованіе. То обстоятельство, что мотивъ о вымазывающейся въ кадкахъ лисѣ не встрѣчается въ древнеславянскихъ переводахъ, вовсе не можетъ служить доводомъ противъ предполагаемаго заимствованія: при передачѣ сюжетовъ могло играть роль и устное преданіе. Лучшимъ доказательствомъ можетъ служить именно рассказъ Калилы и

Димны о с и н е м ѣ ш а к а л ѣ (Benfey Pantsch. II, 73 слл.; ср. I, 223 слл. Hitopadesa von Max Müller стр. 125 = Hitopadésa par L a n s e r e a u стр. 142). Разсказъ этотъ пропущенъ въ славянскихъ переводахъ, изданныхъ въ трудахъ Общества любителей древней письменности (Стефанить и Ихнилать, изд. А. В и к т о р о в а, М. 1881, гдѣ пропущенный разсказъ долженъ бы слѣдовать послѣ „притчи о коридѣ [вошка] и блохѣ“, стр. 22. Ср. Стефанить и Ихнилать, изд. О. Б у л г а к о в а, Спб. 1877, стр. 22. А. Н. П ы п и н ѣ Очеркъ стр. 162). Несмотря на пропускъ черта объ измазанной до неузнаваемости лисѣ всетаки извѣстна славянскимъ сказкамъ. Ясно, что черта эта проникла въ нихъ путемъ заимствованія, какъ проникла въ романъ о Ренарѣ. Тутъ лиса попадаетъ въ чанъ съ желтой краской, вслѣдствіе чего становится тоже неузнаваемой (R e n. v. 11959 сл.; ср. B e n f e y Pantschat. I, 225).

Предположеніе о заимствованіи становится тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что ничего подобнаго въ дѣйствительности не было подмѣчено относительно лисы, что передаютъ о ней русскія сказки, т. е. чтобы лиса врывалась въ кишащія людомъ деревни, забиралась въ дома и жилия помѣщенія людей. Курятникъ, конечно,— не жилая изба, и если лиса „нерѣдко ночью забирается на о д и н о к і е крестьянскіе дворы“ (А. Б р э м ѣ ук. соч. I, 430), то это прямо доказываетъ, что лиса старается уклоняться отъ общества людей и предпочитаетъ покровъ ночи. Только „к о г д а л и с а считаетъ себя совершенно безопасной“, она обнаруживаетъ „бесовѣстную дерзость“. „Среди бѣлаго дня забирается она во дворъ, почти на глазахъ у людей тащитъ курицу“ (тамъ-же стр. 431)... Подобная наглость лисы является, слѣдовательно, въ видѣ исключенія. Наоборотъ нахальство шакала стало почти поговоркой. „Людскія жилища для него вовсе не страшны; смѣло пускается онъ бродить по деревнѣ, заходитъ въ дворовыя постройки, да же въ дома, и тащить что ни попадется“. „[Шакалы не только крадутъ съѣдобное, но и таскаютъ вещи, имъ совсѣмъ ненужныя, изъ двора и дома, палатки и комнаты, сарая и кухни“. (Тамъ-же стр. 419. 421). Тѣ же наблюденія относительно шакала дѣлали путешественники, напр., Н и б у р ѣ (N i e b u h r Description de l' Arabie [1773] стр. 146).

Такимъ образомъ, мотивъ о томъ, что шакаль или замѣщающая его во всѣхъ европейскихъ сказкахъ лиса (ср. *Benfe u Pantschat*. I, 104. 132 сл. 432. 495. 506) забираются въ дома, гдѣ принимается за изслѣдованіе различныхъ бочекъ, кадокъ и т. п. могъ повидимому возникнуть только на востокѣ. Отсюда уже онъ проникъ въ послѣдствіи на западъ, гдѣ видоизмѣнился подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій или случайныхъ причинъ.

Едва ли еще нужно тратить много словъ для доказательства, что объясненіе мотива о залѣзающемъ въ кадки шакалѣ при помощи процесса равномернаго психическаго развитія въ данномъ случаѣ было бы положительно не мыслимо. На какой же ступени должно находиться единство человѣческаго духа или въ какой фазисъ должны вступить общія условія быта, чтобы побудить независимо шакала въ Индіи, а лису на Руси къ опусканію головы въ кадки? Для насъ по крайней мѣрѣ это непонятно.

Къ указаніямъ на восточное происхожденіе разсказа о рыбной ловлѣ, по крайней мѣрѣ его основы, могутъ быть отнесены и другія обстоятельства. Тэйлоръ (*Researches* стр. 366) въ числѣ примѣровъ о способахъ ловли рыбы и раковъ нѣкоторыми звѣрями приводитъ между прочимъ разсказъ, по которому въ Индіи шакаль ловитъ рака, опустивъ въ его нору свой хвостъ. Когда ракъ, рассчитывая на поживу, схватываетъ опущенный хвостъ, шакаль быстро вытаскиваетъ рака и пожираетъ его (*I [J. Roberts] have been told, that they [шакалы] often catch the crab by putting their tail into its hole, which the creature immediately seizes, in hope of food: the jackal then drags it out and devours it*). При помощи опусканія хвоста въ воду обезьяна, по гвіанскому сказанію, ловитъ даже рыбу (тамъ-же стр. 367). Подобное искусство приписывается также лисѣ въ баснословномъ преданіи, сообщенномъ Эліаномъ и почему-то игнорируемомъ Тэйлоромъ. Эліанъ (*Aelian De natura animalium* l. VI cap. xxiv [ed. Didot, стр. 102]) передаетъ, между прочимъ, что лиса ловитъ рыбокъ опусканіемъ хвоста въ воду; рыбки запутываются, будто бы, въ густой шерсти лисьяго хвоста, который лиса быстро вытаскиваетъ на сушу и вытряхиваетъ; выпавшихъ рыбокъ она пожираетъ. Такъ какъ въ дѣйствительности подобной уловки за лисой, понятно, и невозможно подмѣтить, вслѣд-

ствіе несообразности, неестественности такого факта вообще, помимо диковинныхъ частныхъ, въ родѣ крайне фантастичнаго уподобленіи лисьяго хвоста сѣти,—то остается только обратиться къ болѣе правдоподобному объясненію — къ ловлѣ раковъ. Впрочемъ слѣдуетъ еще замѣтить, что въ одномъ сборникѣ всевозможныхъ разсказовъ о животныхъ (F r. W. B r e n d e l Erzählungen aus dem Leben der Thiere. Glogau, C. Flemming s. a. Стр. 89) лиса также ловко ловить раковъ хвостомъ, какъ и шакалъ. Ловля производится только при болѣе волшебной обстановкѣ, при лунномъ свѣтѣ, и на мѣстахъ, изобилующихъ раками. Все это звучитъ крайне баснословно и все передается, конечно, безлично. Дѣйствительныя же наблюденія, на которыя можно положиться, сообщаютъ, что лиса, правда, ловить рыбу, но на отмеляхъ и лапами ⁽¹⁾. Стало быть, весьма прозаично.

Въ виду сдѣланныхъ замѣчаній и въ виду того, что индѣйцы уже въ глубокой древности отличались необыкновенной наблюдательностью по отношенію къ міру животныхъ (ср. K e l l e r у к. стр. 313. 337. G e r v i n u s у к. соч. I, 208. W a g e n e r въ у к. м. стр. 124) и что необозримое число сказокъ, повѣстей и преданій шло изъ Индіи,—слѣдуетъ предположить и возникновеніе разсматриваемаго преданія на востокѣ, гдѣ шакалъ могъ служить образцомъ хвостатаго рыболова. Затѣмъ это сказаніе проникло на западъ и, можетъ быть, послужило даже источникомъ для баснословнаго разсказа у Э л і а н а. На западѣ оно совершенно видоизмѣнилось подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій, и сѣверная зима создала вполне новое оригинальное приключеніе. Функции, приписывавшіяся первоначально шакалу, на новой родинѣ, какъ кажется, раздвоились: часть ихъ перешла на замѣстительницу шакала,—лису, часть же примѣнилась къ медвѣдю, который чаще попадался на глаза новымъ переселенцамъ, вслѣдствіе чего явилась и болѣе настоятельная потребность объясненія его буцости; суровая зима не замедлила дать законченность разсказу. Притомъ сказанія сдѣлали дѣйствительнымъ рыболовомъ только медвѣдя, а лисѣ стали приписы-

⁽¹⁾ Наблюденіе это, какъ обязательно сообщилъ намъ проф. Н. М. М е л ь н и к о в ь, встрѣчается у Э в е р с м а н н а (Естественная исторія Оренбургскаго края, ч. II).

вать только роль учительницы рыбной ловли, учительницы, которая сама никогда не принимается за это ремесло. Со временемъ, подъ вліяніемъ басенъ Эзопа и возникшихъ на ихъ основаніи новыхъ воззрѣній, успѣвшихъ установиться въ литературѣ, воззрѣній надъ глупостью волка, „перехитрѣмостью“ его лисою и его столкновеніяхъ съ нею, — все, что приписывалось медвѣдю, было перенесено на волка.

Всѣ эти замѣчанія вызваны собственно слѣдующими ображеніями. Медвѣдь въ роли хвостатаго рыболова болѣе у мѣста, вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ, и болѣе естественъ, чѣмъ волкъ. Что послѣдній вытѣснилъ медвѣдя, обнаруживаетъ повидимому вар. D, въ которомъ, несмотря на прилаженный исключительно къ медвѣдю рассказъ, несмотря на заключеніе: „и вотъ причина, почему волкъ куцъ (is stumpy tailed) по настоящую пору“, все-таки выводится волкъ. Это доказываетъ, на сколько новая версія успѣла сдѣлаться популярной, если вопреки всѣмъ противорѣчіямъ все-таки замѣщала медвѣдя волкомъ. Такъ какъ на сѣверѣ замѣтна большая устойчивость народныхъ преданій и слабѣе литературное вліяніе, то не трудно понять, отчего именно тамъ удержались варианты, выводящіе въ качествѣ рыбака медвѣдя. Далѣе. Перемѣщеніе роли рыболовствующаго шакала на лису можно усматривать въ томъ, что нѣкоторые варианты (OZ) выводятъ лису въ качествѣ активного рыболова. Литературныя же черты, присоединившіяся впоследствии, проникли изъ указанныхъ выше восточныхъ сборниковъ сказокъ и повѣстей. Наконецъ, не трудно замѣтить, что во всѣхъ вариантахъ по мѣрѣ приближенія ихъ къ югу, гдѣ они должны были приладиться къ мѣстнымъ условіямъ, — основныя черты, характеризующія эти сказки на сѣверѣ, постепенно блѣднѣютъ и въ концѣ концовъ совершенно изглаживаются; таковы особенно вар. MMPC. Если затѣмъ принять во вниманіе, что нѣкоторые западные варианты, въ томъ числѣ и славянскіе: HOPC, или по происхожденію, или по оказанному на нихъ вліянію ясно обнаруживаютъ связь съ литературными обработками животнаго эпоса, то остается признать за сѣверными вариантами первенство въ естественности, оригинальности и первобытности. Само же приключеніе о рыбной ловлѣ, вслѣдствіе дословныхъ совпаденій, обнаруживаемыхъ всѣми вариантами, могло разойтись по отдаленнымъ мѣстностямъ только путемъ заимствованія. Пока,

за недостаткомъ матеріала, трудно только опредѣлить пути, по которымъ шло заимствованіе. Одно несомнѣнно, что часть элементовъ проникла съ востока. На европейской почвѣ тѣ или другіе мотивы получили самостоятельное развитіе. Когда за волкомъ установилась уже репутація злополучнаго иска-теля приключеній, тогда рассказы о немъ стали извѣстны ме-жду прочимъ и славянамъ. Спустившись въ народную среду, рассказы эти должны были принять чисто народный характеръ.

Относительно вар. ВЕЖЗИКП слѣдуетъ замѣтить, что смерть волка прибавлена, очевидно, съ тѣмъ, чтобъ придать законченность рассказу.

Во многихъ варіантахъ эпизодъ о кражѣ рыбы не-посредственно связывается съ рассказами о ловлѣ рыбы. Въ романѣ о Ренарѣ оба эпизода связываются между собою рассказомъ о постриженіи волка въ монахи (Ren vv. 917—1130). Несмотря на плотную спайку этихъ рассказовъ, за-ставившую Я. Г р и м м а (R. F. стр. cxxij), а за нимъ Р о-те (Les romans du Renard стр. 125), I о н к б л у т а (Étude стр. 400), М а р т и н а (Examen critique стр. 23), при-нимать 2-ю, 3-ю и 4-ю бранши за одну нераздѣльную поэму, нельзя однако не замѣтить, что спай ихъ случайный, что рассказъ о постриженіи волка въ монахи является лишь вста-вочнымъ эпизодомъ, носящимъ явный отпечатокъ позднѣй-шаго происхожденія (см. ниже). Немедленно послѣ кражи рыбы волкъ является къ Ренару, который, при дѣятельномъ участіи своей семьи, занятъ поджариваніемъ угрей, и проситъ его подѣлиться рыбой. Самый естественный отвѣтъ со сто-роны Ренара былъ бы, напр., въ духѣ русскихъ варіантовъ: „налови самъ, да и ѣшь!“ Ренаръ же предварительно под-труливаетъ надъ волкомъ, заявляя, что ѣсть рыбу вслѣдствіе того, что поступилъ въ монастырь. Затѣмъ онъ дѣлаетъ ему тонзуру, обваривъ его голову кипяткомъ, и, подъ предло-гомъ подвергнуть его искусу, ведетъ Изенгрима къ проруби. Такимъ образомъ Изенгримъ попадаетъ на рыбную ловлю безъ всякой мотивировки, такъ какъ немедленно по постри-женіи въ монахи, Ренаръ обѣщаетъ ему множество рыбы (...tant con vos porrez mangier, Ren v. 1079), а между тѣмъ, неизвѣстно зачѣмъ, требуется еще искусъ. Когда же Ренаръ и Изенгримъ являются на мѣсто (искуса?), также неожиданно сообщается, что замерзъ прудъ, ou Ysengrin de-voit pechier (v. 1135), хотя между искусомъ и рыбной лов-

лей есть же небольшая разница. Эта неожиданная замѣна искуса рыбной ловлей тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что раньше ни словомъ не упоминалось о томъ, какимъ путемъ добываютъ себѣ монахи рыбу. Словомъ, скрѣпы, соединяющіе рассказы о кражѣ и ловлѣ рыбы, слишкомъ замѣтны, чтобъ не внушить убѣжденія, что эпизодъ о постриженіи волка въ монахи является вставкой, прикрѣпленной къ предшествующему и послѣдующему рассказу на живую нитку. Что дѣйствительно этотъ эпизодъ является позднѣйшей вставкой, сложившейся подъ вліяніемъ сатирической точки зрѣнія, доказываетъ еще эпизодъ въ 24-й вѣтви. Изенгримъ, рассказавъ, согласно 3-й вѣтви, о своемъ постриженіи въ монахи, спрашиваетъ, какъ передаетъ онъ, Ренара: откуда онъ добылъ рыбу? и получаетъ въ отвѣтъ, что у извозчиковъ (R e n. v. 14461 сл.)⁽¹⁾. Предположивъ напротивъ, что вставочный эпизодъ является существенной принадлежностью двухъ другихъ рассказовъ, — вопросъ волка и отвѣтъ лисы долженъ былъ бы казаться по меньшей мѣрѣ страннымъ и непослѣдовательнымъ.

Такимъ образомъ, вставка очевидна, и можно бы ожидать, что въ древнемъ преданіи оба рассказа сливались въ одно цѣлое. На самомъ дѣлѣ едва ли это такъ. Во многихъ вариантахъ рассказъ о рыбной ловлѣ встрѣчается или въ видѣ самостоятельной сказки, или связывается съ какимъ нибудь другимъ эпизодомъ, но не съ рассказомъ о кражѣ рыбы. Кромѣ того, если бы оба рассказа находились въ роковой связи, то повидимому нечего было бы прибѣгать къ объясненію причины жестокаго поступка лисы съ волкомъ. Между тѣмъ сколько бы разъ мотивъ поступка лисы не объяснялся, всегда это объясненіе крайне разнообразно. Въ латинской редакціи лиса замышляетъ мечь на томъ основаніи, что волкъ не подѣлился съ ней окорокомъ, который

⁽¹⁾ I o n k б л у т з (Etude стр. 400 сл.) полагаетъ, что 24-я браншъ романа о Ренарѣ должна непосредственно примыкать къ 4 вѣтви, что совершенно справедливо, но, странно, не обращаетъ вниманія, на указанные противорѣчія. Въ свою очередь М а р т и н з въ своемъ новомъ изданіи романа о Ренарѣ игнорируетъ, къ сожалѣнію, замѣчаніе I o n k б л у т з и ограничивается тѣмъ, что изъ 24 бранши (по изд. Меона) дѣлаетъ VI вѣтвь въ своемъ изданіи (стр. 197 сл.).

она же добыла хитростью у шедшаго по дорогѣ крестьянина (Reinard. I vv. 183 слл. 523 слл.) Во французской обработкѣ напередъ объясняется взаимная вражда Ренара и Изенгрима и весь рядъ бѣдствій, обрушивающихся на послѣдняго, тѣмъ, что Ренаръ обезчестилъ жену Изенгрима (Ren. vv. 10—22. 348—352). Слѣдовательно, строго говоря, въ романѣ о Ренарѣ рыбная ловля ничѣмъ не мотивирована. Въ вар. D нѣтъ мотива или встрѣчается, если угодно, самый естественный: желаніе алчнаго волка поскорѣе утолить свой голодъ въ виду легкости обѣщаннаго улова рыбы (Reinh. v. 712 слл.). Въ однихъ вариантахъ мотивомъ мести со стороны лисы выставлена ненасытность волка, съѣвшаго ея бычка (ЕКЛ), въ другихъ лису раздражаетъ споръ, поднятый волкомъ, обвиняющимъ куму въ сѣбденіи мяса (З) или а dish of crowdie (crowdy? овсянка) (D). Большинство вариантовъ не признаетъ жестокаго поступка лисы, а тѣ изъ нихъ, въ которыхъ попытки объясненія встрѣчаются, отличаются такимъ непостоянствомъ этихъ мотивовъ, которое можетъ свидѣтельствовать только въ пользу ихъ поздняго происхожденія. Сначала, очевидно, никакой поясняющей причины не полагалось: каждый эпизодъ рассказывался независимо отъ другаго, единственно изъ любви къ рассказу. Когда же впослѣдствіи эпизодъ о кражѣ рыбы такъ тѣсно слился съ эпизодомъ о рыбной ловлѣ или другимъ рассказомъ, что составилъ какъ бы одну неразрывную сказку, то ради большей связи явилась, понятно, необходимость мотивировать то или другое дѣйствіе, явилось, слѣдовательно, и объясненіе поступка лисы. Такъ какъ мотивъ этотъ приводится даже въ тѣхъ случаяхъ, когда рассказъ о кражѣ рыбы предшествуетъ рассказу о ловлѣ рыбы, чего повидимому было бы совершенно достаточно для мотивировки злополучнаго приключенія, то необходимо вывести заключение о независимости обоихъ рассказовъ другъ отъ друга.

3. Лиса - Исповѣдница или Похищеніе
пѣтуха лисою.

Reinhart kündecheite pflac,
doch ist hiute niht sîn tac,
daz ez im nâch heile müge ergân.
Reinh. v. 217.

Je disoie que buef d'arer
Ne savoit tant con je de guile,
Et un petit cochet de vile
M'a engingnié et decéu.

Ren. v. 5564.

Славянскіе варіанты: А (великорусск. [?] сказка, Аѳанасьевъ Сказки 1², № 4 а), Б (великорусская, тамъ - же № 4 б), В (тоже, тамъ - же № 4 с), Г (великорусск. [?], тамъ - же стр. 5), Д (великорусск., тамъ - же № 11), Е (малорусская, Драгомановъ Малорусск. народн. преданія и рассказы [1876] стр. 363 № 37: Пѣтухъ пустынный и лисица преподобница), Ж (словинская, Valjavec Narodne pripovjedke стр. 280 № lxxvij: Lisica i pevec).

Литературныя обработки: И (Reinard. III vv. 811—1360), Ъ (Ren. vv. 1267—1720), Ѓ (Ren. vv. 4865—5574), Д (Ren. vv. 2865—2994), Є (Ren. vv. 1721—1862), Ѕ (Reinh. vv. 11—175).

Романо-германскіе и другіе варіанты: Ґ (норвежская, Asbjörnсен-Dasent Tales from the Fjeld. Стр. 66—68 [Raynard and Chanticleer]), Ҁ (нѣмецкая, Hiltrich Zur deutsch. Thiersage стр. 31 № xix: Der fuchs überlistet den haushahn), ҂ (гасконская, Cénas Moncaut Littérature populaire de la Gascogne [1868] стр. 222—224: Le renard et le coq), ҄ (кельтская, Campbell Tales I, 268 сл. § 4), ҆ (тоже, тамъ - же стр. 271 сл. § 8), ҈ (тоже, тамъ - же стр. 267), Ҋ (тоже, тамъ - же III, 93), ҋ (грузинская, Орбелиани Книга мудрости и лжи, перев. Цагарели, стр. 22—24 № 17), ҍ (тоже, тамъ - же стр. 26 сл. № 20), ҏ (готтентотская, Bleek ук. соч. стр. 18 № 12: Der Hahn).

Ср. также Reinh. v. 176—216. Rein. vv. 315—420 (=II vv. 343—448) и Reinke vv. 317—404. J. Grimm R. F. стр. ccxx. cclxjv. cclxxvj. 421. 364. Oesterley Die Narrationes d. Odo de Ciringtonia въ

Jahrb. f. roman. u. engl. Lit. IX, 138 сл. (№ xx: De volpe et gallinis) = Voigt Kl. lat. Denkmäl. d. Thiersage стр. 129 (Parab. 18); ср. стр. 111 сл. Don J. Manuel El conde Lucanor, publ. por A. Keller (1839) cap. xxxij (стр. 151). B. Waldis Esopus, hrsg. v. H. Kurz, IV, 2 и прим.; ср. IV, 88 и 87 и прим. (J. Pauli Schimpf u. Ernst, hrsg. v. Oesterley, № clxxij и прим.). Uhlands Schriften zur Geschichte der Dichtung und Sage III (1866) 68 сл. Speculum Sapientiae Beati Cirilli Episcopi, l. II. c. 15: De gallo et vulpe, въ Die beiden ältesten Fabelbücher des Mittelalters des Bischofs Cyrillus Speculum Sapientiae und des Nicolaus Pergamenus Dialogus creaturarum hrsg. v. Dr. J. G. Th. Grässe [1880] = Bibliothek des literarischen Vereins in Stuttgart CXLVIII, 51. Вук Врчевич Српске народне проповијетке (1868) стр. 189 № 413 (Лисица и кокошке). Ровинскій ук. соч. I, 272 сл. (№ 85: Повѣсть о курѣ и лъстивой лисицѣ) и прим. (IV, 199 сл.). Сборникъ свѣдѣній о Кавказскихъ Горцахъ I, 66 сл. (Курочка и Лисица).

Вар. А. Голодная лиса, забравшись въ курятникъ, залѣзла на насѣсть. Испуганная неожиданнымъ пѣніемъ пѣтуха, она „съ насѣсти-то такъ со страху полетѣла, что не дѣли три пролежала въ лихорадеѣ“. Когда пѣтухъ попалъ однажды въ лѣсъ и усѣлся на деревѣ, подстерегавшая его лиса рѣшается его сманить, не дожидаясь пока онъ самъ слетитъ. Укоряя его за многоженство, она совѣтуетъ ему покаяться. Довѣрчивый пѣтухъ спускается съ дерева, а лиса схватываетъ его и собирается съѣсть, но при рассказѣ объ архирейскомъ пирѣ и обѣщаніи выхлопотать мѣсто просвирни, причемъ рисуются „просвиры мягкія, кануны сладкіе“, — „лиса распустила лапы, а пѣтухъ порхъ на дубокъ“.

Вар. Б. „Зѣло удивительно: шла лисица изъ дальнихъ пустынь. Завидѣвши пѣтуха на высокоемъ древѣ“, лиса, какъ и въ А, коритъ его за многоженство и приглашаетъ покаяться. Пѣтухъ въ умиленіи „сталъ спускаться съ вѣтки на вѣтку“ и попался въ лапы лисы. Когда пѣтухъ уличаетъ ее въ обманѣ, лиса выставляетъ причиной своей мести неумѣстное поведеніе пѣтуха, который поднялъ общую тревогу, когда лиса намѣревалась схватить „малаго курѣнка“. Остальное, какъ въ А, но архіерей замѣненъ Трунчинскимъ ми-

трополитомъ. Спасиись на дерево, пѣтухъ осмѣиваетъ лису, а послѣдняя укоряетъ себя и удаляется.

Вар. В. Весьма кратко передается только похищеніе пѣтуха лисою, но не досказывается даже результатъ льстивыхъ рѣчей пѣтуха.

Вар. Г. „Вотъ бѣжить лисичка и видитъ: на воротахъ сидитъ пѣтушокъ. Она ему и говоритъ: „пѣтушокъ, пѣтушокъ! слѣзь сюда, я тебя исповѣдаю: у тебя семьдесятъ жонъ, ты завсегда грѣшонъ“. Пѣтухъ слѣзь: она хватъ его и скушала“.

Вар. Д. Лиса увидѣла въ лѣсу тетерева на деревѣ и сообщаетъ ему, что добыла въ городѣ указъ, „чтобы вамъ тетеревамъ не сидѣть по деревьямъ, а все бы гулять по зеленымъ лугамъ“. Вдругъ раздается конскій топотъ и собачій лай. Лиса спрашиваетъ тетерева: „кто ѣдетъ?—Мужикъ. Кто за нимъ бѣжить? — Жеребѣнокъ. Какъ у него хвостъ-то? — Крючкомъ. Ну такъ прощай, Терентій! мнѣ дома недосугъ“.

Вар. Е. Пѣтухъ „пішов в лѣс на покаянiє“, гдѣ его „нагляділа“ лиса; пѣтухъ подозрѣваетъ ея намѣренія и лиса вовсе не скрываетъ свою злобу на него. На этомъ сказка обрывается.

Вар. Ж. Встрѣтивъ пѣтуха, лиса проситъ показать, какъ *tvoje kokoši ревају*? Пѣтухъ показываетъ это искусство, а лиса схватываетъ его. Тогда пѣтухъ совѣтуетъ ей поблагодарить Бога (*zahvali se bogu*) за такой лакомый кусочекъ, и пока она, усѣвшись на заднія лапы, исполняетъ его совѣтъ, пѣтухъ взлетаетъ на вязъ (*brest*) и издѣвается надъ ней.

Вар. И. Ренаръ застаётъ пѣтуха (*Sprotinus*), отказавшагося принять участіе въ паломничествѣ, въ амбарѣ (*granaria*, v. 891)⁽¹⁾. Онъ предлагаетъ ему снова сумку и посохъ (*assire pegam cum baculo*, v. 907 сл.), отъ чего пѣтухъ рѣшительно отказывается. Ренаръ прибѣгаетъ къ хитрости. Онъ укоряетъ его въ томъ, что онъ не слѣдуетъ

(1) Впрочемъ Монье (*Reinardus Vulpes* стр. 328) полагаетъ, что въ данномъ мѣстѣ *granagium* означаетъ дворъ, усадьба, что дѣйствительно ближе соотвѣтствуетъ выраженіямъ: *plessié, plaiseiz* (Ren. vv. 1276. 1284. 1296), *cortil, cort, porpris* (Ren. vv. 1289. 1362. 1370. 1386. 1510) и т. п.

примѣру своихъ благородныхъ предковъ и восхваляетъ искусное пѣніе его отца. Когда подстрекаемый пѣтухъ сталъ пѣть съ закрытыми глазами, Ренаръ схватываетъ его и уноситъ, преслѣдуемый толпой крестьянъ и ихъ неистовыми криками и бранью. Въ видахъ спасенія пѣтухъ подстрекаетъ гордаго Ренара заявить поносящей его толпѣ, что онъ уноситъ лишь „свое“, принадлежащее ему по феодальнымъ правамъ (v. 1017 слл.); но пока Ренаръ дѣлаетъ это заявленіе, положивъ пѣтуха на землю, послѣдній улетаетъ на высокій кустъ ежевики (*alta rubeta*, v. 1025) и издѣвается надъ лисой. Клянуцій свои зубы Ренаръ схватываетъ наконецъ буковую кору, которую выдаетъ за грамоту (*charta missilis*, v. 1178), возвѣщающую повсемѣстный миръ. Онъ приглашаетъ пѣтуха спуститься къ нему, чтобъ лично убѣдиться въ подлинности грамоты. Пѣтухъ отказывается неумѣніемъ отличать грамоты и подложныя печати и сообщаетъ вдругъ, что невдалекѣ показался охотникъ съ собаками; онъ предполагаетъ въ немъ вѣстника мира, въ чемъ Ренаръ сомнѣвается, такъ какъ миръ, положимъ, закрѣпленъ клятвой, но еще не обнародованъ. Наконецъ пѣтухъ вызываетъ его на поединокъ, но Ренаръ скрывается.

Вар. В. Ренаръ забирается въ курятникъ. Пѣтуху Шантеклеру снится зловѣщій сонъ. Его жена (*Pinte*) придаетъ послѣднему весьма неблагопріятное толкованіе (vv. 1379 — 1499): субъектъ въ красной шубѣ, окаймленной бѣлыми косями и надѣтой на изнанку, — коварная лиса. Послѣ неудачнаго нападенія на безпечно уснувшаго Шантеклера, Ренаръ пускается на хитрости. Коварной похвалой громогласному голосу его покойнаго отца (*Chanteclin*) Ренаръ побуждаетъ пѣтуха къ соревнованію, которое влечетъ за собой его похищеніе. Хозяйка, собиравшаяся запереть на ночь своихъ курицъ, поднимаетъ тревогу. Избавленіе пѣтуха рассказано сходно съ вар. Ж. Пѣтухъ совѣтуетъ Ренару объявить преслѣдователямъ, что на зло имъ онъ всетаки унесетъ добычу. При произнесеніи этихъ словъ Ренаромъ пѣтухъ взлетаетъ на яблонь. Ренару остается укорять себя за оплошность, какъ въ Б⁽¹⁾.

(¹) Указанія на этотъ эпизодъ встрѣчаются: *Рен.* vv. 14417—420. 13667—69. 14447—49. 29799—803.

Таковы существенныя черты главнѣйшихъ вариантовъ. Другіе варианты представляютъ разнообразное сочетаніе основныхъ мотивовъ, прямое подражаніе послѣднимъ или развитіе ихъ въ болѣе или менѣе обширныя и независимыя рассказы. Напр., вар. *Ѓ* передаетъ рассказъ о похищеніи пѣтуха лисою, почти какъ въ *В*, только нѣсколько сокращеннѣе и съ тѣмъ развѣ незначительнымъ отступленіемъ, что отецъ пѣтуха (*Sengelin*) закрывалъ при пѣніи оба глаза (*Reinh. v. 124*)⁽¹⁾.

Судя по извѣстнымъ признакамъ, вар. *С* является плохимъ подражаніемъ вар. *В*⁽²⁾. Ренаръ притаился въ курятникѣ; попытка схватить пѣтуха Шантеклера (*Ren. v. 4988*) кончается неудачей: пѣтухъ бросается въ сторону, а поднятый имъ крикъ вызываетъ хозяина. Ренаръ запутывается въ силки. Онъ защищается отъ крестьянина, вонзаетъ свои зубы въ его ногу и постепенно добивается того, что вилланъ не только освобождаетъ его, но, по требованію Ренара, самъ выдаетъ своего пѣтуха *Noiret, que j'ai*, говоритъ Ренаръ, *hui toute jor gaitié* (*Ren. v. 5308* сл.). Слѣдовательно, авторъ уже забылъ, что раньше Ренаръ покушался на Шантеклера. Нуарэ при помощи льстивыхъ рѣчей побуждаетъ наконецъ Ренара затянуть *une chansonnette novele* (*Ren. v. 5439*) и, пользуясь его оплошностью, улетаетъ на высокій вязъ. Ренару, въ виду появившихся собакъ, остается постыдное бѣгство.

Одинъ моментъ, пересказывающійся согласно съ вар. *В*, встрѣчается въ вар. *Д*, — это похищеніе пѣтуха. Разница въ томъ, что не самъ пѣтухъ (*Chantecler, Ren. v. 2897*) прибѣгаетъ къ извѣстной хитрости, а котъ, который приводитъ Ренара въ курятникъ и изъ мести обманываетъ его. Котъ обращается къ Ренару съ вопросомъ: крѣпко ли онъ ухватилъ пѣтуха (*tien le tu bien? v. 2905*)? Пока Ренаръ ему даетъ утвердительный отвѣтъ, пѣтухъ ускользаетъ. Ва-

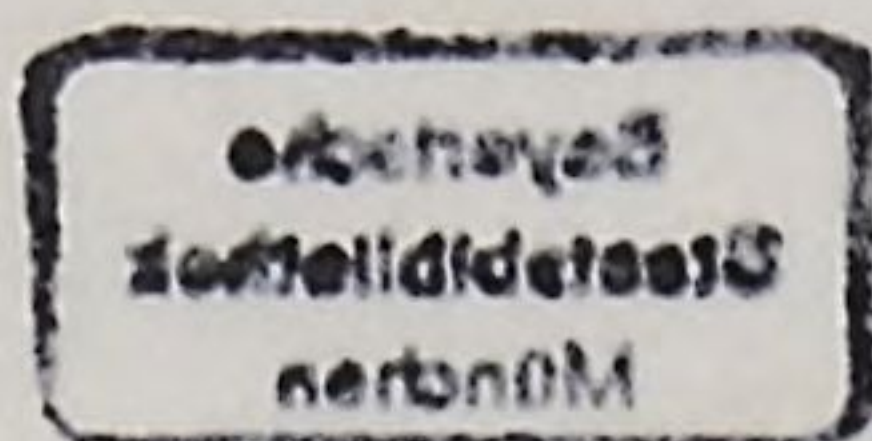
(¹) О совпаденіи 5-й бранши романа о Ренарѣ съ *Reinh. vv. 12* слл. и о передѣлкѣ первой изъ болѣе древняго текста см. *Jonckbloet* ук. соч. стр. 73 слл.

(²) На общее сходство 5-й вѣтви съ 11-й указали *J. Grimm R. F. стр. cxiii*, *Rothe* ук. соч. стр. 142¹) и др. На сколько 11-я вѣтвь уступаетъ 5-й, ср. м. проч. *J. Grimm Kleinere Schriften V (1871) 464* сл.

ріантъ этотъ представляетъ только сокращенную форму основнаго разсказа и видоизмѣненіе нѣкоторыхъ чертъ его. Это произошло подчасъ въ угоду ироніи, если не сатиры, и даже скабрёзости. Оттѣнки подобнаго рода обнаруживаются въ переиначенныхъ разсказахъ того же основнаго типа (именно въ *R e n.* vv. 27855—987. 28665—724. 29763—877).

Вторая половина, точнѣе, конецъ вар. *И* представляетъ изводомъ вар. *Ѓ*, оригиналъ котораго существуетъ въ видѣ самостоятельнаго разсказа. Тутъ на сцену выступаетъ синица, которую голодный Ренаръ застаётъ на деревѣ. Почти съ первыхъ же словъ Ренаръ предлагаетъ синицѣ спуститься съ дерева и поцѣловаться съ нимъ, такъ какъ всѣ животныя поклялись свято хранить всеобщій миръ. Синица не довѣряетъ ему, но не прочь исполнить его желаніе, если онъ, согласно обѣщанію, закроетъ глаза (*R e n.* v. 1767 сл.). Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что черта о смыканіи глазъ въ первоначальномъ преданіи перенесена здѣсь по недоразумѣнію или по забвенію на лису; на самомъ дѣлѣ черта эта должна была бы сохраниться за синицею, мѣсто которой обыкновенно заступаетъ пѣтухъ. Пользуясь тѣмъ, что Ренаръ закрылъ глаза, синица натираетъ ему зубы мохомъ и листьями (v. 1771). Два раза попытки Ренара схватить синицу остаются безплодными. Слѣдуетъ появленіе охотниковъ съ собаками и отвѣтъ Ренара, что молодая собака вѣроятно не знаетъ еще о мирѣ, который поклялись хранить ихъ отцы (*R e n.* v. 1849 сл.). Преслѣдуемый насмѣшками синицы, Ренаръ спасается бѣгствомъ. Едва ли нужно присоединять, что въ сокращенной формѣ тотъ же эпизодъ передается въ *R e i n h.* vv. 176—216.

Замѣчательно близко къ вар. *ВЃ* и еще ближе къ *И* передается этотъ эпизодъ въ вар. *Ѓ*, обнаруживающемъ явные признаки непосредственнаго заимствованія изъ какой нибудь версіи средневѣковаго животнаго эпоса. Въ *Ѓ* не только сохранились имена героевъ, судя по переводу, но и рядъ отдѣльныхъ чертъ, представляющихъ полное соотвѣтствіе съ средневѣковыми обработками. Заставъ пѣтуха на навозной кучѣ (ср. *R e n.* vv. 1328. 1364. 1523), Ренаръ восторгается его пѣніемъ и спрашиваетъ: „а можете ли вы стоять на одной ногѣ и пѣть, зажмуривъ глаза?“ (ср. *R e i n a r d.* III v. 943 и 956. *R e n.* vv. 1574. 1372 сл. *R e i n h.* v. 133)? Отвѣтивъ гордо: *oh, yes!* пѣтухъ поетъ, зажмуривъ

впрочемъ одинъ только глазъ (ср. Ren. vv. 1588—90. 1595); это заставляетъ Ренара усумниться, въ состояніи ли онъ пѣть, замуривъ оба глаза (ср. Reinard. III v. 959. Ren. v, 1595. Reinh. v. 124). Пѣтухъ показываетъ свое искусство, а Ренаръ схватываетъ его за горло (took him by the throat; ср. le prent... parmi le col, Ren. v. 1602), уносить въ лѣсъ и собирается его съѣсть. Пѣтухъ клеймитъ его именемъ язычника, который принимается за ѣду не помолившись. Ренаръ, отрицающій это обвиненіе, скрещиваетъ свои лапы на груди и молится, между тѣмъ какъ пѣтухъ улетаетъ на дерево. Ренаръ тотчасъ бросается въ лѣсъ и возвращается со щепкой (a few chips; ср. fagineus cortex, Reinard. III v. 1177), которую выдаетъ за только-что полученное имъ письмо и проситъ пѣтуха прочесть его. Пѣтухъ отказывается на томъ основаніи, что видитъ приближающагося охотника; извѣстіе это заставляетъ Ренара немедленно скрыться.

Вар. З передаетъ о восторгѣ лисы, возбужденномъ пѣніемъ пѣтуха, объ объявленіи мира между животными, о предложеніи пѣтуху спуститься съ дерева для прочтенія этого извѣстія и составленія на радостяхъ дуэта, и о бѣгствѣ лисы при появленіи собаки. Вар. З страдаетъ только примѣненными не въ мѣру прикрасами неумѣстной словоохотливости собирателя сказокъ.

Въ такомъ же почти отношеніи къ И находятся вар. КК. Въ К лиса покушается на пѣтуха и на курицу, которая подтверждаетъ заявленіе пѣтуха о приближающейся сворѣ собакъ; все остальное сходно съ И, исключая того, что не упоминается грамота и заключается легкая варіація въ изворотливомъ отвѣтѣ лисы: „Я боюсь — эти глупыя собаки можетъ быть не слышали о мирѣ“.

Въ вар. Л пѣтухъ похищенъ лисою потому, что замурилъ глазъ, обращенный къ лисѣ; освобожденіе же изъ пасти лисы совершается такъ же, какъ и въ И.

Замѣчательно близкое сходство вар. ИВССЗКК заставляетъ предположить, что всѣ они восходятъ къ одному общему источнику: по мѣрѣ удаленія отъ послѣдняго видоизмѣнялись нѣсколько второстепенныя черты. Непосредственнымъ источникомъ вар. ССК является безъ всякаго сомнѣнія 3-я басня изъ сборника *Fabulae Aesopi extravagantes dictae: Vulpes et Gallus*, помѣщенная м. проч. у Я. Г р и м м а (R.

Г. стр. 421). Общій же источникъ всѣхъ этихъ вариантовъ оказывается баснь Эзопа: „Собака и Пѣтухъ“ (Halm № 225. Мартыновъ № 36. Ср. также Benfey Pantschat. I, 310; его же въ Orient u. Occident I, 504).

Что касается мотива о зажимуриваніи пѣтухомъ глазъ, вслѣдствіе чего послѣдній попадаетъ въ когти лисы (¹), то онъ находится въ непосредственной связи съ рассказомъ о прельщенномъ лисою воробѣ у Іоанна Капуанскаго, помещенномъ между прочимъ у Бенфея (Pantsch. I, 609 сл.) и справедливо связываемомъ послѣднимъ съ рассказомъ о пѣтухѣ, обманываемомъ Ренаромъ, въ литературныхъ обработкахъ животнаго эпоса (тамъ же стр. 610).

На сколько способны осложняться и видоизмѣняться побочныя черты извѣстнаго основнаго мотива, видно между прочимъ по вар. Ъ. Тутъ уже выведенъ пѣтухъ, ослѣпшій на правый глазъ; пѣтухъ не одинъ, а съ 12 курицами; надъ ними описываетъ свои круги ястребъ, и лиса спѣшитъ предостеречь пѣтуха отъ опасности. Лиса увѣряетъ его, что онъ прозритъ и правымъ глазомъ, если позволить ей поцѣловать себя (denn ich bin ja ein gottesmann); вдвойнѣ слѣпой пѣтухъ соглашается и гибнетъ. Той же участи подвергаются постепенно и беззащитныя куры. Второй половины рассказа вар. Ъ не знаетъ. Это слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что вар. Ъ представляетъ легкое видоизмѣненіе басни о Лисѣ и Пѣтухѣ, встрѣчающейся между прочимъ въ нѣмецкомъ переводѣ сборника Іоанна Капуанскаго (Directorium humanae vitae) (²) и сообщенной вкратцѣ у Я. Гримма (R. F. стр. cclxxvj сл.). Тутъ лиса, услыхавъ пѣніе пѣтуха на деревѣ, поднимаетъ пляску и, спрошенная о причинѣ, заявляетъ, что она пляшетъ отъ радости. Она проситъ позволенія поцѣловать его голову, чтобъ имѣть возможность хвастать

(¹) О намекахъ на это приключеніе въ другихъ поэмахъ см. Jonskbloet Étude стр. 62 слл.

(²) О латинскомъ изводѣ Калили и Димны см. Пыпинъ Очеркъ стр. 155. Benfey Pantschat. I, xvj, xx. 15 и др.— Относительно нѣмецкаго перевода см. Das Buch der Beispiele der alten Weisen. Nach Hss. u. Drucken hrsg. v. Dr. Wilhelm Ludwig Holland. Stuttgart. 1860. Benfey Ueber d. alte deutsche Uebers. d. Kalilah u. Dimnah въ Orient u. Occ. I, 138—187. Его же въ ук. м. стр. 383 сл. Гоерке Zu Kalilah u. Dimnah въ ук. м. стр. 681—688.

передъ товарищами, что она прикладывалась къ головѣ про-
рицателя. Пѣтухъ, конечно, гибнетъ. Т. обр. въ этомъ раз-
сказѣ не достаетъ только второй половины упомянутой выше
басни Эзопа, т. е. указанія на нападеніе собаки на лису.
На мотивѣ о поцѣлѣ развился также вар. С.

Мотивъ освобожденія пѣтуха въ вар. С, т. е. предло-
женіе помолиться предварительно, тоже является повидимому
только видоизмѣненіемъ основнаго мотива и возникъ мо-
жетъ быть на основаніи розни въ чтеніи текстовъ. Такъ,
въ оригиналѣ (Nalm № 225) лиса желаетъ поцѣло-
вать пѣтуха, а въ пересказѣ Г р и м м а (R. F. стр. cclxjv),
который тоже руководствовался извѣстными текстами, она
предлагаетъ затянуть съ нимъ ein erheiterndes morgenlied.

Едва ли нужно подробно останавливаться на томъ, что
и вар. АБВГДЕ не только обнаруживаютъ „слѣды книж-
наго вліянія“, какъ замѣтилъ о первыхъ трехъ А θ а н а с ъ-
е в ѣ (Сказки IV², 12), но и прямо занесены къ намъ съ
запада, какъ высказался уже А. Н. Веселовскій (въ
Исторіи русск. словесности А. Г а л а х о в а I² [1880] стр.
510). Впрочемъ можно замѣтить, что въ русскихъ вариантахъ
сравнительно съ западными болѣе рѣзко выдѣляется сатири-
ческій элементъ, являющійся съ архіерейскими пирами, ду-
ховными должностями и т. п., понятно, мѣстнымъ наслое-
ніемъ. Нельзя не обратить еще вниманія на совпаденіе ча-
стностей. Черта о многоженствѣ пѣтуха встрѣчается напр. въ
Ж (v. 936), гдѣ куръ 12 (bis sex), и въ цѣломъ рядѣ при-
мѣровъ у Г р и м м а (R. F. стр. ccxxxvi); но нигдѣ оно не
ставится ему въ вину, кромѣ вар. АБД. Это объясняется
только принятой на себя лисою ролью исповѣдницы, при-
чемъ замѣчается обыкновенно перемѣна, совершающаяся да-
же съ наружностью лисы или заступающаго ея мѣсто жи-
вотнаго. Въ вар. Д лиса попадаетъ въ кувшинъ съ с и н е й
к р а с к о й и, когда встрѣтившійся съ ней пѣтухъ недоумѣ-
ваетъ, что съ ней случилось, она возражаетъ, что постри-
глась въ монахини и отправляется въ Іерусалимъ. Пѣтухъ,
а вскорѣ затѣмъ коршунъ и удождъ напрашиваются къ ней
въ спутники. Прежде чѣмъ явиться въ Іерусалимъ слѣдуетъ
исповѣдоваться, полагаетъ лиса. Она садится у норы, мни-
мый „домъ духовника“, и говоритъ: „я могу отпустить вамъ
по два грѣха, но не могу отпустить третьяго“. Два грѣха
— несвоевременное пѣніе („послѣ ужина“) и отбиваніе чу-

жихъ женъ при десяти своихъ—прощены пѣтуху; но за то, что онъ носить шпоры, не будучи наѣздникомъ, лиса срываетъ ему голову. Подобная же участь постигаетъ коршуна. Удодъ же, въ виду грозящей ему гибели, придумываетъ хитрость. На вопросъ лисы: „кто тебѣ далъ царское перо?“⁽¹⁾ онъ отвѣчаетъ, что царь Соломонъ, и готовъ вести лису къ двумъ свидѣтелямъ, жирному гусю и жирной уткѣ. Расчитывая на богатую добычу, ослѣпленная лиса слѣдуетъ за удодомъ, ложится по его указанію въ оврагъ и подвергается жестокому нападенію со стороны собакъ, которыхъ вмѣстѣ съ охотникомъ ловко удалось привлечь удоду къ мѣсту укрывательства лисы.

Не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что мотивъ объ окрашиваніи шакала въ синюю краску заимствованъ изъ разказа о синемъ шакалѣ въ Панчатантрѣ (Benfey Pantsch. II, 73 сл.), точнѣе одномъ изъ изводовъ Панчатантры, содержащихъ этотъ мотивъ (именно 17 разсказъ Touti Nameh, übers. v. Iken, стр. 76 сл.). Послѣдній проникъ и въ цѣлый рядъ западныхъ разсказовъ (Benfey Pantsch. I, 225) и между прочимъ и во французскія обработки животнаго эпоса. На западѣ къ этому мотиву примкнула баснь о кошкѣ, попадающей въ черную краску и выступающей въ роли монахини, вслѣдствіе чего гибнутъ неопытныя, довѣрчивыя мыши (Halm № 87; ср. Benfey въ ук. м.). Для вар. Я слѣдуетъ очевидно признать прототипомъ баснь о „Котѣ и Пѣтухѣ“ (Halm № 14. Мартыновъ № 6). Здѣсь котъ, замѣнившійся въ Д лисою, тоже приводитъ двѣ вины пѣтуха и притомъ обѣ совпадаютъ совершенно съ первыми двумя въ вар. Д. Третья вина не приводится, такъ какъ она очевидна: „ты виноватъ ужъ тѣмъ, говоря словами Крылова, что хочется мнѣ кушать“. Разсказъ объ исповѣди коршуна и удода является только параллелью, развитіе которую по аналогіи съ первымъ не представляется никакой трудности. Что касается уловки удода, приманивающаго собою охотника и собакъ къ лисѣ, то она весьма часто попадаетъ въ восточныхъ и западныхъ сказкахъ и между прочимъ примѣняется лисой, чтобъ привлечь народъ къ примерзшему ко льду волку.

⁽¹⁾ Относительно этого выраженія см. Кн. мудрости и лжи перев. Цагарели стр. 182 прим. 24.

Замѣчательно еще то обстоятельство, что АБВЕ по общему тону и по отдѣльнымъ чертамъ ближе подходятъ къ У, чѣмъ къ западнымъ вариантамъ, съ которыми совпадаетъ главнымъ образомъ сманиваніе пѣтуха съ дерева. Въ Б лиса идетъ „изъ дальнихъ пустынь“, чѣмъ и мотивируется роль исповѣдницы; въ Д она идетъ въ Іерусалимъ; пѣтухъ идетъ „в лѣс на покаяніе“ (Е) или присоединяется къ лисѣ въ качествѣ паломника (Д); къ числу грѣховъ отнесено многоженство и по АБ, и по Д. Все это заставляетъ предполагать общій у этихъ вариантовъ источникъ. Вѣроятно на АБ въ извѣстной мѣрѣ повліяла упомянутая басня о „Котѣ и Пѣтухѣ“, проникшая на Русь при посредствѣ Византіи.

Вар. Г сократился до лаконическаго экстракта разсказа о похищеніи пѣтуха, неумѣстно притомъ присоединившагося къ другой самостоятельной сказкѣ. Подобное сокращеніе дошло до крайнихъ предѣловъ искаженія и непослѣдовательности въ вар. Е. Лиса, напр., вовсе не скрываетъ свою злобу на пѣтуха: „як мені... твоєі души не губить“, причемъ заявляетъ это прежде, чѣмъ онъ успѣлъ спуститься съ дерева. Присочиненный къ Е конецъ не имѣетъ ничего общаго съ эпизодомъ о Лисѣ-Исповѣдницѣ.

Черту о лихорадкѣ лисы въ вар. А приходится привести въ связь съ зайцемъ въ лихорадкѣ, которую онъ получилъ, испугавшись львинаго рева (R e n. v. 10049):

Tel péor ot Coars li lievres

Que il en ot deus jors les fievres.

Тоже событіе упоминается R e n. vv. 10149 слл. 17231 сл. R e i n h. vv. 1481—84. Испуганный кровожадностью звѣрей-паломниковъ, умерщвляющихъ волковъ, Изенгримъ впадаетъ въ лихорадку (*quartane febris*, I s e n g r. v. 652; *quintane frigora febris*, R e i n a r d. III v. 363). Сильное раздраженіе, вызванное дерзкими поступками Ренара, причиняетъ лихорадку и льву (*chéuz est en fievre quartaine*, R e n. v. 19118). Разсказъ о возбуждаемомъ ревомъ ужасѣ въ извѣстномъ звѣрѣ невольно напоминаетъ рамку Панчататры (B e n f e y P a n t s c h. II, 8), гдѣ ревъ разжирѣвшаго быка наводитъ неописанный ужасъ на льва; послѣдній даже „дрожитъ“ (H i t o p a d e s a v o n M a x M ü l l e r стр. 65). Въ этомъ

эпизодъ нельзя усматривать только случайную связь, такъ какъ онъ весьма легко могъ проникнуть въ европейскія версіи историческимъ путемъ. Даже Я. Г р и м м ъ (R. F. стр. cclxxv) сопоставлялъ мотивъ о ревѣ льва изъ Панчатантры съ германскими рассказами. Что одна греческая баснь, приводимая Гриммомъ въ связь съ тѣмъ же мотивомъ представляетъ только мнимое сходство, — указалъ уже Б е н ф е й (Pantsch. I, 93).

Что касается мотива объ освобожденіи пѣтуха при помощи молитвы, произносимой лисою, по подстрекательству пѣтуха, то онъ развился повидимому самостоятельно на средне-вѣковой почвѣ. Онъ встрѣчается напримѣръ въ вар. Ж и нерѣдко на него обращено вниманіе par excellence, такъ что онъ одинъ составляетъ цѣлую сказку, какъ вар. М. Здѣсь лиса схватываетъ спящаго на берегу озера гуся и отъ удовольствія спрашиваетъ, какъ бы онъ поступилъ, еслибъ она, лиса, попала къ нему въ пасть. Гусь возражаетъ, что „сложилъ бы руки, закрылъ бы глаза, прочиталъ бы молитву и тогда съѣлъ бы Васъ“. Лиса такъ и поступаетъ, а гусь спасается. Огорченной лисѣ остается только затвердить на будущее время правило житейской мудрости: „никогда въ жизни не произносить молитвы, прежде чѣмъ я буду ощущать теплую пищу въ своемъ желудкѣ“.

Эпизодъ объ освобожденіи пѣтуха при помощи заявленія о появленіи собакъ въ русскихъ вариантахъ повидимому не существуетъ. На самомъ же дѣлѣ онъ удержался въ вар. Д, гдѣ вмѣсто пѣтуха выступаетъ тетеревъ. Черты вар. Д напоминаютъ главнымъ образомъ вар. МѢѢК и Keip h. v. 285 слл. Любопытно притомъ, что Д и остальные русскіе варианты выводятъ пѣтуха (тетерева) „на сухомъ деревѣ“ (А), „на высокомъ деревѣ“ (Б) или „на дубу“ (В) и т. д., что отвѣчаетъ вар. Ё, тогда какъ въ другихъ вариантахъ дерево замѣнилось насѣстью и упоминается только въ концѣ рассказа. Необходимо слѣдовательно предположить, что вар. АВВД находятся въ весьма тѣсной зависимости отъ упомянутыхъ западныхъ версій.

Вар. Ж развиваетъ только мотивъ, какъ пѣтухъ освободился, подстрекнувъ лису сдѣлать заявленіе, что она уноситъ „свое собственное“ добро, подобно вар. МВѢѢК.

Вар. Д составляетъ почти дословный пересказъ вар. М. Вмѣсто гуся впрочемъ выведенъ обычный пѣтухъ, который

удивляется, что шакаль сначала не помолится, какъ поступаетъ „бѣлый человѣкъ“. Пѣтухъ научаетъ его: сначала слѣдуетъ сложить руки, — шакаль повинуется, — затѣмъ закрыть глаза, и—пѣтухъ спасается. Конечно, при посредствѣ международныхъ сношеній эта сказка была занесена изъ Европы къ готтентотамъ (ср. *Liebrecht* въ *Zeitschr. f. Völkerpsychol. u. Sprachwiss.* V [1868] 62).

Вар. *В* представляетъ точный сколокъ съ басни Эзопа „Собака и Пѣтухъ“. Новую черту, придающую отчасти басни больше связи и внутренняго единства, составляетъ предложеніе пѣтуха построить деревню. На вопросъ собаки, какъ это осуществить, пѣтухъ возражаетъ: „ты лай, а я буду пѣть и построится“. Когда затѣмъ подошедшая къ дереву лиса заявляетъ пѣтуху: „сойди внизъ, отмѣрь мнѣ мѣсто, чтобы построить домъ“, пѣтухъ отсылаетъ ее къ „старшинѣ“, т. е. къ собакѣ, которая не только отрываетъ хвостъ лисѣ, но и сильно обрываетъ ее всю. Общій же тонъ сказки, всѣ приемы совершенно тѣ же, какъ и въ басни о „Собакѣ и Пѣтухѣ“.

Относительно *Rein.* vv. 315—420 (= II vv. 343—448) и *Reinke* vv. 317—404 слѣдуетъ замѣтить, что они представляютъ довольно своеобразные варианты, расплывшіеся, если можно такъ выразиться, на тему о гибели всего поколѣнія пѣтуха и на тему о псевдо-царской грамотѣ, сулившей всѣмъ звѣрямъ невозмутимый миръ и безопасность со стороны хищническихъ нападеній.

Любопытную черту по отношенію къ разсматриваемому отдѣлу сказокъ составляетъ „перехитренность“ лисы. При всей хитрости лисы она перехитряется другими животными: *Ne li a rien valu sa guile*, выражаясь словами романа о Ренарѣ (*Ren.* v. 5083). По поводу этой ненормальной, повидимому, черты Я. Гриммъ (*R. F.* стр. cxxxviii) замѣчаетъ: *Die neigung der jüngerer dichter scheint es, den fuchs... andern thieren unterliegen zu lassen.* Уже проф. Ор. *Миллеръ* (Опытъ историч. обзорѣнія русск. словесности I² [1865] 191 сл. и Разборъ русск. сказокъ А. Н. Афанасьева въ Тридцать четвертомъ, и послѣднемъ, присутствіи учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ [1866] стр. 99 сл.) обратилъ вниманіе на эту черту и замѣтилъ ошибочность взгляда Гримма. На основаніи „распространен-

ности этой черты въ нашихъ сказкахъ“, на основаніи того, что лиса перехитряется не только человѣкомъ и дѣйствительно смышленными животными, но и весьма простоватыми, что хитрость вообще приписывается не только лисѣ, но и многимъ другимъ звѣрямъ,—проф. Миллеръ дѣлалъ выводъ, что „перехитряемость лисы черта болѣе древняя“ и что славянскія сказки о лисѣ и вообще „славянская народная поэзія стоитъ на болѣе древней точкѣ развитія, чѣмъ германская“⁽¹⁾.

Дѣйствительно, мнѣніе Гримма ошибочно, перехитряемость — черта болѣе древняя, но намъ кажется, что не въ однихъ славянскихъ сказкахъ, а въ сказкахъ о животныхъ вообще. Выводъ же относительно древности славянской народной поэзіи на основаніи этой черты нельзя сдѣлать только потому, что сравненіе проф. Миллера, со-

⁽¹⁾ Слова проф. Потебни (О мѣст. значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій [1865] стр. 107), приводимыя Ор. Θ. Миллеромъ. Сопоставивъ слово лиса съ однозначущими словами родственныхъ народовъ и высказавъ, что „женскій родъ нашего слова лиса древнѣе мужескаго рода слова Fuchs“, проф. Потебня (ук. соч. стр. 132) дѣлаетъ выводъ о значительной древности русскихъ сказокъ. На этомъ выводѣ опирается и Ор. Θ. Миллеръ. Но такая основа непрочна. Подобное сопоставленіе словъ не можетъ быть сдѣлано на слѣдующихъ основаніяхъ, какъ обязательно пояснилъ намъ Н. В. Крушевскій. Формы для названій лисы въ греч. *ἄλωπηξ* (f.), лат. *vulpes* (f.), лит. *lape* (f.) (отъ *velp*, *der Lüsterne*) — родственны между собой, потому что 1) греч. сочетаніе *λω* можетъ соотвѣтствовать лат. *ul*, лит. *la* и 2) греч. *π* можетъ соотвѣтствовать лат. *p*, лит. *p*. Но тѣ же формы неродственны слав. лиса, такъ какъ ни гласный *и* не можетъ быть сопоставленъ съ гласными указанныхъ формъ, ни согл. *с* съ согл. *p*. Звуковой составъ слова лиса допускаетъ, пожалуй, сопоставленіе со словомъ *лестъ*, стрел. *льс-тъ*. Далѣе, на основаніи слова лиса нельзя заключать, что названіе этого животного въ русскомъ яз. искони женскаго рода, такъ какъ оно принадлежитъ къ многочисленнымъ въ слав. языкахъ парнымъ существительнымъ. Между польск. *lis*, рус. лиса и лисица такое же отношеніе, какъ между стрел. *коуръ*, стрпольск. *kur*, польск. *kuga*, русск. *курица*. Напрасно Грекъ (Gregor Kreck Einleitung in die slav. Literaturgeschichte etc. I [1874] 245²) увѣряетъ: *dass daneben sporadisch auch das männliche Genus mitläuft* (vgl. *aslov. lisъ*), *ist für unseren Fall ohne Bedeutung* [такъ!]. Въ какомъ же еще случаѣ, предложимъ мы вопросъ, такое сопоставленіе можетъ имѣть больше значенія, какъ именно не въ этомъ? Грекъ, понятно, ясно обнаруживаетъ стремленіе, — что называется, — *trancher la question*.

поставлявшего славянскія сказки только съ литературными обработками запада, было нѣсколько неполно. Если же принять во вниманіе и западныя сказки о животныхъ и сопоставить ихъ съ русскими, то перевѣсъ если не въ древности, такъ сказать, то въ количествѣ и разнообразіи разсматриваемыхъ чертъ окажется на сторонѣ запада. Въ параллель къ упоминаемымъ проф. Миллеромъ (Опытъ стр. 192) примѣрамъ о перехитряемости лисы не только человѣкомъ, котомъ, собакою, „но даже какимъ-нибудь пѣтухомъ, журавлемъ, даже ракомъ“, — достаточно ради краткости и во избѣжаніе повтореній указать на приведенные выше источники, въ которыхъ важны и примѣчанія издателей, указывающихъ на цѣлые ряды новыхъ параллелей. Въ послѣднихъ между прочимъ перехитряютъ лису бѣлка, голубь, гусь. Съ перехитряемостью лисы человѣкомъ, собакою, воробьемъ или дроздомъ мы встрѣтимся въ другихъ группахъ сказокъ. О перехитряемости лисы журавлемъ, цаплей, аистомъ достаточно указать на встрѣтившееся выше замѣчаніе (стр. 46).

Мало того, иногда въ сказкахъ, въ которыхъ нельзя не видѣть извѣстной ироніи, сопоставляется хитрость лисы съ хитростью инаго животнаго. Разсказъ формулируется обыкновенно въ слѣдующихъ чертахъ. Лиса хвастаетъ передъ какимъ-нибудь животнымъ, что обладаетъ неисчерпаемымъ или извѣстнымъ, — опредѣляемымъ крупными цифрами, — запасомъ хитрѣйшихъ плановъ и увертокъ—„мѣшкомъ съ хитростями“, при помощи которыхъ она въ случаѣ надобности можетъ всегда избавиться отъ грозящей ей опасности. Сопоставляемое съ лисою животное обладаетъ только одной уверткой. Когда вслѣдъ за тѣмъ дѣйствительно приходится выручать себя изъ опасности, то послѣдняя всегда спасаетъ своего обладателя, тогда какъ лиса только съ величайшимъ трудомъ избавляется отъ гибели или даже должна заплатить жизнью. На нѣсколько относящихся сюда примѣровъ, въ которыхъ коту легче спастись съ одной уловкой, чѣмъ лисѣ съ цѣлымъ мѣшкомъ хитростей, указалъ отчасти Я. Гриммъ (R. F. стр. clij [т. е. Rein. vv. 5755—5816; ср. II vv. 2191. 3220. Reinke vv. 5159—5204]. clxxxviii. cxxiii. cxxiv. 363. 421 сл.; ср. cxlii). Сюда относится и цѣлый рядъ другихъ сказокъ (Robert Fables inédites II, 226 сл. и прим. Grimm КНМ. № 75 [Der Fuchs u. d. Katze] и

III³, 125 [въ распоряженіи лисы *hundert Künste... und ein Sack voll Liste*]. O e s t e r l e y Die Narrationes d. Odo de Ciringtonia въ Jahrb. f. rom. u. engl. Lit. IX, 137 сл. [№ xix] = Voigt Kl. lat. Denkm. d. Thiersage стр. 124 сл. [Parab. 13]. Waldis Esopus von Kurz, II, 21 и прим. Haltrich Z. deut. Thiers. стр. 32 № xxij. Benfey Pantsch. I, 316 [§ 121]; II, 337 сл. Köhler въ Götting. gel. Anz. 1872 стр. 1223 указываетъ [по Steele An Eastern Love Story стр. 253] вариантъ къ предыдущему примѣру; онъ же въ примѣчаніяхъ къ Шифнеру [Awarische Texte, въ Mém. de l'Acad. Imp. des Sciences de St.-Petersbourg, VII-e série, t. XIX (1872) № 6 стр. xvij (къ № vij: Der schwarze Fuchs)] касается обращеннаго къ лисѣ выраженія: *zerreisse heute den Sack deiner Kunstgriffe*).

Итакъ, лиса, напр., похваляется передъ журавлемъ, что у нея 12 хитростей (W. Radloff ук. соч. I, 214 сл. № j. Der Kranich und d. Füchsen). Или, узнавъ, что у пѣтуха 3 уловки, какъ начинается вар. 9, лиса заявляетъ, что въ ея распоряженіи „60 штукъ и тринадцать“ (*three score and thirteen*). И въ сказкѣ борну (Bleek стр. 97 сл. = Grimm Kinder- u. Hausmärchen III³ 377 сл.) выводится „мѣшокъ съ разумомъ“, но примѣненіе его нѣсколько иное: извѣстныя доли разума распредѣляются между различными животными. Тотъ же сюжетъ передаетъ въ нѣсколько искаженномъ видѣ малорусская сказка (Рудчен-ко I № 17). Тутъ журавль на вопросъ лисы: „Кильки в тебе думокъ?“ отвѣчаетъ: „десять“, тогда какъ у лисы оказывается только „йідна“. По мѣрѣ того какъ охотники дорываются до нихъ ближе, число думокъ у журавля убываетъ, пока у него не остается одна. Она заключается въ томъ, что онъ притворится мертвымъ и пока охотники „почнутъ роздивлятись“, лиса должна спастись бѣгствомъ. Исканіе очевидно: похвальба десятию думками вложена въ уста журавля неумѣстно; это ясно изъ его заключительныхъ словъ, въ которыхъ высказывается опасеніе не за свою участь, а за участь лисы. Становится понятно и любопытство лисы, допытывающейся журавля, въ чемъ заключается его послѣдняя думка. Исканіе въ этой сказкѣ констатируютъ кромѣ того выше приведенныя сказки. Мимоходомъ можно замѣтить, что всѣ эти варианты восходятъ къ буддійскому источнику (см. Kalilag und Damnag стр. cxiiij).

Кромѣ того извѣстенъ цѣлый рядъ сказокъ, въ которыхъ вовсе не хитрыя по природѣ животныя или физически крайне слабыя, нерѣдко относящіяся къ разряду низшихъ животныхъ, очень часто перехитряють лису. Обыкновенно лиса относится къ нимъ съ величайшимъ презрѣніемъ, высокомерно вызываетъ ихъ на состязаніе въ бѣгъ и—остается побѣжденной. Побѣдителями являются то ежъ или лягушка (Grimm K. u. Hausm. № 187 и прим. [III³, 255 сл.] и Köhler въ G. g. A. 1872 стр. 1224, гдѣ встрѣчаются параллели), то ракъ (Grimm K. u. Hausm. III³, 266. W. Schwartz Sagen u. alte Geschichten der Mark Brandenburg [1871] стр. 25 сл. А. о. Ск. I², 54 № 15: Лиса и ракъ) или улитка (Waldis Esopus, von Kurz, III № 76 и пр. Haltrich Z. deut. Thiersage стр. 30 сл. № xvii: Der Fuchs und die Schnecke. Sutermeister Kinder- u. Hausmärchen aus der Schweiz [1873] стр. 188 № 60: Der Fuchs u. die Schnecke). Эти маленькія животныя перехитряють лису тѣмъ, что незамѣтно прицѣпляются къ ея хвосту и она сама мчитъ ихъ къ цѣли. Или состязующійся въ бѣгъ ежъ перехитряетъ лису тѣмъ, что тайно даетъ приказъ своей женѣ отправиться къ мѣтѣ впередъ; когда лиса достигаетъ мѣты, она увѣрена, что видитъ передъ собою ежа. Позднѣйшую, очевидно, черту составляетъ замѣна лисы зайцемъ, на котораго, какъ воплощеніе быстроты бѣга, считали необходимымъ перенести роль хвастуна, неудачно испытывающаго свои силы въ бѣгѣ.

Во многихъ сказкахъ, стоящихъ внѣ указанныхъ категорій, лиса перехитряется черепахою (Benfey Rantschat. I, 240), козломъ (Орбеліани-Цагарели стр. 155) или козою (Rain. vv. 568-591. 741 сл.), гусемъ (Grimm K. u. Hausm. № 86 и прим. Haltrich Zur deut. Thiersage стр. 31 № xx) и др.

Народныя сказки не только безразлично приписываютъ хитрость и другимъ животнымъ, которыя нерѣдко выступаютъ въ роли лисы, напр., заяцъ (см. выше стр. 68), баранъ или козелъ, свинья и др. (о хитрости ихъ рѣчь впереди), но иногда прямо изображаютъ лису глупой. Такой лиса представляется, когда съ цѣлью глупой пробы она суетъ ногу въ силокъ, вслѣдствіе чего попадаетъ въ плѣнъ (J. Grimm R. F. стр. cslxxxviј № 5), когда выставляетъ хвостъ собакамъ (см. ниже) или когда ей приходится въ голову выу-

читься летать и когда она, взнесенная какой нибудь птицей на воздухъ, стремглавъ падаетъ на землю и разбивается (Рудченко ук. соч. I № 17. Бодуэнъ ук. соч. стр. 300. 303. Соелло ук. соч. стр. 15) и т. п.

Такимъ образомъ, на основаніи приведенныхъ данныхъ, необходимо сдѣлать заключеніе, что не въ однихъ славянскихъ сказкахъ распространена черта о перехитряемости лисы, а въ народныхъ сказкахъ вообще.

Дальнѣйшій отсюда выводъ тотъ, что лиса, какъ воплощеніе самой утонченной хитрости, какъ устойчивый прототипъ послѣдней, могла появиться съ неизмѣнно счастливыми атрибутами хитрости въ литературныхъ обработкахъ запада только въ позднѣйшее время. Только съ упроченіемъ навязанной лисѣ со временемъ репутаціи хитраго животнаго, пользующагося при томъ постояннымъ счастьемъ, становится понятнымъ, почему Генрихъ Лицесъръ (der Glîchesære), авторъ „Рейнгарта“, какъ бы въ извиненіе неудачныхъ похожденій лисы считаетъ умѣстнымъ сдѣлать заявление: *Doch ist hiute nicht sîn [Reinhartes] tac, Daz ez im nâch heile mûge ergân.*

Далѣе: не только славянскія, но и сказки другихъ индо-европейцевъ находятся въ состояніи „недоразвитія“, но въ томъ только смыслѣ, что лиса не является еще типомъ постоянно торжествующей хитрости.

Наконецъ, въ данномъ случаѣ нельзя отдать предпочтеніе славянскимъ сказкамъ передъ западно-европейскими въ большей ихъ древности, а слѣдуетъ ихъ даже поставить въ прямой зависимости отъ литературныхъ обработокъ животнаго эпоса на западѣ.

4. НЕРАВНЫЙ ДѢЛЕЖЪ ЖАТВЫ—И

5. ИЗБАВЛЕНІЕ ЧЕЛОВѢКА ОТЪ ХИЩНАГО ЗВѢРЯ.

Tex cuide gaaignier qui pert,
Et autre enborse le gaain.

Ren. v. 20864.

Del cors te ferai grant anui:
En mon ventre penras hostel.

Ren. Chabaille Suppl. стр. 128).

Droiz est qui mal velt fere autrui,
Que le max s'en viegne par lui.

Ren. v. 18455.

Славянскіе варианты: А (великорусск. сказка, Аѳанасьевъ Сказки I², № 7 а), Б (тоже, тамъ-же № 7 b), В (тоже, тамъ-же № 7 с), Г (бѣлорусская, тамъ-же № 7 d), Д (малорусск., Рудченко ук. соч. I, 17 сл. № 8: Лисиця, ведмідь и мужик), Е (малорусск., Чубинскій въ ук. м. 125 сл. № 42), Ж (словинская, Valjaves ук. соч. стр. 274 слл. № lxjv: Clovek, zajec, lisica i medved. Ср. пересказъ Аѳанасьева Сказки IV², 9—11), З (сербская, Караџић Приповијетке² стр 175 № 49: Међед, свиња и лисица=въ ук. нѣмецк. переводѣ стр. 262=J. Grimm R. F. стр. ссхсј сл.)

Литературныя обработки: И (Ren. vv. 15309—16772, resp. 16899) Ъ (Ren. 19785—20078), Ѓ (Rainardo vv. 402—814).

Инородныя варианты: Д (норвежск., Asbjörnсен Norweg. Volksm. II, 162 слл. № 17: Wohlgethan und schlecht gelohnt), Ѓ (нѣмецкая, Haltrich Zur deutsch. Thiersage стр. 37 № xxxij: Der bauer, der bär u. der fuchs), Є (эстонская, J. Grimm R. F. стр. сслxxxvij № 5), Ѕ (тоже, тамъ-же стр. сслxxxviii № 6), Ї (греческая, Hahn Griech. u. albanes. Märchen № 94), Ј (литовская, August Schleicher Litauische Märchen, Sprichworte, Räthsel u. Lieder [1857] стр. 8: Vom Fuchse), К (норвежск., Asbjörnсен-Dasent Tales стр. 126 сл.: Bruin and Reynard partners), Л (кельтская, Campbell Tales III, 98), М (грузинск., Орбелиани-Цагарели ук. соч. стр. 155 № 139).

Ср. Robert Fables inédites I, сxxxv сл. (изъ Ren. le Contrefait). Аѳанасьевъ Сказки IV², 7.

Вар. А. Мужикъ собирается сѣять рѣпу и общаетъ медвѣдю, который намѣревался его смять, вершки. Наступаетъ пора жатвы и мужикъ отвозитъ медвѣдю возъ ботвы, а рѣпу везетъ продавать въ городъ. Встрѣчается съ нимъ медвѣдь и, отвѣдавъ рѣпы, открываетъ обманъ. Вопреки угрозѣ медвѣдя растерзать его при появленіи въ лѣсу, мужикъ собирается въ лѣсъ по дрова. На встрѣчу ему поподается лиса. Узнавъ причину его озабоченности, она общаетъ „порскать“, когда появится медвѣдь. „Если спросить медвѣдь: что такое? скажи: ловятъ волковъ и медвѣдей“. Получивъ этотъ отвѣтъ, медвѣдь проситъ положить его въ сани, закидать дровами и связать веревкой, чтобъ его приняли за колоду. Связаннаго медвѣдя мужикъ убиваетъ обухомъ. Лиса требуетъ награды за совѣтъ. Мужикъ зоветъ ее съ собой и дома травитъ на нее собакъ. Лиса спасается въ свою нору и допрашиваетъ свои члены, — глаза, уши и хвостъ — какую они оказали ей помощь? Первые помогали ея спасенію, хвостъ же мѣшалъ ея бѣгству и она выставляетъ его изъ норы на сѣденіе собакамъ; послѣднія вытаскиваютъ лису изъ убѣжища и разрываютъ ее.

Вар. Б. Медвѣдь обманутъ на рѣпѣ и затѣмъ на пшеницѣ, получивъ во второмъ случаѣ корешки. Лиса, скрывшись въ кусты, выручаетъ мужика отъ разгнѣваннаго медвѣдя рядомъ вопросовъ. На вопросъ: „нѣтъ ли здѣсь волковъ-бiryковъ, медвѣдѣвъ?“ медвѣдь общаетъ оставить мужика въ покоѣ, если онъ дастъ отрицательный отвѣтъ. Второй вопросъ: „а у телѣги-то что лежитъ?“ заставляетъ медвѣдя подсказывать мужику: „колода“. Лиса увѣряетъ сначала, что колода была бы увязана на телѣгѣ, затѣмъ, „что въ нее бы топоръ былъ воткнутъ!“ и медвѣдь постоянно проситъ мужика поступать съ нимъ согласно этимъ замѣчаніямъ. За „работу“ мужикъ общаетъ лисѣ пару бѣлыхъ куръ, но даетъ ей мѣшокъ, въ которомъ скрыты собаки. Когда лиса заглядываетъ въ мѣшокъ, то на нее бросаются собаки. Конецъ, какъ въ А, но съ прибавленіемъ „ножекъ“ къ говорящимъ членамъ.

Вар. В. Обманутый на рѣпѣ и пшеницѣ медвѣдь собирается на третій годъ сѣсть мужика, который проситъ позволенія допахать пашню. Медвѣдь ложится подъ телѣгу, а лиса, выговоривъ себѣ мѣшокъ куръ, задаетъ тѣ же вопросы, какъ въ Б. На другой же день мужикъ выпускаетъ

изъ мѣшка сначала двухъ курицъ, а затѣмъ борзую. Остальное, какъ въ Б.

Вар. Г. Къ папущему мужику является волкъ и собирается съѣсть его воловь. Далѣе, какъ въ В. Подражая звуку охотничьихъ рожковъ, лиса кричитъ съ горы, что „млады князь палюе!“ Лиса перебѣгаетъ то на одну, то на другую гору, задавая свои вопросы, пока волкъ убитъ. Выпущенныя собаки отрываютъ у лисы только хвостъ.

Вар. Д почти совершенно совпадаетъ съ первой половиной Г и второй Б, но вмѣсто волка вар-а Г является медвѣдь. Нѣтъ мотива о припугиваніи медвѣдя охотниками и лиса не погибаетъ.

Вар. Е совпадаетъ съ началомъ вар. В въ томъ, что „чоловѣкъ“ проситъ волка позволенія допахать ниву. Мужикъ не получаетъ наставленій отъ лисы, а самъ придумываетъ отвѣты. Далѣе какъ въ Г; лиса погибаетъ.

Вар. Ж. За то, что мужикъ рассказалъ домашнимъ, какъ медвѣдь гнался за зайцемъ, надругавшимся надъ медвѣжатами, какъ завязъ въ расколотомъ деревѣ и далъ за освобожденіе бортъ меду, медвѣдь собирается его съѣсть. Лиса, подслушавшая споръ, совѣтуетъ мужику взяться за умъ и за—дубину (*ramet ti je v glavi a batina v ruki*). Передъ смертію, въ видѣ эпитиміи мужикъ вызывается поносить медвѣдя въ мѣшкѣ. Попадъ въ мѣшокъ, медвѣдь гибнетъ. Лиса вмѣсто предлагаемыхъ въ награду гусей, утокъ и курицъ желаетъ только откусить носъ мужика, который *od straha velikoga prdne jenkrat... i drugi put rak—i tretí put* и возражаетъ на вопросъ встревоженной лисы: *včera sem pojel devet lovnih psov rak vezda ze 'sum silum ošeju iti vun*. Лиса въ испугѣ скрывается.

Вар. З. Медвѣдь, свинья и лиса общими усиліями обрабатываютъ и засѣваютъ поле: свинья взламываетъ амбаръ, крадетъ сѣмена и взрываетъ поле; медвѣдь засѣваетъ его, а лиса боронуетъ. Затѣмъ свинья жнетъ созрѣвшій хлѣбъ, медвѣдь связываетъ снопы, лиса собираетъ колосья. Далѣе, свинья устраиваетъ токъ, медвѣдь сноситъ снопы и вытѣпываетъ ихъ, свинья же стребаетъ солому, лиса сметаетъ хвостомъ мякину, свинья провѣваетъ пшеницу. Когда же дѣло доходитъ до дѣлежа, медвѣдь беретъ всю пшеницу себѣ, на мольбы свиньи уступаетъ ей солому, а лиса остается непричемъ. Лиса собирается подать жалобу и приве-

сти съ собой царскаго мужа для произведенія правильнаго дѣла. Лиса, посуливъ мышей, приводитъ съ собой кошку, которая дорогой гоняется за птичками. Увидѣвъ это, медвѣдь, взлѣзшій заранѣе на грушу, сообщаетъ свинѣ, скрывшейся подъ соломѣ, свои опасенія насчетъ грознаго воителя (? бумбашира). Отыскивая въ соломѣ мышей, кошка бросается на выставленное рыло свиньи, которая съ визгомъ пускается бѣжать. Въ свою очередь испуганная кошка кидается на грушу. Предполагая, что нападеніе производится на него, медвѣдь въ испугѣ падаетъ съ дерева и ушибается до смерти. Лисѣ остаются хлѣбъ и солома.

Вар. Ж. Богатый вилланъ (Liétart) отправляется съ 8-ю волами на пашню. Разсерженный вѣлостью одного изъ нихъ вилланъ проклиняетъ его словами: „да пожретъ тебя волкъ или медвѣдь (R en. vv. 15375. 15383 сл. 15388)!“ Медвѣдь легокъ на поминѣ: онъ выскакиваетъ изъ-за куста (v. 15459) и требуетъ выдачи вола (v. 15477 сл.). Растерянный вилланъ проситъ отсрочки до слѣдующаго утра (v. 15322 сл.); медвѣдь изъясняетъ согласіе. Сокрушающагося виллана утѣшаетъ появившійся Ренаръ обѣщаніемъ спасти не только быка, но предать ему самого медвѣдя; въ награду онъ требуетъ пѣтуха (Blanchet). Ренаръ совѣтуетъ виллану захватить съ собой острый топоръ и ножъ, и обѣщаетъ поднять такой крикъ, подражая охотникамъ и ихъ рожкамъ (v. 15978—80), что испуганный медвѣдь обратится къ нему съ вопросомъ: „что такое“? Тогда онъ долженъ отвѣчать, что охотится владѣтельный графъ. Медвѣдь обратится къ нему съ просьбой скрыть его въ бороздѣ и прикрыть землей. Медвѣдя тогда не трудно будетъ убить виллану, у котораго будутъ славная солонина въ кладовой и ремни для цѣповъ. Все совершается по словамъ Ренара (v. 16057 сл.). Ночью вилланъ съ женой, дочерью и гарсономъ привозятъ убитаго медвѣдя домой. Когда Ренаръ является за наградой, то вилланъ, по совѣту жены, выпускаетъ на него изъ амбара трехъ собакъ. Сильно израненный Ренаръ съ трудомъ спасается въ свою крѣпость (Malpertuis).

Вар. Ж. Пѣтухъ (Chanteclers), Изенгримъ, олень (Brichemers) и Ренаръ задумали воздѣлать поле. Олень снесъ своими рогами весь кустарникъ, пѣтухъ при помощи своихъ лапъ выкорчевалъ корни, крѣпкій волкъ отбрасывалъ всѣ корни и кусты въ сторону, а хитрый Ренаръ, уклоняв-

пійся отъ работы (*il n'ot cure d'ovre faire, Ren. v. 19804*), беретъ на себя роль караульщика съ намѣреніемъ предупредить товарищей въ случаѣ приближенія опасности. Для посѣва пѣтухъ предлагалъ коноплю, олень — ячмень, а волкъ — пшеницу; благодаря поддержкѣ Ренара посѣяна пшеница, которую предполагается раздѣлить поровну. Случилось волку унести съ пастбища скотину (*bestes vit paistre..., s'en prent une, v. 19894*) и до того объѣсться, что еле могъ дотащиться до поля съ созрѣвающей пшеницей; онъ растягивается во всю длину въ ожиданіи, пока спадетъ жара и переварится пища. Завыванія волка вскорѣ привлекаютъ оленя, который дѣлаетъ ему упреки. Но волкъ жалуется на свою болѣзнь (*Je sui touz plainz d'idropisie* [?], *v. 19936*), отъ которой олень не беретъ его лѣчить, и разрѣшаетъ оленю пастись въ пшеницѣ. Наѣвшись до отвала, и олень ложится отдыхать. Является пѣтухъ, дѣлаетъ тотъ же упрекъ въ потравѣ и слѣдуетъ тому же примѣру. Лиса рѣшается принести жалобу царю льву.

Вар. С. Покинувъ дворъ царя льва и встрѣтивъ козу, Райнальдо напоминаетъ ей обстоятельства ихъ кумовства и жалуется на отсутствіе средствъ къ жизни. Коза предлагаетъ засѣять поле пшеницей, которую она воруетъ у своего хозяина, тогда какъ Райнальдо, опасаясь собакъ и измѣны со стороны козы, не только не оказываетъ ей помощи, но покидаетъ куму и обращается въ бѣгство. Поле вспахивается общими усиліями: Райнальдо ухватывается зубами за хвостъ козы, которая таскаетъ его по пашнѣ въ видѣ бороны. Показываются всходы, кончается и уборка хлѣба, но дѣло стало за дѣлежомъ жатвы: Райнальдо уступаетъ козѣ солому и плевелы, а себѣ собираетъ оставить всю пшеницу. Рѣшеніе загорѣвшагося спора отлагается до слѣдующаго утра. Догадливая коза припрятываетъ вскормленныхъ ею овчарокъ. Райнальдо, приближающійся съ голоднымъ волкомъ Лезангрино, замѣтивъ опасность, подъ предлогомъ внезапной болѣзни, отстаетъ отъ волка. Волкъ кидается на козу, но немедленно попадаетъ въ зубы къ двумъ собакамъ и вслѣдъ за тѣмъ подъ убійственныя дубины двухъ виллановъ. Райнальдо спасается отъ неопытныхъ собакъ хитростью. (*Ad uno grande ramo sì s'apichò, v. 776*).

Вар. Д. Медвѣдь требуетъ у поселянина, собравшагося въ лѣсъ по дрова, лошадь; въ противномъ случаѣ грозитъ

перерѣзать лѣтомъ всѣхъ его овецъ; въ видѣ льготы онъ разрѣшаетъ ему нарубить дровъ и отвезти ихъ домой. Встрѣтившаяся лиса, выговоривъ себѣ въ награду жирнаго козла, велитъ мужику выдавать ее за охотника, когда она станетъ порскать. Остальное, какъ въ вар. Б. Вмѣсто козла мужикъ, по совѣту жены, сажаетъ въ мѣшокъ пару злыхъ собакъ и лиса спасается бѣгствомъ.

Вар. Г. За опустошенія, производимыя порубкой дровъ въ его лѣсу, медвѣдь требуетъ у мужика выдачи вола. Лиса спасаетъ мужика, выдавая себя за охотника. Лиса заявила требованіе: *lasset mich dreimal unter euerem kreuz lecken!* и когда дѣло доходитъ до исполненія договора, *entging dem bauer aus angst einer*. Получивъ въ отвѣтъ: *ein windhund*, лиса скрывается.

Вар. Д. За освобожденіе изъ силка лиса обѣщаетъ мужику богатую добычу и проситъ, чтобъ онъ подвязалъ ей на шею колокольчикъ. Медвѣдю мужикъ долженъ сказать, что въ лѣсу царскіе охотники. Остальное, какъ въ Б. Лиса удаляется, напомнивъ крестьянину объ исполненіи своего обѣщанія.

Вар. Е. Мужикъ засѣваетъ поле рѣпой. Медвѣдь за охрану поля отъ птицъ выговариваетъ себѣ верхушки, а когда засѣвается овесъ — корешки. Зимой медвѣдь готовъ приняться за воловъ мужика, собравшагося въ лѣсъ по дрова. Споръ подслушиваетъ лиса, которая совѣтуетъ мужику подвязать ей три побрякушки (*drei spindeln*). Остальное, какъ въ Д.

Вар. Ж. Пашущій крестьянинъ видитъ, какъ заяцъ цѣлуетъ медвѣдицу. Медвѣдица обѣщаетъ мужику корзину съ медомъ, если онъ сохранитъ все въ тайнѣ. Мужикъ однако разболталъ все дома и медвѣдица собирается его съѣсть. Онъ проситъ только позволенія докончить свою работу. Слѣдуетъ появленіе лисы, обѣщаніе мѣшка съ курицами и „нѣсколькихъ“ въ придачу, королевская охота, вопросы лисы, какъ въ вар. Б, завязываніе медвѣдицы въ мѣшокъ и травля лисы.

Вар. З. Лиса будитъ спящаго въ лѣсу человѣка, заявляетъ, что спасла его отъ смерти, грозившей ему со стороны волка, и требуетъ въ награду курицъ. Спасшись отъ выпущенныхъ вмѣсто курицъ собакъ, лиса дразнитъ ихъ хвостомъ. Собаки вытаскиваютъ ее изъ норы и разрываютъ.

Вар. К. Медвѣдь и лиса владѣютъ общимъ полемъ. Сначала засѣвается рожь, затѣмъ рѣпа. Обдѣленный и разсерженный медвѣдь прерываетъ всѣ сношенія съ лисой.

Вар. Q. Лиса сообща съ волкомъ засѣваетъ сначала овесъ, затѣмъ картофель (*tata root (potatoes)*). Волкъ, конечно, обмануть.

Вар. М. Засѣваетъ хлѣбъ лиса и козель. Чтобъ уладить споръ по поводу дѣлежа, лиса собирается привести своего дядю, волка, а козель скрываетъ двухъ борзыхъ подъ соломой, какъ въ С. Козель требуетъ, чтобы волкъ, явившійся, по его мнѣнію, въ качествѣ свидѣтеля, сталъ на могилѣ его отца и дяди, и обнюхалъ. Когда же волкъ готовился съѣсть козла, выскочили изъ засады борзые собаки и „такъ истерзали лисицу и ея свидѣтеля, что заставили забыть и дѣлежъ минувшаго года“.

Прежде всего обращаюсь на себя вниманіе вар. БВ, изобличающіе извѣстные пробѣлы. Искаженіе заключается въ томъ, что въ нихъ не мотивируется боязнь медвѣдя предъ лисой. Мотивъ этотъ дополняется вар. АГ, въ которыхъ медвѣдю внушаютъ весьма естественный страхъ мнимые охотники.

Помимо сообщеннаго окончанія, вар. Ж имѣетъ и другой конецъ. Подобно вар. БВГДЕДЗ, на лису выпускаются собаки тоже изъ мѣшка (*Ren. vv. 17540—554*). Двойное окончаніе, очевидно объясняется тѣмъ, что авторъ 25-й бранши добивался того, чтобы въ концѣ концовъ восторжествовала хитрость Ренара, согласно типу неперехитряемаго счастливецъ, успѣвшему уже установиться въ литературныхъ обработкахъ. Поэтому съ первой половины этой бранши прибавлено довольно монотонное повтореніе уже рассказаннаго съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ новыхъ чертъ, заимствованныхъ изъ народныхъ преданій.

Любопытно, что въ вар. Ж и ГДС медвѣдь (волкъ) требуетъ на съѣденіе воловъ. Въ ГД не указана только причина, возбуждающая это желаніе; въ С она объясняется порубкой, произведенной въ лѣсу медвѣдя; въ Ж вилланъ накликалъ на свою голову бѣду, вслѣдствіе проклятія. Очень можетъ быть, что мотивъ этотъ существовалъ сначала и въ ГД, такъ какъ повѣріе о томъ, что хищный звѣрь легокъ на поминѣ (ср. *J. Grimm R. F. стр. liij слл. и cxxx **). *Wilh. Hertz Der Werwolf [1862] стр. 14²*). *Konr. Maurel*

Isländische Volkssagen d. Gegenwart [1860] стр. 169. W. Schwartz Sagen u. alte Gesch. d. Mark Brandenburg [1871] стр. 14. J. M. Thiele Danmarks Folkesagn III [1865] 49 № 224. Tettau u. Temme Die Volkssagen Ostpreussens, Litthauens u. Westpreussens. N. Ausg. [1865] стр. 281), пользуется такой же популярностью у славянъ, какъ и на западѣ. Достаточно вспомнить пословицы: „легко въ волкъ на поминѣ“; „помяни волка, а волкъ тутъ“; „скажаль бы словечко, да волкъ недалечко“ (Даль Толк. словарь великорусск. яз. п. слов. волкъ, поминать). Какъ въ вар. И немедленно является медвѣдь, когда его помянулъ крестьянинъ, такъ въ одной нѣмецкой сказкѣ (A. Engelien u. W. Lahn Der Volksmund in der Mark Brandenburg [1864] стр. 167), вслѣдствіе проклятія пѣтуха: Di sal deār Jeier hoalen! тотчасъ появляется коршунъ и уноситъ курицу. Въ другой сказкѣ (Woeste ук. соч. стр. 38) козель, любуясь отраженіемъ своихъ большихъ роговъ въ водѣ, едва успѣваетъ произнести: Ha! wann nu de Wulf men quāme, diān soss du moall kriegen! какъ волкъ ужъ тутъ съ дерзкимъ вопросомъ, на который получаетъ весьма вѣжливый отвѣтъ.

Разсказъ въ И и Г совпадаетъ иногда дословно. Такъ, лиса даетъ мужику совѣты, выговариваетъ себѣ курицу или пѣтуха (въ И вилланъ предлагаетъ пѣтуха или 15 курицъ, Ren. v. 15955 сл.), подражаетъ звуку охотничьяго рога (Ren. v. 15978: Et ge qui sai bien cor to-chier), возвѣщаетъ приближеніе охотящагося князя (графа), платится за свою неосторожность тѣмъ, что на нее травятъ собакъ, и, наконецъ, спасается въ свою нору (ГДИ). Пока приходится ограничиться указаніемъ на это сходство.

Согласно вар. АБВЕЗ лиса погибаетъ. Смерть ея прибавлена, очевидно, съ тѣмъ, чтобъ дать законченность разсказу. Это доказываетъ между прочимъ рядъ другихъ сказокъ, гдѣ лиса въ такомъ же положеніи, не подвергается гибели (ГДЖИДС. А о. Ск. I², 53. Ren. vv. 16728—772), а въ крайнемъ случаѣ лишается хвоста (Г и Ren. vv. 16747 сл. 16896).

Въ вар. Ж только нѣкоторыя черты представляютъ аналогіи съ выше приведенными вариантами. Весь вариантъ состоитъ изъ смѣси самыхъ разнообразныхъ сказочныхъ мотивовъ; почти каждый изъ нихъ существуетъ въ видѣ самостоятельной

сказки. Такъ, эпизодъ о зайцѣ, который забирается въ берлогу медвѣдя, поносить медвѣжатъ, „плюетъ на нихъ“, „издѣвается надъ ними“ и т. п. несомнѣнно обнаруживаетъ сходство съ рассказомъ въ романѣ о Ренарѣ, гдѣ Ренаръ позорить и безчестить волчатъ (Ren. vv. 441—470. 485—491). Отличіе, которое можно бы усматривать въ дѣйствующихъ лицахъ обоихъ эпизодовъ, только кажущееся. Медвѣдь весьма часто замѣняется волкомъ (см. пока выше стр. 81), а лиса зайцемъ (ср., напр., Bleek уѣ. соч. стр. 76. Endemann Mittheilungen über die Sotho-Neger в Zeitschr. f. Ethnologie VI, 64. A. Schiefner Ausführl. Bericht üb. Baron P. v. Uslar's Kürinische Studien в Мém. de l'Acad. Imp. des Sciences de St.-Petersbourg VII-e série, t. XX [1873] № 2 стр. 96 слл. E. Cosquin в Romania VIII, 599 = отд. отт. 279. Benfey Panschat. I, 181 сл. II, 549) Вообще, эпизодъ о поруганіи медвѣжатъ стоитъ внѣ всякой связи съ рассказомъ о томъ, какъ медвѣдь завязъ въ расклиненномъ деревѣ, откуда его освобождаетъ поселянинъ. Этотъ эпизодъ образуетъ независимый разрядъ сказокъ. Подслушивание выдаваемой тайны медвѣдемъ служить въ Ж только мотивомъ къ покушенію на жизнь поселянина, какъ въ АВВ. Затѣмъ слѣдуетъ рассказъ, относящійся къ данному отдѣлу сказокъ и представляющій только новую версію западныхъ варіантовъ. Упоминаніе предлагаемыхъ поселяниномъ птицъ и затѣмъ собакъ, рвущихся наружу, доказываетъ, что нѣкогда сказка эта заканчивалась сходно съ рассказомъ въ Ренарѣ. Вообще, смѣшеніе самыхъ разнообразныхъ сказочныхъ мотивовъ, связанныхъ между собой только внѣшнимъ образомъ, и рядъ преувеличеній, чуждыхъ, конечно, всякой естественности, — ясно изобличаютъ слѣды заимствованія.

Первая половина вар. З по основѣ совпадаетъ съ первой же половиной вар. АВВЗВССМ и съ вар. КР. Но частности этихъ варіантовъ на столько различаются между собой, что на первый взглядъ представляютъ нѣкоторыя затрудненія для вполне точнаго опредѣленія ихъ взаимныхъ отношеній. Тѣмъ не менѣе очевидно, что вар. С восходитъ къ утраченному французскому оригиналу. Это доказываетъ не только рядъ французскихъ словъ, удержавшихся въ итальянской редакціи (помѣчены они у Teza Rainardo стр. 19 слл.; ср. Msf [Mussa fia] в Literar. Centralblatt 1870

стлб. 739 сл.), но и существованіе во франц. хроникѣ того же эпизода (Extrait d'une chronique en prose у Bartsch Chrestomathie de l'ancien français [1875]³ стлб. 355—358). Прозаическій отрывокъ доказываетъ въ свою очередь, что нѣкогда этотъ эпизодъ существовалъ и въ романѣ о Ренарѣ, какъ замѣтили уже Мартинъ (E. Martin въ Heidelberg. Jahrb. d. Literatur 1870 стр. 161) и А. Н. Веселовскій (Соломонъ и Китоврасъ стр. 94). Сравнительно съ прозаическимъ эпизодомъ вар. Ё представляетъ лишь незначительныя отступленія. Если предположить, — въ чемъ едва ли можетъ быть сомнѣніе, — что первый не болѣе какъ точный пересказъ утраченнаго оригинала, то нельзя не прійти къ заключенію, что вар. Ё представляетъ не подражаніе, а передѣлку послѣдняго. Эта передѣлка должна притомъ считаться болѣе удачной, чѣмъ прозаическій отрывокъ, такъ какъ отношенія между животными болѣе правдоподобны. Если въ Ё лиса не въ состояніи сама рѣшить спора по поводу дѣлежа и обращается къ волку, какъ сильнѣйшему, отъ котораго она навѣрняка рассчитываетъ на помощь, то это весьма понятно; но если въ прозаическомъ отрывкѣ волкъ не можетъ справиться съ козой и неизвѣстно зачѣмъ призываетъ Ренара, — то это совершенно непонятно. Повидимому вар. Ё пользовался еще устнымъ преданіемъ, вслѣдствіе чего возникла довольно оригинальная версія. Съ вар. З вар. Ё совпадаетъ въ томъ, что сѣмена для посѣва добываются кражей у хозяина. Сходство этой черты можетъ быть объяснено заимствованіемъ, хотя нельзя отрицать и возможности самостоятельнаго ея появленія въ обоихъ вариантахъ.

Вторая половина вар. З встрѣчается обыкновенно въ видѣ самостоятельной сказки (ср. Афанасьевъ Сказки I² № 18 и прим.), которая соединилась съ рассматриваемымъ эпизодомъ только случайно.

Начало вар. Ё уже Я. Гриммъ (R. F. ссхсј*) сопоставлялъ съ басней Эзопа о „Птицеловѣ и Жаворонкѣ“ (Halm № 340. Мартыновъ № 46). Въ вар. Ё упоминается между прочимъ причина, дающая медвѣдю право изъяслять притязаніе на извѣстную долю жатвы, — это предложеніе охранять засѣянное поле отъ птицъ. Черта эта введена, очевидно, съ цѣлью поясненія страннаго союза поселанина съ медвѣдемъ.

Вар. Д представляет весьма много точек соприкосновения съ АБВГЖ. Такъ, медвѣдь требуетъ у поселянина выдачи скотины. Можетъ быть и въ Д существовалъ нѣкогда мотивъ о проклинаніи лошади, какъ можно, пожалуй, заключить по немотивированному требованію медвѣдя. Далѣе, лиса выговариваетъ себѣ заранѣе награду, принимается порскать, причиняетъ гибель медвѣдю, сама же гибнетъ въ слѣдствіе злаго совѣта жены поселянина. Всѣ эти черты общи этимъ вариантамъ.

Необходимо обратить вниманіе, что въ вар. ЗВСМ въ числѣ пайщиковъ, рядомъ съ лисою, медвѣдемъ или волкомъ, выводятся свинья, пѣтухъ, коза или козелъ. Въ древнѣйшихъ животныхъ сказкахъ встрѣчаются только хищные звѣри; домашнія животныя не играютъ въ нихъ роли (ср. м. проч. Keller ук. соч. стр. 341). Ясно, что эти варианты не могутъ претендовать на древность, которую непременно закрѣпила бы за ними мифологическая гипотеза. Тѣмъ менѣе, слѣдовательно, имѣютъ право изъявлять притязаніе на древность тѣ варианты, въ которыхъ фигурируютъ люди, т. е. варианты, гдѣ зооморфизмъ вытѣсняется антропоморфизмомъ. Къ этой категоріи принадлежатъ всѣ варианты, за исключеніемъ КЖ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ вар. К, такъ какъ въ немъ обманъ лисы по отношенію къ неуклюжему, недогадливому (ср. Брэмъ ук. соч. I, 590) медвѣдю представляется весьма правдоподобнымъ. Вар. Ж можетъ казаться нѣсколько подозрительнымъ въ виду того, что въ немъ роль одѣленного играетъ волкъ, на котораго она легко могла быть перенесена уже подъ вліяніемъ литературныхъ обработокъ. Во всякомъ случаѣ только вар. КЖ могутъ считаться настоящими представителями сказокъ о неравномъ дѣлежѣ, тогда какъ славянскія сказки стоятъ уже на болѣе поздней ступени развитія.

Сличеніе всѣхъ приведенныхъ вариантовъ обнаруживаетъ, что одинъ рядъ изъ нихъ распадается на двѣ половины: въ первой передается рассказъ о неравномъ дѣлежѣ жатвы, во второй освобожденіе человѣка отъ какого нибудь хищнаго звѣря. Притомъ очень многія сказки заключаютъ только второй эпизодъ. Спай обѣихъ половинъ чисто внѣшній. Первая половина можетъ быть притомъ рассматриваема въ видѣ мотива, объясняющаго намѣреніе хищнаго звѣря растерзать человѣка. Это замѣтно, напр., по вар. А, гдѣ по упомина-

ніи о дѣлѣ рѣпы тотчасъ слѣдуетъ разсказъ второй половины въ пространномъ изложеніи. Еще очевиднѣе независимость обоихъ эпизодовъ высказывается въ томъ, что первый эпизодъ весьма часто замѣняется совершенно самостоятельными разсказами, служащими опять таки только мотивомъ ко второму эпизоду. Таковы. напр., вар. 853. Слѣдовательно, оба эпизода должны быть рассматриваемы какъ двѣ самостоятельныя сказки, именно: неравный дѣлежъ жатвы и избавленіе человѣка отъ хищнаго звѣря. Это доказываетъ и длинный рядъ сказокъ, въ которомъ исторія о неравномъ дѣлѣжѣ передается независимо отъ другихъ разсказовъ. Таковы вар. 88 и сказки, въ которыхъ тотъ же сюжетъ подчиняется уже человѣческой обстановкѣ. Въ тѣхъ сказкахъ, въ которыхъ антропоморфизмъ вытѣснилъ зооморфизмъ, выступаютъ мужикъ и чортъ, засѣвающие поле рѣпой и пшеницей (*Grimm Kinder- u. Hausmärchen* № 189 и прим. [III^a, 259 сл.]), или тотъ же сюжетъ переходитъ въ область легенды (ср. А. Н. Веселовскій Замѣтки и сомнѣнія о сравнит. изученіи средневѣков. эпоса, въ Ж. М. Н. Пр. ч. CXL [1868] 341) и тогда споръ завязывается между св. Іоанномъ и чертомъ (*Schneller Märchen u. Sagen aus Wälschtirol* [1867] № 2; въ *Conde Lucanor* cap. xli [А. Keller стр. 186 сл.] гдѣ спорятъ правда и кривда [el bien и el mal], помимо дѣлежа рѣпы [nabos] и капусты [coles] встрѣчается и дѣлежъ инаго рода; ср. вообще *Dunlop-Liebrecht Gesch. d. Prosadichtungen etc.* [1851] стр. 543. *Liebrecht* въ *Germania* XXVI [N. R. XIV. 1881], 123. Аѳанасьевъ Сказки IV², 7. *Kulda Moravské národní pohádky, pověsti etc.* II [1875] 228 № 120).

Такимъ образомъ, данная группа сказокъ распадается на два независимые отдѣла. Событія одного изъ нихъ, посвященнаго неравному дѣлежу, происходили первоначально исключительно въ тѣсномъ кругу хищныхъ звѣрей, въ который не было доступа не только человѣку, но даже домашнимъ животнымъ. Слѣдовательно, всѣ животныя сказки, заключающія въ себѣ элементъ полуживотный, а тѣмъ болѣе окончательно перешедшія въ антропоморфизмъ, возникли въ сравнительно позднюю эпоху и могутъ считаться только потомками тѣхъ сказокъ, въ которыхъ нѣтъ этихъ элементовъ.

Вторая группа развилась вѣроятно изъ басни Эзопа „Лисица и Дровосѣкъ“ (*Halm* № 35. *Мартыновъ* № 126).

6. ЗВѢРИ - СТРАННИКИ.

Fai le bien, si vien avec nos...

Ren. v. 13257.

...Ich [d. Wolf] war beinah gestorben,

So freundlich war ich da empfangen;

Zur Unzeit war ich ausgegangen.

Rollenhagen (Grimm K.-u. Nm. III⁸. 52).

Assés vaut force, et plus baras.

Ren. (Chabaille Suppl. стр. 80).

Славянскіе варианты: А (великорусск. сказка, Аѳанасьевъ Сказки I², № 19а), Б (тоже, тамъ-же № 19b), В (тоже, тамъ-же № 19с), Г (тоже, тамъ-же стр. 76¹), Д (малорусск., Рудченко Сказки I № 24 = Аѳанасьевъ Ск. IV², 22 сл.), Е (великорусск., Аѳанасьевъ Ск. I № 29), Ж (сербская, Худяковъ Матеріалы для изученія народной словесности [1863] стр. 30 сл. № 10), З (чешская, Вожену Нѣмсовѣ Sebrané Spisy VII [1863] 322 сл.), И (тоже, Alfr. Waldau l'öhmische Märchenbuch [1860] стр. 208—212), К (резьянск., Бодуэнъ ук. соч. стр. 298 № 1), Л (тоже, тамъ-же стр. 301 № 6).

Литературныя обработки: И (Isengrimus vv. 529—688 у J. Grimm R. F. стр. 19 сл.), Ъ (Reinardus Vulpes ed. F. J. Mone [1832] l. III fab. 1 vv. 1—810), Ѓ (Ren. vv. 12987—13464 = Le pelerinage Renart p. E. Martin въ Roman. Studien Hft III [1873] 410—432).

Романо-германскіе варианты: Д (франц., Cosquin въ ук. м. VIII, 554 сл. [=отд. отт. стр. 234] № xlv: Le chat et ses compagnons), Є (каталонск., Maspons у Labrós Lo Rondallayre. Sér. II [1872] 80 сл. [Lo gat de la qua daurada]), Ѕ (итальянск., L. Gonzenbach Sicilian. Märchen [1870] № 66: Von dem Hahn, der Papst werden wollte), І (тоже, Schneller ук. соч. 120 № 41) Ї (нѣмецк., Haltrich ук. соч. стр. 22 сл. № jv), Ј (норвежск., Asbjörnсен-Dasent ук. соч. стр. 267—272 [The Sheep and the Pig who set up House]), К (тоже, Asbjörnсен und Мое ук. соч. II, 118 сл. № 12), Л (нѣмецк., Th. Vernaleken Oesterr. Kinder-u. Hausmärchen. N. Ausg. [1875] стр. 53 сл. № 12: S'Martinilob'n), М (тоже, E. Meier Deutsche Volksmärchen aus Schwaben [1852]⁸ № 3), Н (тоже, Ad Kuhn Sag., Gebr., u. Märch.

aus Westfalen II [1859] 229 слл. № 8), *Д* (тоже, A. Peter Volksthüml. aus Oesterreichisch-Schlesien II [1867] 205 слл.), *З* (тоже, Grimm K. u. Hausm. № 27), *Д* (W. Mannhardt вѣ Zeitschr. f. deutsche Mythologie IV [1856] 97 слл.), *Ж* (Engelien u. Lahn ук. соч. стр. 167 сл. № 16 [вторая половина]).

Ср. Reinh. vv. 551 — 562. Grimm K. u. Hausm. № 10 и прим. J. Grimm R. F. стр. 400 слл. и 392 слл. Kennedy Legendary fictions of the irish Celts (1866) стр. 5 сл. Cosquin вѣ ук. м. 236 слл.; къ его прим. слѣдуетъ присоединить многіе изъ ук. здѣсь вариантовъ. Robert ук. соч. I, cxxxviii. Сборн. свѣд. о кавк. горц. III, 4. Этнограф. сборн. VI, 93 (Шиддикуръ).

Бар. А. Старикъ и старуха собираются убить своего кота за то, что онъ поѣдаетъ ихъ сметанку. Предсказывая барану плачевную участь быть зарѣзаннымъ, котъ нагоняетъ такой страхъ на барана, что онъ предпочитаетъ вмѣстѣ съ нимъ спастись бѣгствомъ. Скрываются они ночью. На пути они находятъ волчью голову и захватываютъ ее съ собою. Отправляясь на огонекъ въ лѣсу, они вдругъ замѣчаютъ вокругъ огня 12 грѣющихся волковъ. Обмѣнявшись привѣтствіями, баранъ спрашиваетъ кота: „что намъ вечеромъ будетъ?“ „А двѣнадцать то волчьихъ головъ! поди выбери, которая пожирнѣе“. Баранъ изъ-за кустовъ поднимаетъ волчью голову и спрашиваетъ: „эта ли, брате котъ?“ „Нѣтъ, не эта, выбери получше“. Баранъ поднимаетъ ту же голову и повторяетъ тотъ же вопросъ. Волковъ охватываетъ ужасъ. Подъ разными предлогами всѣ они скрываются. Свой страхъ они сообщаютъ и встрѣтившемуся съ ними медвѣдю. Рѣшено просить кота съ бараномъ на обѣдъ. Посломъ отправляется лиса, которая возвращается съ согласіемъ принятаго приглашенія и рассказываетъ диковинки о свирѣпости кота. Испуганный медвѣдь сажаетъ одного волка на пенекъ, чтобъ онъ, въ случаѣ приближенія гостей, махнулъ полотенцемъ. Замѣтивъ сидящаго на сторожѣ волка, котъ приказываетъ барану сбросить его рогами, а самъ вливается въ него когтями. Увидѣвъ изувѣченнаго волка, медвѣдь въ испугѣ взлѣзаетъ на сосну, лиса прячется подъ колоду, волки разбѣгаются, а сурокъ, служившій у нихъ за повара, забивается въ нору. Котъ принимается за изготовленные кушанья и наводитъ еще большій страхъ на медвѣдя своимъ

мурлыканьемъ, представляющимъ послѣднему словомъ: мало. Котъ замѣчаетъ вдругъ торчащій изъ норы хвостъ сурка и въ испугѣ бросается на сосну; въ свою очередь испуганный медвѣдь падаетъ съ сосны и обращается съ лисою въ бѣгство.

Вар. Б. Начало, какъ въ А, только присоединяется еще козелъ, который несетъ на себѣ кота, побитаго за съѣденную сметану. Ночью котъ, баранъ и козелъ достигаютъ поля. Является желаніе погрѣться. Котъ обвертываетъ рога козла берестой и приказываетъ ему стукнуться съ бараномъ рогами. Искры, посыпавшіяся изъ глазъ столкнувшихся, зажигаютъ бересту и котъ затапливаетъ стогъ сѣна. Вскорѣ является медвѣдь и остается ночевать у нихъ. Затѣмъ являются 8 волковъ. „Бѣлой волкъ, надъ волками князь“, предлагаетъ силу пытаться. Котъ, устранивъ ихъ силой козла, предлагаетъ имъ состязаться лучше съ его меньшимъ братомъ, съ медвѣдемъ. Испытавъ его силу, волки обращаются въ бѣгство. Козелъ и баранъ подхватываютъ кота и тоже спасаются въ лѣсъ, но вновь сталкиваются съ волками. Котъ поспѣшно взбирается на вершину ели, а козелъ и баранъ ухватываются за сукъ. Котъ пытается напугать волковъ разговоромъ о томъ, сколько онъ съѣлъ волковъ, причемъ уступаетъ свою долю козлу. Послѣдній вдругъ срывается съ дерева и падаетъ рогами прямо на волка. Неожиданное паденіе козла и крики кота: „держи!“ обращаютъ волковъ въ бѣгство.

Вар. В. въ началѣ совпадаетъ съ вар. А, но дѣйствующими лицами являются козелъ и баранъ, собирающіеся сварить изъ волчьей головы студень. Медвѣдь, встрѣтившій убѣгающихъ волковъ, ведетъ ихъ обратно. Не найдя козла и барана, которые скрылись на деревѣ, медвѣдь старается открыть ихъ убѣжище при помощи ворожбы на жолудяхъ. Баранъ падаетъ съ дерева на медвѣдя, козелъ стрѣляетъ изъ ружья и поднимаетъ крикъ, и волки съ медвѣдемъ спасаются бѣгствомъ.

Вар. Г. Въмѣсто волковъ выступаютъ 3 медвѣдя. Козелъ напугиваетъ ихъ вопросомъ, обращеннымъ къ барану: заряжено ли у него ружье? остеръ ли топоръ? и, кромѣ того, грозитъ зажарить одного изъ нихъ. Избавившись отъ медвѣдей, козелъ и баранъ возвращаются домой.

Вар. Д. Козелъ да баранъ, прогнанные со двора хозяевами, шьютъ себѣ торбу и отправляются странствовать.

Остальные какъ въ В, но безъ участія медвѣдя. Ворожить тоже волкъ.

Вар. И. Серна (Vertiliana) отправляется на поклоненіе къ святымъ мѣстамъ (въ Римъ, по В v. 162). На половинѣ пути съ ней встрѣчается на перекресткѣ Ренаръ (Renardus) и, узнавъ причину ея путешествія, убѣждаетъ ее продолжать путь вмѣстѣ съ нимъ и его товарищами, оленемъ (Rearidus), бараномъ (Joseph), пѣтухомъ (Sproutinus), козломъ Berfridus), гусемъ (Gerhardus) и осломъ (Karchofas). Волкъ Изенгримъ, наѣвшись и выпивши не въ мѣру, лежалъ въ сторонѣ и подслушалъ рѣшеніе спутниковъ двинуться въ путь вмѣстѣ. Когда же онъ увидѣлъ осла, обремененнаго съѣстными припасами, то алчность его снова была возбуждена. Отягощенный пищей волкъ не въ состояніи двинуться съ мѣста и поэтому рѣшается появиться впослѣдствіи среди спутниковъ, въ качествѣ гостя. Ренаръ предвидитъ намѣреніе Изенгрима, захватываетъ съ собой голову повѣшеннаго волка и научаетъ барана, какъ съ ней поступать въ случаѣ появленія непрошеннаго гостя. Наступаетъ ночь. Пѣтухъ, въ качествѣ блюстителя часовъ (custos horarum, v. 539), возвѣщаетъ объ этомъ своимъ пѣніемъ. Путники останавливаются въ гостинницѣ (hospitium, v. 592). Осель отражается бараномъ въ качествѣ часоваго къ дверямъ съ наказомъ поступать на перекоръ всякому гостю. Но вскорѣ голодъ заставляетъ осла забыть свои обязанности; онъ набрасывается на кушанья, находящіяся на очагѣ и подбираетъ всѣ крохи. Тѣмъ временемъ оправившійся нѣсколько волкъ (laxato ventre, v. 603) вступаетъ въ помѣщеніе путниковъ, сидящихъ за столомъ, и привѣтствуетъ ихъ словами: „миръ да будетъ между вами, братья!“ (v. 605) и изъясняетъ радость, что застаётъ ихъ здѣсь. Онъ собирался нѣкоторыхъ изъ путниковъ, когда они уснутъ, сдѣлать жертвой своей алчности. Оправившись отъ перваго испуга, козель, а затѣмъ Ренаръ пытаются различными замѣчаніями удалить Изенгрима. Послѣдній въ свою очередь указываетъ на свои миролюбивыя намѣренія. Тогда Ренаръ приглашаетъ его усѣсться за столъ и поужинать съ ними. Серна спрашиваетъ: что приготовлено для дорогаго гостя? и получаетъ въ отвѣтъ отъ барана, что нѣтъ ничего, „кромѣ сѣдыхъ волчьихъ головъ“ (v. 633; В v. 245). По требованію Ренара баранъ приноситъ волчью голову. Взглянувъ на нее, Изенгримъ робѣетъ. Онъ поджи-

маеть хвостъ и внутренно желалъ бы быть на свободѣ. Ренаръ требуетъ, чтобъ баранъ принесъ одну изъ числа большихъ волчьихъ головъ. Баранъ возвращается съ той же волчьей головой. Ренаръ и эту находитъ непригодной и требуетъ наконецъ, чтобы баранъ принесъ самую большую голову съ орѣховой распоркой во рту (v, 645 сл.; ср. *В* v. 293 сл.). Волка охватываетъ ужасъ; онъ начинаетъ сильно дрожать; гусь усматриваетъ въ этомъ перемежающуюся лихорадку (*quartane febris*, v. 652; ср. *quintanae frigora febris*, *В* v. 363) и старается успокоить Изенгрима замѣчаніемъ, что волкъ, которому онъ, гусь, „слизалъ“ (v. 656) эту голову, былъ крѣпче и хитрѣе Изенгрима. Баранъ проситъ пощадить Изенгрима. Послѣдній признаетъ себя больнымъ, удивляется, что паломники возятъ съ собой волчьи головы и не поддается увѣщанію Ренара, который увѣряетъ, что они снимаютъ головы только съ враговъ. Изенгримъ указываетъ на свою голодающую жену, которая кормитъ поворожденныхъ, и, подъ предлогомъ озаботиться на счетъ пищи для нея, старается скрыться. Олень кричитъ ему еще вслѣдъ, чтобъ онъ согласился взять на себя обязанность палача, такъ какъ они попадающихся имъ волковъ вѣшаютъ или морятъ голодомъ. Изенгримъ указываетъ на то, что не дозволяетъ ему этого возрастъ,—ему всего три съ половиною года,—и скрывается.

Бар. *В*, какъ подраженіе *И*, въ первой половинѣ совпадаетъ часто дословно съ послѣднимъ. Къ концу въ *И* непосредственно примыкаетъ продолженіе въ *В*. Паломники преувеличенными рассказами стараются усилить ужасъ Изенгрима, который насилу вырывается на волю. Онъ спѣшитъ созвать своихъ товарищей, числомъ 11,⁽¹⁾ съ цѣлью возобновить нападеніе на богомольцевъ. Послѣдніе изъ предосторожности забираются на крышу гостинницы. Только осель замѣшкался за кучей сѣна; когда онъ при появленіи волковъ тоже взбирается на крышу, то вдругъ обрывается и, стремглавъ падая внизъ, давитъ двухъ волковъ. Неистовый крикъ, поднятый со стороны осажденныхъ, обращаетъ испуганныхъ волковъ въ бѣгство.

⁽¹⁾ Всѣ они выступаютъ съ оригинальными прозвищами, въ родѣ «трехбрюхій» (*triventer*), «воръ гусей» (*pilausa*) и т. п. Значеніе этихъ именъ см. у J. G r i m m R. F. стр. ccxxxj.

Бар. С. Ренаръ дѣлаетъ себѣ упрёки въ совершеніи цѣлаго ряда преступленій. Онъ встрѣчаетъ поселянина и проситъ указать ему священника. Вилланъ приводитъ его къ отшельнику, который исповѣдуетъ Ренара и даетъ совѣтъ отправиться къ папѣ въ Римъ. Ренаръ становится паломникомъ. Вскорѣ онъ встрѣчаетъ на пастбищѣ барана (Dan Belin) и убѣждаетъ его отправиться съ нимъ вмѣстѣ въ путь. Баранъ тѣмъ охотнѣе соглашается на предложеніе Ренара, что неблагодарный и жестокій хозяинъ предназначаетъ его самого въ уплату жнецамъ, а его шкуру на полусапожки. Вскорѣ попадаетъ осель; обѣщаніемъ хорошаго корма и онъ склоняется принять участіе въ ихъ путешествіи. Когда рѣчь заходитъ о ночлегѣ, Ренаръ предлагаетъ своимъ спутникамъ остановиться въ жилищѣ Изенгрима⁽¹⁾. Изенгрима и его жены (Hersent)⁽²⁾ нѣтъ дома. Удивленіе послѣднихъ крайне велико, когда они, приближаясь къ своему дому, услышали пѣніе и крикъ подкутившихъ пилигримовъ. Богомольцы не впускаютъ ихъ и Ренаръ устраиваетъ засаду. Осель долженъ прислониться къ дверямъ и прищемить волка, когда онъ просунетъ въ дверь голову, а баранъ добивать прищемленного Изенгрима рогами. Волчица своимъ воемъ созываетъ около сотни волковъ. Между тѣмъ Ренаръ и его товарищи, — правда, послѣдніе съ трудомъ, — успѣли взобраться на дерево. Волки, потерявшіе вдругъ ихъ слѣдъ, располагаются отдыхать подъ роковымъ деревомъ. Баранъ и осель сожалеютъ уже, что опрометчиво приняли участіе въ гибельномъ путешествіи; они искренно желали бы быть дома. Вдругъ оба срываются съ дерева и при паденіи осель задавливаютъ четырехъ, а баранъ двухъ волковъ. Волковъ охватываетъ ужасъ, а крики Ренара (La hart! la hart! Tien les Belin, pren les, Bernart etc. v. 13437 сл. = изд. Мартина v. 441 сл.) усиливаютъ панику и обращаютъ волковъ въ бѣгство.

⁽¹⁾ По R e n. vv. 13287. 13366. 13375 = въ *Pelerinage Ren.* vv. 293. 370; въ. же *Primaute*, упоминаемаго у Меона v. 13375, въ ук. м. у Мартина (v. 379) и въ его нов. изд. романа о Ренарѣ (br. VIII v. 379) говорится просто: le lou. Объ идентичности волка Примò съ Изенгримомъ см. выше стр. 59⁴).

⁽²⁾ Относительно мнимой жены волка Примò, *Hermengart*, ср. *J o n s k-b l o e t Etude* стр. 163¹).

Богомольцы отказываются отъ дальнѣйшаго путешествія и возвращаются домой.

Совпаденія всѣхъ этихъ варіантовъ чрезвычайно любопытны. Мельчайшія черты западныхъ редакцій представляють совпаденія съ русскими варіантами.

Такъ, подобно **ИЗ**, въ вар. В голова приписывается тоже старому волку. Волки „рады бы убѣжать, да безъ спросу не смѣютъ“ (А); „у самихъ на умѣ какъ бы уйти по добру, по здорову“ (В); „стали вони [вовки] думати-гадати, як би відціля удрати“ (Д).

Барану отдается приказъ принести самую большую волчью голову: „подай бильшу; подай ще бильшу“ (Д). Или она должна быть: „пожирнѣ“, „получше“ (А), „съ самага стараго волка“ [т. е. самая большая?] (В), причемъ такихъ головъ оказывается 12 (А). Цифра эта подобрана очевидно къ числу волковъ, грѣющихся у огня; она отвѣчаетъ въ **И** Изенгриму и его 11 товарищамъ. По **И** (v. 664) у паломниковъ столько волчьихъ головъ, что хватить ихъ ночей на десять, лишь бы онѣ пришлись по вкусу Изенгриму; кромѣ того, въ „другомъ углу“ хижины семь самыхъ большихъ (**И** v. 643 сл.; **В** v. 291 сл.).

Какъ въ **ИЗ**, такъ и въ **АВГД** волки подъ разными предлогами—кто за водой, кто за дровами и т. п.—исчезаютъ.

Еще замѣчательнѣе совпаденія вар. **АБВГД** съ вар. **С**, преимущественно со второй его половиной.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе причина, заставляющая барана принять предложеніе Ренара,—согласиться на путешествіе. Въ **С** баранъ описываетъ свое зависимое положеніе, перечисляетъ свои заслуги, указываетъ на неблагодарность владѣльца, который собирается его зарѣзать (vv. 13174—186). Въ **А** котъ „началъ... обманывать“ барана: „брате баранъ! меня хотятъ завтра убить, тебя зарѣзати“. Или котъ передаетъ своимъ товарищамъ слова владѣльцевъ: „за неволю придется колоть козла да барана“ (Б), или обреченные на гибель сами слышатъ такую угрозу (Г), или козла и барана вынуждаетъ къ побѣгу голодъ и дурное обращеніе хозяина (В; ср. **А** в. Ск. I², 73 вар. 2), или, наконецъ, они прогнаны со двора („проженемо“, Д). Вар. Д неудачно мотивируетъ изгнаніе козла и барана тѣмъ обстоятельствомъ, что „вони... дурно хлѣб ѣдятъ“. Очевидно это

позднѣйшая замѣна черты, передававшей о грозившей изгоямъ гибели. Во всякомъ случаѣ совпаденія русскихъ вариантовъ съ **С** этимъ не нарушаются. Въ **МВ** выставляется только мотивъ паломничества. Ясно, что это весьма поздняя черта, вытѣснившая только болѣе естественную причину. Что такая нормальная и, слѣдовательно, болѣе древняя причина дѣйствительно существовала, необходимо заключить по отрывочно высказанному намеку въ латинской редакціи „Ренара“, гдѣ говорится о постановленіи „убить самцевъ птицъ и четвероногихъ“ (Renard. III v. 825 сл.). Кромѣ того, въ пользу высказаннаго мнѣнія говорить и то, что мотивъ о паломничествѣ является въ вар. **С** побочнымъ обстоятельствомъ или добавкой къ главному мотиву объ избѣганіи злой участи. Если принять затѣмъ во вниманіе, что въ вар. **М**, особенно же въ **В** и отчасти **С** много сатирическаго элемента, появляющагося въ животномъ эпосѣ сравнительно поздно (см. ниже), то необходимо вывести заключеніе, что и черта о паломничествѣ, введенная съ цѣлью сатиры, — черта поздняя.

Въ однихъ вариантахъ странники останавливаются на ночлегѣ въ домѣ, расположенномъ въ лѣсу (**МВС**); въ другихъ они отправляются на огонекъ (**АВД**) или сами разводятъ его (**Б** и **А ѳ. Ск I², 76¹¹**) и тогда къ нимъ являются непрощенные гости. Оказывается, что въ **С** эта черта существуетъ. Когда волчица заглянула въ щелку, — она „увидѣла пилигримовъ у огня“ (v. 13319). Такимъ образомъ и эта черта сохранилась въ вар. **С** и представляется, очевидно, существенной.

Разсказъ о домѣ — понятно позднѣйшая прикраса. Она приурочена къ **С** крайне непрочна. Это доказываетъ то обстоятельство, что при вторичномъ нападеніи волковъ странники, вмѣсто того, чтобы спастись на кровлю дома, какъ можно бы ожидать, имѣя въ виду **В**, — спасаются однако на дерево.

Причина перваго бѣгства волковъ представляется различно. Въ **МВАВД** волки пугаются показываемой бараномъ волчьей головы, усматривая въ странникахъ свирѣпыхъ истребителей волковъ. Въ **СБ** (ср. **А ѳ. Ск. I², 76¹¹**) черта эта вовсе не упоминается; въ **С** она замѣнена разсказомъ о волкѣ, погибающемъ отъ боданія барана, что чуть-ли не представляетъ подраженіе эпизоду о волкѣ-землемѣрѣ (см. ниже).

Въ Б она неудачно замѣщена вставкой о взаимномъ испытываніи силы, въ Г припугиваніемъ заряженнымъ ружьемъ. Мотивы эти оказываются весьма неустойчивыми. Тѣмъ не менѣе за однимъ изъ нихъ необходимо признать большую древность и естественность. Такимъ безъ всякаго сомнѣнія является мотивъ объ отраженіи нападенія со стороны волковъ силою же, а не хитростью. Хитрость стоитъ уже на болѣе поздней ступени культурнаго развитія. Слѣдовательно, продѣлка съ волчьими головами болѣе поздняя черта и, наоборотъ, мотивъ вар. Ё обладаетъ несомнѣнными признаками древности. Съ этимъ совпадаетъ и мнѣніе М а р т и н а (въ *Roman. Studien* Hft. III, 435), который вообще признаетъ 23-ю браншь романа о Ренарѣ за одну изъ самыхъ древнихъ (въ ук. м. стр. 432) и относитъ ее къ 1200 г. (тамъ-же стр. 435). Впрочемъ, за древность Ё ручается также наивный тонъ разсказа, вѣрное изображеніе быта звѣрей, отсутствіе всякихъ прикрасъ, возникшихъ подъ вліяніемъ рыцарскихъ и религіозныхъ идей (въ ук. м.).

Такъ какъ въ тѣхъ русскихъ вариантахъ, въ которыхъ встрѣчается хитрость съ волчьими головами, конечно, нельзя слышать „запаха лѣсовъ“ прародины, то чревычайно любопытно должно казаться ихъ отношеніе къ западнымъ редакціямъ. И въ данномъ случаѣ едва ли можетъ быть рѣчь о возникновеніи замѣчательнаго сходства между вар. АВД и ИВЁ,—преимущественно же ИВ по отношенію къ мотиву о хитрости съ волчьей головой,—путемъ равномернаго психическаго развитія. Иначе опять можно бы повторить вопросъ: на какой же стадіи развитія должно находиться единство человѣческаго духа, чтобъ непременно барану, притомъ при совершенно идентичной обстановкѣ во всѣхъ вариантахъ,—пришла въ голову мысль пугать волковъ волчьей же головой? Такія черты сходства не могутъ быть объяснены при помощи единства человѣческаго духа. Здѣсь только возможно допущеніе заимствованія. Какими путями оно шло?—это иной вопросъ. Если въ данный моментъ невозможно отвѣчать на него съ полной увѣренностью, то тѣмъ не менѣе мы стараемся ниже привести извѣстныя соображенія, дающія нѣкоторое право настаивать на такомъ заимствованіи.

Разсматривая другія черты приведенныхъ вариантовъ, слѣдуетъ замѣтить, что вар. Г содержитъ только первую половинѣ

разказа, т. е. заканчивается, подобно *И*, первымъ бѣгствомъ медвѣдей, заступившихъ мѣсто волковъ.

Тотъ же совершенно рассказъ о звѣряхъ-странникахъ передавался нѣкогда и въ нѣмецкомъ „Рейнгартъ“ (*Reinh. vv. 551—562*). Относительно этого не только можно догадываться, какъ поступаютъ *Я. Гриммъ* (*Р. Г. стр. сiii сл.*) и *Мартинъ* (въ *Roman. Studien Hft III, 435*), но можно, кажется, съ увѣренностью утверждать. Такъ, въ *С Ренаръ* застаётъ осла во рву, гдѣ онъ пробавляется чертополохомъ (*v. 13233 сл.*). Предлагая осла принять участіе въ паломничествѣ, Ренаръ указываетъ на невыгоды его положенія, на то, что ему приходится таскать грамадныя тяжести дровъ, мѣшки съ углями и подвергаться цѣлому ряду другихъ невзгодъ (*v. 13249 сл.*). Онъ проситъ поэтому слѣдовать его совѣту, обѣщаетъ ему избавленіе отъ всѣхъ лишеній и вдоволь насущнаго хлѣба (*tu auras assez à mengier, v. 13260*). Въ „Рейнгартъ“, какъ сокращенной передѣлкѣ франц. оригинала, тридцати стихамъ вар. *С* отвѣчаютъ 11 стиховъ. Рейнгартъ встрѣчаетъ черезчуръ навьюченнаго осла (*er was geladen harte, v. 554*), удивляется, что онъ предпочитаетъ быть жалкимъ бѣднягой (*müedinc, v. 558*), таскать тяжести. „Если бы ты захотѣлъ присоединиться ко мнѣ, я избавилъ бы тебя отъ этой нужды и далъ бы тебѣ вдоволь хлѣба,“ (*v. 560 сл.*). Такимъ образомъ, не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что утраченный отрывокъ „Рейнгарта“ передавалъ эпизодъ о звѣряхъ-странникахъ.

Сравнивая между собою вар. *ИВС*, оказывается, что первая половина вар. *В* совпадаетъ съ *И*, тогда какъ вторая съ *С*. Какъ въ *С* нападеніе волка отражается силой, такъ и въ *В*, при удаленіи Изенгрима, осель прищемляетъ его въ дреряхъ, олень, баранъ и козелъ бьютъ его рогами, немилосердно издѣваясь надъ нимъ, пѣтухъ клюетъ спину, лиса кусаетъ, гусь ожесточенно щиплетъ хвостъ. Но это совпаденіе *В* съ *С* не доказываетъ еще зависимости послѣдняго варианта отъ перваго, такъ какъ предшествующій рассказъ значительно разнится отъ *В*. По естественнымъ основамъ, по наивному тону вар. *С* долженъ быть причисленъ къ древнѣйшимъ браншамъ романа о Ренарѣ (см. выше). Вар. же *В* можетъ представлять только соединеніе древняго мотива о насильственномъ изгнаніи волка съ позднѣйшимъ мотивомъ о хитрости съ волчьей головой. А такъ какъ русскія сказки

представляютъ весь эпизодъ именно въ такомъ сочетаніи мотивовъ, какъ въ В, то опять возникаетъ вопросъ о самостоятельности русскихъ сказокъ. Если, кромѣ того, принять во вниманіе частое нарушеніе разсказа неумѣстными вставками (въ родѣ ружей, пороху и т. п.) и цѣлыми эпизодами изъ другихъ сказокъ (вторая половина А), что не свидѣтельствуешь въ пользу прочнаго обладанія славянами „исконнымъ достояніемъ“,—то предложенный вопросъ получаетъ еще болѣе значенія.

Кромѣ приведенныхъ вариантовъ къ нимъ примыкаетъ длинный рядъ народныхъ сказокъ. Последнія могутъ быть разсматриваемы только какъ истоки литературныхъ обработокъ. Въ общемъ онѣ сохраняютъ тотъ же сюжетъ, но въ частности онѣ успѣли утратить много чертъ первоначальнаго разсказа. Какимъ путемъ шло разложеніе послѣдняго, можно даже прослѣдить по извѣстнымъ сказкамъ.

Такъ, въ вар. Е передается, что котъ отправляется въ Римъ позолотить свой хвостъ (*à ferse d'aurar la qua*). По очереди къ нему присоединяются цѣтухъ, лиса (*una guineu*) и быкъ. Волка, попавшагося имъ на встрѣчу, странники убиваютъ и кладутъ его голову въ сумку. Отправляясь на огонекъ, странники достигаютъ хижины и просятъ на ночлегъ. Старуха грозитъ имъ гибелью со стороны 7 волковъ обитателей хижины. Странники возражаютъ, что всѣ волки мертвы, и семь разъ показываютъ ей волчью голову. Старуха пускаетъ ихъ въ хижину. Поужинавъ, каждый изъ нихъ избираетъ себѣ подходящее мѣсто для ночлега. Когда одинъ изъ явившихся, вскорѣ волковъ собирается зажечь свѣчку (*io lum*), то онъ попадаетъ въ когти кота, на рога быка и т. д. Волки обращаются въ бѣгство.

Такимъ образомъ въ Е еще упоминается, что странники собрались въ Римъ, но побудительная причина уже иная. Затѣмъ удерживается ночлегъ въ домѣ волковъ, согласно Е, но проникаетъ и хитрость съ волчьей головой, какъ въ ИВВД. Насильственный отпоръ принимаетъ болѣе комичный характеръ. Въстѣ съ тѣмъ, вар. Е стоитъ на первой ступени отъ зооморфизма къ антропоморфизму. Въ вар. КЛ, правда, упоминается Римъ, но все остальное передается хаотически.

Опредѣленіе говорить о паломничествѣ греческая сказка (Н а н у к. соч. № 90; ср. № 92), но остальное представляется значительно видоизмѣнившимся вариантомъ.

Въ вар. З нѣтъ даже тѣхъ немногихъ характеристическихъ чертъ, какія замѣчаются въ С, хотъ въ качествѣ враговъ поселившихся странниковъ все еще выводятся два волка.

Въ вар. Ъ лиса, по просьбѣ волка, указываетъ ему на разбойничій домъ, гдѣ онъ вдоволь найдетъ съѣстныхъ припасовъ. Онъ только недолженъ бояться духовъ и привидѣній, сторожащихъ домъ по заклѣтію разбойниковъ. На самомъ же дѣлѣ лисѣ было извѣстно, что въ домѣ остановились звѣри-странники. Остальное, какъ въ вар. С.

Такимъ образомъ характеръ сказокъ все болѣе мѣняется. Съ теченіемъ времени звѣри начинаютъ постепенно превращаться въ вѣдьмъ (Ѣ) или старухъ (С), въ великановъ (М), разбойниковъ (ЕЗИМЪФ. К е n n e d у въ ук. м.), воровъ (В. С a m r b e l l ук. соч. № хj) и т. п. Вскорѣ и искателями приключеній являются люди (ММ и др.), ищущіе лучшей доли. При переходѣ дальнѣйшихъ стадій мотивы подвергаются болѣе рѣзкимъ видоизмѣненіямъ и получаютъ такъ наз. „дѣтскія сказки“, въ которыхъ главные роли падаютъ на долю булавокъ, иголокъ, яицъ, мельничныхъ жернововъ и т. п. (G r i m m Kinder- und Hausmärchen №№ 10. 41 и прим.).

Не болѣе какъ варіантомъ той же группы сказокъ является Зимовье звѣрей (А ѳ а н а с ѣ в ѣ Ск. I² № 30).

И тутъ извѣстныя животныя держатъ путь сообща. Одинъ изъ нихъ предлагаетъ строить избу на зиму, тогда какъ другія отказываются, рассчитывая на свой природный покровъ. Когда же настаетъ зима, то всѣ просятъ въ избу предусмотрительнаго товарища; опасаясь ихъ угрозъ, онъ волей неволей пускаетъ ихъ. Вскорѣ, по наущенію лисы или независимо отъ нея, на нихъ дѣлаютъ нападеніе волки или медвѣди, которыхъ скитальцы умерщвляютъ при помощи своихъ роговъ или при подобныхъ же условіяхъ, какъ въ вар. С или въ сказкѣ объ извѣстныхъ Бременскихъ музыкантахъ (G r i m m КНМ. № 27).

Кажущаяся разница заключается только въ томъ, что звѣри странники вмѣсто того, чтобы идти на какой нибудь огонекъ или забраться въ чужую хату,—строятъ свою собственную. Но такъ же точно разводится огонекъ, появляются волки, которыхъ баранъ губить, какъ въ вар. С.

Къ Зимовью звѣрей относятся: А о а н. Ск. I² № 31; Рудченко I, № 22; вар. З; S c h n e l l e r ук. соч. № 42; C o s q u i n ук. соч. въ R o m a n i a X, 543 (№ lxxvj: Le loup et les cochons).

Слѣдовательно, и въ данной группѣ тѣ сказки, въ которыхъ не замѣтно еще вліянія антропоморфизма и различныхъ утонченныхъ чертъ, находятся на болѣе древней ступени развитія. Допущеніе это тѣмъ болѣе необходимо, что многія сказки о животныхъ восходятъ къ той отдаленной порѣ, когда подобныя отношенія въ кругу звѣрей были вполне понятны. Только съ теченіемъ времени эти отношенія могли утратить свой смыслъ и требовать объясненій при помощи человѣческой обстановки.

Доказательствомъ древнѣйшаго типа разсказа о звѣряхъ-страпникахъ можетъ служить, напр., рамка второй книги Панчатантры (B e n f e y P a n t s c h. II, 156 слл; ср. I, 309) и ея истоковъ. И тутъ извѣстные звѣри пускаются въ путь, побуждаемые обыкновенно невзгодами злой судьбы. Указанная рамка можетъ смѣло считаться прототипомъ этой группы сказокъ.

7. Л и с а - с у д ѣ я и л и С т а р а я х л ѣ б ѣ - с о л ь з а б ы в а е т с я .

Mal por bien a l' en por service.

R e n. v. 15589.

Lijfs noot breeet alle wet.

R e i n. v. 4895.

Славянскіе варіанты: А (великорусск. сказка, А ф а н а с ѣ в ѣ Сказки I,² № 8), Б (тоже, Э р л е н в е й н ѣ Сказки № xxi: Мужикъ и змѣя), В (руссинск., В а г а с з В a j k i стр. 215 слл).

Литературныя обработки: Ж (R e i n. II, vv. 4858—5038), З (K e i n k e vv. 4579—4736).

Инородные варіанты: С (итальянская, G o n z e n b a c h Sicil. Märchen № 69), Д (тоже, P i t r è Fiabe № cclxxii), Е (тоже, т а м ѣ - ж е IV, 168—172), Ж (тоже, C o m p a r e t t i Novelline popolari itallane I [1875] 290 № lxxvij: Gli ingrati), З (гасконская, B l a d é Contes populaires recueillis en Armagnac [1867] № jv: Lou loup penjat), И (тоже, С é n a s M o n s a u t ук. соч. стр. 213 слл. = Е г о - ж е Contes

populaires de la Gascogne [1861] стр. 213 сл.), *Ѕ* (норвежская, *Asbjörnsen-Dasent Tales* стр. 110—114 [The way of the world]), *Ѓ* (датская, *Grundtvig Dänische Volksmärchen*, übers. v. A. Strodtmann, [1879] стр. 245 сл.), *Ѕ* (нѣмецк., *Haltrich Z. d. Thiersage* № xxjx), *М* (греческая, *Hahn* ук. соч. № 87), *М* (тоже, *Émile Legrand Recueil de contes populaires grecs* [1881] стр. 187 сл. [Le chasseur et le serpent]), *Д* (тоже, *G. Morosi Studi sui dialetti greci della terra d'Otranto* [1870] стр. 75 сл. № jv.), *В* (готтентотская, *Bleek* ук. соч. стр. 8 сл. № 5 = Басни и сказки дикихъ народовъ стр. 13 сл.), *Д* (грузинская, *Орбелиани-Цагарели* ук. соч. стр. 131 сл. № 120).

Ср., кромѣ прим. Кёлера къ вар. *Г*. еще: *Schiefner* въ *Mém. de l' Acad. Imp. de Sc. de St.-Petersbourg* XX, № 2 стр. 91 сл. *B. Schmidt* ук. соч. стр. 3¹). *Liebrecht* въ *Heidelb. Jahrb. d. Lit.* 1869 стр. 188. 494; е го - же въ *Jb. f rom. u. engl. Lit.* III, 146. *Fabeln aus d. Zeiten der Minnesinger* [hrsg. v. Bodmer u. Breiting-ger] (1757) № lxxj. *Waldis* IV, 99 и прим.

Вар. *А*. Волкъ, освободившійся изъ капкана, спасается отъ охотниковъ. Онъ проситъ встрѣтившагося мужика спрятать его въ мѣшокъ. По удаленіи охотниковъ волкъ, выпущенный на волю, собирается съѣсть мужика. Послѣдній указываетъ на сдѣланное благодареніе, но волкъ возражаетъ: „старая хлѣбъ-соль забывается“. Мужикъ проситъ представить рѣшеніе ихъ спора первому встрѣчному. „Пострѣчалась имъ старая кобыла“, выгнанная хозяиномъ за старость. Она подтверждаетъ мнѣніе волка. Мужикъ требуетъ новаго третейскаго суда, встрѣчаетъ старую собаку и принужденъ выслушать тотъ же приговоръ. Наконецъ третій судья — лиса. Она сомнѣвается, чтобъ волкъ въ состояніи былъ помѣститься въ мѣшкѣ. Волкъ доказываетъ возможность отрицаемаго факта, а мужикъ, по совѣту лисы, убиваетъ его. Сама лиса тоже убивается мужикомъ на томъ основаніи, что — „старая хлѣбъ-соль забывается?“

Всѣ остальные варианты безъ всякаго видоизмѣненія сохраняютъ тотъ же сюжетъ. Мѣняются только дѣйствующія лица. То мужикъ спасаетъ змѣю отъ пылающаго жнивья и прячетъ ее въ мѣшокъ, а судьями являются заяцъ, волкъ и лиса (*Б*), то освобождаетъ изъ ямы волка и долженъ выслушивать приговоръ старой собаки, сороки и лисы (*В*) и т. п.

Въ этой группѣ сказокъ замѣчается впрочемъ та особенность, что въ нѣкоторыя изъ нихъ проникъ мотивъ изъ 5-й группы сказокъ, именно мотивъ о подкупѣ лисы обѣщаніемъ выдать ей въ награду курицъ. Черта эта присоединилась, понятно, значительно позже, съ цѣлью болѣе эффектнаго заключенія, тогда какъ въ сущности это только болѣе изощренное повтореніе перваго мотива. Такая приставка встрѣчается напр., въ вар. БВССЗЖМ.

Въ вар. АВ споряція стороны—человѣкъ и змѣя, а судьями выступаютъ ворона съ сыномъ, затѣмъ медвѣдь съ волкомъ и, наконецъ, Рейнгартъ. Здѣсь увеличеніе числа судей—опять таки позднѣйшая черта, возникшая вслѣдствіе стремленія къ развитію новыхъ параллелей. Болѣе древнія сказки ограничивались очевидно однимъ судьей. Отчасти это можно заключить и по вар. С. Тутъ левъ, завязшій въ тѣсномъ проходѣ, освобождается лошадыю. Судьей является одна только лиса, которая, желая узнать, какъ было дѣло, заставляетъ льва занять прежнее безвыходное положеніе и предоставляетъ лошади выборъ освободить его вторично.

Что большинство этихъ мотивовъ восточнаго происхожденія, доказаль уже Бенфей (Pantsch. I, 114 сл.), поэтому останавливаться на нихъ было бы излишне. Необходимо только замѣтить, что вар. АВВ находятся въ тѣсной зависимости отъ западныхъ вариантовъ преим. ДССЗДМ. Источникомъ послѣднихъ является непосредственно средне-вѣковая передѣлка (Fab. extr. № 4) упомянутой басни Эзопа (Halm №№ 97. 97 b; ср. Benfey Pantsch. I, 113 сл.).

Замѣчаніе Бенфея (Pantsch. I, 117—119), касающееся того, что въ „Рейнеке“ встрѣчается будто бы черта о подкупѣ лисы курами,—положительно ошибочно. Подобная черта, какъ было замѣчено выше (стр. 118), встрѣчается только въ романѣ о Ренарѣ, но не въ связи съ эпизодомъ о Лисѣ-судѣѣ.

Незначительное отличіе вар. АВ заключается въ томъ, что вмѣсто обычной змѣи неблагодарнымъ животнымъ оказывается волкъ, который, наоборотъ, въ вар. Б выступаетъ въ качествѣ судьи. Всѣ эти разновидности сближаютъ вар. АВВ особенно съ СР (и съ рассказомъ у Дони, Benfey Pantsch. I, 120). Впрочемъ А представляетъ ту несообразность, что мужикъ прячетъ волка въ мѣшокъ, закидывая его себѣ на плечи. Черта эта безъ всякаго сомнѣ-

пія отвѣчаетъ разсказу въ Панчатантрѣ Дюбуа, гдѣ змѣя упрятывается въ мѣшокъ (*Benfey Pantsch. I, 118*). Сохраненіе этой черты въ вар. А, но неумѣстное примѣненіе ея—ясно обличаютъ заимствование, зависимость отъ восточныхъ пересказовъ.

Вар. 9 обнаруживаетъ весьма странную передѣлку все того же основнаго сюжета. И въ 9 изъ подъ камня освобождается змѣя; освобождается она зайцемъ. Судьями сначала выступаютъ два ворона, затѣмъ недавно избранный царь-звѣрей, волкъ, у котораго совѣтникомъ состоитъ лиса. Волкъ считаетъ зайца виновнымъ уже потому что онъ слабѣе. Правоту змѣи волкъ предоставляетъ разобратъ лисѣ. Лиса, какъ и въ другихъ вариантахъ, заставляетъ змѣю занять прежнее положеніе, а освобожденнаго зайца она пожираетъ сама. Къ вар. 9 примѣнялся извѣстный мотивъ о выборѣ царя звѣрей; гибель же зайца отвѣчаетъ той же плачевной участи его въ 2. Вообще вар. 9 такъ живо напоминаетъ всѣ черты вар. 2, что невольно внушаетъ мысль о непосредственной, довольно поздней передѣлкѣ вар. 2. Во всякомъ случаѣ вар. 9 можетъ служить только новымъ подтвержденіемъ, что и трансильванскіе саксонцы обязаны своими „народными“ сказками различнымъ обработкамъ басень Эзопа и восточныхъ сборниковъ.

Вар. 3, понятно, занесенъ съ запада (ср. *Benfey* въ *GGA. 1871* стр. 2093. *Liebrecht* въ *Zs. f. Völkerps. u. Sprachw. V, 61¹⁾*).

Начало вар. БД, повѣствующаго объ избавленіи змѣи изъ огня, отвѣчаетъ непосредственно разсказу въ Анварь-и-Сухаили (ср. *Benfey Pantsch. I, 118. 120*).

Слѣдуетъ еще упомянуть объ оригинальномъ сербскомъ вариантѣ, сообщенномъ проф. В. Ягичемъ съ примѣчаніями Келера (въ *Arch. f. slav. Philol. I [1876] 279 № 6*).

Такимъ образомъ и въ этой группѣ сказокъ славянскіе варианты обличаютъ свою зависимость отъ западныхъ, преимущественно юго-западныхъ вариантовъ. Кромѣ того, они сохраняютъ явные слѣды восточнаго вліянія.

Дальнѣйшее развитіе сюжета, какъ умноженіе числа судей, подкупъ лисы и замѣщеніе однихъ животныхъ другими,—происходило очевидно на европейской почвѣ.

8. Волкъ - дурень.

Isengrîn pflac tumber sinne.

Reinh. v. 749.

Men sel den dach te seer niet

Loven noch loken, eer men siet

Dat hi ten avont is ghecomen.

Rein. v. 4853.

Славянскіе варіанты: А (великорусск. сказка, Аѳанасьевъ Сказки I² № 24 а), Б (тоже, тамъ - же № 24 б), В (малорусск., Рудченко Сказки I № 1), Г (тоже, тамъ - же I № 2 = Аѳ. Ск. IV², 25), Д (тоже, тамъ - же I № 3), Е (тоже, тамъ - же I № 4), Ж (тоже, Чубинскій ук. соч. II № 42), З (тоже, тамъ - же II № 43), И (сербская, Худяковъ Матеріалы для изуч. народной словесности стр. 31), К (руссинск., Вагасъ Bajki стр. 218 сл.), Л (лужицкая, Наурт у. Schmaier ук. соч. II, 161 сл. № 5), М (кашубская, Ербен Sto prostopárodních pohádek a povestí [1865] стр. 101 сл.), Н (моравская, Вгана Moravské národní pohádky I, 52 сл.), О (польская, Глиński ук. соч. III, 166 сл.), П (словинская, Валжавес ук. соч. стр. 267 сл. № lxj).

Литературныя обработки: И (Reinardus IV, vv. 1—132), Ъ (тамъ - же I vv. 1229 [resp. 1341]—1758), Ѓ (тамъ - же III vv. 2191—2384), Д (Ren. vv. 6361—6454), Ѕ (тамъ - же vv. 7521—7610), Ї (Rein. vv. 3992—4107), Ы (Reinke vv. 3735—3821).

Инородныя варіанты: Ъ (нѣмецкая, Haltrich Z. deutsch. Thiersage стр. 60), Ѕ (тоже, тамъ - же стр. 27 сл. № xiiij: Der wolf und die beiden böcke), Ь (тоже, тамъ - же стр. 27 № xij: Der wolf und die stute), Ҁ (тоже, тамъ - же стр. 28 № xjv: Der wolf und die kræm m. d. zwölf ferkeln), ҂ (тоже, тамъ - же стр. 29 № xv: Der wolf u. d. geis m. ihren zehn zicklein), ҄ (тоже, Vernaleken Oesterr. K. u. Hausm. № 9), ҆ (тоже, J. W. Wolf Deutsche Hausmärchen [1858] стр. 419 сл.), ҈ (тоже, Kuhn Märk. Sag. u. Märchen стр. 300 сл. № 16), Ҋ (тоже, Blaas Vom unzufriedenen Wolf въ Germania N. R. XII [1879] стр. 412 сл.), ҋ (кельтская, Campbell Tales III, 98 сл.), ҍ (Fabulae extravag. № 12; ср. Robert Fables inéd. I, xcjx:

Le Loup et le Chien affamé), $\mathfrak{L}$ (тоже № 10 = J Grimm R. F. стр. 429 слл. [De lupo pedente]).

Ср. Аѳанасьевъ Ск. IV², 26 сл. Худяковъ Матеріалы стр. 43 сл. и 45 слл. H a l t r i c h ук. соч. № xxxvj. H a h n ук. соч. № 92. 93. Le cento novelle antiche [Milano 1825] № xcjiv и D u n l o p - L i e b r e c h t Gesch. d. Prosadichtungen стр. 214 (№ 91). 539. R o b e r t Fables inéd. I, xcv. cxlvj. II, 365 W a l d i s III, 63 и 93 и прим. B o ž e n y N ě m s o v é Slovenské pohádky a pověsti Sv. IX [1858] 562 слл. О р б е л і а н и — Ц а г а р е л и ук. соч. стр. 48 № 37. B a g a s z ук. соч. стр. 139.

Вар. А. Хозяинъ покидаетъ въ лѣсу свою состарѣвшуюся собаку. Волкъ собирается ее съѣсть. Онъ впрочемъ рѣшается послѣдовать совѣту собаки и предварительно ее откормить. Когда собака разжирѣла и волкъ не прочь былъ привести угрозу въ исполненіе, собака такъ жестоко искуса волка, что ему долго пришлось зализывать свои раны. Наконецъ онъ отправляется за добычей. Встрѣтивъ козла, онъ собирается его съѣсть. Щадя зубы волка, козель предлагаетъ ему стать подъ горой и разинуть пасть; самъ же онъ обѣщаетъ вскочить въ нее. Волкъ соглашается. Козель разбѣгается и такъ сильно ударяетъ его рогами, что опрокидываетъ волка. Часа черезъ три волкъ приходитъ въ себя. Увидѣвъ свинью съ поросятами, онъ бросается на послѣднихъ. Свинья считаетъ необходимымъ сначала обмыть новорожденныхъ и крестить. Волкъ согласенъ. Свинья приводитъ волка къ мельницѣ, ставитъ „по ту сторону заставки“, поднимаетъ послѣднюю, и хлынувшая вода уноситъ волка. Промокшій, голодный волкъ находитъ наконецъ надалѣ и принимается ею ночью утолять свой голодь. Но волка поджидалъ уже охотникъ, который и убиваетъ его.

Вар. Б. Волкъ обращается къ Христу, странствующему по землѣ, и заявляетъ, что ему „ѣсть хочется“. Господь указываетъ ему на кобылу. Волкъ сообщаетъ ей приказъ Христа. Кобыла возражаетъ, что у нея есть видъ, ограждающій ее отъ такихъ напастей. Волкъ любопытствуетъ взглянуть на него. Кобыла отсылаетъ его къ заднимъ ногамъ и такъ жестоко ударяетъ его копытами по головѣ, что онъ на три сажени отлетаетъ въ сторону. Волкъ идетъ съ жалобой къ Христу, который указываетъ ему на барана. Баранъ поступаетъ съ нимъ, какъ въ А. Новая жалоба Христу и новое

разрѣшеніе съѣсть портнаго. Портной, подѣ предлогомъ смѣ-
рять волка, влѣзетъ ли онъ въ него, ухватываетъ его за
хвостъ и бьетъ до тѣхъ поръ, пока вырывающійся волкъ не
отрываетъ себѣ хвостъ. Убѣгающему волку попадаютъ на
встрѣчу семь волковъ, которые готовы мстить портному. По-
слѣдній поспѣшно взбирается на дерево. Чтобъ добраться до
портнаго, одинъ изъ нихъ совѣтуетъ: „ты, кургузой, ложись
подъ-исподъ, а мы на тебя, да другъ на дружку установим-
ся — авось достанемъ!“ Когда волки стали приближаться къ
портному, онъ вдругъ закричалъ: „ну, ужъ никому такъ не
достанется, какъ кургузому!“ Безхвостый волкъ въ испугѣ
выскакиваетъ изъ подъ своихъ товарищей, которые всѣ па-
даютъ на землю и изъ злобы разрываютъ его. Портной ухо-
дитъ домой.

Вар. В. Начало, какъ въ Б. Послѣ неудачи волка съ ба-
раномъ, Господь указываетъ первому на сало, потерянное че-
ловѣкомъ на дорогѣ. „А воно жъ солоне — пити захочецьця...
Піду спершу напьюся“, рѣшаетъ волкъ. Тѣмъ временемъ
человѣкъ спохватывается, что потерялъ сало, и поднимаетъ
его. Слѣдуетъ встрѣча со свиньей, которая предлагаетъ вол-
ка свести въ село, гдѣ „теперъ виберають усяке начальство, —
може й тебе виберуть“. Визгъ свиньи сзываетъ народъ, ко-
торый, конечно, встрѣчаетъ волка жестокими побоями. Встрѣ-
ча съ портнымъ, какъ въ Б.

Вар. Г. Опущенъ мотивъ о выпрашиваніи пищи у Бо-
га. Столкновение съ кобылой, бараномъ, свиньей и портнымъ.
Кобыла указываетъ на „бумаги“, а свинья проситъ позволе-
нія „пісню заспівать“.

Вар. Д. Эпизодъ о портномъ и составляющейся изъ вол-
ковъ лѣстницѣ передвинулся къ началу сказки и передается
о Маркѣ Убогомъ. По просьбѣ волка сдѣлать его похожимъ
на бычковъ, Марко завязываетъ его въ мѣшокъ и бьетъ.
Далѣе слѣдуетъ бѣгство волка, соединеніе съ товарищами и
т. д. Приключеніе съ кобылой смѣняется похожденіемъ съ
гусями. Послѣднія просятъ волка позволенія сначала на-
питься воды и, получивъ разрѣшеніе, — уплываютъ. Далѣе
слѣдуетъ встрѣча съ тремя баранами и глупый волкъ по-
очередно позволяетъ имъ прыгать въ свою пасть. Встрѣча
съ свиньей и поросятами кончается для волка плачевно. На
визгъ свиньи „свині позбігались и розірвали того вовка“.

Вар. Е. Рассказывается о прогнанной за старостью собаке, которую волк выручает из беды. Волк для виду уносить в пол ребенка, собака отбивает его, а благодарные родители принимают собаку к себе. Собака угощает тогда явившагося к ней в гости волка хлебом и „горілкою“. Хозяева сначала разрѣшают ей таскать припасы, но когда замѣчают волка, то немедленно выгоняют его. Далѣе слѣдует встрѣча со свиньей, которая везет его к себе в хлѣвъ, гдѣ визгъ ея влечет за собой извѣстные уже послѣдствія. Встрѣча съ лошадыю рассказана съ тѣми же подробностями, какъ встрѣча со свиньей, а встрѣча съ гусями, какъ въ Д. Попытка съѣсть парня кончается тѣмъ, что, подъ предлогомъ утереться послѣ умыванья объ хвостъ волка, парень срѣзываетъ палку и убиваетъ волка.

Вар. Ж. Начало, какъ въ Е. Далѣе слѣдуетъ приключеніе съ кобылой и съ бараномъ. Конецъ относится къ 5-й группѣ сказокъ (см. тамъ вар. Е).

Вар. З отвѣчаетъ совершенно вар. Г съ той ничтожной разницей, что приключенія слѣдуютъ въ иномъ порядкѣ, именно: свинья, баранъ, лошадь и портной.

Вар. И рассказываетъ только приключеніе съ бараномъ, какъ, напр., въ Б, и съ конемъ, какъ въ Е.

Вар. К выводитъ кобылу, гусей, которые просятъ разрѣшенія засмѣяться и улетаютъ, и козла, который своимъ ударомъ низвергаетъ волка въ рѣку, гдѣ онъ тонетъ.

Вар. Л. Когда проснувшійся волкъ потягивался на своемъ ложѣ, мимо проходила лиса. Она пророчитъ ему счастливый день, такъ какъ на него падали солнечные лучи, когда онъ потягивался. Въ виду этого благопріятнаго пророчества, волкъ, не хотѣвшій было покидать берлоги, рѣшается идти на поиски приключеній. Вору, несшіе сало, увидѣвъ волка, бросаютъ свою ношу и скрываются. Волкъ радуется, что лиса пророчила ему счастливый день, но не ѣстъ сала только потому, что не желаетъ весь день томиться жаждой. Слѣдуетъ встрѣча съ кобылой, которая готова уступить своего жеребенка, если волкъ, въ качествѣ славнаго врача вытащить ей предварительно занозу. Далѣе. Свинья предлагаетъ сначала обмытъ поросятъ и спасается вплавъ черезъ рѣку. Встрѣтивъ затѣмъ двухъ козловъ, волкъ прельщается титуломъ правовѣда и соглашается быть примирителемъ ихъ спора. Споръ заключается въ томъ, кому изъ нихъ

принадлежить лугъ. Козлы предлагают волку сѣсть посрединѣ поля, сами они отступятъ къ его окраинамъ и кто первый добѣжитъ до него, тотъ выиграетъ. Волка постигаетъ извѣстная участь. Во главѣ стада овецъ онъ рѣшается также выступить въ качествѣ запѣвалы. Блеяніе козъ и вой волка влекутъ за собой побои.

Вар. М. Первые три приключенія, какъ въ Л, но половину найденнаго сала волкъ съѣдаетъ. Послѣ приключенія со свиньей и поросятами слѣдуетъ сцена съ козами, блеяніе которыхъ вызываетъ собакъ; затѣмъ — прыжокъ барана въ пасть волка. Въ концѣ концовъ волкъ размышляетъ подъ дубомъ о своихъ невзгодахъ и выражаетъ мысль, что недостаетъ только того, *żebe mje wógan prze rzeci chto wusa!* Мужикъ, стоявшій за дубомъ съ топоромъ въ рукѣ, исполняетъ его желаніе.

Вар. И. Изенгримъ долженъ былъ уступить свою шкуру для исцѣленія царя. Онъ скрылся въ лѣсу, гдѣ воетъ и скрежещетъ зубами. Ренаръ, въ качествѣ царскаго лѣсничаго, возмущается, услышавъ шумъ и предполагая, что происходитъ порубка дровъ. Узнавъ кума, онъ любезно привѣтствуетъ его и успѣваетъ вскорѣ убѣдить волка, что своимъ увѣщаніемъ онъ обязанъ барану (Іосифу). Ренаръ подстрекаетъ его къ мести и отправляется съ Изенгримомъ къ барану. Ренаръ тайно научаетъ барана какъ поступать. Изенгримъ требуетъ отъ барана уплаты за межеваніе поля, огромныхъ процентовъ и его самого въ придачу. Баранъ готовъ самъ прыгнуть ему въ пасть...

Вар. В. Ренаръ сообщаетъ Изенгриму о спорѣ между четырьмя баранами. Дѣло касается раздѣла поля и онъ совѣтуетъ ему выступить въ качествѣ посредника (*sequester*) и землебра (*geometer, mensor*). Изенгримъ отправляется и подвергаетъ барановъ строгому допросу; они должны назвать себя, показать свои зубы. Успокоенный Изенгримъ показываетъ имъ въ свою очередь свои зубы, которыми онъ разрѣзаетъ кости, „какъ масло ножомъ“ (v. 1464); о „башняхъ“ на лбу барановъ, изъ которыхъ одинъ имѣлъ два рога, другой четыре, третій шесть роговъ, а четвертый восемь, — онъ не беспокоится. Онъ требуетъ выдачи ихъ шкуръ и шерсти для починки прорѣхъ (*fenestras*, v. 1491) на своихъ бокахъ и для сѣти на случай рыбной ловли. Ихъ отцы часто исполняли требованіе его отца, поэтому и имъ нечего

стыдиться удовлетворить его просьбу. Сговорившись, бараны расходятся въ четыре стороны и затѣмъ стремительно несутся по направленію къ Изенгриму. Послѣдній замертво остается среди поля.

Вар. 6. Изенгримъ рассказываетъ мерину (*Corvigarus... eunuchus fortis et ingens*, v. 2197), съ которымъ онъ встрѣчался, какъ лишился онъ своей шкуры. Въ замѣнъ онъ требуетъ шкуры и мяса мерина. Послѣдній пытается уклониться и предлагаетъ обрить его заросшую тонзуру бритвами, которыя находятся на его копытахъ, окованныхъ желѣзными кольцами. Изенгримъ обвиняетъ его въ кражѣ кольца отъ монастырскихъ дверей. Меринъ кается, проситъ объ отпущеніи грѣховъ, протягиваетъ ногу съ намѣреніемъ вернуть кольцо и наноситъ волку ударъ.

Вар. 7 рассказываетъ сцену съ баранами (*Belin* и *Bernart*), какъ въ Л.

Вар. 8. Изенгримъ встрѣчаетъ кобылу (*Rainsant*) и предлагаетъ ей подружиться съ нимъ. Она отказывается отъ чести быть его товарищемъ, такъ какъ занозила себѣ ногу и не въ состояніи ни ходить, ни бѣгать. Она проситъ волка вынуть занозу зубами...

Въ вар. 9 кобыла заявляетъ волку, что цѣна за жеребенка стоитъ у нея на копытѣ.

Вар. 10. Вслѣдъ за саломъ волкъ находитъ и окорокъ, который не ѣстъ по той же причинѣ, какъ въ Л. Остальное, т. е. приключеніе съ кобылой, съ двумя баранами, со свиньей и съ пѣніемъ козъ передается, какъ въ Л. Спорное поле считается отцовскимъ наслѣдіемъ, поросята подвергаются омовенію „согласно обряду“ и волкъ сталкивается въ воду. Онъ обращается послѣ всѣхъ неудачъ къ Юпитеру съ воззваніемъ, чтобъ онъ ранилъ его смертельно. Дровосѣкъ, находившійся на деревѣ, бросаетъ въ него свой топоръ и раненному волку остается только сокрушаться, что боги такъ быстро исполняютъ мольбы.

Весь этотъ рядъ варіантовъ касается несчастныхъ приключеній волка. Сочетаніе этихъ приключеній самое произвольное и спай ихъ чисто внѣшній. Нерѣдко одно изъ нихъ развивается въ самостоятельный рассказъ, какимъ представляются вар. 11-15. Послѣдніе только эпизодически вставлены въ общую исторію о Ренарѣ. Поэтому каждый

изъ этихъ эпизодовъ можетъ быть дѣйствительно рассматри-
ваемъ въ видѣ самостоятельной сказки.

Что касается прежде всего эпизода о престарѣлой
собакѣ, то вар. АЕЖ отвѣчаетъ цѣлый рядъ западныхъ
версій (М и Grimm КНМ. № 48 и прим.). Вар. А почти
дословно отвѣчаетъ вар. Ъ, а ЕЖ вар. М. Едва ли нужно
долго останавливаться на томъ, что всѣ варианты, развиваю-
щіе этотъ эпизодъ, восходятъ къ басни Эзопа „Собака и
Волкъ“ (Halm № 231. Мартыновъ № 35). Прототи-
помъ же вар. ЕЖ является вар. С, гдѣ волкъ даетъ дрях-
лой собакѣ совѣтъ, чтобы она, пускаясь за нимъ въ погоню,
когда онъ будетъ уносить овцу, упала нѣсколько разъ,
какъ бы отъ изнеможенія. Съ тѣхъ поръ хозяинъ застав-
ляетъ отлично кормить собаку, рассчитывая на ея помощь въ
будущемъ. Та же исторія повторяется во второй разъ. Когда
же волкъ является въ третій разъ, окрѣпшая собака преду-
преждаетъ его, что не намѣрена съ нимъ стѣсняться. Впро-
чемъ она разрѣшаетъ ему пробраться въ кладовую, охрана
которой не возложена на нее. Волкъ дѣйствительно на-
ѣдается въ кладовой, не въ мѣру выпиваетъ и отъ удоволь-
ствія начинаетъ „пѣть“. Собѣжавшіеся на вой поселяне уби-
ваютъ его. Посредствующимъ звеномъ между вар. ЕЖ съ
одной стороны и С съ другой является опять таки сказка
трансильванскихъ саксонцевъ (Haltreich ук. соч. стр. 66
№ xxxiv). И тутъ, послѣ спасенія ребенка, для собаки на-
стаютъ свѣтлые дни и она прогоняетъ волка.

Любопытную особенность представляютъ приключе-
ніе волка съ баранами. При сличеніи всѣхъ вариан-
товъ бросается въ глаза то обстоятельство, что преимуще-
ственно въ вариантахъ восточныхъ славянъ (АБВГДЖЗИ
КМО; ср. также А. о. ск. IV², 27. Худяковъ ук. соч.
стр. 44 [ср. 45 сл.]) передается только о прыжкѣ барана
(козла) въ пасть волка. Наоборотъ, въ западныхъ вариантахъ
(ЛНВЗДРФХ) рассказывается эпизодъ о волкѣ-землемѣрѣ.
Исключеніе составляютъ вар. МБ и П. Притомъ важно
то, что рядомъ съ вар. Ъ, — все у трансильванскихъ же сак-
сонцевъ, — существуетъ и второй рассказъ въ вар. З. Не ме-
нѣе важенъ и вар. П. Въ немъ необходимо усматривать
смѣшеніе обоихъ мотивовъ. Волкъ встрѣчается съ однимъ
только бараномъ. Послѣдній считаетъ необходимымъ пригла-
сить своего брата, заявляя волку, что тогда онъ будетъ

„очень сытъ“. Затѣмъ онъ обращается къ нему съ странными словами: *zdigni ger*. Въ этомъ обращеніи можно только усматривать искаженіе фразы: раскрой пасть! Отчасти это подтверждается тѣмъ, что непосредственно за рассказомъ о пораженіи волка баранами слѣдуетъ крайне несвязный эпизодъ о пѣтухѣ, который неожиданно заявляетъ ему, что вскочить къ нему въ пасть (*schoßim samo v zube*) и такимъ образомъ спасается. Очевидно это случайная замѣна барана пѣтухомъ. Но дѣйствительнымъ поясненіемъ служить вар. 5. Коза обѣщала выдать волку двухъ своихъ козлятъ, когда они подрастутъ. Волкъ является. Подросшіе козлы заявляютъ ему: *sperrt nur euren rachen auf und hebt euern zagel empor, so springt einer von uns von vorn, der andere von hinten in euern bauch...* Этимъ объясняется, къ чему былъ данъ совѣтъ: *zdigni ger*. Но вмѣстѣ съ тѣмъ съ этимъ эпизодомъ связывается и рассказъ о волкѣ-землемѣрѣ, такъ какъ, размышляя о своихъ неудачахъ, волкъ замѣчаетъ, что отецъ его отлично кормился, хотя и „не межевалъ баранамъ поля“.

Такимъ образомъ изъ сдѣланныхъ замѣчаній можно вывести заключеніе, что въ юго-восточномъ углу Европы происходила первая переработка сказочныхъ мотивовъ, переходившихъ изъ Азіи. Часть изъ нихъ въ неизмѣненномъ видѣ переходила на Русь, часть же вмѣстѣ съ неизмѣненными его сюжетами перерабатывалась и шла далѣе. Это необходимо заключить еще потому, что рассказъ о волкѣ-землемѣрѣ въ сущности не болѣе, какъ варіантъ эпизода о прыжкѣ барана въ волчью пасть. Это слѣдуетъ изъ двойственного рассказа вар. II, въ которомъ основа однако выдѣляется, и изъ того, что мотивъ о межеваніи поля долженъ быть отнесенъ къ числу болѣе утонченныхъ и, слѣдовательно, болѣе позднихъ чертъ.

Основой этого мотива послужилъ эпизодъ въ одномъ изъ рассказовъ Калилы и Димны (*Calila u. Dimna*. A. d. Arab. v. Ph. Wolff. I [1837] 29. Ср. Стефанитъ и Ихвилать, изд. Булгакова, стр. 100. *Ben fey Pantsch*. II, 37. *Kalilag* стр. 9). Тутъ монахъ видитъ ожесточенный бой двухъ барановъ; струящуюся съ нихъ кровь подлизываетъ лиса; она попадаетъ вдругъ къ нимъ на рога и падаетъ мертвой. Что именно этотъ эпизодъ слѣдуетъ считать источникомъ рассказа о волкѣ-землемѣрѣ,—высказывалъ еще

до Бенфея (Pantsch. I, 139 сл.) Роберъ (Fables inéd. I, cxhvj).

Эпизодъ о волкѣ и кобылѣ рассказывается во всѣхъ вариантахъ одинаково. Разница заключается только въ томъ, что въ однихъ выступаетъ кобыла (къ которой вслѣдствіе дальнѣйшаго развитія сюжета присоединяется и жеребенокъ), иногда конь, оселъ или мулъ. Затѣмъ хитрость, къ которой прибѣгаетъ кобыла, чтобы избавиться отъ волка, мотивируется различно. Обыкновенно кобыла обращается къ волку съ просьбой выдернуть ей изъ копыта занозу (СДРДЛМН), или оторвать подкову, чтобы хозяинъ не терпѣлъ убытку (КО), или заявляетъ, что у нея на копытѣ прописаны года (ЖП), имя (Ж), цѣна жеребенка (ЖС); кобыла толкуетъ также о видѣ (Б) или о бумагахъ (Г), которые разсматриваетъ волкъ, или упоминаются книги (Д) или письма (Ж), или говорится о предложеніи кобылы начать ее ѣсть сзади (ВЗ). Нельзя не замѣтить, что въ русскихъ вариантахъ всѣ мотивы крайне искусственны, или безсвязны и ясно обличаютъ заимствованіе. Неестественно также предложеніе коня въ вар. ЕИ.

Прототипомъ всѣхъ этихъ вариантовъ является безъ всякаго сомнѣнія баснь Эзопа объ „Ослѣ и Волкѣ“ (Nal m № 334. Мартыновъ № 259). И здѣсь волкъ выдергиваетъ ослу занозу и, получивъ ударъ, сожалеетъ, что принялся за искусство коновала, будучи поваромъ.

Мотивъ о начертанныхъ на копытѣ таинственныхъ знакахъ (Nahп ук. соч. № 92), имени (Cento nouvelle № xcjv), надписяхъ и т. п. повидимому развился изъ инаго источника и только впослѣдствіи проникъ и въ нашъ рассказъ. На востокѣ существовало повѣріе, что извѣстные знаки на подошвѣ служили признакомъ особыхъ заслугъ или предвѣщали счастье (Benfeу Pantsch. I, 534 сл. II, 551; ср. Liebrecht въ Jahrb. f. rom. u. engl. Lit. III, 159). Очевидно это то же повѣріе, видоизмѣненное и прилаженное къ иной обстановкѣ, какая видна, напр., въ латинской сказкѣ (Fab. extr. № 1: Mulus, vulpes et lupus = J. Grimm R. F. стр. 423).

Непосредственнымъ источникомъ западныхъ сказокъ (СДРДЛМН) является вар. З, переработавшій цѣлый рядъ эзоповыхъ басенъ въ одну сказку. Ближайшими же звеньями, примыкающими къ русскимъ вариантамъ, являются вар. ЖРМ.

Эпизодъ о несвоевременномъ пѣніи (воѣ) волка съ козами, овцами и т. п. необходимо привести въ связь съ рассказомъ Панчатантры объ Ослѣ-Пѣвцѣ (V e n f e y P a n t s c h. II, 339; ср. I, 495). Осель, подружившійся съ шакаломъ, часто забирался въ поля, засѣянные огурцами. Однажды, вопреки предостереженіямъ шакала, ему вздумалось пѣть и онъ долженъ былъ поплатиться жесточайшими побоями. Какая нибудь посредствующая редакція, въ которой вмѣсто шакала выступала уже лиса, должна считаться источникомъ эпизода о неумѣстномъ пѣніи волка.

Основной типъ этого рассказа Панчатантры варьируется въ европейскихъ версіяхъ крайне разнообразно. Такъ, существуетъ цѣлый рядъ рассказовъ, которымъ можно бы дать названіе волкъ - к у т и л о и относительно которыхъ едва ли можетъ быть сомнѣніе, что они принадлежатъ къ этому же основному типу. Таковы многочисленные варианты, напр., въ романѣ о Ренарѣ, гдѣ волкъ появляется то въ винномъ погребѣ, то въ кладовой, то даже въ церкви. Вездѣ онъ объѣдается, не въ мѣру выпиваетъ и непременно начинается пѣть (In sîns vater wîse er sanc ein liet, Reinh. v. 511), что въ свою очередь непременно привлекаетъ народъ и его выпроваживаютъ жестокими побоями (R e n. vv. 2995 — 3220. 3325 — 3686. 4301 — 4589. 14414 — 14442. R e i n h. vv. 499 — 550). Впрочемъ эпизодъ о поющемъ и подпившемъ волкѣ восходитъ къ одному изъ истоковъ того же рассказа Панчатантры, именно къ персидскому Тути-Намѣ (I k e n стр. 139). Здѣсь олень рассказываетъ въ предостереженіе ослу о неосторожныхъ ворахъ, которые, забравшись ночью въ одинъ домъ, нашли тамъ вино, стали пить, затѣмъ шумѣть и попались въ руки проснувшагося хозяина.

Одинъ грузинскій рассказъ (О р б е л і а н и - Ц а г а р е л и стр. 57) передаетъ, какъ вслѣдствіе несвоевременности пѣнія осла попадаетъ въ плѣнъ и верблюды, товарищъ осла. Когда путешественники взвалили затѣмъ усталого осла на верблюда, то послѣдній, вопреки просьбамъ осла, вздумалъ изъ мести плясать надъ обрывомъ и сбросилъ осла въ пропасть. Этотъ эпизодъ примыкаетъ непосредственно къ рассказу турецкаго Тути-Намѣ (R o s e n II, 218 слл.). Здѣсь рассказъ о несвоевременномъ пѣніи осла служитъ рамкой рассказа о неумѣстной пляскѣ дровосѣка. Дровосѣкъ полу-

чилъ въ подарокъ кувшинъ, обладавшій чудесными свойствами (въ родѣ скатерти-самобранки и неразмѣнной монеты), и однажды, хвастая передъ друзьями, онъ пришелъ въ такой восторгъ, что сталъ плясать, держа кувшинъ на головѣ, оступился и кувшинъ разбился.

Очень часто разсказъ о волкѣ-кутилѣ связывается съ разсказомъ о обжорливомъ волкѣ, до того наполнившемъ свой желудокъ, что онъ не въ состояніи пройти обратно въ то отверстіе, сквозь которое онъ проникъ въ кладовую (напр., *Rein. vv. 1506—1603. Reinke vv. 1453—1533*). Исходнымъ пунктомъ этого разказа является баснь Эзопа „Голодная Лисица“ (*Мартыновъ № 157*). Замѣтивъ въ дуплѣ дуба хлѣбъ и мясо, лиса забирается туда и наѣвшись не въ состояніи выбраться оттуда; по совѣту другой лисы, ей приходится ждать поры, когда ея животъ приметъ снова нормальные размѣры. Къ такимъ разсказамъ, получающимся изъ смѣси этихъ двухъ мотивовъ, относится между прочимъ и упомянутый эпизодъ въ романѣ о Ренарѣ (*Ren. vv. 4301—4589*) и длинный рядъ сказокъ (*Kuhn Märk. Sag. u. Märch. стр. 296 № 14. L. Curtze Volksüberl. aus d. Fürstenth. Waldeck [1860] стр. 173 № 32. Grimm КНМ № 73 и прим. J. Grimm R. F. стр. cclxxxv. Veskenstedt ук. соч. стр. 423 № 2; ср. 97 № 5. Vrána ук. соч. I, 51. Бодуэнъ ук. соч. стр. 302; ср. 299 № 2 и 300 № 3 Oesterley Odo въ Jahrb. f. rom. u. engl. Lit. XII, 146. R. Köhler тамъ-же IX, 400; ср. 401. Liebrecht въ Germania. N. R. XIV, 123*).

Что касается пѣнія козъ, овецъ и т. п., то черта эта представляется только дальнѣйшимъ развитіемъ того же мотива.

Наконецъ эпизодъ со свиньей восходитъ очевидно къ одной изъ басенъ, приписываемыхъ Эзопу, именно: о „Волкѣ и Свиньѣ“, гдѣ волкъ предлагаетъ себя свиньѣ въ качествѣ акушера и восприемника (*Robert II, 455. Waldis I, 20 и прим.*). По ассоціаціи же контрастовъ въ послѣдствіи не трудно было придумать мотивъ омовенія грязныхъ поросятъ и вслѣдъ за тѣмъ мотивъ крещенія.

Всѣ эти отдѣльные эпизоды соединились въ одну сказку въ вар. *Т*, изъ котораго непосредственно вытекаютъ сказки о волкѣ-дурнѣ вообще. Начало этихъ сказокъ составляетъ повидимому подражаніе басни Эзопа о „Львѣ и Зайцѣ“

(Halm № 254. Мартыновъ № 224; ср. Robert II, 72). Левъ готовъ съѣсть спящаго зайца, но, замѣтивъ лань, пускается за ней въ погоню; лани левъ не догналъ, а заяцъ тѣмъ временемъ убѣжалъ.

Тѣсная зависимость извѣстныхъ вариантовъ отъ *Х* обличается между прочимъ такими чертами, которыя немислимо, понятно, объяснить при помощи эпическихъ приемовъ. Такъ, въ *Х* волкъ застаётъ козъ на печкѣ (*super cibarium*), куда онѣ, съ приближеніемъ врага, тотчасъ прячутся. Въ вар. *М* волкъ застаётъ козу и козлятъ около печки и когда дѣло доходитъ до пѣнія, то козлята прячутся въ печь, коза влѣзаетъ на печь, а волкъ становится на очагъ (*beokt*). Въ вар. *Д* волкъ застаётъ козу съ козлятами передъ пылающей печкой. Понятно, что такія черты могли удержаться единственно благодаря заимствованію.

Едва ли возможно объяснить теоріей общихъ мѣстъ и слѣдующія совпаденія. Въ латинской редакціи (*Reinard. IV, vv. 551—992*) Изенгримъ, оставившій одну ногу въ западнѣ, является въ рощу, гдѣ застаётъ прожорливую свинью (*Salauga*). На привѣтствіе Изенгрима свинья отвѣчаетъ тѣмъ, что собирается пропѣть обѣдню и велитъ ему крѣпко схватить ея ухо. Свинья затягиваетъ такую пронзительную пѣснь (*acre melos*, v. 650), что сбѣгается цѣлое стадо ея родственниковъ. Свиньи съ неистовымъ бѣшенствомъ и съ пѣной у рта бросаются на волка, разрываютъ его въ куски и пожираютъ. Въ вар. *П* свинья тоже говоритъ волку: *primiti mene za v u h o, kaj bum se spricala svojim prijateljem i rodbini*. Когда волкъ схватилъ ее за ухо: она роетъ *cviliti tak da su 'se svinje skup zbežale i vuka skoro sega podrapale*. И въ вар. *З* свинья говоритъ волку: „возьми-жъ мене напередъ за в у х о, а я тобѣ пѣсеньку заспѣваю“. „Вона якъ закричить несвоімъ гласомъ“, — люди сбѣжались и избили волка. Конецъ, смягченный какъ бы въ вар. *З*, досказывается однако въ тѣхъ же выраженіяхъ въ вар. *Д*. И тутъ свинья „кужілки [?] співає“. Пролѣзая съ волкомъ сквозь отверстіе въ тыну, свинья прижала его и подняла визгъ. „Свині позбігались и розірвали того вовка“. Пожалуй, хватаніе свиньи за ухо можно бы объяснить и независимымъ возникновеніемъ; но если рядомъ съ этой чер-

той встрѣчается и рядъ другихъ совпаденій, то болѣе умѣстно говорить о заимствованіи.

Мимоходомъ можно еще замѣтить, что жестокая расправа свиней съ волкомъ напоминаетъ отчасти угрозу свиньи по отношенію къ собакамъ въ басни „Свинья и Собака“ (Halm № 408. Мартыновъ № 68). Поссорившись съ собакой, свинья грозитъ ее „растерзать зубами“.

Варианты, въ которыхъ встрѣчаются эпизоды о печкѣ и сжиманіи уха свиньи, намѣчаютъ болѣе наглядно, чѣмъ въ другихъ случаяхъ, путь, по которому шло распространеніе нѣкоторыхъ сказокъ или извѣстныхъ сказочныхъ мотивовъ.

Конецъ большинства вариантовъ, въ которыхъ выступаютъ кузнецы, портные, парубки и т. п., наносящіе волку побои, причиняющіе ему увѣчье (МД) или умерщвляющіе его (ЕФД. Hahn № 94), восходятъ къ тому же вар. Э.

Что же касается живой лѣстницы, образуемой волками (БВГДЗО. Sébillot стр. 327. Coelhо стр. 18), то повидимому черта эта является не болѣе какъ вариантомъ того эпизода, гдѣ звѣри-странники подвергаются преслѣдованію со стороны волковъ. Это можно заключить по одной бретонской сказкѣ (Sébillot стр. 327), гдѣ на дерево спасается лиса, что отвѣчаетъ сценѣ въ рассказѣ о звѣряхъ странникахъ; но волкъ, преслѣдующій лису, сзываетъ товарищей и устраиваетъ изъ нихъ живую лѣстницу.

Ближайшимъ источникомъ мотива о взлѣзаніи на дерево въ этой группѣ является повидимому одинъ изъ рассказовъ въ Сандабарѣ (Das Buch v. d. sieben weisen Meistern, übers. v. Sengelmann [1842], стр. 59; ср. Пыпинъ Очеркъ стр. 354 сл.), гдѣ человѣкъ спасается на дерево отъ преслѣдованія свирѣпой свиньи. Рассказъ этотъ восходитъ къ Панчатантрѣ (Benfey Pantsch. II, 285 сл.).

Еще одно замѣчаніе можетъ быть отнесено къ данной группѣ сказокъ. Въ Панчатантрѣ (Benfey Pantsch. II, 9) шакаль Каратака между прочимъ говоритъ: Ausserdem haben wir auf vierundzwanzig Stunden zu essen übrig.. Бенфей (Pantsch. I, 107) находитъ, что эта черта „напоминаетъ“ лиса Рейнеке, т. е. тотъ эпизодъ, гдѣ сообщается (Isengrimus v. 107), что Рейнеке стоитъ среди нагроможденныхъ кучъ мяса. Впрочемъ относительно этой черты приходится довольствоваться намекомъ; строить на ней какіе-либо выводы было бы слишкомъ опасно.

9. ДРОЗДЪ-КОРМИЛЕЦЪ.

Renart les a crestienez...

Ren. v. 25248.

Ou tost ou tart, ou près ou loing
A li fort du foible besoing.

Ren. 27829.

Славянскіе варианты: А (великорусск. сказка, Аѳанасьевъ, Ск. I² № 12), Б (тоже, тамъ-же № 32а и оконч. въ Русск. завѣтн. сказкахъ № viij), В (тоже, тамъ-же № 32b), Г (малорусск., Рудченко I № 20 [конецъ]), Д (словинск., Valjavec № lxij), Е (великор., Аѳ. I², 49).

И породные варианты: Ж (Ren. 25113—743), З (франц. сказка, Sébillot ук. соч. стр. 333 № lxx), С (нѣмецк., Grimm K. u. Hm. № 58), Д (нѣмецк., Vernealeken ук. соч. № 6: Der Hund und die Ammer), Е (нѣмецк., Haltrich Z. deutsch. Thiers. стр. 30 № xvij: Der fuchs heilt des raben kinder von der krätze), Ж (эстонская, J. Grimm R. F. стр. cclxxxjv), З (индѣйская, Минаевъ ук. соч. стр. 50 слл. № 25: Шакаль и Куропатка).

Вар. А. У дятла на дубу гнѣздо и три „дѣтѣнка“. Является лиса. Сначала она старается согнать дятла съ дуба, а затѣмъ выманиваетъ у него дѣтѣныша, обѣщая выучить его „кузнешному“. Вслѣдъ затѣмъ лиса является вновь, обѣщаетъ выучить втораго птенца „башмашному“, а третьяго „портняжному“ и поочередно пожираетъ ихъ.

Вар. Б. Выгнанная за старостью собака берется караулить дѣтокъ дятла, который обѣщаетъ ее за это кормить. „Идутъ по дорогѣ бабы съ горшечками, несутъ мужьямъ въ поле обѣдать“. Дятель говоритъ собакѣ: „я окунусь въ воду да вываляюсь въ песку и стану передъ бабами по дорогѣ низко порхать, будто взлетѣть повыше не могу“. Пока бабы „начнутъ меня ловить“, „ты поскорѣй къ горшкамъ-то бросайся да наѣдайся до сыта“. Все такъ и происходитъ. Возвращаясь домой, дятель приказываетъ собакѣ гнаться за лисою. „Лиса кинулась черезъ дорогу, прямо къ телѣгѣ, и проскочила сквозь спицы; собака было за нею да завязла въ колесѣ; тутъ изъ нея и духъ вонъ“. Дятель мститъ мужику тѣмъ, что начинаетъ долбить его бочку. „Только отгонить его мужикъ отъ бочки, дятель бросится къ лошади,

сядетъ промежду ушей и долбитъ ее въ голову“. „Сгонить мужикъ съ лошади, а онъ опять къ бочкѣ“. Выпустивъ дѣготъ изъ бочки, дятель сталъ долбить снова голову лошади. Мужикъ ударяетъ полѣномъ, но въ дятла не попадаетъ, а убиваетъ лошадь. Дятель летитъ къ „мужиковой избѣ“, садится на голову ребенка и начинаетъ ее долбить; хозяйка наноситъ ударъ палкой, но убиваетъ только ребенка. Наконецъ ей удается поймать дятла; когда мужъ вернулся домой, онъ собирается съѣсть его живьемъ, но дятель самъ проскочилъ къ нему внутрь, и подобно вар. Г, сталъ беспокоить его крикомъ: „живъ, живъ!“ Чтобъ избавиться отъ дятла, хозяйка, по совѣту мужа, ударяетъ сначала полѣномъ, потомъ косою, наноситъ мужу рану и онъ умираетъ, истекая кровью, а дятель улетаетъ.

Вар. В. Начало какъ въ Б. Дятель добываетъ собакѣ ѣду на свадебномъ пиру, гдѣ всѣ кидаютъ въ дятла, кто чѣмъ попало. Затѣмъ дятель доставляетъ собакѣ вино, забравшись въ избу старика, цѣдившаго вино изъ бочки. Старикъ кидаетъ въ дятла воронку, затѣмъ начинаетъ ее отыскивать, а собака подлизываетъ выливающееся вино. Затѣмъ собака проситъ, чтобъ дятель размѣшилъ его. Дятель садится на плечо одного изъ работниковъ, молотившихъ хлѣбъ и начинаетъ „клевать его въ затылокъ; а другой парень схватилъ палку, хотѣлъ ударить птицу, да и свалилъ съ ногъ работника“. „Собака отъ смѣха такъ и катается по землѣ!“ Вскорѣ дятель начинаетъ манить лисицу, чуть-чуть поднимаясь вверхъ и опять опускаясь внизъ. Собака подползаетъ къ лисѣ, бросается на нее и начинаетъ грызть. Мужикъ, везшій въ городъ горшки на продажу, подбѣгаетъ съ полѣномъ и однимъ ударомъ убиваетъ собаку и лису. Дятель мститъ тѣмъ, что начинаетъ выклевать глаза у лошади и мужикъ, какъ и въ Б, убиваетъ лошадь и разбиваетъ всѣ горшки, по которымъ порхалъ дятель.

Вар. Г. Передается между прочимъ, какъ „пан звелів зарізати півника“, докучавшаго его требованіемъ вернуть его „жорно“, и съѣлъ его. „В його з г... и вытянулася головка, спиваючи: „Кукуріку! пане, оддай мое жорно“. Панъ велить лакею взять сѣкиру: „отъ лакей взяв сокиру та не по голові, та по-заду, тай обрубав пану зад“. Тогда панъ велитъ пѣтуху выдать требуемое.

Въ Д. Лиса изъявляетъ желаніе съѣсть яйца одной птицы. Птица велитъ ей подождать, пока она высидитъ птенцовъ, тогда ей сразу останутся и она сама и дѣтки. Лиса соглашается. Затѣмъ птица подговариваетъ гончую, прячетъ ее, съ появленіемъ лисы поетъ послѣднюю пѣсню, т. е. даетъ условный знакъ, и вскочившая собака бросается на лису, которая спасается бѣгствомъ.

Вар. Ж. Ренаръ застаётъ воробья (Droïñ) на вишнѣ и изъявляетъ желаніе попробовать новое кушанье. Воробей бросаетъ ему сначала три вишни и, по вторичной просьбѣ, цѣлую полу (*plein son giron*, v. 25160). Въ награду воробей проситъ, чтобъ Ренаръ посовѣтовалъ ему, чѣмъ ему лѣчить своихъ птенцовъ отъ падучей немощи (*Qui chascun jor chéent de gote*, v. 25203). Выставляя себя опытнымъ врачомъ, Ренаръ заявляетъ, что вся бѣда въ томъ, что они не крещены: „Какъ только они будутъ крещены, то никогда уже не будутъ подвергаться этой болѣзни“ (v. 25227 сл.). „Можетъ быть! Но гдѣ найти священника?“ Ренаръ объявляетъ себя священникомъ и требуетъ, чтобъ воробей поочередно сбрасывалъ своихъ птенцовъ, которыхъ Ренаръ пожираетъ. Замѣтивъ наконецъ измѣну, воробей проклиная его и рѣшается мстить. У многихъ собакъ проситъ онъ помощи, но вездѣ встрѣчаетъ отказъ. Наконецъ онъ встрѣчаетъ исхудалаго, голоднаго пса (Morout), который жалуется воробью на свое бѣдственное положеніе. Воробей обѣщаетъ ему вдоволь корму, заручается его обѣщаніемъ помочь ему отомстить Ренару и ведетъ его къ дорогѣ; онъ заставляетъ его спрятаться за кустъ. Ёдетъ возъ, нагруженный съѣстными припасами. Воробей прикидывается раненымъ (*con s'il fust fergus*, v. 25453). Замѣтивъ это, извозчикъ слѣзаетъ съ воза и начинаетъ тщетно гоняться за воробьемъ. Между тѣмъ собака сбрасываетъ съ воза окорокъ и скрывается, а воробей улетаётъ. Затѣмъ собака жалуется на жажду. Воробей выжидаетъ возъ, нагруженный бочкой съ виномъ. Лошадь постигаетъ та же плачевная участь, какъ въ Б; бочка разбивается и собака утоляетъ жажду. Наконецъ собака настолько окрѣпла, что въ состояніи приступить къ мести. Спрятавъ собаку за кустъ, воробей вызываетъ Ренара и предлагаетъ себя на съѣденіе, такъ какъ онъ не въ состояніи пережить смерти своихъ малютокъ. Едва показывается алчный Ренаръ, какъ на него набрасывается собака. Она такъ же-

стоко истерзала несчастного, что оставила его замертво (Ge suit jà mès ne mangera, v. 25690).

Вар. В. Въ отсутствіе дрозда лиса поѣдаетъ его птенцовъ. Дроздъ прямо обращается къ собакѣ, велить ей притвориться мертвой и сообщаетъ затѣмъ лисѣ, что злой собаки не стало. Доказываетъ онъ это тѣмъ, что клюетъ собаку, которая, сговорившись заранѣе съ дроздомъ, остается недвижимой. Лиса собирается цинично поступить съ собакой, но послѣдняя схватываетъ ее и душитъ. Затѣмъ дроздъ вознаграждаетъ лису тѣмъ, что доставляетъ ей,—при помощи той же хитрости, какъ въ Ж,—обѣдъ работниковъ, который несла старуха. Разказу старухи не придаютъ вѣры, какъ вдругъ прилетаетъ дроздъ и садится къ ней на плечо. Одинъ изъ молотильщиковъ наноситъ ударъ цѣпомъ, но попадаетъ въ шею старухи и она падаетъ во всю длину на токъ.

Вар. Г. Воробей встрѣчаетъ голодную собаку и обѣщаетъ ее накормить. Онъ стаскиваетъ у одного мясника кусокъ мяса, затѣмъ у другаго и такимъ же образомъ добываетъ хлѣбъ у двухъ булочниковъ. Отправившись за городъ, собака ложится на дорогу и засыпаетъ. Появляется возъ съ двумя бочками вина, запряженный тройкой. Воробей предупреждаетъ извозчика, что сдѣлаетъ его бѣднякомъ, если онъ задавитъ собаку. „Тебѣ не сдѣлать меня бѣднякомъ“, говоритъ извозчикъ Далѣе какъ въ Б. Дома жена сообщаетъ извозчику, что злой воробей созвалъ со всѣхъ сторонъ птицъ и онѣ поклевали всю пшеницу на подлавѣ. Является воробей и кричитъ извозчику, что онъ еще заплатитъ жизнью. Послѣ многихъ попытокъ воробей наконецъ пойманъ. Остальное, какъ въ Б, только воробей просовываетъ голову въ ротъ и жена, ударивъ мужа по головѣ убиваетъ его.

Вар. Д. Собакѣ на свадьбѣ не достается ничего. Подорожникъ влетаетъ въ сѣни, а лакей, несшій жаркое, ставитъ блюдо на полъ и загоняетъ подорожника въ комнату. Собака съѣдаетъ жаркое, а подорожникъ улетаетъ. Затѣмъ подорожникъ ведетъ собаку на скотный дворъ, чтобъ напоить ее парнымъ молокомъ. Онъ прибѣгаетъ къ той же хитрости, какъ въ ЖВ; скотницы ставятъ горшки съ молокомъ на землю и вскорѣ убѣждаются, что онѣ обмануты. Человѣкъ везетъ бочку пива на тачкѣ и, замѣтивъ на дороге собаку, бьетъ ее палкой и убиваетъ. Подорожникъ са-

дится на бочку и человекъ разбиваетъ бочку той же палкой. Улетая, подорожникъ предупреждаетъ его, чтобъ онъ не выходилъ на дворъ безъ шапки, — иначе она советъ на его головѣ гнѣздо. Разъ человекъ этотъ не нашель своей шапки, а долженъ былъ идти въ садъ. Онъ велѣлъ женѣ взять палку и идти съ нимъ вмѣстѣ. Подорожникъ садится ему на голову, а жена убиваетъ мужа ударомъ палки.

Вар. 6. Лиса встрѣчаетъ въ лѣсу ворона, отыскивающего опытнаго врача, который взялся бы излѣчить его птенцовъ отъ паршей; онъ принимаетъ лису за врача. Лиса ощупываетъ всѣмъ семи воронятамъ пульсъ, заявляетъ, что у нихъ *êselshusten*, рекомендуетъ какъ единственное цѣлебное средство теплую постель и — пожираетъ ихъ.

Вар. 7. Лиса грозитъ срубить дерево, если воробей не дастъ ей своего птенца; такимъ же образомъ лиса выманиваетъ и втораго. Воробей обращается за помощью къ собачкѣ и обманываетъ старуху, какъ въ БИВ. Собака прикидывается мертвой, какъ въ В, воробей для виду поклевываетъ ее и лиса растерзана.

Вар. 8. Шакаль жилъ дружно съ куропаткой. Однажды онъ изъявляетъ желаніе „поѣсть пирожка изъ гороха“. При помощи той же хитрости, какъ въ БИВ, куропатка обманываетъ „жимадара (помѣщика) съ пирогами“. Точно такъ же обманываетъ куропатка пастуха, неснаго молоко, и удовлетворяетъ желанію шакала напиться молока. Въ третій разъ шакаль изъявляетъ желаніе посмѣяться. Выждавъ появленія толпы факировъ, куропатка садится на голову предпоследняго. Факиръ, шедшій сзади, ударяетъ тростью по головѣ идущаго впереди. Куропатка садится на голову слѣдующаго. „У факира назади хотъ кровь изъ головы и текла, а онъ взялъ да и прибилъ послѣдняго палкою“. Всѣ сто факировъ подвергаются той же участи. На слѣдующій день шакаль проситъ куропатку почесать ему спину. Куропатка приводитъ его въ столкновеніе съ охотникомъ и четырьмя собаками, отъ которыхъ она избавляетъ шакала тѣмъ, что обращаетъ ихъ вниманіе на себя. Усталый шакаль желаетъ освѣжиться, желаетъ, чтобы на него падала вода сверху. Куропатка ведетъ его къ мельницѣ, привязываетъ къ мельничному колесу и, пустивъ немного воды, скрывается. Является мельникъ, пускаетъ всю воду и шакаль погибаетъ. Куропатка остается оплакивать его смерть.

При сравненіи всѣхъ вариантовъ между собой самымъ полнымъ оказывается вар. *И*. По отношенію къ нему вар. *А* и *С* представляются только скудными отрывками, развивающими только одинъ мотивъ. Но мотивъ вар. *С* ближе отвѣчаетъ вар. *И*, такъ какъ тоже говоритъ объ излѣченіи болѣзни; прописываются только разные лѣкарства: *И*—крещеніе, а *С*—теплую постель. Наоборотъ, въ *А* рѣчь идетъ объ обученіи извѣстному мастерству. Въ сущности и послѣдняя черта представляется только видоизмѣненіемъ того же мотива, причемъ развитіе одной и той же темы на троякій ладъ заставляеть уже заподозрить независимость вар. *А*.

Вар. *А* и *С* представляютъ кромѣ того совпаденіе съ вар. *Д* и *Ж* въ томъ, что лиса выманиваетъ птенцовъ при помощи той или другой хитрости. Вар. *А* и *Ж* представляются притомъ особенно близкими потому, что въ *Ж* лиса грозитъ срубить дерево, а въ *А* стучить „хвостикомъ по сырому дубицу“. Черты эти, очевидно, тождественны. Но вар. *Ж* приходится предпочесть вар. *А* съ точки зрѣнія естественности. Въ *Ж* опасенія воробья, заставляющія его сбрасывать листь дѣтокъ, весьма понятны: онъ опасается за срубку дерева. Въ *А* такой мотивъ не приводится. Впрочемъ можно допустить, что нѣкогда онъ въ такой же формѣ высказывался и въ *А* и только съ теченіемъ времени исказился. Именно, когда лиса требуетъ, чтобъ дятель слѣзъ съ дерева, она заявляетъ: „Мнѣ дубъ нада—сѣчихичики (?) гнуть“; но этотъ мотивъ не приводится въ связь съ требованіемъ выдать птенцовъ. Если тѣмъ не менѣе признать его тождественнымъ съ мотивомъ въ *Ж* то съ одной стороны получается новая точка соприкосновенія обоихъ вариантовъ, съ другой получается фактъ не особенно свидѣтельствующій въ пользу „первобытности“ и замѣчательной „свѣжести“ славянскихъ сказокъ о животныхъ.

Дѣйствительно, о первобытности не можетъ быть рѣчи уже потому, что эпизодъ этотъ оказывается непосредственно заимствованнымъ изъ Калилы и Димны. Тутъ рассказывается (*Benfe u Pantsch. I, 609* сл.), какъ лиса наводитъ такую панику на голубя, что онъ сбрасываетъ ей своихъ малютокъ. Вслѣдъ затѣмъ воробей надоумѣваетъ голубя, что ему слѣдовало бы возразить, чтобъ лиса попыталась сначала взобраться на дерево. Когда лиса узнаетъ, что отвѣтъ вну-

пень воробьемъ, она похищаетъ его при помощи той же хитрости, къ какой прибѣгаетъ Ренаръ, похищая пѣтуха.

Такимъ образомъ, первая половина этого разсказа приурочилась къ данной группѣ сказокъ, гдѣ она служитъ какъ бы введеніемъ. Вторая же половина развилась на европейской почвѣ въ самостоятельный рядъ сказокъ, рассмотрѣнныхъ выше (стр. 93 сл.). Цѣликомъ же этотъ разсказъ перешелъ къ готтентотамъ (Bleek стр. 16 № 11; ср. Benfe y въ GGA. 1871 стр. 2094). Видоизмѣнились только сообразно природѣ дѣйствующихъ лица: вм. лисы выступаетъ шакаль, а воробей замѣнился цаплей. Подобный разсказъ заключается въ Панчатантрѣ (Benfe y Pantsch. II, 58 и 61 сл.; ср. также I, 170), гдѣ черная змѣя пожираетъ воронятъ, а шакаль совѣтуетъ, какъ избавиться отъ нея.

Даже не зная оригинала, не трудно было бы рѣшить, что вар. Д можетъ представляться только искаженіемъ послѣдняго. Достаточно замѣтить, что неестественно требованіе лисы, которая прямо заявляетъ, что хочетъ сѣсть яйца, и неестественна отсрочка, на которую соглашается голодная лиса. Кромѣ того, въ концѣ разсказа присоединяется извѣстный разговоръ лисы съ своими членами, разговоръ, обыкновенно и умѣстнѣе связываемый со сказками другихъ группъ (ср. выше стр. 112 и др.).

Разсказъ о собакѣ, притворяющейся мертвой, въ той формѣ, въ какой онъ передается въ вар. ВѢ, довольно ясно обличаетъ связь съ бестіаріями. Что же касается словъ дятла въ вар. Б: „я окунусь въ воду да вываляюсь въ песку“, то въ нихъ тоже можно бы усматривать вліяніе бестіаріевъ, гдѣ лиса валяется въ „красной землѣ“; но, кажется, вѣрнѣе будетъ допустить независимое образованіе этой черты, какъ весьма обыкновенной въ природѣ.

Къ первой половинѣ приведеннаго выше разсказа изъ Калилы и Димны присоединился съ теченіемъ времени другой конецъ. На самомъ дѣлѣ онъ составляетъ независимую сказку. Но такъ какъ вторая половина первоначальнаго разсказа объ обманѣ лисы отпала, то второй разсказъ о приключеніи собаки и воробья послужилъ замѣной его и вмѣстѣ съ тѣмъ дальнѣйшимъ развитіемъ порванной нити перваго разсказа.

Что второй разсказъ составляетъ самостоятельную сказку, необходимо заключить не столько по существованію вар.

БВСО, гдѣ развивается подробно вторая тема, сколько по вар. С. Всѣ признаки, которые можетъ выдвинуть принципъ естественности, свидѣтельствуютъ въ пользу оригинальности вар. С. Даже помимо сравненія съ нимъ вар. ВВОД, послѣдніе могутъ казаться только искаженіями: всѣ мотивы въ нихъ до крайности перепутаны и не представляютъ между собой внутренней связи. Въ вар. В, напр., безъ всякой причины дятлу приходитъ въ голову „манить лисицу“, собака, конечно, считаетъ своимъ долгомъ „грызть ее“, хотя бы и безъ причины, а мужикъ однимъ, понятно, ударомъ убиваетъ двухъ зайцевъ, — собаку и лису. Нѣсколько странна и вся сцена при добываніи вина въ избѣ. Все это вмѣстѣ взятое позволяетъ уже сдѣлать заключеніе о зависимости вар. В отъ извѣстнаго источника.

Такую же зависимость обнаруживаетъ и вар. В. Начало его представляетъ подражаніе вар. И, а конецъ—совершенно искаженный мотивъ вар. С.

Болѣе связи замѣчается въ вар. БС; но и въ нихъ обнаруживаются различныя натяжки; притомъ Б обнаруживаетъ зависимость отъ С. Такъ, въ вар. БС дятель (воробей) изъ состраданія (чувство, можетъ быть, прекрасное, но въ данномъ случаѣ едва ли уместное) берется накормить собаку. Въ Б онъ предлагаетъ ему даже мѣсто караульщика, которому нечего караулить, такъ какъ гнѣздо съ птенцами находится въ недоступной для него сферѣ; мало того, этотъ караульный свободно можетъ покидать свой постъ и выжидать изъ-за куста, пока его хозяину посчастливится добыть для него обѣдъ. Послѣ же сытнаго обѣда, для потѣхи хозяина, караульщику приходится ловить лису, даже пытаться продѣлывать фокусы послѣдней, — проскакивать „сквозь спицы колеса“, и платиться за неудачу преждевременной смертью. Все это натяжки и искаженія, получающіяся только путемъ заимствованія.

Ближайшимъ варіантомъ къ Б является С, но заимствованіе сюжета происходило при помощи какой нибудь посредствующей версіи, въ которой частыя повторенія вар. С приняты болѣе сокращенныя формы. Въ С, напр., воробей, помимо того, что уноситъ въ двухъ лавкахъ мясо, долженъ добывать еще хлѣбъ, такъ какъ однообразная пища собакѣ не нравится. Черта эта составляетъ лишь легкое видоизмѣненіе перваго мотива. Монотоннымъ повтореніемъ является так-

же удвоение числа бочекъ съ виномъ, опорожняемыхъ воробьями, и описаніе, какъ изъ тройки погибала каждая лошадь. Конецъ вар. 6 совпадалъ повидимому съ ВГ и видоизмѣненіе его въ 6 слѣдуетъ вѣроятно отнести къ числу тѣхъ конъектуръ, которыя нѣмецкіе ученые дѣлали „молча“. Во всякомъ случаѣ окончаніе въ ВГ понятнѣе, чѣмъ въ 6.

Самымъ естественнымъ варіантомъ является такимъ образомъ вар. И: въ немъ незамѣчаются недостатки, господствующіе въ другихъ варіантахъ. Онъ долженъ, слѣдовательно, считаться лучшимъ представителемъ европейскихъ варіантовъ и даже источникомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Тѣмъ не менѣе и вар. И не вправѣ изъявлять притязаніе на чисто оригинальное произведеніе; въ основныхъ своихъ мотивахъ и онъ оказывается лишь заимствованіемъ съ востока.

Дѣйствительно, однимъ изъ представителей этого источника является именно вар. 6. Вопросъ только въ томъ: разсматривать ли его какъ непосредственный отпрыскъ „исконнаго достоянія“, тѣмъ болѣе, что это „народная“ сказка, или какъ истокъ литературнаго произведенія? Отвѣтъ можетъ послѣдовать только въ послѣднемъ смыслѣ. Правда, такой рассказъ въ восточныхъ сборникахъ сказокъ, намъ пока неизвѣстенъ, какъ нѣтъ его въ Панчатантрѣ и Гитопадесѣ. Тѣмъ не менѣе настаивать на литературномъ его происхожденіи можно на слѣдующихъ основаніяхъ. „Въ Индіи, странѣ сказочной по преимуществу“, говоря словами проф. М и н а е в а (ук. соч. стр. хviј сл.),... „сказка литературная легко могла проникнуть въ народъ совсѣмъ неграмотный“... „Индѣецъ живетъ въ сказочной атмосферѣ: ребенокъ, отправляющійся въ школу... къ мѣстному брахману пандиту, читаетъ и слышитъ только сказки; факиръ у храма рассказываетъ сказки...; въ праздникъ благочестивые люди дѣлаютъ складчину и призываютъ брахмана почитать Харивансу или Бхагаватъ-пурану; ...такимъ образомъ старый литературный матеріалъ постоянно проникаетъ въ народъ“.

Кромѣ того теперь извѣстны и другія „народныя“ индѣйскія сказки, которыя записаны на основаніи „устнаго преданія“ и тѣмъ не менѣе почти всѣ безъ исключенія восходятъ къ литературнымъ источникамъ. Таковъ упомянутый сборникъ Г г е г е. Напр., сказка (№ 11) этого сборника о двухъ хитрыхъ шакалахъ, обманывающихъ льва, восходитъ къ рассказу Панчатантры о Львѣ и Зайцѣ (Ben fey Ran-

tschat. II, 62). Сказка (№ 13) о несвоевременномъ воѣ шакала, котораго затѣмъ верблюдъ изъ мести сбрасываетъ въ воду, отвѣчаетъ приведенному выше (стр. 148) разсказу о несвоевременномъ пѣніи осла. Сказка (№ 24) объ алигаторѣ и недоувѣрчивомъ шакалѣ восходитъ къ разсказу Панчатантры объ Осторожномъ Шакалѣ (Benfey Pantsch. II, 268).

Слѣдовательно и относительно вар. ⑤ болѣе чѣмъ вѣроятно допущеніе литературнаго происхожденія.

Проникая на западъ, вар. ⑤ постепенно терялъ нѣкоторые изъ своихъ мотивовъ или они подвергались различнымъ перемѣщеніямъ и видоизмѣненіямъ. Такъ, мотивъ о добываніи пищи сохранился во всѣхъ вариантахъ, за исключеніемъ АГД⑤, развивающихъ иныя черты. Но вездѣ они подвергались передѣлкамъ: въ однихъ добывается пища на свадебномъ пиру (ВД), въ другихъ съ воза (У⑤), въ третьихъ у пѣшихъ, подобно ⑤.

Черта о добываніи напитка вообще, — вина (ВУ), молока (Д⑤), — въ нѣкоторыхъ вариантахъ уже исчезла. Еще слабѣе пробивается черта о возбужденіи смѣха (ВВ⑤). Въ В собственно встрѣчается только слабый намекъ на эту черту, намекъ, выражающійся въ томъ, что подорожникъ садится на плечо старухи, а молотильщикъ ударяетъ ее цѣпомъ. Понятно, — это та же черта, какъ и въ ⑤, гдѣ факиры бьютъ другъ друга тростью по головѣ. Это ясно еще изъ того, что точъ въ точъ такая же сцена, какъ въ В, происходитъ и въ В, и тутъ уже добавляется, что именно она возбуждаетъ въ собакѣ смѣхъ. Черта эта отчетливо сохранилась еще въ одной литературной обработкѣ XII в. (daz ich ein wenc gelache, v. 140 въ Des Hundes not у J. Grimm R. F. стр. 291 сл.).

О желаніи шакала почесать ему спину (⑤) западные варианты уже ничего не знаютъ. Тѣмъ не менѣе не трудно убѣдиться, что и этотъ мотивъ былъ имъ нѣкогда извѣстенъ и только съ теченіемъ времени изгладился до неузнаваемости. Это видно между прочимъ по вар. БВ. Ради чего понадобилась здѣсь лисица, когда нѣтъ рѣчи о похищеніи лисою птенцовъ? И почему же гоньба происходитъ именно послѣ сытнаго обѣда или послѣ сцены, возбуждающей смѣхъ, т. е. въ томъ же порядкѣ, какъ въ ⑤? Очевидно въ данномъ мѣстѣ и произошло смѣшеніе или сліяніе двухъ различныхъ сказокъ: лиса, замѣнившая шакала и сохранившая желаніе

почесать ей спину, осталась; но тотъ же шакаль замѣнился въ первой части сказокъ собакой; вдругъ собака приходитъ въ столкновение съ лисой,—ясно, что, по врожденнымъ инстинктамъ, она должна гоняться за ней. Но такъ какъ мотивъ о желаніи почесать спину забытъ, то забыто вмѣстѣ съ тѣмъ и то обстоятельство, что, въ моментъ столкновения съ лисою, въ вар. БВ это уже другая собака, т. е. та самая, точнѣе, тѣ самыя четыре собаки, которыя выступаютъ въ вар. ⑤. Такимъ образомъ получается новый моментъ, изобличающій со стороны БВ заимствованіе.

Черты вар. ⑤, значительно изгладившіяся въ вар. В, болѣе рельефно выступаютъ въ Е. Въ вар. Е, вошедшемъ эпизодически въ другую сказку и пострадавшемъ вслѣдствіе этого отъ неумѣстныхъ вставокъ, лиса, попавшая въ яму, проситъ дрозда накормить ее. Исполняя ея просьбы, дроздъ приносить ей сначала курицу, затѣмъ воды, вытаскиваетъ изъ ямы, набросавъ въ нее прутьевъ. Исполняя послѣднюю просьбу лисы, — размѣшить ее, — дроздъ ведетъ ее въ деревню, садится на ворота и требуетъ у „бабки... сала кусокъ“. Выскакиваютъ собаки и разрываютъ лису, улегшуюся подъ воротами. И вар. Е можетъ служить только новымъ доводомъ въ пользу заимствованія, такъ какъ вполне точно сохраняетъ основу вар. ⑤, которая искажена только различными натяжками, вставками и несообразностями, почти всегда изобличающими несамостоятельность рассказа.

Сходство вар. БВЕ съ ⑤Д съ одной стороны и съ вар. ⑤ съ другой заставляетъ притомъ предположить двоякое заимствованіе, т. е. часть мотивовъ проникла въ русскіе варианты со стороны востока безъ существенныхъ видоизмѣненій, часть же проникала со стороны запада.

Кромѣ этого замѣчанія слѣдуетъ присоединить слѣдующее. Токъ, который шелъ съ востока, достигнувъ перваго передаточнаго пункта въ Европѣ, т. е. Византіи, подвергался значительной передѣлкѣ и затѣмъ развѣтвлялся: одна вѣтвь шла на Русь, другая—въ глубь Европы. Это замѣчаніе приложимо преимущественно въ томъ случаѣ, когда въ юго-восточномъ углу Европы встрѣчаются сказки, которыя оказываются вѣрными посредниками между русскими сказками и западными. Но пока сохраняется такое сочетаніе мотивовъ въ вар. БВ, какъ въ вар. ⑤Д, пока птички посѣщаютъ съ друзьями свадебные пиры, неосторож-

Sag., Gebr. u. Märch. aus Westfalen II, 235 № 10), „Лисичка та Курочка“ (Рудченко I № 9) и „Зайчик, Лисичка й Пітушок“ (тамъ-же № 16). Въ послѣдней сказкѣ пѣтухъ помѣнялся ролью съ лисою, тогда какъ во второй его мѣсто заступила даже лепешка.

Весьма оригинальной отмѣной того же мотива о похищеніи являются сказки: „Волкъ“ (А. о. I № 21), „Свинья и Волкъ“ (тамъ-же № 22) и „Медвѣдь“ (тамъ-же № 25); множество мелкихъ чертъ, встрѣчающихся въ этихъ сказкахъ, развилось вполне своеобразно и самостоятельно.

Вариантами 6-й группы являются начало сказокъ: „Овца, Лиса и Волкъ“ (А. о. I², № 9 и прим.) и „Звѣри въ ямѣ“ (тамъ-же № 10), затѣмъ „Сказка пра аднаво аднабокава барана“ (тамъ-же № 29 и прим.) и „Медвѣдь и Пѣтухъ“ (тамъ-же № 31).

Къ первой сказкѣ присоединился извѣстный мотивъ о ложной клятвѣ. Волкъ обращается къ овцѣ-странницѣ со словами: „вѣдь на тебѣ тулупъ-то мой?“ Лиса, тоже принимающая участіе въ путешествіи, сомнѣвается въ этомъ и заставляетъ его „цѣловать присягу“, т. е. приложиться къ поставленному капкану, и — волкъ попадаетъ. Въ одной сербской сказкѣ подобный споръ рѣшается между ежомъ и лисой; ёжъ слегка дотрогивается лапой до капкана, лиса же ударяетъ сильно и попадаетъ въ него (V. Jagić въ Arch. f. slav. Philol. I, 273 № 2 и прим. II, 631. Valjavec стр. 286 и 287. Чубинскій ук. соч. № 36. Рудченко I № 26). Въ романѣ о Ренарѣ волкъ Изенгримъ (Примѣ) рѣшается дать клятву Ренару въ вѣчной дружбѣ и попадаетъ ногой въ капканъ (Ren. vv. 4771—4850. Ср. vv. 10769 сл. 13129 сл. 13334. 23012 29. 23050 — 67. 23582 — 99. 23951 — 53. 23982—84. Chabaille Suppl. стр. 263 слл.).

Къ мотиву о звѣряхъ-странникахъ въ сказкѣ о „Звѣряхъ въ ямѣ“ присоединился мотивъ о неудачномъ прыганіи нѣкоторыхъ звѣрей черезъ яму, вслѣдствіе чего они попадаютъ въ нее. Такъ какъ голодъ даетъ себя скорѣе чувствовать, то лиса предлагаетъ обыкновенно „голосъ тянуть“: „кто всѣхъ тоньше запоетъ, того и скушаемъ“, а затѣмъ: „кто толще всѣхъ запоетъ“; въ первомъ случаѣ жертвой становятся бѣлка или заяцъ, во второмъ иногда волкъ; гибели сильнѣйшаго лиса достигаетъ обыкновенно той или другой хитростью (см. выше стр. 45¹¹). Иногда

звѣрь. попавшій въ яму, гибнетъ немедленно (А. о. I², 83. 85). Этому эпизоду отвѣчаетъ въ западныхъ вариантахъ рассказъ о волкѣ въ ямѣ, куда попадаетъ по неосторожности и священникъ, по спинѣ котораго волкъ выскакиваетъ изъ ямы (J. Grimm Lat. Ged. стр. 340 слл. Ren. vv. 7383—7520. Ср. Müllenhoff Sag., Märch. u. Lied. [1845] стр. 155 № cxiij. Asbjörnsen-Dasent стр. 63 сл.). Очень часто въ яму попадаютъ и другіе звѣри; къ нимъ иногда попадаетъ и скрипачъ спасающій свою жизнь только тѣмъ, что до появленія помощи безъ устали играетъ на скрипкѣ (Bászler Heldengesch. d. Mittelalt. [1877] № 244). Что всѣ эти варианты пахотятся вмѣстѣ съ тѣмъ въ непосредственной связи съ рассказомъ о волкѣ въ ямѣ (см. выше стр. 79), доказываетъ между прочимъ сказка трансильванскихъ саксонцевъ, представляющая переходъ къ славянскимъ вариантамъ. Лиса предлагаетъ волку прыгать черезъ колодезь и волкъ не только попадаетъ въ него, но и подвергается жестокому побоямъ (Halttrich Z. deutsch. Thiers. стр. 21 № ij).

Повидимому вполне оригинальнымъ мотивомъ представляется то, что звѣри „тянутъ голосъ“, хотя и нельзя положительно отрицать, что черта эта находится, можетъ быть, въ отдаленной связи съ пѣніемъ волка (ср. выше стр. 148).

Постройка избѣнки ледяной, дубяной, деревянной и т. п. (А. о. I², 3. 19. 24. 25. Рудч. I № 12), причемъ обитатель ледяной лишается ей весной и просится на постой къ другому звѣрю, котораго онъ обыкновенно выживаетъ, — отвѣчаетъ въ этой же группѣ сказокъ Зимовью звѣрей (см. выше стр. 134). Иногда изба замѣняется рукавицей, въ которой поселяются различныя животныя (Рудченко II № 1. Чубинскій ук. соч. № 33).

Что касается прочихъ вариантовъ, входящихъ въ составъ 6-й группы, то сказка про „Однобокаго Барана“ заключаетъ тотъ же мотивъ бѣгства, какъ и въ звѣряхъ-страникахъ, именно — жестокое обращеніе владѣльцевъ. Сюда относится длинный рядъ сказокъ, видоизмѣняющихъ основной мотивъ на разные лады, какъ можно судить, напр., по сказкѣ о „Козѣ Лупленой“ (А. о. I² № 28 и прим.; подобные же примѣры въ Arch. f. slav. Philol. II, 630 № 28 и прим.). Относительно черты о страхѣ, внушаемомъ козою различнымъ животнымъ въ послѣдней сказкѣ, слѣдуетъ указать на сравненія Бенфея (Pantsch. I, 509). Къ первой

же сказкѣ присоединяется далѣе мотивъ о Бременскихъ музыкантахъ (см. выше стр. 134); онъ же примыкаетъ къ первой половинѣ сказки о „Медвѣдѣ и Пѣтухѣ“, тоже входящей въ составъ 6-й группы.

Кромѣ указанныхъ связокъ встрѣчается масса извѣстныхъ уже мотивовъ, которые приурочились къ самымъ разнообразнымъ сказкамъ; нередко они принимаютъ довольно своеобразные оттѣнки. Иногда, наоборотъ, отдѣльный мотивъ развивается въ самостоятельную сказку. Съ такимъ двуличнымъ характеромъ является между прочимъ рассказъ о престарѣлой собакѣ (А. о. I², 94. Рудч. I №№ 5. 6. Ср. и выше стр. 115), къ которому обыкновенно примѣшивается и мотивъ о пѣнии волка (въ ук. м.).

Смѣшеніе рассказа о престарѣлой собакѣ съ мотивомъ о дроздѣ - кормильцѣ представляетъ начало сказки о „Медвѣдѣ, Собакѣ и Кошкѣ“ (А. о. I² № 26). Роль дрозда принялъ на себя медвѣдь и сообразно съ этой перемѣной своеобразно видоизмѣнилась и вся сказка.

Мотивъ о томъ, какъ собаки прибѣгаютъ къ пряткамъ, чтобъ наказать нахальнаго волка (см. выше стр. 115), развивается очень часто въ самостоятельный рассказъ или беретъ перевѣсъ надъ другими мотивами, къ которымъ онъ присоединяется (Рудченк. I №№ 12. 13. 14. Ср. выше стр. 114). Сюда же относится и упомянутая выше (стр. 52) вотяцкая сказка, хаотическій пересказъ которой ясно обличаетъ заимствование.

Весьма распространеннымъ является также рассказъ о томъ, какъ сильно избитый волкъ (обыкновенно послѣ рыбной ловли или посѣщенія въ кладовой) везетъ на своей спинѣ лису, которая прикидывается только больной. Притомъ лиса посмѣивается украдкою надъ глупымъ волкомъ и приговариваетъ: „битый не битаго везетъ“ или „больной здороваго везетъ!“ (А. о. I², 2—4. 10. Карачицъ Припов.² стр. 179. Veskenstedt стр. 423 № 2 и 97 № 5. Haupt u. Schmalzer II, 164 № 6. Vrána I. 52. Бодуэнъ ук. соч. стр. 299. 300. 302. Grimm КНМ. № 74. Kuhn Märk. Sag. стр. 300 № 16. J. Grimm R. F. стр. cclxxxv. Haltrich № x. Bartsch Sag., Märch. u. Gebr. aus Meklenburg I [1879] 517 № 24. Teza Rain. стр. 73 Pitigè Fiabe IV, 179. 181. Coelho № viij). И эта черта распространилась благодаря заимствованію; но пока трудно

рѣшить, гдѣ искать источникъ этого своеобразнаго приключенія.

Впрочемъ нельзя не указать на то, что въ восточныхъ разсказахъ мотивъ о катаніи извѣстнаго животного на спинѣ другаго встрѣчается весьма часто: то обезьяна разѣзжаетъ на спинѣ чудовища или черепахи (Benfe y Pantsch. II, 288. I, 420; ср. Liebrecht Z. Volksk. стр. 122 сл.), то лягушка на змѣѣ (Pantsch. II, 273), то ворона несетъ на себѣ мышъ (тамъ-же II, 167), то верблюдъ служитъ верховой лошадыо для лисы, волка и медвѣдя (Шифнеръ въ Мém. de l'Acad. Imp. d. Sc. de St.-P. XX № 2 стр. 93 сл.) и т. п. Можетъ быть одна изъ передѣлокъ перваго разсказа, заключающаго въ себѣ всѣ задатки для развитія сцены, подходящей для даннаго случая,—и послужила источникомъ разсказа о катаніи лисы на спинѣ волка.

Необыкновенной популярностью пользовался также разсказъ о „Лисѣ-Повитухѣ“ (Ае. I² № 2. Valjaves № Ixjx. Чудинскій Русск. народн. сказки [1864] № 12. Драгомановъ ук. соч. стр. 362 № 36. Бодуэнъ ук. соч. стр. 301), какъ можно судить по огромному числу вариантовъ, распространенныхъ почти во всѣхъ уголкахъ Европы. Всѣ эти варианты, помѣченные у Р. Кѣлера (въ Jb. f. rom. u. engl. Lit. IX, 401) и Коскэна (въ Romania VIII, 596 № Ijv и прим.), пересказываетъ весьма простой сюжетъ. Обыкновенно дѣйствующими лицами выступаютъ волкъ и лиса. Припрятана у нихъ „кадочка медку“ (или „кринка масла“). Лиса „украдкою постукиваетъ хвостикомъ“ (или пользуется какимъ нибудь шумомъ, звономъ) и говоритъ: „А, знать, меня на повой зовутъ!“ Въ три приѣма лиса съѣдаетъ масло и, на вопросъ волка: какъ зовутъ крестниковъ? даетъ послѣднимъ извѣстныя имена: перваго зовутъ „Початочекъ“, втораго—„Серѣдышекъ“, третьяго—„Поскрѣбышекъ“. Нерѣдко разсказъ на этомъ обрывается, но чаще онъ продолжается. Является желаніе открыть виновника преступленія. Лиса предлагаетъ лечь „на солнышкѣ“ („передъ печкой“ и т. п.): „у кого вытопится медъ, тотъ и виновать“. „Глядь-поглядь—у кумы-то и показался медокъ; она путко скорѣе перемазывать его на волка“ и такимъ образомъ „волкъ, нечего дѣлать, повинился“. Нерѣдко виновность опредѣляется и такъ: wessen Schisz gelb ist.. И пока волкъ засматривается на овецъ, указываемыхъ лисою, vertauschte die Füchsin

die Würste, die sie gemacht hatten (H a h n ук. соч. II, 306 № 89).

Не болѣе какъ варіантомъ того же мотива является разсказъ о кражѣ пирожка съ маковой начинкой (А ө. I², 6). Начинку лиса съѣдаетъ тайкомъ и кладетъ въ пирожокъ — „сами догадаетесь чего...“; далѣе слѣдуетъ обвиненіе волка и испытаніе его виновности предложеніемъ „лечь обоимъ противъ солнца“. Въ другихъ варіантахъ того же типа обманывается не волкъ, а „хлопцы“ (А ө. I², 11. Рудч. II № 4. Чубинскій ук. соч. № 38), которымъ лиса промѣниваетъ испорченный ею пирожокъ на „бичка-третячка“, вслѣдствіе чего дальнѣйшій ходъ сказки конечно измѣняется.

Повидимому всѣ варіанты, относящіеся къ разсказу о „Лисѣ-Повитухѣ“, сложились на европейской почвѣ. Но весьма трудно рѣшить вопросъ: въ какомъ разсказѣ слѣдуетъ усматривать прототипъ всѣхъ этихъ версій? Впрочемъ слѣдуетъ указать на то, что Бенфей (въ GGA. 1871 стр. 2093), касаясь эпизода о рыбной ловлѣ въ сборникѣ Блекка, между прочимъ прибавляетъ: in I, 9 [т. е. Bleek стр. 15 № 9] variirt, а этотъ разсказъ заключаетъ въ весьма сокращенной формѣ вторую половину сказки о „Лисѣ-Повитухѣ“, т. е. испытаніе виновности. Шакаль намазываетъ ночью хвостъ гіены жиромъ (ср. Asbjörnсен u. Моe I, 120: bestrich ihn ... unten beim Schwanz), и весь жиръ, хранившійся въ домѣ, онъ съѣдаетъ. Уличенная гіена подвергается жестокому побоямъ. Если и допустить, что это варіантъ разсказа о рыбной ловлѣ, то развѣ по отношенію ко второй половинѣ даннаго разсказа; если же имѣть въ виду весь разсказъ, то скачекъ во всякомъ случаѣ великъ и Бенфей самъ точно думалъ въ этомъ случаѣ скачками. По крайней мѣрѣ для насъ неуловимы нити, связывающія оба разсказа.

Самостоятельнымъ развитіемъ на извѣстныя уже темы представляется между прочимъ сказка „Ворона и Ракъ“ (А ө. I² № 37). Это—разсказъ Панчатантры „Журавль и Ракъ“ (Benfey Rantsch. II, 58), видоизмѣненный подъ вліяніемъ басни Эзопа о „Воронѣ и Лисицѣ“ (Halm № 204. Мартыновъ № 204). Ракъ, уносимый вороной, освобождается тѣмъ, что поетъ ей похвалы. Ворона отъ удовольствія „брякнула... во весь ротъ и упустила рака въ море“.

Повидимому подражаніемъ кучевымъ сказкамъ (если позволено приблизительно передать терминъ Häufungsmärchen, установившійся за подобными сказками у нѣмцевъ) является рассказъ о ночлегѣ лисы (А. о. I², 4. 15 сл. Рудченко I № 7). Лисица просится къ кому нибудь переночевать: „сама ляжу на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, скалочку подъ печку“. Утромъ она сжигаетъ скалку и спрашиваетъ мужика: „гдѣ же моя скалочка? Я за нее и гусочку не возьму!“ Получивъ гусочку, лиса точно такимъ же путемъ мѣняетъ ее на индюшечку, затѣмъ на „невѣсточку“, вмѣсто которой мужикъ сажаетъ собакъ въ мѣшокъ. Еще чаще лиса не мѣняетъ, а скрываетъ свою собственность и требуетъ вознагражденія утраченнаго; такимъ образомъ она добываетъ постепенно курочку, гуська, барашка и бычка. Тотъ же сюжетъ встрѣчается въ одной португальской сказкѣ (Coeelho № x), но тутъ котъ воруетъ извѣстную вещь, промѣниваетъ ее на другую и потомъ вновь требуетъ возвращенія прежней вещи, оставляя однако у себя и предметъ, добытый обмѣномъ.

Совершенно самостоятельной формаціей, образовавшейся на русской почвѣ, представляется рассказъ о катаніи лисы на санкахъ (А. о. I², 9. 12. 16. [14]. Рудченко II № 4. Чубинскій № 38). То волкъ, то лиса ломаютъ своей тяжестью сани, строятъ ихъ вновь и одинъ изъ строителей съѣдаетъ обманомъ бычка, впряженнаго въ сани.

Сказку о „Лисѣ-Плачѣ“ (А. о. I² № 6), помимо нѣкоторыхъ побочныхъ мотивовъ въ родѣ боба, вырастающаго до неба, собакъ, упрятываемыхъ въ мѣшокъ, и т. п.—слѣдуетъ тоже отнести къ чисто самостоятельнымъ рассказамъ.

Тѣмъ же независимымъ характеромъ отличается и сказка „Журавль и Цапля“ (А. о. I², № 36). Журавль сватается за цаплю, но получаетъ отказъ; вскорѣ цапля надумывается и рѣшаетъ; „чѣмъ жить одной, лучше пойду замужъ за журавля“; но теперь журавль отказывается, затѣмъ снова раздумывается и получаетъ вторичный отказъ; та же исторія съ цаплей, затѣмъ опять съ журавлемъ и т. д. „Вотъ такъ-то и ходятъ они по сю пору одинъ на другомъ свататься, да никакъ не женятся“. Рассказъ этотъ относится къ числу тѣхъ шутивыхъ сказокъ (т. наз. Vexiermärchen), извѣстнѣйшимъ образцомъ которыхъ является рассказъ Санчо Пансы о томъ, какъ рыбакъ, по просьбѣ пастуха, взялся перевозить стадо козъ, состоявшее изъ 300 штукъ, въ крошечной лодкѣ, вмѣ-

щавшей въ себѣ только перевозчика и одну козу: кто не помнить числа перевезенныхъ козъ, тому нельзя сообщить и продолженія сказки.

Вполнѣ оригинальнымъ произведеніемъ является также „Сказка объ Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ“ (А. о. I², № 41 и прим. [IV², 36 сл.]; ср. Ровинскій I, № 173 и прим. [IV, 271 сл.]), которая восходитъ къ извѣстной Повѣсти о Ершѣ XVI в., изображающей въ сатирической картинѣ порядокъ судопроизводства на Руси той же эпохи. Повѣсть эта разобрана А. Н. Пыпинымъ (Очеркъ стр. 299 сл.) и А. Н. Веселовскимъ (въ Ист. русск. словесности А. Галахова I², 508 сл.). Сопоставляя Повѣсть о Ершѣ съ поэмами о животныхъ на западѣ, нельзя не привести здѣсь взгляда послѣдняго ученаго: „Повѣсть о Ершѣ“, говоритъ онъ (въ ук. м. стр. 511), „ближе по замыслу къ животнымъ поэмамъ Западной Европы, чѣмъ къ доморощенной звѣриной сказкѣ: послѣдняя не дала ей ни одного мотива, съ первыми у нея общая сатирическая цѣль, самостоятельно внушенная тамъ и здѣсь опредѣленнымъ отношеніемъ къ явленіямъ общественной жизни“. Къ этому мнѣнію нечего больше присоединять.

Изъ сопоставленія и разбора отмѣченныхъ выше группъ животныхъ сказокъ приходится неизбежно вывести заключеніе, что громадное большинство животныхъ сказокъ обязано своимъ существованіемъ на европейскомъ континентѣ заимствованію сюжетовъ съ востока. Но во время перехода и въ предѣлахъ новой родины сюжеты эти такъ сильно видоизмѣнялись, разрастались и приукрашивались мотивами разнообразныхъ животныхъ сказокъ, что мало по малу утрачивали осязательные признаки сходства по отношенію къ оригиналамъ и принимали видъ чисто самостоятельныхъ произведеній. Правда, многія животныя сказки вслѣдствіе ряда такихъ превращеній утрачивали свой первоначальный характеръ и чисто животная сказка становилась полуживотной или подчинялась вліянію антропоморфизма и т. п. Впрочемъ отсюда возсе не слѣдуетъ, чтобы вслѣдствіе этого новаго отпечатка животныя сказки, напр., славянъ лишены были всякаго самостоятельнаго значенія. Въ данномъ случаѣ мы раздѣляемъ взглядъ Л. Ф. Воеводскаго (О занятіяхъ по критикѣ и миѳологіи гомеровскаго эпоса [1880] стр. 49 сл.), который, съ точки зрѣнія миѳическихъ сказокъ,

вооружается противъ возможности отрицанія подобной самостоятельности. Даже болѣе, за славянами необходимо признать необыкновенный даръ поэтическаго творчества, а мифическимъ ихъ сказкамъ и Бенфей (въ *Ausland* 1858 стр. 1018) приписываетъ „необыкновенную законченность формъ“. Относительно животныхъ сказокъ опредѣленіе это примѣнимо въ значительно меньшей степени.

Помимо восточнаго вліянія животныя сказки не только западныхъ славянъ, но и русскихъ обнаруживаютъ явные слѣды заимствованія со стороны запада. Сопоставленіе цѣлаго ряда вариантовъ въ разсмотрѣнныхъ выше группахъ обнаружило притомъ путь, по которому шло заимствование: онъ уклоняется болѣе къ югу, принимаетъ видъ кривой линіи; другими словами: посредниками при передачѣ животныхъ сказокъ и отдѣльныхъ мотивовъ являются преимущественно южные славяне и вообще народы, заселявшіе юго-восточный уголь Европы. Т. обр. ясно обнаруживаются два теченія; одно восточное, двигавшееся на Русь при посредствѣ Византіи, другое, направлявшееся непосредственно съ запада.

Эпоху западнаго теченія опредѣлить весьма трудно; во всякомъ случаѣ оно едва ли происходило ранѣе XIV в., т. е. не ранѣе составленія такъ наз. разсѣянныхъ басенъ (см. выше стр. 55).

Вообще значеніе теоріи заимствованія по отношенію къ животнымъ сказкамъ приходится не только ограничивать, но напротивъ расширять, такъ какъ теорія равномернаго психическаго развитія далеко не въ состояніи объяснить всѣхъ явленій сходства въ области животнаго эпоса. Въ случаѣ же отрицанія этого утвержденія можно бы предложить вопросъ, на который—какъ бы ни казался онъ страннымъ—слѣдовало бы дать отвѣтъ хотя бы изъ вѣжливости: такъ какъ по ступенямъ общихъ пріемовъ психическаго процесса проходили всѣ народы, то отчего же не у всѣхъ народовъ безъ исключенія встрѣчаются одни и тѣ же животныя сказки? Отчего, напр., о рыбной ловлѣ въ проруби не разсказывается у якутовъ, зырянъ и др., а только у лопарей, арійцевъ, вообще, народовъ, которыхъ заимствование какъ бы встрѣчало на своемъ пути? Если бы тѣ же вопросы кто нибудь вздумалъ примѣнить къ теоріи заимствованія, то на нихъ послѣдовалъ бы весьма простой отвѣтъ: оттого не встрѣчаются одни и тѣ же животныя сказки у всѣхъ пле-

мень, сказки которыхъ обличаютъ слѣды заимствованія, что не бывало еще и не будетъ примѣровъ, чтобы одинъ народъ заимствовалъ у другаго весь запасъ сказокъ цѣликомъ. Напротивъ, заимствуются или отдѣльные сказки или отдѣльные мотивы, которые всегда передѣлываются сообразно мѣстнымъ условіямъ и прилаживаются къ народнымъ воззрѣніямъ вообще.

Съ этой точки зрѣнія животнымъ сказкамъ пристало и названіе „народныя“, хотя большинство изъ нихъ восходитъ къ литературнымъ источникамъ. Слѣдовательно, оттѣнокъ народнаго элемента и наивный тонъ далеко еще не составляютъ существенныхъ признаковъ чисто народныхъ сказокъ. Вотъ почему замѣчаніе: „можетъ быть, многія изъ европейскихъ животныхъ сказокъ придется оставить подъ сомнѣніемъ: насколько онѣ народны, т. е. насколько онѣ могутъ отвѣтить на вопросъ о народныхъ началахъ мифа“ (А. Н. Веселовскій въ Вѣстн. Евр. 1873 № 10 стр. 651),—пріобрѣтаетъ въ нашихъ глазахъ особое значеніе, такъ какъ возможно подробный разборъ животныхъ сказокъ, представленный выше, подтверждаетъ это замѣчаніе.

Нельзя еще обойти молчаніемъ тотъ странный, повидимому, фактъ, что выше не представлялось ни одного случая, на основаніи котораго можно было бы утверждать, что сказочный матеріалъ перешелъ къ русскимъ изъ рукъ монголовъ, т. е. не встрѣчается подтвержденія мнѣнію Бенфея о громадномъ вліяніи монголовъ на славянъ и важномъ ихъ значеніи въ качествѣ посредниковъ при передачѣ индѣйскихъ сказокъ вообще (ср. выше стр. 13). Напротивъ въ виду всего выше изложеннаго необходимо вывести заключеніе, что по крайней мѣрѣ животныя сказки не проходили черезъ ихъ руки; можетъ быть ихъ вліянію слѣдуетъ приписать господство устной передачи, но это, къ сожалѣнію, едва ли возможно доказать. Мнѣніе же А. Н. Веселовскаго (Соломонъ и Китоврасъ стр. V), что „разказы паломниковъ и монголовъ-номадовъ мы должны принять на вѣру“, съ одной стороны доказываетъ, что и въ другихъ областяхъ народныхъ сказаній посредство монголовъ не причемъ, съ другой — оно подтверждается и рассматриваемой областью животныхъ сказокъ.

Обращаясь наконецъ къ результатамъ, вытекающимъ изъ всего выше сказаннаго, мы находимъ, что пункты: 3-й, 5-й, 7-й, 8-й и 10-й, выставленные въ первой главѣ (см. выше стр. 54), подтверждаются доводами, представленными въ настоящей главѣ; 6-й же пунктъ первой главы долженъ подвергнуться извѣстному видоизмѣненію и тогда, кромѣ упомянутыхъ пунктовъ, получатся слѣдующіе выводы:

1. Только отдѣльные моменты сходства могутъ быть объясняемы процессомъ равномернаго психическаго развитія; сходство на всемъ протяженіи разсказа и такихъ отдѣльныхъ чертъ, толкованіе которыхъ при помощи теоріи общихъ мѣстъ представляетъ несообразности, — необходимо объяснять теоріей заимствованія.

2. Большинство животныхъ сказокъ на европейскомъ континентѣ представляетъ заимствованіе съ востока; значительная часть этихъ „народныхъ“ сказокъ восходитъ къ литературнымъ образцамъ; только весьма ограниченное число отличается оригинальнымъ характеромъ, самостоятельностью.

3. Часть животныхъ сказокъ перешла съ востока на западъ цѣликомъ; часть же развилась на европейской почвѣ изъ отдѣльныхъ мотивовъ индѣйскихъ сказокъ, изъ басенъ Эзопа и другихъ источниковъ.

4. Животныя сказки неслись на Русь по двумъ теченіямъ:

а) восточно-византійскому и

б) западному;

оба теченія сливались нерѣдко въ одинъ потокъ въ юго-восточномъ углу Европы, т. е. къ юго-западу отъ Руси.

5. Животныя сказки съ своимъ кажущимся разнообразіемъ сводятся къ довольно ограниченному числу основныхъ мотивовъ.

6. Многія животныя сказки съ теченіемъ времени подверглись вырожденію:

а) частью въ нихъ внесенъ былъ элементъ полуживотный,

б) частью они подчинились антропоморфизму.

7. Славянскія—въ томъ числѣ и русскія—сказки о животныхъ находятся очень часто на болѣе позднѣй ступени развитія, чѣмъ западныя.

8. Животныя сказки западныхъ славянъ находятся почти подъ исключительнымъ вліяніемъ запада.

9. Въ славянскихъ сказкахъ о животныхъ господство устной передачи проявляется сильнѣе, чѣмъ у романо-германскихъ племенъ.

III.

Главнѣйшіе вопросы въ сферѣ средневѣковыхъ поэмъ о животныхъ.

Dē meiste hat twischen vos unde wulve,
sō ik merke, was it dit sulve,
dat Reinke, dē sulve lōse dēf,
mit der wulfinnen bōlerie drēf.

Reinke v. 1103.

Wente it was eins sō vērn gekomen
dat ein dach wart upgenomen,
men scholde desse sake richten efte schēden.

Reinke v. 31.

Всѣ вопросы, касающіеся литературныхъ обработокъ животнаго эпоса въ средніе вѣка, во всѣхъ отношеніяхъ были довольно обстоятельно разобраны Я. Г р и м м о м ъ все въ томъ же извѣстномъ трудѣ о Рейнгартѣ (Reinhart Fuchs. Berlin 1834). Излишне было бы поэтому поднимать здѣсь снова всѣ вопросы безъ исключенія. Достаточно ограничиться пересказомъ результатовъ. Притомъ здѣсь можетъ быть рѣчь только о тѣхъ вопросахъ, которые съ теченіемъ времени подвергались различнымъ видоизмѣненіямъ со стороны критики или вообще требуютъ критической оцѣнки.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе составъ поэмъ о животныхъ.

Древнѣйшими поэмами о животныхъ являются двѣ поэмы, Isengrimus и Reinardus, написанныя элегическими стихами. Первая относится къ началу XII в. и издана по пергаментной рукописи XIV в. Я. Г р и м м о м ъ (Р. Ф. стр. 1—24; ср. lviij сл. lxxv сл.); вторая принадлежитъ половинѣ XII в. (Р. Ф. стр. lxxxiij слл.) и издана по тремъ пергаментнымъ

рукописямъ XIII и XIV вв. М о н е ⁽¹⁾. Первая поэма возникла въ южной Фландріи (J. Grimm R. F. стр. lxxix), вторая—въ сѣверной (стр. lxxviii). Составлены эти поэмы лицами, принадлежавшими духовному званію (стр. lxx сл. lxxxj сл.), но извѣстно имя только автора „Рейнарда“; это—нѣкто magister Nivardus (J. Grimm Latein. Gedichte стр. xjx^{*}).

Въ „Изенгримѣ“, состоящемъ изъ 688 стиховъ, въ первыхъ 527 стихахъ разсказывается о болѣзни льва. Такъ какъ эпизодъ этотъ играетъ главную роль во всѣхъ поэмахъ, то содержаніе его необходимо передать нѣсколько подробнѣе.

Левъ боленъ. Не спится ему, не ѣстъ онъ; онъ опасается усиленія болѣзни съ наступленіемъ лѣтняго зноя и велитъ себѣ устроить ложе въ тѣнистомъ лѣсу. Онъ отдаетъ приказъ созвать всѣхъ звѣрей, такъ какъ намѣренъ объявить всѣмъ свою волю, намѣренъ потребовать отъ подданныхъ присяги въ вѣрности его супругѣ, его наслѣдникамъ. Его царское слово ручается всѣмъ въ полной безопасности и въ мирѣ. Являются всѣ звѣри, но не является Ренаръ. Изенгримъ радъ, что можетъ строить Ренару козни. Всѣ звѣри, по чину, молча занимаютъ свои мѣста, тогда какъ Изенгримъ пробирается къ трону. Всѣ поднимаютъ его на смѣхъ, а царь воображаетъ, что онъ намѣренъ сообщить ему о какомъ нибудь цѣлебномъ средствѣ. Изенгримъ откашливается, высказываетъ убѣжденіе, что царь выздоровѣетъ, обвиняетъ Ренара въ измѣнѣ и совѣтуетъ льву съѣсть сначала барана, а затѣмъ козла. Изенгримъ ненавидѣлъ ихъ, какъ и Ренара, за жестокое обращеніе съ нимъ въ домѣ серны (см. выше стр. 126). Сначала царю слѣдуетъ съѣсть ихъ печень, а затѣмъ мясо, причемъ Изенгримъ старается объяснить, что умерщвленіе барана и козла вовсе не будетъ

⁽¹⁾ Reinardus Vulpes. Carmen epicum seculis IX et XII conscriptum; ed. F. J. Mone. 1832. Упомянутыя три рукописи ABC, изъ которыхъ первыя двѣ находятся въ университетской библіотекѣ въ Люттихѣ, а третья въ Парижѣ, описаны у М о н е ук. соч. стр. 300 слл. Ср. также J. Grimm R. F. стр. lxx. Двѣ другія рукописи, D и E,—первая XIII, вторая XIV в., — описаны М о н е же въ Anzeiger f. Kunde d. deutsch. Mittelalt. IV, 463 слл. и 456 слл. См. кромѣ того весьма обстоятельныя комментаріи къ изданію Моне, которые представилъ J. Н. В о г т м а н н Notae in Reinardum Vulpem ex editione F. J. Mone. Gandavi 1836.

нарушеніемъ провозглашеннаго мира. Козель (Berfridus) и баранъ (Ioseph) всакиваютъ, прогоняють Изенгрима ударами своихъ роговъ, заявляютъ, что такой невѣжа какъ Изенгримъ не можетъ знать, какія кушанья полезны, какія вреды, и сожалѣють, что нѣтъ Ренара, который умѣлъ бы предписать полезную для царя пищу. Оба падаютъ ницъ передъ царемъ, который милостиво приказываетъ занять имъ свои мѣста. Но левъ въ гнѣвѣ отдаетъ приказъ привести Ренара. Посломъ отправляется заяцъ (Gutthero), который сообщаетъ Ренару о ябедѣ Изенгрима и о гнѣвѣ царя. Ренара даже радуется это извѣстіе; онъ внушаетъ зайцу, чтобы онъ сказалъ, что не встрѣчалъ его нигдѣ. Разжирѣвшій Ренаръ рѣшается наконецъ отправиться въ путь. Онъ собираетъ цѣлебныя травы, собираетъ изношенныя подошвы и отправляется ко двору. Неудостоившись отвѣта на свои поклонны, Ренаръ раздражается упреками: будь онъ богатъ, — на него взглянули бы благосклонно, его вѣрноподданническія услуги были бы приняты милостиво; впродъ и онъ не намѣренъ поступать честно. Наконецъ царь обращается къ нему съ вопросомъ и Ренаръ указываетъ на свои заслуги, указываетъ на то, что, когда всѣ бароны поспѣшили къ его двору, онъ одинъ отправился въ Салерно и — вотъ сколько износилъ подошвъ, причемъ онъ перечисляетъ ихъ по латыни (*dinumerat Latio*, v. 174), т. е. по итальянски⁽¹⁾. Ренаръ заявляетъ, что съ нимъ сокровища Гиппократа и что онъ вылѣчитъ его извѣстными зельями, сдѣлавъ настой; но для успешнаго лѣченія требуется еще одна вещь, которую не такъ-то легко добыть. Царь требуетъ, чтобы Ренаръ только заявилъ, что это такое, а онъ ужъ непременно добудетъ эту вещь, гдѣ бы она не находилась или кому бы не принадлежала. Ренаръ сообщаетъ, что нужна шкура волка, которому три съ половиною года; она будетъ способствовать вытягиванію лихорадочнаго жара изъ тѣла; когда минетъ надобность въ ней, ее возвратятъ обладателю. Услышавъ это, волкъ старается скрыться. Всѣ звѣри начинаютъ подтрунивать надъ нимъ, а медвѣдь (Bruno) настойчивѣе другихъ требуетъ выдачи шкуры. Изенгримъ возражаетъ, что за себя онъ не опасается, такъ какъ Ренаръ требуетъ шкуры молодого волка,

(¹) См. объ этомъ J. G g i m m R. F. стр. lxxv.

а онъ уже старъ. Ренаръ считаетъ это заявленіе только пустой отговоркой, такъ какъ въ домѣ серны Изенгримъ увѣрялъ, что ему всего два ⁽¹⁾ съ половиною года, а съ тѣхъ поръ прошелъ всего годъ. Ренаръ призываетъ притомъ въ свидѣтели козла и барана; и оселъ свидѣтельствуешь, что былъ караульнымъ у дверей. Ренаръ снова приглашаетъ Изенгрима выдать шкуру. Наконецъ въ споръ вступается и левъ, который заявляетъ, что вмѣсто того, чтобы кричать на Изенгрима, какъ на вора, ему слѣдуетъ помочь скинуть одежду, такъ какъ онъ стыдится сдѣлать это безъ посторонней помощи. Медвѣдь не считаетъ такую услугу для себя униженіемъ и сдираетъ съ Изенгрима шкуру, остатки которой остаются только на головѣ и лапахъ волка. Ренаръ любитъ багровымъ одѣяніемъ Изенгрима и дѣлаетъ ему упрекъ въ томъ, что онъ не проситъ у царя прощенія за прежнюю проволочку. Изенгримъ протягиваетъ лапы и преклоняетъ голову. Ренаръ и тутъ возмущается, такъ какъ Изенгримъ, съ покрытой головой и въ перчаткахъ, похожъ скорѣе на вызывающаго на бой, чѣмъ на просящаго извиненія. Но царь отклоняетъ предложеніе снять съ волка остатки шкуры и милостиво прощаетъ его. Не удостоивъ никого поклономъ, Изенгримъ удаляется; дни онъ проводитъ въ пещерахъ (*in devexorum concavitate*, v. 506), а ночи на росистыхъ лугахъ. Выпивъ цѣлебный напитокъ, царь, покрытый волчьей шкурой, засыпаетъ; на тѣлѣ его выступаетъ потъ, лихорадка исчезаетъ и, проснувшись, больной самъ требуетъ пищи. Вскорѣ левъ окончательно выздоравливаетъ, устраиваетъ роскошный пиръ и оказываетъ необыкновенныя почести Ренару; послѣдній можетъ даже „безстрашно шататься по слѣдамъ его хвоста“ (v. 519) и попадаетъ въ число царскихъ совѣтниковъ. Царь требуетъ, чтобы Ренаръ, ради развлечения, рассказалъ о приключеніи Изенгрима въ домѣ серны.

Далѣе слѣдуетъ рассказъ Ренара о паломничествѣ серны (см. выше стр. 126).

Сюжетъ о больномъ лѣвѣ пересказывался довольно подробно почти двумя столѣтіями раньше „Изенгрима“ въ

⁽²⁾ Выше стр. 127, въ концѣ вар. Ж, вмѣсто *вкрадшейся ошибки* три. слѣдуетъ читать: *два съ половиною года* (*dimidians lustrum*, v. 688).

Escbasis (см. выше стр. 32) ⁽¹⁾. Поэма эта, написанная т. наз. леонинскимъ гекзаметромъ, состоитъ изъ двухъ разсказовъ, изъ которыхъ одинъ служитъ рамкой для другаго. Разсказъ, служащій рамкой, передаетъ о бѣгствѣ теленка или „выходѣ плѣннаго“, согласно заглавію.

Сорвавшись съ привязи, теленокъ пустился бѣжать въ надеждѣ догнать стадо и присгаться къ матери. Къ несчастію, онъ плутаетъ и встрѣчается въ лѣсу съ волкомъ, который отводитъ его въ свою пещеру съ намѣреніемъ вознаградить себя за продолжительный постъ свѣжимъ мясомъ. Теленокъ молить о пощадѣ, ссылаясь на миръ, оповѣщенный отъ имени короля Генриха. Волкъ откладываетъ казнь до слѣдующаго утра. Являются его слуги, выдра и ежъ, которые приносятъ ему пищу, — рыбу и зелень. Поручивъ присмотръ за теленкомъ выдрѣ, волкъ, подъ звуки цитры и пѣніе ежа, засыпаетъ. Просыпается волкъ подъ впечатлѣніемъ страшнаго сна, которому выдра придаетъ зловѣщее толкованіе, пророча предстоящую гибель. Дѣйствительно, пропажа теленка открыта, собака ведетъ все стадо къ логовищу волка и начинается осада. Волкъ храбрится, ободряетъ своихъ вассаловъ и радуется особенно тому, что въ числѣ осаждающихъ нѣтъ лисы, его злѣйшаго врага. Слуги желаютъ узнать причину его ненависти по отношенію къ лисѣ, и волкъ передаетъ имъ эпизодъ о болѣзни льва. Въ награду за излѣченіе, левъ даровалъ лисѣ грамоту на владѣніе укрѣпленіемъ, отнятымъ у лисы при помощи хитрости волкомъ, мстившимъ за смерть отца; затѣмъ уже оно перешло по наслѣдству къ волку-разскащику. Выслушавъ разсказъ, выдра взбирается на холмъ и замѣчаетъ вдругъ ли-

⁽¹⁾ Впрочемъ къ изданіямъ, приведеннымъ въ ук. м., слѣдуетъ еще присоединить рядъ рецензій, заключающихъ различныя поправки (иногда и полемику): Peiper въ Zs. f. deutsch. Alterth. XX, 87 слл. и Seiler въ ук. м. XXII, 296 слл. Seiler въ Zs. f. deutsche Philologie VIII, 362 слл. и Zacher въ ук. м. стр. 374 сл. Bartsch въ Germania XXII, 97 и его же въ ук. м. XXIII, 254 сл. Рядъ другихъ статей и рецензій остался для насъ недоступнымъ: Rathai въ Zs. f. österr. Gymnasien XXVII, 676. Рецензія [?] Im neuen Reich 1875 № 37. — Grosse въ Wissenschaftl. Monatsblätter 1875 № 7 стр. 102. Heidebreede въ Bielefelder Gymnasial - Progr. 1844. Obbarius въ Arch. f. Phil. u. Pädag. XVII, 286.

су, потрясающую царской грамотой и угрожающую приверженцамъ волка царскимъ гнѣвомъ. Послѣдніе, уstraшенные угрозой, скрываются, а волкъ, вызванный изъ крѣпости лстивыми рѣчами лисы, погибаетъ на рогахъ быка.

Въ эту рамку вставленъ разсказъ о больномъ лвъѣ, разсказъ, представляющій собственно главный интересъ. Любопытны преимущественно разногласія, которыя представляетъ одинъ и тотъ же разсказъ въ „Изенгримѣ“ и въ *Escbasis*. Въ виду довольно подробнаго разбора послѣдней поэмы, представленнаго Я. Г р и м м о м ъ (*Lat. Ged.* стр. 304 сл.), здѣсь достаточно коснуться извѣстныхъ только чертъ, притомъ не съ точки зрѣнія предвзятой индогерманской теоріи.

Левъ страдаетъ болѣзною печени. Всѣ звѣри вызваны ко двору (для уплаты десятины, какъ толкуетъ *Voigt Escbasis* стр. 94) и волкъ, въ качествѣ казначея, слѣдитъ за ихъ появленіемъ. Отсутствующая лиса подвергается опалѣ: кто ее схватитъ тотъ можетъ оторвать ей члены (*membratim membra resolvat*, v. 406). Волкъ придумываетъ чудовищныя пытки и воздвигаетъ высокую висѣлицу. Барсъ, с о ч у в с т в у ю щ і й (*condoluit pardus*, v. 409) лисѣ, предупреждаетъ ее объ опасности. Лиса произноситъ молитву и угощаетъ друга; затѣмъ оба поютъ духовныя пѣсни и отерываютъ другъ другу свою душу (*se excutiunt*, v. 421). Льву лиса говоритъ, что способъ лѣченія сообщенъ ей лысухой (*fulica*), съ которой она встрѣтилась близъ Геннисаретскаго озера. Лысуха совѣтовала ей возвращаться черезъ Римъ и Бордо, гдѣ къ ней присоединится папугай. Близъ Павіи лиса встрѣчается съ аистомъ, который толкуетъ ей о томъ же средствѣ и совѣтуетъ кромѣ того возносить молебны къ св. Апру. Гнѣвъ льва постепенно исчезаетъ и лиса сообщаетъ наконецъ свое цѣлебное средство. Оно состоитъ въ томъ, что медвѣдь и рыси должны содрать съ волка ш к у р у, тогда какъ она, лиса, натретъ поясницу, бока и пахъ больного мозгомъ рыбы, привезенной изъ Индіи; шкурой волка она закутаетъ царя и лихорадочный жаръ исчезнетъ. Усѣвшись у постели больного, лиса укоряетъ затѣмъ всѣхъ звѣрей, что они поспѣшили обвинить ее и обошли даже обычай т р о е к р а т н а г о п р е д в а р и т е л ь н а г о в ы з о в а виновнаго. Царь дѣлаетъ лису первымъ сановникомъ, маіоръ-домомъ (*domus comes*, v. 565), предъ властью котораго всѣ преклоняются. Лиса назначаетъ дворецкимъ леопарда, которому

поручаетъ избрать достойныхъ на различныя придворныя должности. Далѣе слѣдуетъ подробное описаніе распредѣленія различныхъ должностей между звѣрями, ссоры послѣднихъ между собой, описаніе пира, вѣнчанія на царство барса благодаря проискамъ лисы, описывается пѣніе дрозда и соловья, распѣвающихъ духовныя пѣсни, появленіе попу-гая и лебедя, которые вмѣстѣ съ прежними пѣвцами состав-ляютъ квартетъ, говорится о дарованіи царской грамоты ли-сѣ на владѣніе укрѣпленіемъ и о разѣздѣ всѣхъ гостей.

При сравненіи „Изенгрима“ и Esbasis тотчасъ бро-сается въ глаза, что зерно обѣихъ поэмъ составляетъ раз-сказъ о больномъ львѣ, рассказъ, развившійся изъ басни Эзо-па о „Львѣ, Волкѣ и Лисицѣ“ (см. выше стр. 31). Но въ обѣихъ поэмахъ является уже цѣлый рядъ новыхъ чертъ. Въ басни Эзопа злополучный волкъ погибаетъ, въ Esbasis онъ тоже погибнетъ отъ послѣдствій жестокой операціи, но передъ смертью къ нему являются еще всѣ звѣри и въ кон-цѣ концовъ лиса, которые издѣваются надъ несчастнымъ. Послѣдняя черта развита очевидно изъ замѣчанія лисы въ ба-сни Эзопа: „Лисица, с м ѣ ю ч и с ѣ , сказала: п о д ѣ л о м ѣ“...

Въ „Изенгримѣ“ и многихъ позднѣйшихъ поэмахъ волкъ не погибаетъ. Почему? — кажется, весьма естественно;—чтобъ имѣть возможность развивать рассказъ дальше, заста-вить участвовать волка въ другихъ приключеніяхъ.

Въ Esbasis нѣтъ собственныхъ именъ звѣрей, что Я. Г р и м м ѣ (Lat. Ged. стр. 307) считаетъ весьма „печальнымъ“ обстоятельствомъ, такъ какъ нельзя, понятно, толковать объ исконномъ существованіи собственныхъ именъ главныхъ ге-роевъ „нѣмецкой животной саги“. Напротивъ, вмѣсто мни-мого царя звѣрей, — медвѣдя, выступаетъ настоящій царь звѣрей, — левъ. Мало того появляется цѣлый рядъ заморскихъ звѣрей въ родѣ леопарда, барса, слона, попугая и т. п. Какъ примирить появленіе этихъ заморскихъ звѣрей съ тео-ріей о „нѣмецкой животной сагѣ“? Очень просто. По мнѣ-нію Я. Г р и м м а (тамъ же стр. 310) всѣ эти звѣри не болѣе какъ позднѣйшая замѣна извѣстныхъ туземныхъ звѣ-рей, „какъ нѣмецкій медвѣдь превратился въ льва“. На са-момъ же дѣлѣ все объясняется проще. Автору, который вра-щается только въ сферѣ Св. Писанія, Горація и др. древ-нихъ писателей (J. G r i m m тамъ же стр. 313 слл. Voigt Esb. стр. 27 слл.), могъ почерпнуть свой сюжетъ только

изъ книгъ; слѣдовательно изъ книгъ же перешли въ его поэму и заморскіе звѣри. Впослѣдствіи, когда сюжетъ этотъ сталъ приближаться болѣе къ народной средѣ, т. е. когда авторы стали болѣе удовлетворять народному вкусу, что обуславливалось и ихъ собственнымъ положеніемъ, то всѣ эти заморскіе звѣри стали замѣщаться туземными. Произошло то прилаживаніе литературныхъ сюжетовъ къ народнымъ воззрѣніямъ, которое обнаруживается въ цѣломъ рядѣ „народныхъ“ сказокъ.

Черта о подтруниваніи надъ волкомъ развита въ „Изен-гримѣ“ подробнѣе, чѣмъ въ Esbasis. И сцена, изображающая отказъ, точнѣе, естественный страхъ волка выдать свою шкуру, представляется болѣе сложной.

Къ лѣченію волчьей шкурой, согласно басни Эзопа, въ обѣихъ поэмахъ присоединяются и другія средства: въ „Изен-гримѣ“ — это зелья, въ Esbasis — мозгъ индѣйской рыбы; впрочемъ и въ первой поэмѣ какъ на цѣлебное средство указывается на печень козла и барана. Эти черты основаны на извѣстномъ повѣріи, существовавшемъ уже въ Индіи: кто съѣдалъ извѣстную „благородную часть“ тѣла какого нибудь животнаго, тотъ непременно выздоравливалъ отъ разныхъ недуговъ или достигалъ необыкновеннаго счастья, или добивался почестей и богатства и т. п. Такъ, въ Панчатантрѣ (Benfey Pantsch. II. 286) супруга крокодила желаетъ съѣсть сердце обезьяны, чтобъ избавиться „отъ старости и смерти“. Вообще въ качествѣ цѣлебныхъ средствъ отъ разныхъ болѣзней очень часто упоминается сердце (Benfey Pantsch. I, 214¹. 424. 426. Liebrecht Z. Volksk. стр. 122), иногда въ связи съ другими снадобьями (Jagie въ Arch. f. slav. Philol. II, 636), печень (Benfey ук. соч. I, 214¹. Gonzenbach Sicil. Märch. II, 181), мозгъ (Benfey ук. соч. I, 248) и т. п. Очень можетъ быть, что черта эта, какъ „обще-человѣческая“, по выраженію Бенфея (ук. соч. I, 426), какъ въ латинскихъ поэмахъ, такъ и въ Панчатантрѣ существуетъ вполне независимо; тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ упускать изъ виду господство разныхъ лѣчебниковъ, травниковъ и т. п. въ средніе вѣка; а лѣчебники эти составлялись преимущественно на основаніи медицинскихъ свѣдѣній, выработывавшихся на востокѣ. Кромѣ того, необходимо обратить вниманіе и на то, что лиса сама указываетъ на

рыбу, добытую въ Индіи, вообще, что цѣлебныя средства приносятся изъ дальнихъ странъ⁽¹⁾.

Пока можно ограничиться сдѣланными замѣчаніями, такъ какъ для дальнѣйшихъ замѣтокъ необходимо предварительно ознакомиться съ другими обработками рассказовъ о Ренарѣ.

Слѣдующая за „Изенгримомъ“ поэма, Reinardus, не ограничивается уже двумя рассказами, а цѣлымъ рядомъ приключеній, группирующихся, согласно изданію Моне, въ четырехъ книгахъ. Первая книга состоитъ изъ 3 приключеній, вторая изъ одного рассказа, третья изъ 6 приключеній и четвертая изъ 5. Въ дѣйствительности этихъ приключеній меньше.

Два рассказа „Изенгрима“ удержались и въ „Рейнардѣ“: частью они перешли въ послѣднюю поэму цѣликомъ, частью въ сокращенномъ видѣ, частью съ присоединеніемъ значительныхъ дополненій. Оба рассказа, связанные еще между собой подобной же нитью, какъ въ „Изенгримѣ“, начинаются извѣстнымъ введеніемъ, распадающимся на три эпизода.

Первый эпизодъ (I, vv. 1—530) прямо начинается со встрѣчи Изенгрима съ Ренаромъ въ лѣсу. Изенгримъ отправляется въ лѣсъ на поиски за пищей для себя и своихъ дѣтей и вдругъ замѣчаетъ Ренара, прежде чѣмъ послѣдній примѣчаетъ его. Спасаться бѣгствомъ — уже поздно. Ренаръ поэтому раскланивается съ дядей Изенгримомъ и желаетъ ему удачнаго улова. Изенгримъ возражаетъ, что самъ Ренаръ послужитъ ему пищей и что онъ приготовилъ для него гостинницу въ своемъ животѣ. Ренаръ уклоняется, ссылаясь на узы родства и т. п., пока не за-

⁽¹⁾ О цѣлебныхъ свойствахъ шкуры различныхъ звѣрей см. м. пр. J. Grimm Deutsche Mythol. II⁴. 980. Liebrecht Z. Volksk. стр. 348. J. K [ošin] z Radostova Národní pohádky I [1872] 259. Столь же распространено повѣріе, приписывающее съѣденію сердца, печени и т. п. различныя чудесныя свойства. Чтобъ сдѣлаться отважнымъ, — достаточно съѣсть сердце медвѣдя или волка (Russwurm Nordische Sagen [1842] стр. 95. 136. 326. 345); чтобъ сдѣлаться умнымъ, — остается только съѣсть сердце совы (Simrock Volksbücher I, 20) или различныхъ животныхъ (Knortz Märch. u. Sagen d. nordamerik. Indianer стр. 228). Въ „Ренарѣ“ герой воображаетъ, что ему достаточно съѣсть стрекозу и онъ тотчасъ будетъ знать всѣ ея пѣсни (Ren. v. 8047 сл.).

мѣчаетъ, къ счастью, поселянина, идущаго дорогою. Поселянинъ несетъ окорокъ на плечахъ. Ренаръ беретъ добыть его при помощи хитрости. Онъ прикидывается хромымъ, а поселянинъ, желая его поймать, кладетъ окорокъ на землю и начинаетъ преслѣдовать Ренара; въ концѣ концовъ поселянинъ обманутъ. Между тѣмъ Изенгримъ пожиратъ весь окорокъ даже съ костями и оставляетъ только ивовую перекладину, на которой подвѣшенъ былъ окорокъ, когда онъ коптился. Ренаръ рѣшается при случаѣ отомстить Изенгриму.

Эпизодъ о похищеніи окорока, эпизодъ, который во всемъ рассказѣ только и заслуживаетъ вниманія, встрѣчается и въ романѣ о Ренарѣ (Ren. vv. 7611 [resp. 7807]—7970).

Ренаръ видитъ сонъ. Снится ему, что онъ одинъ близь лѣса, грезится ему, что на немъ красная власяница (*fustaingne*, v. 7620), мѣстами продыравленная и обрамленная вокругъ шеи бѣлой каймой; эта кайма такъ сильно сдавливаетъ его шею, что грозитъ задушить его. Жена Ренара (*Hermeline*) считаетъ весь сонъ зловѣщимъ: бѣлая кайма—это рядъ зубовъ, которые грозятъ ему гибелью. Какъ лучшее отворотное средство (*chagme*, v. 7650) отъ всѣхъ золъ, она совѣтуетъ Ренару слѣдующее: когда онъ станетъ выходить изъ двери, изъ рва или изъ ямы, онъ непременно долженъ перекрестить порогъ три раза правой ногой; тогда ему нечего опасаться бѣдъ. Далѣе (vv. 7668—7690) слѣдуетъ рассказъ, какъ Ренаръ перехитряетъ ворону (ср. выше стр. 41 сл.). Едва Ренаръ успѣваетъ позавтракать и выкупаться, какъ вдругъ видитъ передъ собой свирѣпаго Изенгрима. Послѣдній взводитъ на него тяжкія обвиненія въ пошломъ обращеніи съ волчатами и въ преступной связи съ его супругой. Изенгримъ обѣщаетъ ввергнуть Ренара въ такой замокъ (*Si te metrai en tel chastel*, v. 7723), что ему будетъ не до козней. Ренаръ проситъ пощады, но Изенгримъ грозитъ его приютить въ своемъ желудкѣ (*Dedenz mon ventre te metrai*, v. 7742), бросается на него и терзаетъ его съ такимъ ожесточеніемъ, что Ренару остается, повидимому, только умереть. Но Изенгрима беретъ наконецъ жалость и Ренаръ мало по малу приходитъ въ себя. Вскорѣ Ренаръ настолько оправляется, что пускается обманывать виллана, несущаго окорокъ. Въмѣсто трети окорока, которую выговариваетъ

себѣ Ренаръ, Изенгримъ предлагаетъ ему ивовый пруть, на которомъ висѣлъ окорокъ.

При сравненіи обоихъ разсказовъ немедленно обнаруживается зависимость разсказа въ романѣ о Ренарѣ отъ разсказа въ „Рейнардѣ“. Сохранились даже одни и тѣ же обороты, какъ, напр., угроза Изенгрима дать Ренару приютъ въ желудкѣ. Если разсматривать и начало разсказа въ „Ренарѣ“, какъ принадлежность эпизода о похищеніи окорока, то необходимо разсматривать это начало какъ введеніе, въ которомъ выводится главный герой, — Ренаръ. Въ „Рейнардѣ“ дѣйствительно разсказъ начинается ex abrupto и тоже предполагаетъ какъ бы введеніе, можетъ быть, утраченное. Помимо этого отступленія въ „Ренарѣ“ встрѣчается и другое: волкъ не довольствуется одной угрозой, а отчасти приводитъ ее въ исполненіе. Эпизодъ о поимкѣ вороны чисто вставочный, стоящій внѣ связи съ разсказомъ; все же остальное совершенно совпадаетъ съ „Рейнардомъ“, причемъ крайняя растянутость послѣдняго весьма удачно сокращена.

Тотъ же эпизодъ существуетъ и въ „Рейнгартѣ“ (Reinh. v. 385—498). Голодный Рейнгартъ встрѣчаетъ голоднаго же Изенгрима и предлагаетъ себя въ товарищи (zuo gesellen, v. 396). Изенгримъ совѣтуется съ женой и принимаетъ его въ кумовья, поручаетъ его попеченіямъ и честности свою жену и удаляется. Рейнгартъ признается женѣ Изенгрима въ любви, но получаетъ отказъ, вызванный въпрочемъ не столько нравственными побужденіями, сколько иными соображеніями (Wold aber ich deheines gern, Sô wærest dû mir doch ze swach, v. 432 сл.). Является Изенгримъ и жалуется на несносный голодъ и на то зло, что у каждаго пастуха своя собака. Рейнгартъ замѣчаетъ вдругъ поселянина, несущаго окорокъ, и добываетъ послѣдній при помощи известной уже хитрости и съ тѣми же подробностями какъ въ „Ренарѣ“.

На основаніи всѣхъ этихъ варіантовъ, ясно обличающихъ взаимное родство, нельзя не вывести заключеніе, что всѣ они представляютъ лишь легкое видоизмѣненіе известнаго мотива о дроздѣ-кормильцѣ (см. выше стр. 152 сл.). Видоизмѣненіе состоитъ въ томъ, что вмѣсто птицы-благодѣтельницы на сцену выступаетъ Ренаръ. Замѣна эта обусловливалась тѣмъ, что въ данномъ эпизодѣ подобная роль хитреца только и могла быть приписана Ренару. Но всѣ эти варіанты сохранили только незначительный отрывокъ мо-

тива о дроздѣ-кормилицѣ, именно первую его часть — добычаніе пищи. Этотъ мотивъ и развитъ въ самостоятельный рассказъ; всѣ же остальные мотивы исчезли. Что дѣйствительно данный рассказъ является только звеномъ мотива о дроздѣ-кормилицѣ, — необходимо еще заключить на основаніи слѣдующаго соображенія. Уничтоживъ съ женой весь окорокъ, Изенгримъ, какъ передается въ „Рейнгартъ“, вдругъ восклицаетъ: „Мнѣ очень пить хочется (Mich dürst sêre, v. 499)!“ И Рейнгартъ немедленно обращается къ нему съ предложеніемъ: „Не хотите ли Вы вина (wollet ir trinken wîn? v. 500)?“ и тотчасъ ведетъ его въ монастырскій погребъ (ср. выше стр. 148). Послѣдняя черта является уже замѣной рассказа о томъ, какъ, напр., воробей, напоилъ собаку. Такимъ образомъ тождественности сопоставляемыхъ рассказовъ не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію.

Въ „Ренарѣ“ (R e n. vv. 241 — 336) встрѣчается эпизодъ, гдѣ тоже говорится о похищеніи окороковъ, но тутъ цѣль достигается при помощи инаго средства, которое на языкѣ юристовъ называется „воровствомъ со взломомъ“: Ренаръ разбираетъ крышу и уноситъ у Изенгрима три окорока. Слѣдующій затѣмъ второй эпизодъ въ „Рейнардѣ“ касается рыбной ловли, рассмотрѣнной выше (стр. 71 и др.).

Третій эпизодъ „Рейнарда“ передаетъ рассказъ о волкѣ-землемѣрѣ (см. выше стр. 143 [вар. В]).

Далѣе слѣдуетъ четвертый эпизодъ (R e i- n a r d. II, vv. 1—1200), развивающійся извѣстный уже сюжетъ „Изенгрима“ о болѣномъ львѣ. Рассказъ этотъ разросся въ „Рейнардѣ“ почти въ трое. Всѣ существенныя черты остались почти безъ всякаго видоизмѣненія и присоединились только различныя подробности, которыя отмѣчены Я. Г р и м- м о м ъ (R. F. стр. lxxij сл.). Царь левъ (Rufanus) изъявляетъ желаніе узнать причину вражды между Ренаромъ и Изенгримомъ. Медвѣдь изложилъ эту исторію стихами, которые поручено прочесть кабану. Т. обр. слѣдующія приключенія составляютъ предметъ чтенія при дворѣ.

Пятый эпизодъ „Рейнарда“ (первый чтенія) описываетъ приключенія звѣрей-странниковъ (см. выше стр. 127. 132).

Шестой эпизодъ посвященъ рассказу о похищеніи пѣтуха (см. выше стр. 95 сл.).

Седьмой эпизодъ (*Reinard. III, vv. 1361—2191*), распадающійся у Моне на три отдѣльныя авантюры (*fab. 3. 4. 5*), рассказываетъ о временномъ посвященіи Изенгрима въ монахи.

Ренаръ встрѣчается въ лѣсу съ монастырскимъ поваромъ. Такъ какъ Ренаръ часто спасалъ его овецъ отъ Изенгрима, то поваръ даритъ ему цѣлое блюдо съ пирожками (*artocreis, v. 1377*). Ренаръ принимается ихъ уничтожать, но берегаетъ 8 штукъ и проситъ повара выбрить ему на головѣ тонзуру, собираясь провести Изенгрима. Вскорѣ является Изенгримъ. Ренаръ указываетъ ему на свою тонзуру, заявляетъ, что постригся въ монахи, предлагаетъ ему отвѣдать пирожокъ и заявляетъ, что въ монастырѣ всегда пища вдоволь. Изенгримъ немедленно готовъ сдѣлаться монахомъ. Съ огромной тонзурой, выбритой ему Ренаромъ, т. е. съ почти обритой головой, отправляется онъ въ монастырь, тогда какъ Ренаръ отправляется въ жилище Изенгрима. Тутъ онъ поноситъ волчатъ, вообще обращается съ ними самымъ пошлымъ образомъ (*tunc sua crura levans etc., v. 1783*) и, когда явившаяся волчица бросается за нимъ въ погоню, онъ заманиваетъ ее въ узкій проходъ своего логовища, гдѣ она завязаетъ. Ренаръ пользуется этимъ и безчеститъ ее. Между тѣмъ Изенгримъ выказываетъ себя въ монастырѣ неучемъ и круглымъ невѣждой: когда ему во время богослуженія даютъ знакъ начать пѣніе, онъ не понимаетъ его и проситъ объяснить все на словахъ; когда же онъ начинаетъ пѣть, всѣ его узнаютъ по голосу. Заключенный аббатомъ въ погребъ, онъ вытаскиваетъ бутылки изъ бочекъ и выпускаетъ вино. Издѣваясь надъ Изенгримомъ, монахи рѣшаются приступить къ посвященію его въ монахи, т. е. немилосердно бьютъ его дубинами, награждаютъ его митрой, т. е. разбиваютъ огромную бутылъ на его головѣ, и выгоняютъ. Избитый Изенгримъ опомнился только близъ своего дома. Здѣсь увидѣлъ онъ свою жену, которую поспѣшилъ освободить изъ тѣснины, и, узнавъ проступки Ренара, рѣшается ему жестоко мстить.

Этимъ заканчивается чтеніе поэмы медвѣдя при дворѣ.

О постриженіи волка въ монахи рассказывается и въ романѣ о Ренарѣ; но въ немъ удерживаются только самыя общія черты; все остальное приложено къ двумъ эпизодамъ,

между которыми вставленъ рассказъ о постриженіи (см. выше стр. 90).

Въ „Рейнгартѣ“ этотъ же эпизодъ (Reinh. vv. 635—726), уцѣлѣвшій между прочимъ и въ оригиналѣ, изданномъ Я. Г р и м м о мъ (Sendschreiben стр. 34 слл.), передается, понятно, согласно франц. источнику.

Голодный Изенгримъ приближается къ жилищу Рейнгарта и слышитъ уже издали запахъ поджариваемыхъ угрей. Изенгримъ стучится въ дверь и на свои допросы получаетъ въ отвѣтъ, что онъ, Рейнгартъ, постригся въ монахи, избѣгая ненависти Изенгрима. Послѣдній обѣщается простить его и готовъ съ нимъ снова подружиться. Рейнгартъ предлагаетъ ему кусокъ жареннаго угря. Изенгримъ изъявляетъ желаніе быть поваромъ. Рейнгартъ совѣтуетъ ему постричься и обвариваетъ его голову кипяткомъ.

Далѣе, какъ и въ „Ренарѣ“, слѣдуетъ эпизодъ о рыбной ловлѣ.

Черта о поруганіи волчатъ и о безчестіи, которому подвергается жена Изенгрима, встрѣчается и въ другихъ литературныхъ обработкахъ, но обыкновенно въ другомъ сочетаніи мотивовъ. Похожденія волчицы пользовались повидимому особенной популярностью, такъ какъ пересказамъ ихъ на всевозможные лады почти нѣтъ конца.

Въ романѣ о Ренарѣ похожденія Ренара съ женой Изенгрима считаются причиной вражды между обоими главными героями (Qar par se comença la poise..., v. 350). И дѣйствительно, въ длинномъ процессѣ, который супругъ волчицы ведетъ противъ Ренара, Изенгримъ постоянно обвиняетъ послѣдняго въ преступной связи съ его женой (Ren. 8314 — 44. 9678—86. 13929—34. 14265—312 и мн. др. Reinh. vv. 73. 95—97. Reinke vv. 45. 67 сл.); то приходится слышать объ этой связи (Ren. vv. 29650—659. Reinh. vv. 234—246. Reinke vv. 227—246. 1094—1106. Reinh. vv. 563—634), то о ней толкуетъ Ренаръ (Ren. vv. 11401—404. Rein. vv. 1665. 1988—90. Reinke vv. 1583—87. 1925—28). Ренаръ не только ухаживаетъ за женой Изенгрима (Reinh. 407—439), но называетъ ее своей подругой (Ren. vv. 2854), является даже ея счастливымъ любовникомъ и ласки его не только милы волчицѣ (Ren. vv. 23030—42; ср. 29561—62. Cabaille Suppl. стр. 262 слл.), но послѣдняя сама пламенно любить своего обожателя (Ren.

vv. 25745—46. 25809. 25874). Впрочемъ эти мирныя отношенія играютъ сравнительно второстепенную роль; обыкновенно же все вниманіе сосредоточивается на извѣстной сценѣ въ ущельѣ, гдѣ Ренаръ прибѣгаетъ къ насилию по отношенію къ женѣ Изенгрима (Ren. vv. 337—748. Rein h. vv. 1154—1238. Reink e vv. 1121—64), въ чемъ послѣдняя сама иногда сознается (Ren. vv. 8294—8311. 12865—66); иногда эта сцена приурочивается къ рыбной ловлѣ (Ren. vv. 6288—94. Reink e vv. 5649—51; ср. выше стр. 74).

Коснувшись этой черты, слѣдуетъ упомянуть, что въ одной русской сказкѣ (Русск. завѣтн. сказки № 1: Лиса и Заяць) передается почти со всѣми подробностями та же сцена. Въ роли Ренара выступаетъ заяць, а мѣсто волчицы заступаетъ лиса. Заяць освѣдомляется у лисинята—дома ли ихъ мать? и, получивъ отрицательный отвѣтъ, выражаетъ нескромное желаніе и убѣгаетъ. Лиса почему-то увѣрена, что онъ вернется, притаивается и, когда онъ вскорѣ дѣйствительно появляется,—пускается за нимъ въ погоню. Ущелье замѣняется двумя сросшимися березами; вѣроятно лисѣ трудно было ихъ обѣжать и поэтому она попадаетъ въ просакъ. Затѣмъ заяць валяется въ угольной ямѣ и „сдѣлался настоящій чернецъ“; лиса его не узнаетъ, спрашиваетъ о зайцѣ, которому желаетъ отомстить, и, получивъ нескромный отвѣтъ,—скрывается.

Вся эта сказка повидимому не болѣе какъ искаженный и передѣланный эпизодъ изъ Ренара. Отношенія зайца къ лисинятамъ представляетъ лишь изгладившійся эпизодъ объ отношеніи Ренара къ волчатамъ или зайца къ медвѣжатамъ (см. выше стр. 119). Черта же о томъ, какъ заяць катается въ сажѣ, чтобы быть похожимъ на чернеца отвѣчаетъ эпизоду въ романѣ о Ренарѣ, гдѣ Ренаръ натирается какой-то волшебной травой (une herbe . . . precieuse et chiere, Ren. v. 29993) и становится вслѣдствіе этого чернымъ и неузнаваемымъ. Черта объ окрашиваніи въ черную краску является въ свою очередь подражаніемъ Ренару, окрашенному въ желтую краску (см. выше стр. 86).

Такимъ образомъ черта о донжуанствѣ Ренара представляется въ позднѣйшихъ поэмахъ только дальнѣйшимъ развитіемъ сюжета, встрѣчавшагося въ „Рейнардѣ“.

Тоже слѣдуетъ замѣтить и относительно эпизода о поруганіи волчатъ, сущесвующаго въ романѣ о Ренарѣ (Rein vv. 8557—66. 12862—64 и выше стр. 119) и въ его подражаніяхъ (Rein. vv. 74—77. Reinke vv. 46—49. 1107—1120).

Такъ какъ эпизодъ о походе Ренара и жены Изенгрима являются въ „Рейнардѣ“ только случайной вставкой въ рассказъ о постриженіи Изенгрима въ мнимые монахи и о поступленіи его въ монастырь, то все это приключеніе можно разсматривать какъ самостоятельный рассказъ. Тогда вставочный эпизодъ будетъ восьмымъ, а слѣдующій за нимъ эпизодъ окажется девятымъ.

Девятый эпизодъ передаетъ извѣстное приключеніе волка съ кобылой (см. выше стр. 144 [вар. С] и др.).

Десятый эпизодъ рассказываетъ о прыжкѣ барана въ пасть волка (см. выше стр. 143 [вар. M]).

Одиннадцатый эпизодъ (Reinard. IV vv. 133—294) посвященъ рассказу о дѣлѣ жѣ добычи.

Послѣ злополучнаго столкновенія съ бараномъ волкъ снова оправился, но Ренаръ готовитъ ему новыя козни. Ренаръ встрѣчается съ голоднымъ львомъ и предлагаетъ ему отправиться къ Изенгриму, который давно уже ждетъ случая принять у себя столь дорогаго гостя. Они являются къ Изенгриму, который въ большомъ смущеніи, такъ какъ у него нѣтъ никакихъ запасовъ. Рѣшено отправиться на охоту. Въ лѣсу имъ попадается теленокъ, который тотчасъ схваченъ и умерщвленъ. Левъ поручаетъ Изенгриму раздѣлить добычу. Изенгримъ дѣлитъ ее на три равныя части и увѣряетъ царя, что онъ раздѣлилъ отлично. Царь допытывается: кому онъ предназначаетъ каждую изъ трехъ частей? и Изенгримъ называетъ царя, себя и Ренара. Разгнѣванный левъ срываетъ, отъ головы до хвоста, цѣлую полосу со спины волка. Когда затѣмъ Ренару предложено дѣлить добычу, онъ распредѣляетъ ее на три неравныя части: самую крупную долю онъ предназначетъ льву, какъ сильнѣйшему; вторую часть, по меньше, онъ предназначаетъ львицѣ, а третью—львятамъ; ногу теленка, которую онъ откладываетъ въ сторону, Ренаръ предназначаетъ себѣ, но царь можетъ присоединить ее и къ своей долѣ. Левъ милостиво уступаетъ ему ногу, спрашиваетъ: „кто научилъ

тебя такъ дѣлать (v. 285)?“ и получаетъ въ отвѣтъ: „меня научилъ . . . мой дядя тамъ“ (v. 288).

Въ романѣ о Ренарѣ (R en. vv. 5575—6360) этотъ же эпизодъ рассказывается съ значительными прикрасами, которыя съ основнымъ сюжетомъ не имѣютъ ничего общаго.

Голодный Ренаръ встрѣчаетъ въ лѣсу царя (Noble) и Изенгрима. Ренаръ привѣтствуетъ царя и на вопросъ послѣдняго сообщаетъ, что пустился на поиски за добычей для своей жены (*qui est ençainte*, v. 5605). Левъ предлагаетъ ему присоединиться къ нимъ, но Ренаръ указываетъ на непримиримую вражду къ нему Изенгрима, который подозрѣваетъ его въ преступной связи съ его женой (*De sa fame m'a mescréu*, v. 5639). Царь повелѣваетъ обоимъ баронамъ, Изенгриму и Ренару, немедленно помириться и примиреніе они должны закрѣпить поцѣлуемъ. По заключеніи мира, который выѣденнаго яйца не стоитъ (*Ne donroie pas une grune en cele pès . . .*, v. 5698), царь поручаетъ Ренару указать имъ, гдѣ можно рассчитывать на поживу. Ренаръ ведетъ ихъ къ извѣстному ему лугу, на которомъ пасутся быкъ и корова съ теляткою. Голодный Изенгримъ уже заранѣе приходитъ въ восторгъ и совѣтуетъ царю послать на развѣдки Ренара, — нѣтъ ли собакъ или пастуховъ. По приказу царя, Ренаръ отправляется и застаётъ подъ вязомъ спящаго пастуха. Взобравшись на дерево, Ренаръ достигаетъ того, что вынуждаетъ пастуха бѣжать къ водѣ умываться, неожиданно сталкиваетъ его въ воду и топить. Едва онъ справился съ villainomъ, какъ на встрѣчу ему попадаютъ уже его союзники. Царь сильно разгнѣванъ за проволочку, но Ренару вскорѣ удастся смягчить его гнѣвъ рассказомъ о случившемся. Левъ хвалитъ Ренара и приказываетъ Изенгриму приступить предварительно къ дѣлежу добычи. Изенгримъ назначаетъ быка льву, корову — львицѣ, а теленка — себѣ; что же касается „этого рыжаго малаго“ (*cil garz rous*, v. 6088), то онъ можетъ „поискать себѣ пищи въ другомъ мѣстѣ“. Левъ недоволенъ дѣлежомъ, потрясаетъ головой и даетъ Изенгриму такую пощечину своей лапой, что срываетъ ему всю щеку. Очередь дѣлить добычу за Ренаромъ. Онъ предлагаетъ, чтобы царь взялъ себѣ, сколько пожелаетъ и далъ имъ, что ему будетъ угодно. Такъ какъ левъ все-таки настаиваетъ на дѣлежѣ, то Ренаръ присуждаетъ быка льву, корову — львицѣ, а теленка — лвенку; что же касается „меня

и этого виллана“, то „мы пойдемъ охотиться въ другое мѣсто“ (v. 6142). Левъ милостиво разрѣшаетъ Ренару охотиться въ лѣсу и удаляется. Ренаръ выказываетъ притворное сочувствіе къ Изенгриму и толкуетъ о мести. Изенгримъ въ злобѣ на Ренара, но, нуждаясь въ его совѣтахъ, проситъ помочь ему отомстить льву. Ренаръ даетъ обѣщаніе, но откладываетъ дѣло до болѣе удобнаго случая, и бароны расстаются.

Безъ всякихъ видоизмѣненій существенныхъ чертъ передается этотъ же рассказъ о дѣлежѣ добычи въ весьма короткомъ отрывкѣ (Chabaille Suppl. стр. 107—109), относительно котораго, какъ замѣтилъ уже Роте (Les romans du Renart стр. 149), трудно опредѣлить — является ли онъ пересказомъ содержанія предыдущаго эпизода или оригиналомъ. Вѣроятнѣе первая догадка, хотя и выброшено все приключеніе съ вилланомъ, которое Гюнкблутъ (Étude стр. 343) считаетъ отличительнымъ признакомъ манеры автора изложенной бранши.

Въ „Рейнартѣ“ (Rein. vv. 6043—6143), а за нимъ въ „Рейнке“ (Reinke vv. 5393—5520), этотъ же сюжетъ подвергся значительнымъ передѣлкамъ сравнительно съ краткимъ рассказомъ „Рейнарда“.

Тутъ Рейнартъ вмѣстѣ съ Изенгримомъ загрызаютъ свинью и голодный левъ, появляющійся въ сопровожденіи голодной же супруги, проситъ подѣлиться добычей. Изенгримъ ворчитъ, но долженъ дѣлить „и раздѣлилъ, какъ онъ привыкъ [дѣлить]“ (Rein. v. 6071): одну четверть онъ даетъ льву, другую — львицѣ, половину оставляетъ себѣ, а ухо, „ноздрю“ и „половину легкихъ“ уступаетъ Рейнарту. Левъ въ мигъ (eer men eens credo had gheseit, Rein. v. 6082) уничтожаетъ свою долю и, замѣтивъ со стороны Изенгрима нежеланіе уступить еще частицу, срываетъ съ головы его шкуру; въ случаѣ новой добычи левъ приказываетъ ее дѣлить осмотрительнѣе. Ренаръ вызывается отправиться съ Изенгримомъ на охоту; вскорѣ они являются съ пойманнымъ теленкомъ. Дѣлитъ Рейнартъ. Одну половину онъ присуждаетъ льву, другую львицѣ, а внутренности, печень, кишки и легкія („сердце, печень и легкія“, по Reinke v. 5464)—львятамъ; Изенгриму онъ назначаетъ голову, а себѣ ноги.

Сравнивая всѣ эти варианты, нельзя не замѣтить, что въ позднѣйшихъ поэмахъ обнаруживается стремленіе расширить основной сюжетъ, впрочемъ очень часто далеко не-

удачно. Сравнительно самым простымъ является рассказъ въ „Рейнардѣ“. Въ „Ренарѣ“ являются уже преувеличенія. Добыча раздѣляемая въ „Рейнардѣ“ на три неравныя части превращается въ „Ренарѣ“, — соответственно величинѣ каждой части, — въ быка, корову и теленка. Кромѣ того описывается совершенно неумѣстно длинное приключеніе Ренара съ па-стухомъ, приключеніе, которое не даромъ кажется Изенгри-му невѣроятнымъ (R e n. v. 6028).

Новой ступеню на пути осложненій и накопленія мо-тивовъ является „Рейнартъ“ (и „Рейнке“). Тутъ одной добы-чи оказывается мало, — понадобился дубликатъ и вслѣдствіе этого новой добычей является теленокъ. И самый дѣлежъ разрисовывается не въ мѣру: чуть-ли не каждая частица подвергается дѣлежу; тутъ и сердце и ноздри, ноги и уши и т. п. Всѣ эти умноженія — извѣстный уже признакъ позд-нѣйшихъ редакцій.

Основой всѣхъ этихъ версій, въ томъ числѣ и „Рейнар-да“, является безъ всякаго сомнѣнія басня Эзопа: „Левъ, Оселъ и Лисица“ (H a l m № 260. М а р т ы н о в ъ № 38). Здѣсь первый дѣлежъ возложенъ на представителя глупо-сти, — осла, который удерживается и во многихъ другихъ басняхъ (W a l d i s I, 73 и прим.). Въ западныхъ версіяхъ мѣсто осла заступилъ волкъ, согласно характеру поэмъ, въ которыхъ волку приписывается роль такого же глупца. Впрочемъ какъ значительно могутъ уклоняться отъ ориги-нала различные передѣлки, можно судить, напр., по одной эстонской сказкѣ (J. G r i m m R. F. стр. cclxxxv № 3), гдѣ медвѣдь зоветъ въ гости волка и лису и дѣлитъ между ни-ми мясо. Медвѣдь и волкъ быстро съѣдаютъ свою долю и отнимаютъ долю лисы. Затѣмъ приглашаетъ въ гости волкъ и происходитъ тоже самое. Наконецъ приглашаетъ лиса и мститъ имъ. И басня Х е м н и ц е р а „Дѣлежъ львиный“ — не болѣе какъ оригинальная версія того же сюжета.

Д в ѣ н а д ц а т ы й э п и з о д ъ „Рейнарда“ (R e i- n a r d. IV, vv. 295 — 550) заключаетъ въ себѣ описаніе ложной клятвы Изенгрима.

Ренаръ совѣтуетъ Изенгриму прекратить всѣ сношенія со львомъ и обратиться лучше съ требованіемъ къ ослу (Carcophas), чтобы онъ уплатилъ отцовскій долгъ; а отецъ Каркофаса задолжалъ отцу Изенгрима свою шкуру; въ ка-чествѣ наслѣдника онъ долженъ исполнить требованіе. Ре-

наръ берется вести дѣло Изенгрима, но самъ научаетъ осла, какъ дѣйствовать. Осель согласенъ удовлетворить требованію Изенгрима, если послѣдній представитъ свидѣтелей или рѣшится дать клятву. Изенгримъ долженъ возложить лапу на святилище. Едва Изенгримъ дотрогивается до капкана, который и выдается за святилище, именно ларецъ съ реликвіями, какъ немедленно попадаетъ; чтобъ освободиться изъ капкана, Изенгримъ принужденъ отгрызть себѣ ногу.

Мотивъ о ложной клятвѣ надъ западней, которая выдается за святилище, за мощи и т. п., встрѣчается не только въ романѣ о Ренарѣ, но и въ цѣломъ рядѣ народныхъ сказокъ (см. выше стр. 164). На основаніи почти буквальныхъ совпаденій этого мотива во всѣхъ сказкахъ, необходимо вывести заключеніе, что онъ распространился благодаря заимствованію. Такъ какъ, кромѣ того, въ данныхъ народныхъ сказкахъ больше признаковъ позднѣйшаго происхожденія, чѣмъ въ литературныхъ обработкахъ, то не можетъ подлежать сомнѣнію, что мотивъ этотъ проникъ въ сказки изъ обработокъ, а не наоборотъ. Этимъ не отрицается впрочемъ возможность, что первоначальной основой этого мотива вообще могло послужить, напр., вѣрованіе, что ложная клятва немедленно влечетъ за собой наказаніе. Реализація этого повѣрія могла выразиться въ формѣ данного мотива.

Т р и н а д ц а т ы й э п и з о д ъ „Рейнарда“, заключающій въ себѣ больше сатиры, чѣмъ содержанія, описываетъ гибель Изенгрима, растерзаннаго стадомъ свиней (см. выше стр. 150).

Къ „Рейнардѣ“ примыкаетъ еще заключительный эпизодъ (Reinard. IV, vv 993—1258), который названъ издателемъ „Плачемъ“ (Die Klage). Свиньи разсуждаютъ между собой о жизни Изенгрима, осуждаютъ его; затѣмъ является Ренаръ, прикидывающійся сначала, что не знаетъ ничего объ участи Изенгрима, оплакиваетъ послѣдняго и даже защищаетъ его отъ нападокъ.

Такимъ образомъ вся поэма, состоящая вообще изъ 6600 стиховъ, посвящена исключительно приключеніямъ Изенгрима, который является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ ея и со смертію котораго прерывается и нить разсказа. Это свидѣтельствуетъ въ пользу того, что издатель произвольно далъ ей названіе Reinardus, какъ замѣтилъ уже Гервинусъ (ук. соч. I^o, 219); въ дѣйствительности ее слѣдовало бы назвать

Isengrimus, т. е. согласно названію первой латинской поэмы; это подтверждается и рукописями, носящими въ заглавіи имя волка или имена обоихъ геровъ или заканчивающимися именами послѣднихъ (см. Reinard. стр. 297. Rothe Les romans du R. стр. 58).

Что же касается состава „Рейнарда“, то представленный обзоръ всѣхъ авантюръ обнаруживаетъ, что въ составъ этотъ входятъ частью различныя басни Эзопа, развившіяся большей частью въ самостоятельные рассказы, частью отдѣльные мотивы восточныхъ сказокъ, сложившіеся въ довольно своеобразные эпизоды или слившіеся съ оригинальными сюжетами, частью, наконецъ, независимыя черты, возникшія на европейской почвѣ и разросшіяся въ цѣлые рассказы. О послѣднихъ рѣчь впереди.

Эпизоды, вошедшіе въ составъ „Рейнарда“, скрѣплены между собой только внѣшнимъ образомъ, едва ли „удачно“, какъ полагаетъ Я. Гриммъ (R. F. стр. lxxvij). Внутренней связи не существуетъ. Послѣднюю можно бы усматривать въ томъ, что почти по всей поэмѣ проходитъ нить злополучныхъ приключеній Изенгрима. Но это почти является главной помѣхой: въ шестомъ эпизодѣ волкъ вовсе не выступаетъ и нѣтъ тѣхъ скрытыхъ двигателей, благодаря которымъ не нарушалось бы внутреннее единство, если бы даже Изенгримъ не участвовалъ лично. Точно такъ же и роль Ренара не можетъ служить внутренней скрѣпой, такъ какъ и его постоянно торжествующая хитрость терпитъ поражение въ томъ же шестомъ эпизодѣ. Слѣдовательно, поэма Reinardus можетъ считаться развѣ только болѣе или менѣе удачнымъ сдѣпленіемъ приключеній, вошедшихъ въ составъ поэмы случайно.

Первое мѣсто за латинскими поэмами должно быть отведено роману о Ренарѣ.

Изданіе романа о Ренарѣ было впервые предпринято Меономъ и появилось въ четырехъ томахъ (Le Roman du Renart, publié d'après les Manuscrits de la Bibliothèque du Roi des xiiij, xjv et xv siècles par D. M. Méon. 4 vol. Paris 1826). Первые три тома посвящены исключительно роману о Ренарѣ, тогда какъ четвертый томъ заключаетъ въ себѣ поэмы, трактующія тоже только о Ренарѣ, но тѣмъ не

менѣе стоящія въ сторонѣ отъ него: это поэмы чисто личнаго творчества.

Романъ о Ренарѣ въ изданіи М е о н а состоитъ изъ 30362 стиховъ, распадающихся на 32 бранши. Распредѣлены онѣ самымъ произвольнымъ образомъ, не взирая на эпоху, къ которой онѣ относятся, — лишь бы „связать ихъ вмѣстѣ такъ, чтобъ онѣ образовали одно цѣлое“ (ук. соч. стр. vj); этотъ произволь издателю угодно называть „классификаціею“. По заявленію М е о н а (въ ук. м.), его изданіе составлено на основаніи 12 рпп., хотя не встрѣчается указаній ни на одну рп., которая имѣла бы прямое отношеніе къ роману. Этотъ крупный недостатокъ старался устранить Ш а б а й л ь (*Le Roman du Renart, Supplément, variantes et corrections. Publié . . . par P. Chabaille. Paris 1835*), представившій описаніе извѣстныхъ ему рукописей (ук. соч. стр. 397), издавшій нѣсколько новыхъ браншей (ук. соч. стр. 1 слл.) и сообщившій цѣлый рядъ варіантовъ къ изданію М е о н а (тамъ-же стр. 57 слл.). Обзоръ рпп. встрѣчается также у Р о т е (ук. соч. стр. 277—301).

Тѣмъ не менѣе всѣ эти описанія рпп. все еще оказывались далеко неполными, какъ обнаружило изслѣдованіе Мартина, посвященное этому вопросу (*Examen critique des manuscrits du Roman de Renart par Ernest Martin. Bâle 1872*). М а р т и н ъ представилъ подробный обзоръ 20 рпп. и всѣхъ варіантовъ входящихъ въ ихъ составъ. Еще подробнѣе описаны эти рпп. (къ которымъ присоединяются еще двѣ новыя, такъ что всѣхъ рпп., извѣстныхъ въ настоящую пору, 22) въ предисловіи къ его новому изданію романа о Ренарѣ (см. выше стр. 41).

Въ виду подробныхъ описаній М а р т и н а здѣсь можно ограничиться только самыми существенными чертами. Мы сохраняемъ обозначеніе рукописей, принятое Мартиномъ.

А находится въ Парижской Національной библіотекѣ п. № 20043; В — тамъ-же 371; С — тамъ-же 1579; Д — въ Бодленской библ. (рп. Douce 360) въ Оксфордѣ; Е — въ Британскомъ музеѣ (additionnal 15229) въ Лондонѣ; F — въ Шельтнэмѣ въ библ. ум. сѣра Thomas Philips (3634); G — въ Націон. Парижск. библ. 1580; H — въ Парижск. Арсенальной библ. (Belles-lettres fr. 195 B); I — въ Парижск. Нац. библ. 12584; K — въ Твикенэмѣ въ библ. герцога Омальскаго; L — въ Парижск. Арсен. библ. (B. L. fr. 195 C); M — въ част-

ной Королевск. библ. (cod. misc. 151) въ Туринѣ; *М*—въ Ватиканской библ. (cod. Reg. 1699) въ Римѣ; *а*—въ Эшбёрнемъ-Плэсъ близъ Бэтя (въ Сёссексѣ) въ библ. (№ 242) графа Эшбёрнема (Ashburnham); *б*—въ Парижск. Нац. библ. 837; *с*—тамъ-же, fonds franç. 25545; *д*—въ библ. Casanatensis (В. III. 18) въ Римѣ; *е*—въ библ. въ Сэнъ-Омэрѣ; *ѳ*—въ Парижск. Нац. библ. 1588; *g*—въ Бодліенск. библ. въ Оксфордѣ и издана Тэцой (см. выше стр. 25); *h*—въ Королевск. библ. въ Брюсселѣ и изд. G. Paris въ Romania III, 373; *і*—изд. Путелли (см. выше стр. 25).

Рпп. *ABaeſh* относятся къ XIII в., *Ж*—къ XIII или XIV вв., *CDHJMNbcdi*—къ XIV в., *EGQg*—къ XIV или XV вв. и, наконецъ, *Ѣ*—къ XV в.

Нельзя не замѣтить уже здѣсь, что древнѣйшими рукописями являются французскія рпп., причемъ онѣ встрѣчаются въ сравнительно обильномъ количествѣ; рукописи, сохранившія различныя обработки франц. оригиналовъ, относятся большей частью къ болѣе позднѣй эпохѣ.

Какія бранши входятъ въ составъ каждой рп.,—указано Мартиномъ (Examen стр. 9 слл.), поэтому можно будетъ ограничиться при случаѣ краткимъ упоминаніемъ только главнѣйшихъ вѣтвей и ихъ отношенія къ той или другой рукописи.

Что касается содержанія всѣхъ вѣтвей романа о Ренарѣ, то пересказы его встрѣчаются у Я. Гримма (Р. Г. стр. сxxj слл.) и у Роте (ук. соч. стр. 115 слл.); сюда же слѣдуетъ присоединить и вольный переводъ П. Парі (см. выше стр. 16). Достаточно слѣдовательно ограничиться самыми выдающимися или необходимыми чертами.

1-я вѣтвь (Ren. vv. 1—748) носитъ слѣдующее заглавіе: „Браншъ о Ренарѣ и объ Изенгринѣ, какъ они вышли изъ моря“. Вѣтвь эта въ своемъ вступленіи обѣщаетъ вмѣсто извѣстныхъ уже сюжетовъ рассказать о причинахъ вражды между Ренаромъ и Изенгримомъ. Въ одной книгѣ (Aucubre avoit à non, v. 29), попавшейся въ руки автору первой вѣтви, сообщалось и о Ренарѣ. Когда Господь изгналъ Адама и Еву изъ рая, онъ, изъ состраданія, далъ имъ чудесную вѣтку (une verge, v. 48), которой достаточно было ударить по морю, чтобъ удовлетворить ихъ желанію. Адамъ ударяетъ вѣткой по морю и вдругъ выскакиваетъ овца. Онъ уже заранѣе вкушаетъ молоко и сыръ овцы, какъ

вдругъ отъ удара Евы по морю выскакиваетъ волкъ, который схватываетъ овцу и уноситъ ее въ лѣсъ. Адамъ поспѣшилъ вновь ударить вѣткой по морю и выскочившая собака немедленно отбиваетъ овцу. Каждый разъ, когда вѣткой ударялъ Адамъ, изъ моря появлялось ручное, домашнее животное, удары же Евы вызывали только хищныхъ звѣрей, которые вслѣдъ за волкомъ мчались въ лѣсъ. Созданіемъ Евы оказался и Ренаръ, величайшій плутъ, хитрецъ и тонкій обманщикъ. Его дядя, Изенгримъ, отличался только силой, склонностью къ воровству и къ грабежу. Ихъ жены вполне отвѣчали характеру cadaго изъ нихъ. Ренаръ и Изенгримъ уживались вмѣстѣ, бродили вмѣстѣ и поэтому величали себя прозвищами родственниковъ. „Вы не должны [также] удивляться“, что они одарены даромъ слова, такъ какъ извѣстно, „что нѣкогда говорила ослица, на которой ѣхалъ верхомъ пророкъ“ (v. 202 сл.), причемъ слѣдуетъ пересказать этого чуда. „Я расскажу вамъ частицу изъ ихъ жизни,—то, что я знаю“ (v. 239).

Далѣе слѣдуетъ рассказъ о томъ, какъ больной Ренаръ является къ Изенгриму, высматриваетъ три о к о р о к а, зацѣлость которыхъ хозяинъ не опасается, и уноситъ ихъ ночью (ср. выше стр. 185). Когда затѣмъ Изенгримъ сообщаетъ Ренару о постигшемъ его горѣ, послѣдній утверждаетъ, что онъ такъ и долженъ увѣрять всякаго, если желаетъ спасти неприкосновенность окороковъ, и своимъ невѣріемъ приводитъ Изенгрима въ еще большее отчаяніе. Затѣмъ слѣдуетъ сцена волокитства Ренара, поруганіе волчатъ и чести жены Изенгрима. Безчестіе жены, поруганной на его глазахъ, побуждаетъ Изенгрима къ рѣшенію принести жалобу царю.

Многія изъ слѣдующихъ вѣтвей представляютъ извѣстные уже сюжеты.

2-я вѣтвь, гласящая: „Какъ Ренаръ поѣлъ рыбу у извошниковъ“, передаетъ о к р а ж ѣ р ы б ы (см. выше стр. 58 [вар. 2]), 3-я вѣтвь, озаглавленная: „Какъ Ренаръ сдѣлалъ Изенгрима монахомъ“, — о п о с т р и ж е н і и волка (стр. 90); 4-я вѣтвь, посвященная разсказу о томъ, „Какъ Ренаръ заставилъ Изенгрима ловить угрей“, передаетъ сюжетъ о р ы б н о й л о в л ѣ (стр. 72 [вар. 3]); 5-я вѣтвь рассказываетъ о томъ, „Какъ Ренаръ похитилъ цѣтуха Шантеклера“ (стр. 96 [вар. 3]).

6-я вѣтвь (R e n. vv. 1721—2502), подъ заглавіемъ: „Споръ синицы съ Ренаромъ“, рассказываетъ въ началѣ о приключеніи Ренара съ синицей (см. выше стр. 98 [вар. 5]), затѣмъ о преслѣдованіи Ренара собаками (R e n. vv. 1863—1928) и наконецъ о встрѣчѣ его съ котомъ (Tybert).

Ренаръ застаётъ забавляющагося кота (de sa queue se vet jouant, v. 1933) и сначала привѣтствуетъ его холодно; но, замѣтивъ воинственный видъ кота, онъ приглашаетъ его быть союзникомъ въ войнѣ противъ Изенгрима. Котъ принимаетъ предложеніе и оба пускаются въ путь. Замѣтивъ на тропинкѣ западню (un broïon de chesne fendu, v. 1991), Ренаръ подстрекаетъ кота показать бѣгъ своего „кони“. Осторожный котъ, вѣремя замѣтивъ опасность, удачно уклоняется въ сторону и даже успѣваетъ толкнуть Ренара въ западню. Ренаръ спасается только тѣмъ, что неудачнымъ ударомъ топора, направленнымъ въ него, вилланъ разбиваетъ западню. Вскорѣ Ренаръ снова встрѣчается съ котомъ, прикидывается его другомъ и котъ возобновляетъ обѣщаніе быть его союзникомъ. На дорогѣ находятъ они колбасу. Ренаръ уноситъ ее въ сторону, чтобы приступить къ дѣлежу. Котъ не доволенъ тѣмъ, что Ренаръ тащитъ колбасу по пыли; онъ добивается того, что получаетъ колбасу, беретъ одинъ конецъ ея въ зубы, другой закидываетъ на спину, мчится къ кресту, взбирается на него и спокойно сѣдаетъ свою добычу; онъ подтруниваетъ надъ Ренаромъ, которому приходится вскорѣ спастись отъ собакъ.

7-я вѣтвь (R e n. vv. 2503—2660), подъ заглавіемъ: „О котѣ Тиберѣ и о двухъ священникахъ“, составляетъ непосредственное продолженіе предыдущей вѣтви.

Къ коту, сидящему на крестѣ, подѣзжаютъ два священника; послѣдніе спорятъ, — кому изъ нихъ должна принадлежать шкурка кота, которая пригодна на теплую шапку. Одинъ изъ спорщиковъ становится на спину своего иноходца, чтобы достать кота; но послѣдній вонзаетъ въ лицо священника свои когти; священникъ въ испугѣ падаетъ съ коня, а котъ, соскочивъ на спину послѣдняго, мчится на немъ прямо въ конюшню, причемъ иноходецъ опрокидываетъ еще на дворѣ попадью (la fame au provoïre, v. 2605). Священники рѣшаютъ, что имѣли дѣло съ дьяволомъ; „не сомнѣвайтесь“, говорятъ они, „мы были околдованы“ (v. 2632 сл.), начинаютъ читать различные молитвы и возвращаются домой.

8-я вѣтвь (Реп. 2661 — 2994), подь заглавіемъ: „Какъ Ренаръ отрубилъ Тиберу хвостъ“, состоитъ изъ двухъ случайно связанныхъ между собою эпизодовъ.

Голодный Ренаръ встрѣчаетъ кота, который предлагаетъ ему отправиться въ домъ богатаго виллана, гдѣ они не только найдутъ полный горшокъ съ молокомъ въ сундукѣ, но и куриць и кашуновъ. Проникнувъ за частоколь, котъ убѣждаетъ Ренара начать съ молока, а затѣмъ приняться за куриць; онъ заставляетъ Ренара поддерживать крышку сундука, принимается за молоко и, насытившись имъ, опрокидываетъ горшокъ. Раздосадованный Ренаръ захлопываетъ крышку сундука въ моментъ, когда котъ выскакиваетъ, и — послѣдній лишается хвоста. Ренаръ старается отклонить отъ себя всѣ обвиненія и увѣряетъ кота, что ему легче будетъ ходить безъ хвоста; котъ прекращаетъ споръ тѣмъ, что ведетъ его въ курятникъ.

Далѣе передается эпизодъ о похищеніи пѣтуха (см. выше стр. 97 [вар. D]), заканчивающійся плачевно для Ренара, такъ какъ ему сильно приходится страдать отъ собакъ, прежде чѣмъ онъ спасается бѣгствомъ.

Рядъ неудачныхъ приключеній Ренара смѣняется въ слѣдующихъ браншахъ рассказами о вполне успѣшномъ примѣненіи его хитрости и ловкости.

9-я вѣтвь (Реп. 2995 — 3684) посвящена рассказу о томъ, „Какъ Ренаръ сдѣлалъ Примò, брата Изенгринна, священникомъ“.

Ренаръ находитъ облатки, потерянные священникомъ, и увѣряетъ Примò, которому онъ даетъ попробовать нѣсколько штукъ, что нашелъ ихъ въ церкви. Примò отправляется съ Ренаромъ въ церковь, напивается тамъ и желаетъ служить обѣдню. Ренаръ выбриваетъ ему тонзуру, облачаетъ его и, заставивъ предварительно звонить къ обѣдни, скрывается, засыпавъ землей даже дыру, сквозь которую оба пробрались въ церковь. На звонъ, вой волка и крикъ падахи и „клерка“ сбѣгается народъ и избитый Примò едва спасаетъ свою жизнь. Ренаръ же находитъ различныя оправданія въ пользу своего поведенія.

Весь этотъ эпизодъ представляетъ только варіантъ извѣстнаго мотива о волкѣ-кутилѣ (см. выше стр. 148). Сохраняются всѣ подробности, приложенныя только къ иной

обстановкѣ. Волкъ, напр., также подбѣгаетъ къ дырѣ, въ которую желаетъ пролѣзть, но находитъ ее засыпанной.

10-я вѣтвь (Ren. vv. 3685—4850), сообщающая о томъ, „Какъ Ренаръ и Примо продали облаченіе священнику за гусенка“, составляетъ непосредственное продолженіе девятой вѣтви.

Проснувшись по утру, оба героя отправляются продавать облаченіе, которое они вскорѣ уступаютъ священнику за молодого гуся. Дѣлится этимъ гусемъ Примò не намѣренъ и Ренаръ съ сокрушеннымъ сердцемъ и съ проклятіемъ на устахъ принужденъ удалиться. Между тѣмъ Примò любитъ гусемъ и не знаетъ только, откуда его начать. Голодный коршунъ неожиданно прерываетъ размышленія Примò, мгновенно спускается съ вышины, вырываетъ гуся и спокойно пожираетъ послѣдняго на деревѣ. Не смотря на всѣ проклятія и просьбы Примò, послѣднему достаются только кости, падающія внизъ.

Затѣмъ слѣдуютъ эпизодъ о кражѣ рыбы (см. выше стр. 59 [вар. В]) и снова рассказъ о волкѣ-кутилѣ (Ren. vv. 4301—4589). Послѣдній эпизодъ сохраняетъ всѣ черты, встрѣчающіяся и въ народныхъ сказкахъ.

Ренаръ будитъ Примò, который жалуется на сильный голодъ и ведетъ его въ домъ виллана, припрятавшаго, какъ Ренару извѣстно, четыре окорока. Оба проникаютъ въ кладовую, пролѣзши предварительно сквозь узкое отверстіе. Наѣвшись, Примò не въ состояніи пролѣзть въ отверстіе, такъ какъ онъ длиннѣе въ ширину, чѣмъ въ длину (*que il est plus gros qu'il n'est long*, v. 4400). Ренаръ прибѣгаетъ къ различнымъ мѣрамъ, чтобъ вытащить Примò, между прочимъ накидываетъ на его шею петлю, свитую изъ ивы; онъ такъ сильно тащитъ его, что сдираетъ ему всю кожу съ шеи. На вой Примо является вилланъ. Примо удается сначала потушить его свѣчку, а когда вилланъ отворачивается, чтобы снова зажечь ее, Примо впивается въ его тѣло зубами; когда на крикъ виллана появляется его жена и пріотворяетъ дверь, Примо ускользаетъ, унося съ собой кусокъ мяса изъ тѣла виллана, и предлагаетъ послѣдній Ренару, который отъ такой пищи рѣшительно отказывается (*Char de vilain noire ne blanche, Si n'est preuz en nule saison*, v. 4588).

Ренаръ заявляетъ далѣе, что предпочелъ бы молодого гуся и указываетъ Примо на ограду, за которой послѣдній

найдетъ цѣлое стадо гусей. Пока осторожный Ренаръ выжидаетъ изъ-за куста, алчный Примо подвергается преслѣдованію со стороны двухъ собакъ священника. Примò едва спасается и, выведенный изъ терпѣнія обманами Ренара, жестоко грызетъ и треплетъ послѣдняго. Просьба о пощадѣ смягчаетъ наконецъ его гнѣвъ. Ренаръ грозитъ принести на него жалобу царю льву; испуганный Примò проситъ прощенія, обѣщаетъ быть его другомъ, въ чемъ готовъ дать даже клятву. Ренаръ ведетъ его къ мнимымъ мощамъ (*ici endroit gist un cors saint*, v. 4777) и Примò попадаетъ въ западню, причемъ Ренаръ объясняетъ его несчастіе тѣмъ, что онъ клятвопреступникъ. Ренаръ возвращается въ свою крѣпость (*Malpertuis*) и рассказываетъ женѣ (*Hermeline*) о своихъ приключеніяхъ.

Мотивъ о ложной клятвѣ встрѣчается и въ народныхъ сказкахъ (см. выше стр. 164).

Волкъ Примо, понятно, идентиченъ съ Изенгримомъ; это доказывается главнымъ образомъ тѣмъ, что всѣ роли послѣдняго перенесены на перваго; мало того, Примò даже приписывается жена Изенгрима (*Foi que je doi Hersent ma fame*, v. 3545). Что всѣ эти разногласія только кажущіяся, было замѣчено уже выше (стр. 59⁴).

11-я вѣтвь (*Ren. vv. 4851—6360*), озаглавленная: „О Ренарѣ, объ Изенгринѣ и о львѣ, какъ они раздѣлили добычу“, передаетъ въ началѣ рассказъ о похищеніи пѣтуха (см. выше стр. 97 [вар. С]). Затѣмъ слѣдуетъ эпизодъ о дѣлѣ жѣ добычи (см. выше стр. 190).

12-я вѣтвь излагаетъ извѣстный уже мотивъ о томъ: „Какъ Изенгринъ раздѣлилъ землю между двумя баранами“ (см. выше стр. 144 [вар. Д]).

13-я вѣтвь (*Ren. vv. 6455—7026*) рассказываетъ о томъ, „Какъ Ренаръ заставилъ Изенгринѣ спуститься въ колодезь“.

Голодный Ренаръ проникаетъ въ пріотворенную калитку за монастырскую ограду, забирается въ амбаръ, душитъ трехъ курицъ и двухъ изъ нихъ съѣдаетъ, а третью уноситъ съ собой. Съ цѣлью утолить жажду Ренаръ подходитъ къ колодцу, заглядываетъ въ него, „замѣчаетъ свою тѣнь“ и принимаетъ послѣднюю за свою жену, „которую онъ любитъ нѣжной любовью“ (v. 6622). Онъ зоветъ ее, принимаетъ эхо за отвѣты, опускается въ одномъ ведрѣ въ колодезь и

только тогда узнаетъ свою ошибку. Къ счастью, вскорѣ является Изенгримъ къ тому же колодцу и, заглянувъ въ него, увѣренъ, что рядомъ съ Ренаромъ видитъ свою порочную жену. Ренаръ увѣряетъ Изенгрима, что онъ въ раю⁽¹⁾, гдѣ много стадъ различнаго скота, что взводимыя на него обвиненія въ связи съ женой его, Изенгрима, ложны (*N'ont-ques par moi ne fu croissue*, v. 6780), объясняетъ, что ведра на валѣ служатъ для взвѣшиванія добра и зла, такъ какъ только праведный человѣкъ, приступавшій къ исповѣди, опускается внизъ, усѣвшись въ верхнемъ ведрѣ, рассказываетъ, что онъ исповѣдовался у стараго зайца, бородатой козы и коршуна. Изенгримъ рѣшается послѣдовать совѣту Ренара. Онъ начинаетъ молится на свой ладъ (*Son cul torna vers Oriant*, v. 6859), нѣжно завываетъ и садится наконецъ въ ведро. При встрѣчѣ съ Ренаромъ, онъ получаетъ отъ послѣдняго въ отвѣтъ: „когда одинъ уходитъ, другой приходитъ“ (v. 6899; ср. v. 14352. *Chabaille* стр. 120. *Rein*. v. 6434. *Reinke* v. 5807). Утромъ монахи идутъ за водой, привязываютъ веревку къ приведенному ослу, заставляя его втаскивать на верхъ ведро, и вдругъ замѣчаютъ Изенгрима; они тотчасъ созываютъ всѣхъ монаховъ. Изенгрима бьютъ безпощадно и оставляютъ замертво. Очнувшись, Изенгримъ добирается кое-какъ до куста, гдѣ его находитъ родной сынъ, рѣшающійся жестоко отмстить Ренару за всѣ преступленія. Лѣченіе снова восстанавливаетъ силы Изенгрима.

⁽¹⁾ По однимъ вариантамъ это «рай небесный» (*paradis celestre*, *Rein*. v. 6760. 6773), по другимъ — «рай земной» (*paradis terrestre*. *Rein*. v. 13829 и *Chabaille* стр. 116). *Юнкблутъ* (*Étude* стр. 312) утверждаетъ, что о земномъ раѣ здѣсь рѣчи быть не можетъ и что первое чтеніе вѣрнѣе, въ доказательство чего онъ приводитъ *Reinh.* v. 892. 898, гдѣ упоминается *himelrîch* и *paradis*. Намъ кажется, наоборотъ, что предпочтительнѣе чтеніе земной рай, такъ какъ во всѣхъ случаяхъ небесный рай изображается слишкомъ реальными чертами, т. е. такими чертами, какія примѣняются всегда при изображеніи земнаго рая (ср., напр., *F. J. Poeschel Das Märchen vom Schlaraffenlande* въ *Beitr. z. Gesch. d. deutsch. Spr. u. Lit.* V Hft 2) Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ, не исключая и «Рейнгарта», Ренаръ соблазняетъ Изенгрима рассказомъ о жирныхъ овцахъ, козахъ, зайцахъ и т. п. (*Rein*. vv. 6760—6768. *Reinh.* vv. 923 сл.).

О происхождении этого рассказа и целого ряда версий было замечено выше (стр. 79). Здесь остается только точнее определить отношение других литературных обработок къ данному рассказу. Впрочемъ это необходимо сдѣлать вовсе не въ тѣхъ видахъ, чтобы доказать, что всѣ нѣмецкія обработки составляютъ подражаніе роману о Ренарѣ или даже переводъ послѣдняго (см. ниже), по мнѣнію извѣстныхъ ученыхъ. Теперь объ этомъ не можетъ быть рѣчи, такъ какъ достаточно было даже замѣчаній Я. Гримма (R. F. стр. cvijj), чтобы разъ навсегда покончить съ этимъ вопросомъ. Здесь любопытно только опредѣленіе степени этого сходства.

Въ „Рейнгартѣ“ (Reinh. vv. 823—1060) передается тотъ же эпизодъ въ сокращенной формѣ, но съ сохраненіемъ всѣхъ существенныхъ подробностей.

Рейнгартъ тоже направляется къ монастырю (zu einer zelle, v. 827), гдѣ было много курицъ; онъ не поймалъ ничего, такъ какъ ему мѣшала высокая каменная стѣна. Онъ обходитъ стѣну и видитъ предъ воротами колодезь. Далѣе какъ въ „Ренарѣ“. Попадъ въ колодезь, онъ не садится или „опирается“ на камень, какъ въ „Ренарѣ“, а кладетъ на него голову (dâ leiter ûf daz houbet, v. 853). Является изъ лѣса Изенгримъ „безъ хвоста“. Далѣе снова какъ въ „Ренарѣ“. Въ раю Рейнгарту, какъ и Ренару (Ren. v. 6710), поручена школа; но первый прибавляетъ: „я умѣю хорошо учить дѣтей“ (v. 894). На вопросы Изенгрима: какъ попала волчица въ рай и почему у нея голова сожжена (т. е. онъ разумѣетъ свою tonsuru, отражающуюся въ водѣ)? Рейнгартъ отвѣчаетъ на первый вопросъ: „ко благу“ (ez was ir heil, v. 906), а на второй, что она посѣтила адъ, который нельзя обойти тому, кто желаетъ попасть въ рай; „тамъ [въ аду] она потеряла шкуру и волосы“ (v. 914). Затѣмъ слѣдуетъ весьма значительный пропускъ сравнительно съ „Ренаромъ“, и Изенгримъ прямо спрашиваетъ: что сіяетъ около Рейнгарта? и послѣдній выдаетъ отраженіе звѣздъ въ водѣ за драгоценные камни и карбункулы (v. 919 сл.), тогда какъ въ „Ренарѣ“—это мнимыя свѣчки (Ren. v. 6878). Далѣе упоминаются скотъ, свиньи и жирныя козы. Изенгримъ рѣшается спуститься въ колодезь. Затѣмъ въ двухъ словахъ говорится, что Изенгримъ по невѣжеству повернулся къ восто-

ку (*wider ôstert er sih kêrte*, v. 938) ⁽¹⁾, какъ и въ „Ренарѣ“, и затѣмъ опустился въ ведрѣ. Потомъ является монахъ, который не въ силахъ втащить ведра. Замѣтивъ на головѣ избитаго Изенгрима тонзуру, настоятель изъясняетъ раскаяніе, такъ какъ принимаетъ его за кающагося (*er was ein giuwâre*, v. 1016). „Не лишишь Изенгримъ хвоста, не будь у него выбрито гуменце, — его бы повѣсилъ народъ божій“ (v. 1023). Спасшись наконецъ въ лѣсъ, Изенгримъ поднимаетъ вой, который призываетъ двухъ его сыновей и жену. Поднимается плачъ; крестникъ Рейнгарта грозитъ послѣднему; Изенгримъ старается успокоить жену: „зачѣмъ надрываете Вы свое прекрасное тѣло (v. 1054)?“ „Мнѣ жаль“, говоритъ она, „что мой мужъ долженъ оставаться теперь безъ хвоста, — какъ же мнѣ бѣдной перенести это (v. 1058 слл.)!“

Этотъ эпизодъ представляетъ больше точекъ совпаденія съ 13-й вѣтвью „Ренара“, чѣмъ съ вариантомъ, помѣщеннымъ у Ш а б а й л я (Suppl. стр. 113 слл.). Послѣдній вариантъ почти вдвое короче 13-й вѣтви, такъ какъ болѣе замѣтныя отступленія его начинаются собственно съ момента, когда Ренаръ заглядываетъ въ колодець. Въ немъ встрѣчается между прочимъ черта, что Ренаръ, съ цѣлью убѣдить Изенгрима въ справедливости своихъ словъ, что въ раю множество куриць, указываетъ ему на курицу оставленную имъ у колодца.

Въ „Рейнартѣ“ (*Rein. vv. 6409 — 39*) и „Рейнке“ (*Reinke vv. 5775 — 5827*) тотъ же эпизодъ встрѣчается въ видѣ обвиненія, взводимого на Рейнарта. Влагается рассказъ въ уста жены Изенгрима (*Eerswijn*); она передаетъ, что Рейнартъ заманилъ ее въ колодець, соблазнивъ рыбой, которая водилась будто бы въ колодцѣ въ огромномъ количествѣ; самъ Рейнартъ съѣлъ будто бы столько рыбы, что опасался, что у него „лопнетъ животъ“ (v. 6426). Въ „Рейнке“ добавляется, что она была вытащена двумя крестьянами, которые встрѣтили ее жестокими побоями.

⁽¹⁾ Такъ значится въ оригиналѣ, напечатанномъ Я. Г р и м м о мъ въ *Sendschreiben* (стр. 41), тогда какъ въ переработкѣ тотъ же стихъ имѣетъ *vm. ôster* — слово *hôster*, по поводу котораго Г р и м мъ (*R. F.* стр. 109) придумалъ цѣлый рядъ производныхъ словъ; въ послѣдствіи онъ самъ долженъ былъ отказаться отъ придуманныхъ имъ объясненій (*Sendschr.* стр. 57 ad v. 938).

14-я вѣтвь (Ren. vv. 7027—7186), подъ заглавіемъ: *De l'ours et du lou et du vilain qui monstrent lor cus*, передаетъ странный рассказъ, который по характеру мало отличается предыдущимъ вѣтвямъ.

Выздоровѣвшій Изенгримъ встрѣчаетъ виллана, который только что успѣлъ поднять окорокъ, свалившійся съ воза двухъ монаховъ. Изенгримъ требуетъ своей доли и вилланъ изъявляеть согласіе. Вскорѣ является медвѣдь (*Patous*) и требуетъ и себѣ доли. Рѣшено повѣсить окорокъ на букѣ и явиться на слѣдующій день: *Trestuit trois nos cus mosterron* (v. 7086) и у кого окажется больше, тотъ захватитъ съ собою окорокъ. вмѣсто виллана на слѣдующій день отправляется его жена, которая возвращается домой побѣдительницей.

15-я вѣтвь (Ren. vv. 7187—7382) рассказываетъ „О Ренарѣ, какъ онъ выманилъ у ворона сыръ“. Это передѣлка извѣстной басни Эзопа о „Воронѣ и Лисицѣ“ (*Н а л м № 204. М а р т ы н о в ѣ № 204*). Осложненія состоятъ въ слѣдующемъ.

На букѣ, подъ который улегся Ренаръ, опускается воронъ (*Tiescelin*), унесшій сыръ у старухи. Польщенный похвалами, которыя Ренаръ воздаеть его голосу, воронъ начинаетъ усердно каркать, дѣлаеть неосторожное движеніе и сыръ выскальзываетъ изъ лапъ (*li piez destre li desserre*, v. 7293). Желая поймать и ворона, Ренаръ заявляетъ, что у него повреждена нога; онъ проситъ поэтому, чтобы воронъ унесъ поскорѣе сыръ, отъ котораго слишкомъ сильно пахнетъ. Воронъ опускается и Ренаръ бросается на него. Воронъ успѣваетъ ускользнуть съ утратой четырехъ перьевъ, оставшихся въ зубахъ Ренара.

16-я вѣтвь (Ren. vv. 7383—7520) „О священникѣ Мартэнѣ и волкѣ Изенгримѣ“ передаетъ извѣстный мотивъ о волкѣ въ ямѣ. Чтобъ отплатить Изенгриму за растерзаніе многихъ овецъ, священникъ роетъ для него яму, прикрываетъ ее и для приманки привязываетъ ягненка. Изенгримъ попадаетъ. Является священникъ и грозитъ Изенгриму дубиной. Изенгримъ не задумывается и схватываетъ дубину въ зубы; оба прилагають всѣ усилія вытащить другъ у друга дубину. Вдругъ земля на краю ямы поддается и священникъ попадаетъ въ яму. Священникъ съ испугу начинаетъ пѣть псалмы, читать молитвы и наклоняется, а Изенгримъ вскакиваетъ къ нему на шею и выскакиваетъ изъ ямы.

Вся эта вѣтвь составляетъ рабски вѣрную переработку латинскаго стихотворенія (*Sacerdos et lupus*), помѣщеннаго у Я. Г р и м м а и Ш м е л л е р а (*Lat. Ged.* стр. 340—342); если угодно, ее можно даже назвать переводомъ; вся разница только въ томъ, что 80 стиховъ лат. стихотворенія разрослись въ 16-й вѣтви въ 138 стиховъ. Прототипомъ же этого разсказа вообще является извѣстная баснь Эзопа: „Лисица и Козель“ (см. выше стр. 78), изъ которой постепенно развился и разсказъ о волкѣ, выскакивающемъ изъ ямы по спинѣ священника. Последняя черта отвѣчаетъ въ басни Эзопа выскакиванію лисы по спинѣ и рогамъ козла. Къ этой же басни восходятъ и сказки, упомянутыя выше (стр. 165).

17-я вѣтвь, передающая эпизодъ „О кобылѣ и Изенгринѣ“, входитъ въ число извѣстныхъ разсказовъ о волкѣ и дурнѣ (см. выше стр. 144 [вар. 6]).

18-я вѣтвь (*Ren. vv. 7611—8220*) носитъ заглавіе: „О снѣ Ренара и какъ Изенгринъ его [Ренара] билъ“.

Начало бранши посвящено зловѣщему сну Ренара (см. выше стр. 183). Сонъ этотъ является не только подражаніемъ, — чуть-ли не буквальный повтореніемъ извѣстному сну пѣтуха Шантеклера (см. выше стр. 96).

Далѣе слѣдуетъ разсказъ о поимкѣ вороны, о побояхъ, наносимыхъ Ренару Изенгриномъ и о кражѣ окорока (см. выше стр. 41 сл. 183).

Слѣдующій затѣмъ эпизодъ (*Ren. vv. 7971—8220*), входящій въ составъ все той же вѣтви, передаетъ, что Ренаръ рѣшился отмстить Изенгриму за съѣденіе окорока. Ренаръ рассчитываетъ въ саду священника наловить крысъ, какъ вдругъ слышитъ пѣніе кузнечика (*Frobert*), который при его приближеніи умолкаетъ. Желая его поймать, Ренаръ вступаетъ съ нимъ въ разговоръ, но примѣняемыя имъ хитрости остаются безъ успѣха. Ренаръ проситъ его между прочимъ исповѣдывать его, но появленіе охотниковъ съ семью собаками заставляютъ Ренара обратиться въ бѣгство. Затѣмъ Ренаръ снова возвращается, затыкаетъ дыру, въ которой засѣлъ кузнечикъ, и издѣвается надъ послѣднимъ. Въ концѣ концовъ онъ испытываетъ удовольствіе, что Изенгрима терзаютъ собаки.

Говоря о пѣннѣ кузнечика, о желаніи Ренара знать всѣ его пѣсни и о желаніи съѣсть его, — нельзя не указать на то обстоятельство, что у Эзопа встрѣчается басня о „Кузне-

чикѣ и Лисицѣ“ (Halm № 400. Мартыновъ № 278), въ которой лиса обнаруживаетъ тѣ же самыя склонности по отношенію къ кузнечикѣ. Лиса удивляется его „сладкогласію“, желаетъ его съѣсть и сманить его съ дерева; кузнечикъ въ свою очередь относится къ лисѣ столь же недо-вѣрчиво. Въ виду всѣхъ этихъ совпаденій нельзя не прійти къ заключенію, что эпизодъ о кузнечикѣ въ „Ренарѣ“ по-крайней мѣрѣ идеей своей обязанъ басни Эзопа и вообще находится съ ней въ довольно близкой связи.

19-я вѣтвь (Ren. vv. 8221—9648) передаетъ о томъ, „Какъ Изенгринъ отправился жаловаться на Ренара ко двору царя“.

Изенгрима сильно озабочиваетъ безчестіе, причиненное Ренаромъ его женѣ (Hersent). Онъ созываетъ своихъ друзей и тѣ рѣшаютъ, что слѣдуетъ отправиться съ жалобой къ царю. Изенгримъ съ женой пускаются въ путь, являются ко двору и находятъ многочисленное собраніе звѣрей, окружавшихъ тронъ царя. „Вздыхая“, Изенгримъ говоритъ объ оскорбленіи, которому подверглась его жена. „Правда, правда!“ спѣшитъ заявить послѣдняя. „Съ тѣхъ поръ какъ я была дѣвственницей меня любилъ Ренаръ и преслѣдовалъ, но я всегда его избѣгала... Ни разу еще не могъ онъ меня за-стать въ расплохъ, пока третьяго дня въ ямѣ... (v. 8293)“ Изенгримъ подтверждаетъ слова своей жены и присоединяетъ исторію поруганія волчатъ. Левъ улыбается и спрашиваетъ жену Изенгрима: если Вы его не любили, то „почему же Вы были такъ глупы, что шли въ его домъ однѣ (v. 8357)?“ Словомъ царь не усматриваетъ въ любовныхъ похожденияхъ большой вины и поэтому желалъ бы покончить дѣло миромъ. Но такъ какъ Изенгримъ обвиняетъ его въ пристрастіи и видимо ищетъ ссоры, то царь рѣшается дать дѣлу ходъ. Царь обращается къ верблюду, папскому легату, слывшему за хорошаго правовѣда (bons legistres, v. 8429),—съ вопросомъ: какъ въ его странѣ отнесся бы судъ къ подобной жалобѣ? На ломанномъ языкѣ, состоящемъ изъ смѣси латинскаго, французскаго и провансальскаго языковъ, верблюдъ произноситъ рѣчь, въ которой доказываетъ, что нарушителя законовъ слѣдуетъ наказывать строжайшимъ образомъ, — брать съ него деньги, побивать его камнями, жечь и т. п., но что вмѣстѣ съ тѣмъ царь долженъ быть добрымъ царемъ. Царь поручаетъ важнѣйшимъ баронамъ рассмотреть дѣло. Въ составъ совѣта

входят олень (Brichemers), медведь (Bruns) и кабанъ (Baucen). Олень считает недостаточнымъ свидѣтельство одной обвиняемой, медведь наоборотъ указываетъ на важное положеніе Изенгрима, который заслуживаетъ полного довѣрія, кабанъ наконецъ старается опровергнуть возраженія медведя и присоединяется къ мнѣнію оленя. Другой олень (Platiaus), бывшій тоже въ числѣ совѣтниковъ, указываетъ на обстоятельство поруганія волчатъ и требуетъ денежной пени, чтобы не повторялись подобные случаи. Медведь считает немыслимымъ защищать Ренара, извѣстнаго негодяя, и рассказываетъ, какъ послѣдній обманулъ его. Ренаръ предупредилъ у одного виллана множество курицъ. Вилланъ (Costant Desnoes) разставляетъ всюду западни, готовитъ собакъ. Чтобы имѣть возможность снова забраться къ виллану, Ренаръ обращается къ медведю, который „былъ великъ и бросался въ глаза“. Соблазнивъ медведя медомъ, Ренаръ забирается съ нимъ къ виллану и вопреки уговору бросается сначала въ курятникъ, гдѣ поднимается страшный шумъ. Народъ сбѣгается, а издѣвающійся надъ медведемъ Ренаръ уноситъ съ собой курицу. Всѣ набрасываются на медведя и сильно израненный онъ съ трудомъ спасается въ лѣсъ. Медведь указываетъ далѣе, что не онъ одинъ имѣетъ причины жаловаться; на Ренара жаловались воронъ, пострадавшій котъ и даже его кума, синица, съ которой онъ желалъ поцѣловаться. Кабанъ находитъ, что ради праведнаго суда должна быть выслушана и противная сторона, съ чѣмъ соглашается и обезьяна (Cointeriaus). Послѣ препирательства послѣдней съ медведемъ, олень (Brichemer) рѣшаетъ, что отъ Ренара слѣдуетъ потребовать клятвы въ соблюденіи мира. Чтобы избавить царя отъ хлопотъ, его мѣсто на судѣ будетъ заступать песъ Ронель (Roonel). Царь отправляетъ барсука (Grinbert) объявить Ренару рѣшеніе — явиться для произнесенія клятвы въ воскресенье. Ренаръ изъявляетъ полную готовность. Между тѣмъ Изенгримъ отправляется къ Ронелю, сообщаетъ ему о его назначеніи предсѣдателемъ на судѣ и проситъ, чтобы онъ повелъ дѣло на гибель Ренара. Ронель обѣщаетъ прикинуться мертвымъ; Ренаръ же долженъ будетъ надъ его зубами произнести клятву; кромѣ того онъ обѣщаетъ держать въ засадѣ больше сорока штукъ своихъ товарищей. Въ назначенный день является Изенгримъ съ своей огромной партіей и Ренаръ съ своими приверженцами, въ числѣ ко-

торыхъ оказывается между прочимъ барсукъ, бѣлка и др. Олень приглашаетъ Ренара дать клятву. Вдругъ Ренаръ обнаруживаетъ измѣну и отступаетъ. Олень удивляется, но Ренаръ возражаетъ, что „никто не можетъ дать клятвы и принести надлежащей жертвы, если онъ сначала не поѣлъ немного“ (v. 9143). Онъ предлагаетъ медвѣдю и коту отправиться съ нимъ къ сосѣднему виллану (Frobert); тамъ семь мѣсяцевъ откармливались три гуся; кромѣ того тамъ много меду. Медвѣдь и котъ вскакиваютъ чрезъ открытое окно въ кладовую (*un lardier*), а Ренаръ запираетъ окно и издѣвается надъ ними. Слишкомъ громкія жалобы медвѣдя и кота призываютъ народъ. Избитый медвѣдь и котъ, лишившійся хвоста, едва спасаются бѣгствомъ, тогда какъ Ренаръ уноситъ съ собою гуся и снова издѣвается надъ пострадавшими, когда они появляются вблизи его крѣпости. Медвѣдю Ренаръ поручаетъ заявить оленю, что не можетъ дать клятвы. Преслѣдующая толпа поселянъ, набрасывается вскорѣ и на остальныхъ звѣрей и каждому изъ нихъ приходится плохо. Когда затѣмъ Ренаръ готовъ исполнить договоръ и приближается къ святилищу, онъ вдругъ заявляетъ оленю, что видитъ то, чего онъ, олень, не видитъ. Измѣну открываетъ и барсукъ, который требуетъ отъ оленя, чтобъ онъ приказалъ разступиться толпѣ, которая напираетъ на него со всѣхъ сторонъ. Ренаръ пользуется свободнымъ проходомъ и обращается въ бѣгство; въ погоню за нимъ пускаются всѣ собаки; Ренаръ, сильно истерзанный собаками, спасается наконецъ въ свою крѣпость. Изенгримъ призываетъ всѣхъ звѣрей въ свидѣтели, что Ренаръ снова обманулъ его; онъ не обращаетъ вниманія на возраженіе барсука, что Ренаръ бѣжалъ, отерывъ измѣну со стороны Изенгрима и его приверженцевъ, и рѣшается снова принести жалобу царю въ томъ, что Ренаръ не желалъ дать клятвы.

Пока достаточно вкратцѣ замѣтить, что общая связь въ данной вѣтви слишкомъ явно нарушается эпизодомъ о похищеніи медвѣдя, кота и Ренара въ кладовой. Нить разсказа сразу прерывается въ тотъ моментъ, когда все клонится къ развязкѣ. Притомъ вставочный эпизодъ связывается съ главнымъ разсказомъ самымъ страннымъ образомъ: Ренаръ передъ клятвой желаетъ поѣсть! Еще неожиданнѣе заканчиваетъ этотъ эпизодъ. Перечисляются извѣстные звѣри,— въ томъ числѣ и Ронель,—которые подвергаются побоямъ со

стороны толпы, и вдругъ разсказъ принимаетъ совершенно иной тонъ: говорится о желаніи Ронеля обмануть Ренара, который однако остерегается этого и заявляетъ оленю, что онъ видитъ то, чего тотъ не видитъ, т. е. видитъ обманъ. Ясно, что эти слова примыкаютъ непосредственно къ первому приглашенію оленя произнести клятву. Дисгармонія, производимая этимъ эпизодомъ въ 19-й вѣтви, является главнымъ побужденіемъ, заставляющимъ извѣстныхъ ученыхъ устранять этотъ эпизодъ или приводить его въ связь съ другими вариантами. І о н к б л у т ь (Étude стр. 317) совершенно основательно относитъ его къ интерполяціямъ.

20-я вѣтвь (Ren. vv. 9649—11958) носитъ заглавіе: „Какъ Ренаръ обманулъ медвѣдя Брюна на медѣ“. Въ началѣ этой бранши упоминается имя автора П ь е р а (Perroz).

Весной, когда расцвѣталъ боярышникъ и распускались розы, незадолго до Вознесенія, царь левъ (Noble) пригласилъ всѣхъ звѣрей ко двору ради суда. Всѣ звѣри не замедлили явиться, исключая Ренара. Изенгримъ толкуетъ о позорѣ жены, о поруганіи дѣтей и объ отказѣ Ренара дать клятву. Царь находитъ, что изъ такихъ пустяковъ не стоило бы поднимать такого шума (Onques de si petit damage Ne vi-ge fere si grant rage, v. 9701). Медвѣдь полагаетъ, что въ видахъ сохраненія м и р а, который недавно всѣ поклялись соблюдать, царь долженъ судить Ренара; медвѣдь даже самъ готовъ быть посломъ, чтобы вытребовать Ренара ко двору. Быкъ (Bruianz) находитъ, что Ренаръ обижалъ многихъ и поэтому странно, что непременно Изенгримъ приносить жалобу по поводу столь обще извѣстной исторіи. Барсукъ тоже смягчаетъ вину Ренара, говоритъ, что если Ренара побуждала любовь, то на это не слѣдовало бы подавать жалобы и чернить жену, какъ поступаетъ Изенгримъ. Волчица вслѣдствіе этого считаетъ необходимымъ сдѣлать заявленіе, что она невинна, что она готова прибѣгнуть къ суду божьему, — къ испытанію при помощи холодной воды или раскаленнаго желѣза, и прибавляетъ: Ренаръ „не безчестилъ моего тѣла“ (Ne fis de mon cors puterie, v. 9828). Осель (Fromont) „возрадовался въ своемъ сердцѣ, потому что тотчасъ всему повѣрилъ, что Изенгримъ не роговонецъ; ахъ, говорилъ онъ, если бы... моя ослица была такъ же вѣрна (v. 9834 слл.)!“ Барсукъ проситъ царя пощадить Ренара и вызывается привести его ко двору. Къ этому мнѣнію присоединяется и заяцъ (li

Connins). Послѣ препирательствъ между вороной, царемъ и Изенгримомъ, царь заявляетъ, чтобы никто не отваживался нарушать мира. Вдругъ ко двору является пѣтухъ Шанте-клэръ, курица Пинте, „которая несетъ большія яйца“ (v. 9974), и три ея сестры; на носилкахъ приносятъ они курицу, умерщвленную Ренаромъ. Пинте рассказываетъ, какъ Ренаръ постепенно умерщвлялъ ея родныхъ; съ горя она падаетъ въ обморокъ; съ ней за одно падаютъ въ обморокъ и ея сестры, такъ что „дамъ“ приходится отливать водой. Сочувствуя ихъ горю, царь реветъ, а заяцъ со страху получаетъ лихорадку (ср. выше стр. 103). Царь приказываетъ медвѣдю и быку приступить къ отпѣванію усопшей; послѣдней воздвигаютъ эпитафію и на гробѣ мученицы заяцъ получаетъ исцѣленіе отъ лихорадки, а Изенгримъ отъ ушной болѣзни. Между тѣмъ медвѣдь, отправленный посломъ къ Ренару, сообщаетъ послѣднему приказъ царя. Ренаръ соблазняетъ медвѣдя сотовымъ медомъ, ведетъ его къ расклиненному дубу, заставляетъ просунуть въ щель морду и вытаскиваетъ клинья. Крики приближающихся поселянъ вынуждаютъ медвѣдя сдѣлать послѣднее усиліе: онъ освобождается изъ щели, оставивъ въ жертву шкуру съ морды и съ переднихъ лапъ. Царь въ бѣшенствѣ; онъ отправляетъ посломъ кота (Tyberz). Дурная примѣта грозитъ коту: съ лѣвой стороны у него пролетѣла ворона, когда онъ стоялъ у дверей Ренара. Дѣйствительно, Тиберъ, соблазненный жирными мышами и крысами, идетъ съ Ренаромъ въ домъ священника и попадаетъ въ силокъ, поставленный Мартинэ, сыномъ священника и его „наложницы“ (une putain, v. 10556). Кота жестоко бьютъ, онъ въ ярости бросается священнику между ноги и кастрируетъ его (Li a trenchié un des pendanz, v. 10598). „Когда жена увидѣла свою большую потерю“ (v. 10599), — она упала въ обморокъ. Котъ пользуется критическимъ положеніемъ, перегрызаетъ веревку и спасается бѣгствомъ. Царь отправляетъ наконецъ барсука и вручаетъ ему грамоту съ своей печатью, грамоту, въ которой царь грозитъ Ренару висѣлицей, если послѣдній не явится для оправданій. Ренаръ рѣшается отправиться. Не зная, что его ожидаетъ впереди, онъ рѣшается исповѣдоваться. Онъ сообщаетъ Гринберу, что обвиненія, взводимыя на волчицу, основательны, и перечисляетъ затѣмъ всѣ козни, которыя онъ устраивалъ Изенгриму: благодаря Ренару Изенгримъ по-

паль въ волковню (vv. 10764—68; ср. выше стр. 165), въ капканъ (ср. выше стр. 164), въ кладовую, изъ которой, объѣвши, не могъ выбратся (vv. 10772—76; ср. выше стр. 149); Ренаръ же подбилъ Изенгрима ловить рыбу въ проруби (vv. 10777—78), выдавалъ отраженіе луны въ колодцѣ за сыръ (см. выше стр. 78), заставилъ Изенгрима изъ-за рыбы прикинуться мертвымъ на дорогѣ (стр. 59⁵), постригъ его въ монахи (vv. 10786—90; ср. выше стр. 90). Далѣе Ренаръ передаетъ о томъ, какъ заманилъ кота въ силокъ и какъ навлекъ побои на союзниковъ Изенгрима, ожидавшихъ отъ него присяги (см. br. 19). Гринберъ отпускаетъ ему грѣхи (*moitié roman, moitié latin*, v. 10833) и Ренаръ на слѣдующее утро прощается съ женой и дѣтьми. По дорогѣ Ренаръ предлагаетъ своему спутнику направиться къ амбару, гдѣ Ренаръ замѣтилъ курицъ, но барсукъ вовремя удерживаетъ его. Несмотря на храбрую самозащиту Ренара и заступничество барсука, царь приказываетъ повѣсить Ренара, на которомъ каждый старается выместить обиды, — даже заяцъ бросаетъ въ него камнями. Тогда Ренаръ проситъ у царя пощады и обѣщаетъ отправиться за море въ качествѣ паломника (*voilà Croiz prendre*, v. 11133). Барсукъ присоединяется къ его просьбѣ и царь наконецъ прощаетъ Ренара. На правомъ плечѣ крестъ у Ренара, которому вручаютъ также посохъ и повязку. Царица проситъ пилигрима молиться за нее и даритъ ему кольцо. Ренаръ пускается въ путь, схватываетъ по дорогѣ зайца, поднимается на холмъ, откуда громогласно предлагаетъ царю взять данное имъ тряпье обратно. Ускользнувшій между тѣмъ заяцъ мчится къ царю и сообщаетъ объ измѣнѣ Ренара. Царь грозитъ повѣсить всѣхъ, если не поймаютъ Ренара; всѣ пускаются въ погоню, но Ренаръ успѣваетъ скрыться въ свою крѣпость. — Начинается осада (v. 11369 слл.), въ продолженіи которой Ренаръ часто находитъ случай трунить надъ осаждающими и перечислять всѣ козни, которыя онъ имъ устраивалъ. Однажды осаждающіе сильно устали и крѣпко уснули; Ренаръ забирается къ нимъ въ лагерь и привязываетъ каждого изъ нихъ къ дереву. „Затѣмъ онъ обращается къ царицѣ, тамъ, гдѣ она лежала навзничъ“ и пользуется случаемъ (*Entre les jambes li entra*, v. 11533). Съ просонья она принимаетъ Ренара за мужа, но, проснувшись и увидѣвъ ошибку, она поднимаетъ крикъ. Звѣрей,

тицетно пытающихся освободиться, развязывает улитка (Dant Tardif), которую Ренаръ забылъ связать. Ренаръ схваченъ, преданъ на поруганіе звѣрямъ и, съ петлей на шеѣ, ждетъ своей участи. Царицѣ становится жалко Ренара; она обращается къ барсуку, даетъ ему письмо, обладающее свойствомъ предохранять отъ смерти, и назначаетъ Ренару свиданіе. Барсукъ совѣтуетъ Ренару исповѣдоваться и объявить свою волю. Ренаръ снова проситъ о помилованіи и обѣщается вступить въ монастырь. Появленіе жены Ренара и предложеніе богатаго выкупа смягчаетъ гнѣвъ царя; царь объявляетъ ему прощеніе. Изенгримъ крайне недоволенъ этимъ, какъ вдругъ, къ его радости, являетсямышь (Chauve) съ жалобой на Ренара, задушившаго ея мужа (Pelez li Raz). Снова поднимается страшный шумъ, всѣ противъ Ренара, который, недолго думая, спасается на дерево. Царь приказываетъ принести топоры. Ренаръ схватываетъ камень (une grant roche, v. 11933) и бросаетъ его царю въ голову; пока всѣ суетятся около раненнаго царя, Ренаръ обращается въ бѣгство. Восемь дней лѣчился царь, пока не выздоровѣлъ, „а Ренаръ такъ таки и ускользнулъ“ (v. 11957).

Приведенная вѣтвь представляетъ рядъ точекъ соприкосновенія съ прежними поэмами. Такъ, въ „Изенгримѣ“, въ Escbasis и въ 20-й вѣтви всѣ звѣри вызваны ко двору; всѣ являются, исключая Ренара; въ отсутствіе послѣдняго волкъ жалуется или клеветаетъ на Ренара. Всѣ три поэмы говорятъ о объявленномъ мирѣ, съ той только разницей, что въ Escbasis о мирѣ говорится не въ самомъ эпизодѣ о болѣзни льва, а въ рамкѣ. Далѣе, въ Escbasis выводится барсъ, сочувствующій Ренару и отправляющійся къ нему; въ 20-й вѣтви барса вполнѣ замѣняетъ барсукъ; въ „Изенгримѣ“ о такомъ другѣ прямо не упоминается, но на самомъ дѣлѣ онъ существуетъ: роль его раздвоилась между козломъ и бараномъ, которые защищаютъ интересы Ренара. Во всѣхъ поэмахъ лиса представляется врагомъ волка. Въ Escbasis мелькомъ говорится о тоекратномъ вызовѣ обвиняемаго; въ 20-й вѣтви черта эта послужила къ развитію цѣлаго ряда самостоятельныхъ эпизодовъ; словомъ, намекъ первой поэмы какъ бы реализуется во второй. Затѣмъ поэмы расходятся, такъ какъ мѣняются сюжеты.

Измѣненіе сюжета въ 20-й вѣтви впрочемъ только кажущееся. Едва ли можетъ возникнуть сомнѣніе, что весь

процессъ, излагаемый въ „Ренарѣ“, не болѣе какъ развитіе именно мотива о троекратномъ вызовѣ ко двору въ связи съ защитительными рѣчами козла и барана и вслѣдъ затѣмъ съ оправдательной рѣчью Ренара въ „Изенгримѣ“. Слѣдовательно необходимо допустить, что сюжетъ древнихъ поэмъ раздробился и каждая частица развивалась самостоятельно. Притомъ два сюжета обращали на себя вниманіе по преимуществу: рассказъ о болѣзни льва и о судѣ надъ Ренаромъ. Всѣ остальные рассказы поглощались этими двумя сюжетами и упоминались въ нихъ эпизодически.

Развитіемъ втораго сюжета, т. е. о судѣ, является именно 20-я вѣтвь. Такъ какъ сюжетъ этотъ самъ по себѣ заключалъ въ себѣ неисчерпаемый матеріалъ, то другіе сюжеты, которые могли претендовать на такую же самостоятельность, должны были отдѣлиться и продолжать свое существованіе независимо, или — одинъ рассказъ долженъ былъ взять перевѣсъ надъ другимъ, если оба рассказа удерживались рядомъ. Дѣйствительно, въ позднѣйшихъ поэмахъ замѣчается постоянно преобладаніе то рассказа о больномъ левѣ, то рассказа о судѣ. Послѣдній является для данной группы основой, къ которой присоединялся съ теченіемъ времени рядъ добавочныхъ мотивовъ.

Весьма важнымъ моментомъ въ рассказѣ о судѣ является мотивъ о поруганіи чести волчицы Ренаромъ. Мотивъ этотъ постоянно является завязкой всѣхъ поэмъ о судѣ и ему придается главное значеніе; онъ проникъ въ позднѣйшія поэмы непосредственно изъ „Рейнарда“ (см. выше стр. 186 сл.).

20-я вѣтвь, главнымъ образомъ первая ея половина, т. наз. 20^а, послужила образцомъ для другихъ вѣтвей (см. ниже) и поэмъ. Переработкой 20^а вѣтви является между прочимъ и „Рейнартъ“, что въ данный моментъ не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію (см. ниже). Здѣсь необходимо опредѣлить вкратцѣ отношеніе „Рейнарта“, а за нимъ и его переработки, — „Рейнке“, къ данной вѣтви.

Прологъ изъ 40 стиховъ въ „Рейнартѣ“ составленъ конечно авторомъ послѣдняго, Виллемомъ; въ „Рейнке“ пролога не полагается (рѣчь о глоссѣ впереди). Весна. Вознесеніе замѣнено Троицей. Царь левъ (Nobel) ⁽¹⁾ призываетъ

(¹) О значеніи этого имени см. J. G r i m m R. F. стр. ссxxxij. Вообще о значеніи именъ различныхъ животныхъ см. тамъ же стр

звѣрей ко двору. Рейнартъ не является вслѣдствіе признанія своихъ преступленій. Рѣчи льва, медвѣдя и быка въ „Ренарѣ“ опущены въ „Рейнартъ“ и послѣ жалобы Изенгрима слѣдуетъ жалоба собачки (Cortois; Wackerlôs, по „Рейнке“), обвиняющей Рейнарта въ томъ, что онъ отнялъ у нее колбасу; котъ (Tibeert; Hinze) немедленно заявляетъ, что колбаса принадлежала собственно ему, слѣдовательно жалоба собачки неосновательна (Rein. vv. 98—125. Reinke vv. 69—92). Бобръ (Panser; pantêr — барсъ, по „Рейнке“) рассказываетъ, какъ онъ спасъ зайца (Cuwaert; Lampe) изъ лапъ Рейнарта, взявшагося обучить послѣдняго грамотѣ и символу вѣры; Рейнартъ готовъ былъ перегрызть зайцу горло (Rein. vv. 126—169. Reinke vv. 93—141). Въ оправданіе Рейнарта барсукъ, возражая Изенгриму, рассказываетъ, какъ послѣдній обманулъ Рейнарта, добывшаго рыбу (см. выше стр. 59 [вар. С и Д]) и окорокъ, отъ котораго онъ предложилъ ему только веревку (Rein. vv. 217—231. Reinke vv. 199—226). Рѣчи въ „Ренарѣ“, касающіяся поруганія чести волчицы, „Рейнартъ“ снова опускаетъ и прямо переходитъ отъ защиты барсука, толкующаго о томъ, что Рейнарту нельзя ставить въ вину любовь къ волчицѣ, что онъ живетъ какъ отшельникъ, съ годъ какъ не ѣстъ мяса и т. п., — къ появленію пѣтуха (Canticleer; Hennink) съ мертвой курицей (Rein. vv. 282—420. Reinke 293—404). Жалуется не курица, какъ въ „Ренарѣ“, а пѣтухъ, котораго Рейнартъ, подъ видомъ отшельника, обманываетъ царской грамотой, возвѣщающей о мирѣ. Объ испугѣ и исцѣленіи зайца не упоминается. Послѣ отпѣванія царь обращается за совѣтомъ къ дружинникамъ (te sinen houden, v. 466). Рѣшено отправить посломъ медвѣдя. Послѣдній спасается подъ конецъ отъ жестокихъ побоевъ тѣмъ, что

схѣмъ слл.; кромѣ того слѣдуетъ присоединить ук. выше (стр. 27) исследование Люббена и можно отмѣтить еще слѣдующія статьи: Н. Leo въ Zs. f. deutsch. Alterth. III [1843] 186 (по поводу именъ Chanteclin, Salaura и Karchofas); Ноеферъ въ Germania (Пфейффера) II [1857] 168 (по поводу именъ кота). Нѣсколько любопытныхъ указаній встрѣчается м. пр. и въ слѣд. статьяхъ, хотя онѣ и не имѣютъ прямого отношенія къ даннымъ поэмамъ: O. Keller Ueb. d. Bedeutung einiger Thiernamen im Griech. u. Lat. Vortrag. Graz 1878. W. Schott Ueb. ein. Tiernamen въ Abh. d. K. Akad. d. Wiss. zu Berl. 1876 (отд. отд. 1877).

бросаетъ нѣсколькихъ бабъ въ рѣку, въ томъ числѣ и попадю (Juloske; Jutte mîn maget, по Рейнке, v. 756). Испуганный священникъ восклицаетъ: „кто ей можетъ помочь, я дамъ тому на круглый годъ полное прощеніе и отпущеніе отъ всякаго грѣховнаго дѣянiя“ (v. 833; въ Рейнке v. 760 присоединяются еще двѣ бочки пива). Всѣ бросаются къ попадѣ, а медвѣдь спасается вплавь. Царь снова созываетъ совѣтъ и посломъ отправляется котъ. Третій посолъ — барсукъ, но царь не вручаетъ ему грамоты. Рейнартъ прощается съ женой и дѣтьми до исповѣди, которая происходитъ въ полѣ. Въ числѣ проступковъ Рейнартъ упоминаетъ, что насолилъ выдрѣ (чѣмъ?) и коту (Rein. vv. 1452. 1463. Reinke vv. 1390. 1403), провель медвѣдя (v. 1461 || v. 1399), обижалъ пѣтуха (v. 1466 || v. 1408), оскорблялъ царя и царицу (v. 1471 сл. || v. 1413 сл.), заставилъ Изенгрима звонить въ колоколъ, привязавъ его ноги къ веревкѣ (v. 1479 сл. || v. 1419 сл.; ср. выше br. 9), выжегъ (кипяткомъ?) на головѣ его тонзуру (v. 1497 || v. 1445), заставилъ его ловить рыбу въ проруби (см. выше стр. 74), повель его въ кладовую (см. выше стр. 149). Пока волкъ въ кладовой, Рейнартъ уноситъ со стола священника жареннаго пѣтуха, котораго впрочемъ бросаетъ, такъ какъ онъ былъ очень тяжелъ и кромѣ того Рейнарта усердно преслѣдовалъ ограбленный (v. 1529 слл. || v. 1475 слл.). Затѣмъ Рейнартъ упоминаетъ, какъ онъ завелъ Изенгрима, соблазнивъ его курицами, на чердакъ, откуда Изенгримъ свалился внизъ и снова былъ избитъ (v. 1604 || v. 1534), и, наконецъ, какъ онъ „спалъ съ своей теткой“ (Haersint; Giremôt), женой Изенгрима (v. 1645 слл. || v. 1583 слл.). Проходя мимо „монастыря черныхъ монахинь“, Рейнартъ бросается на пѣтуха, такъ что „перья полетѣли“. Рейнартъ оправдывается также храбро и считаетъ всѣ обвиненія, возводимыя на него, клеветой. Рѣчь царя, укоряющая Рейнарта, помѣщена вслѣдъ за привѣтственной рѣчью Рейнарта и до его оправданій, а не по произнесеніи нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ въ „Ренарѣ“. Затѣмъ вкратцѣ передается, что начались дебаты и посыпались прекрасныя рѣчи и что Рейнарта рѣшено было повѣсить. Далѣе въ „Рейнартѣ“ (Rein. vv. 1883 слл. Reinke vv. 1827 слл.) сохраняются только самыя общія черты оригинала, — все остальное является неотъемлемой собственностью Виллема.

Родственники Рейнарта съ горя покидаютъ дворъ. Котъ, медвѣдь и Изенгримъ хлопчуть изъ за веревки и торопятся привести въ исполненіе приговоръ. Пока воздвигаютъ висѣлицу, Рейнартъ проситъ царя позволить ему все-народно сознаться въ своихъ прегрѣшеніяхъ. Онъ рассказываетъ о томъ, какъ рано стали развиваться въ немъ кровожадные инстинкты, какъ онъ сошелся съ Изенгримомъ и какъ они вмѣстѣ пускались на грабежи, причемъ Рейнартъ оказывался всегда одѣленнымъ. Это его впрочемъ не огорчаетъ, тѣмъ болѣе, что онъ все-таки обладаетъ несмѣтнымъ кладомъ. Царь допытывается: откуда у него кладъ? Рейнартъ сообщаетъ, что съ кладомъ связанъ былъ заговоръ противъ царя. Царица въ испугѣ и царь въ безпокойствѣ. Рейнартъ сообщаетъ, что его отецъ открылъ однажды сокровище короля Эрменриха (Hermelinc; Emerik) и сталъ столь заносчивымъ, что затѣялъ вмѣстѣ съ котомъ, медвѣдемъ, волкомъ и барсукомъ заговоръ съ цѣлью умерщвленія царя и возведенія на престолъ медвѣдя. Однажды барсукъ былъ навеселѣн и открылъ планъ заговора женѣ Рейнарта (v. 2280 слл.; по „Рейнке“ барсукъ сообщаетъ тайну сначала своей женѣ, а та уже передаетъ ее женѣ Рейнке, v. 2182 слл.). Рейнартъ былъ увѣренъ, что медвѣдь будетъ кровожаднымъ царемъ (причемъ въ видѣ примѣра рассказываетъ одну изъ передѣлокъ басни Эзопъ [Halm № 76. Мартыновъ № 166] о аистѣ, царѣ лягушекъ) и поэтому рѣшился слѣдить за отцемъ, чтобы выслѣдить гдѣ скрытъ кладъ и чтобы похищеніемъ послѣдняго уничтожить всѣ планы въ зародышѣ. Рейнартъ подстерегаетъ наконецъ отца, открываетъ мѣсто, гдѣ зарытъ былъ кладъ, а при помощи жены переноситъ послѣдній въ другое мѣсто. Вслѣдствіе потери сокровища союзникамъ нельзя было выплачивать жалованія и отецъ Рейнарта повѣсилъ съ горя. При содѣйствіи царицы, царь прощаетъ Рейнарта съ условіемъ, что онъ выдастъ кладъ. Рейнартъ описываетъ пустыню и березу, подъ которой зарытъ кладъ, а такъ какъ царь сомнѣвается въ правдивости его словъ, то трусливый заяцъ долженъ подтвердить существованіе описываемой мѣстности; Рейнартъ сожалеетъ, что нѣтъ собачки (Rijn; Rîn), которая подтвердила бы его показаніе (пропущено въ „Рейнке“). Царь требуетъ, чтобы Рейнартъ повелъ его къ этому мѣсту. Рейнартъ объявляетъ, что онъ отлученъ папою отъ церкви за то, что уговорилъ Изенгрима бѣжать

изъ монастыря, и долженъ поэтому предварительно отпра-
виться въ Римъ и вымолить прощеніе. Царь согласенъ, объ-
являетъ звѣрямъ, что простилъ Рейнарта, требуетъ, чтобы
всѣ оказывали ему почести и впредь не дерзали жаловаться
на него. Воронъ (Tieselijn) сообщаетъ печальную вѣсть о по-
милованіи волку, медвѣдю и коту (пропущено въ „Рейнке“).
Котъ спасается бѣгствомъ, а волкъ и медвѣдь отправляются
къ царю и къ царицѣ и дерзко возобновляютъ свои обвиненія;
по приказу царя, волка и медвѣдя связываютъ и въ узахъ по-
слѣдніе проводятъ всю ночь (сокращается въ „Рейнке“).
На утро Рейнартъ, при содѣйствіи царицы, добивается того,
что медвѣдю вырѣзываютъ изъ спины кусокъ шкуры на сум-
ку для него; обувью для Рейнарта служитъ шкура, со-
дранная съ переднихъ лапъ волка и съ заднихъ лапъ вол-
чицы, надъ которой Рейнартъ еще злобно издѣвается. На
слѣдующее утро баранъ (Belijn; Bellin), капелланъ царя, вы-
нужденъ служить напутственный молебенъ (een gheles) для Рей-
нарта, повѣситъ ему на шею сумку и вручитъ посохъ. Всѣмъ
звѣрямъ, за исключеніемъ связанныхъ волка и медвѣдя, прика-
зано провожать Рейнарта. На пути Рейнартъ проситъ царя,
чтобы онъ не провожалъ его дальше, проситъ звѣрей молиться
за него и сладкими рѣчами упрашиваетъ зайца и барана про-
водить его еще немного. Добравшись до дому, Рейнартъ за-
зываетъ къ себѣ зайца, душитъ его и пожираетъ съ своей
семьей. Недовѣрчиваго барана Рейнартъ успокоиваетъ на
счетъ долгаго отсутствія зайца и вручаетъ ему сумку, куда
кладетъ голову зайца, выдаваемую имъ за письма къ царю;
баранъ долженъ заявить, что письма эти составлены по его
наущенію. Во избѣжаніе царскаго гнѣва Рейнартъ удаляет-
ся съ своей семьей въ пустыню (послѣднее въ „Рейнке“ опу-
щено; тутъ Рейнке, слѣдуя совѣту жены и рассчитывая на крѣ-
пость своего замка, рѣшаетъ не покидать родины уже въ пер-
вомъ разговорѣ съ женой [v. 2951 слл.]). Между тѣмъ ба-
ранъ является ко двору. Царь приказываетъ своему секрета-
рю (clerc) Ботсарту⁽¹⁾ прочесть мнимыя письма и принуж-

⁽¹⁾ Botsaert—какое то неизвѣстное животное; по обработкѣ (Rein. II v. 3365) царскій секретарь носитъ имя Бокарта (Bokaert), которымъ по „Рейнке“ (v. 3115 слл.) является бобръ, по имени Bökert или Bœkert. Повидимому имени Botsaert отвѣчаетъ въ итальянск. обработкѣ названіе Busnardo (Rain. v. 57), относительно котораго высказалъ извѣстныя догадки Мартинъ Heidelb. Jahrb. 1870 стр. 162.

день самъ обвинять себя въ легковѣріи и въ утратѣ дружбы волка и медвѣдя. Леопардъ (Figareel; по Рейнке просто lûrârdus или lûrârt) предлагаетъ царю въ видахъ примиренія выдать оскорбленнымъ барана и все его потомство на вѣчныя времена. Обиженные изъявляютъ согласіе. Въ честь волка и медвѣдя, прибавляетъ обработка (Rein. II v. 3476) и „Рейнке“, царь продлилъ придворныя празднества на 12 дней.

Этимъ заканчивается произведение Виллема и первая книга „Рейнке“.

Истокомъ 20^а вѣтви является и первая половина „Райнардо“ (Rain. vv. 1—401). Обработка эта иногда дословно отвѣчаетъ br. 20^а, но передаетъ ее въ весьма сокращенномъ видѣ. Теца (Rain. стр. 7 слл.) вкратцѣ передаетъ и содержаніе „Райнардо“ и въ примѣчаніяхъ къ тексту весьма подробно указалъ всѣ черты сходства съ „Ренаромъ“; тѣмъ не менѣе здѣсь необходимо выдвинуть тѣ черты, которыя непосредственно опредѣляютъ отношеніе „Райнардо“ къ оригиналу и другимъ обработкамъ.

Весна не упоминается, а прямо говорится, что на Вознесеніе царь созвалъ всѣхъ „звѣрей домашнихъ и хищныхъ“ (v. 4), намѣреваясь чинить судъ и расправу. Звѣрей собирается тьма и всѣ жалуются на Райнальдо (объ отсутствіи его умалчивается). Лезангрино обвиняетъ послѣдняго въ поруганіи чести его жены (Lesengra) въ Malpertuso, замкѣ Райнальдо (ср. Rein. v. 9680 сл.). Царь находитъ это тяжкимъ преступленіемъ (въ противоположность „Ренару“). Жалуется пѣтухъ⁽¹⁾ (какъ въ „Рейнартѣ“, а не курица, какъ въ „Ренарѣ“) на искалѣченіе и умерщвленіе курицы. И это обвиненіе царь находитъ тяжкимъ и приказываетъ объявить Р. въ опалѣ (какъ въ Esbasis; ср. выше стр. 179). Р. защищаетъ его „товарищъ“, барсукъ (Gilberto), который берется привести его черезъ трое сутокъ на судъ. Царь беретъ опалу назадъ и отправляетъ барсука (о посольствѣ медвѣдя и кота умалчивается). Посолъ является къ замку, который „15 дверей имѣетъ для входа и 15 для выхода“ (v. 94), вызы-

(¹) Мартинъ (Heidelb. Jahrb. 1870 стр. 162) не безъ основанія предполагаетъ, что имя пѣтуха въ формѣ un Chantacler (v. 11 и др.) представляетъ уже переходъ собственнаго имени въ нарицательное, какъ Renart превратился въ un renard.

ваетъ „кума“ (v. 102) и передаетъ ему взводимыя на него жалобы и гнѣвъ царя. Р. въ смущеніи, такъ какъ сознаетъ, что достоинъ висѣлицы. Барсукъ устраняетъ всѣ опасенія Р., между прочимъ и опасеніе предъ народной яростью, которая можетъ ему помѣшать даже начать оправданіе. Р. рѣшается наконецъ пуститься въ путь, хотя и сомнѣвается, что вернется изъ суда цѣлымъ и невредимымъ. Звѣри встрѣчаютъ путниковъ громкимъ крикомъ, требуя смерти Р. Послѣдній въ испугѣ, но барсукъ ведетъ его къ царю и рекомендуетъ его какъ вѣрнаго вассала. Царь грозно допрашиваетъ Р. (*Bestia malvasia . . .*, v. 197), который считаетъ себя правымъ. Лезангрино повторяетъ свою жалобу, царь беретъ его сторону, а барсукъ защищаетъ Р., находя, что скорѣе слѣдовало бы повѣсить Изенгрима и сжечь его недостойную (*la putana*, v. 235) супругу, такъ какъ оба высказываютъ явную ложь: какъ могъ Р. изнасиловать волчицу, когда она такъ сильна, что съ ней и 14 человѣкъ не справятся? если же все произошло по соглашенію, то нечего жаловаться (ср. *Reinh.* v. 1390 сл. и 432 [выше стр. 184]). Послѣ недовѣрчиваго замѣчанія царя, возражаетъ жена Лезангрино, объясняя свой позоръ тѣмъ, что она попала въ тѣснину. На вопросъ царя возражаетъ Р., оправдывается и царь прощаетъ ему этотъ проступокъ; но вдругъ выступаетъ пѣтухъ и повторяетъ свою жалобу; царь находитъ обвиненіе вѣскимъ и грозить Р. гибелью. Р. указываетъ царю, что онъ долженъ предварительно выслушать обѣ стороны и оправдывается главнымъ образомъ тѣмъ, что пѣтухъ „не нашей религіи: мы звѣри, а онъ—птица; онъ умѣетъ отлично летать“ (*Che i no è de nostra religion. Nu semo bestie et el è osello: El sa volar e ben e bello*, v. 355 сл.)⁽¹⁾. Съ условіемъ соблюдать миръ царь прощаетъ Р., который обязанъ притомъ жить не грабежомъ, а трудами рукъ своихъ.

Во всѣхъ этихъ обработкахъ отчетливо сохранилась основа вѣтви 20^a, но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается и цѣлый

⁽¹⁾ Последнее оправданіе чрезвычайно близко подходитъ къ оправданію Рейнарта, доказывающаго, что онъ не могъ поймать вороны: *Hoe soudic haer comen so na? Want si vlieghet, ende ic ga* (*Reinh.* v. 4497 сл.); или: *Wô scholde ik er jummer komen sô nâ? Wente sê vlêgen unde ik gâ* (*Reinke* v. 4418 сл.)!

рядъ самостоятельныхъ чертъ, принадлежащихъ перѣдко всецѣло составителямъ этихъ новыхъ поэмъ.

Въ „Райнардо“ сокращаются до крайности различныя подробности, причемъ исчезаютъ и болѣе крупныя черты. Такъ, опущена исповѣдь Райнальдо передъ барсукомъ. Зародышемъ исповѣди вообще слѣдуетъ очевидно признать интимную бесѣду лисы съ барсомъ въ Escbasis (см. выше стр. 179). Но пропускъ довольно крупныхъ чертъ не мѣшаетъ тому, что удерживаются иногда сравнительно мелкія черты. Напр., при описаніи путешествія барсука къ Райнальдо упоминается, что послѣдній былъ на охотѣ и принесть въ свой замокъ 7 куриць, каплуна и пѣтуха (v. 96 слл.). Эта черта опять таки отвѣчаетъ вообще тому мѣсту въ Escbasis (въ ук. м.), гдѣ лиса угощаетъ своего друга барса.

Но несмотря на всѣ эти сокращенія и видоизмѣненія и въ „Райнальдо“ сохраняется все тотъ же основной мотивъ, — идея суда. Очень можетъ быть, что импульсомъ къ этой идеи и послужила одна изъ басенъ Эзопа (ср. выше стр. 44); когда же въ послѣдствіи присоединился весьма видный мотивъ о поруганіи чести волчицы, мотивъ, который подъ вліяніемъ зарождавшихся рыцарскихъ идей, — съ какой бы точки зрѣнія послѣднія не подходили къ нему, — долженъ былъ достигнуть полного развитія, то мотивъ о судѣ могъ считать свое существованіе вполне упроченнымъ. Предположеніе это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ болѣе раннихъ поэмахъ о похожденияхъ Ренара съ волчицей еще не упоминается. Во всякомъ случаѣ идея суда развилась на средневѣковой почвѣ. Тѣмъ не менѣе нельзя упускать изъ виду, что если эта идея и достигла полного развитія только въ позднѣйшихъ поэмахъ, то однако и предшествовавшія имъ поэмы доставили значительную долю мотивовъ, способствовавшихъ дальнѣйшему росту этой идеи. Такъ, напр., уже въ Escbasis сплетни на лису, воздвиганіе висѣлицы волкомъ, бѣганіе барса за виновницей, признаніе этой вины, оправданіе предъ царемъ, — все это уже живо напоминаетъ атмосферу уголовного процесса, камеру судьи.

Переходимъ къ слѣдующимъ вѣтвямъ романа о Ренарѣ. 21-я вѣтвь (Ren. vv. 11959—12508) носитъ заглавіе: „Какъ Ренаръ сталъ красильщикомъ“.

Царь повелѣлъ провозгласить: кто схватитъ Ренара, тотъ въ правѣ немедленно его повѣсить. Ренаръ спасается

бѣгствомъ и обращается съ мольбой къ Богу, чтобы онъ предохранялъ его отъ всякихъ бѣдствій и сдѣлалъ неузнаваемымъ; онъ ударяетъ себя сильно въ грудь, крестится и направляется въ деревню за добычей. Онъ влѣзаетъ въ открытое окно въ домъ красильщика, дѣлаетъ прыжекъ и попадаетъ вдругъ въ чанъ съ желтой краской. Красильщикъ готовъ уже нанести ему ударъ, но Ренаръ обѣщаетъ его научить, какъ смѣшивать краску съ золой. Красильщикъ вытаскиваетъ его, а Ренаръ, посмѣявшись надъ нимъ, бросается въ лѣсъ. Близъ дороги встрѣчается онъ съ Изенгримомъ. Послѣ нѣкотораго размышленія Ренаръ рѣшается заговорить съ нимъ, переимѣнивъ свой говоръ. Онъ обращается къ нему съ привѣтствіемъ: *Godehelpe!* и объявляетъ Изенгриму, который крестится, разглядывая невиданнаго звѣря, что онъ изъ Бретани, что по имени онъ *Galorins*, а по профессіи — жонглёръ, котораго, къ несчастію, вчера ограбили, избили и лишили скрипки. Ренаръ перечисляетъ рядъ пѣсенъ, которыя онъ умѣетъ пѣть (v. 12149 сл.). Изенгримъ спрашиваетъ: не видалъ ли онъ злодѣя Ренара? причемъ описываетъ его козни. Затѣмъ Изенгримъ выражаетъ желаніе взять его ко двору въ качествѣ жонглёра и обѣщаетъ добыть ему скрипку. Онъ ведетъ его къ дому виллана, забирается ночью въ открытое окно и передаетъ Ренару скрипку, тогда какъ послѣдній немедленно вытаскиваетъ подпорку у окна и оно падаетъ внизъ. Стукъ поднимаетъ всѣхъ на ноги. Пока вилланъ вздуваетъ огонь Изенгримъ „схватываетъ его за задъ“ (v. 12326), но самъ подвергается кастраціи со стороны собаки. Онъ спасается наконецъ бѣгствомъ и достигаетъ своей берлоги. Онъ входитъ съ чернаго крыльца и привѣтствуетъ домашнихъ тихимъ голосомъ. Волчица „была весела: бросается къ нему на шею, цѣлуетъ его сотню разъ“ (v. 12381); послѣ ужина она обнаруживаетъ еще болѣе нѣжности и Изенгримъ вынужденъ прибѣгнуть ко лжи (*Une nonein velée . . . me fist prendre*, v. 12430). Волчица въ отчаяніи, не желаетъ и слышать о немъ (*Quant il ne puet la chose fere . . .*, v. 12481) и покидаетъ его.

Относительно окрашиванія лисы въ желтую краску и о связи этой черты съ восточными рассказами было замѣчено выше (стр. 86; ср. стр. 188).

Что касается эпизода о кражѣ скрипки, то въ сущности онъ представляется не болѣе какъ однимъ изъ сильно видо-

измѣненныхъ вариантовъ о волкѣ въ кладовой (см. выше стр. 149). И здѣсь волкъ забирается въ комнату и путь ему отрѣзывается; вся разница, что вмѣсто обычнаго окорока, который прельщаетъ волка, здѣсь приводится скрипка, соответственно роли жонглёра, принятой на себя Ренаромъ. Что дѣйствительно рассказы эти тождественны, — доказываетъ между прочимъ то, что многія черты даннаго эпизода совершенно отвѣчаютъ рассказу о волкѣ въ кладовой въ 10-й вѣтви (Ren. vv. 4301—4589). Въ послѣднемъ, напр., рассказѣ вилланъ просыпается отъ шума, поднятаго волкомъ (v. 4486 слл.), и въ данномъ рассказѣ вилланъ просыпается отъ шума (v. 12316 слл.); въ первомъ рассказѣ на сцену выступаетъ жена (v. 4522) и во второмъ (v. 12319); въ первомъ вилланъ поворачивается къ волку спиной, чтобы вздуть огонь (v. 4502. 4513 сл.), и во второмъ (v. 12324), причемъ волкъ „схватываетъ его за задъ“ (Par la nache du cul l'a pris, v. 4519. Par les naches le prent deriere, v. 12326), затѣмъ бросается къ отворенной двери (Quant Primaut choisi l'uis ouvert, v. 4545. Quant Ysengrin vit l'uis overt, v. 12343) и т. п. Слѣдовательно и данный рассказъ необходимо отнести къ мотиву о волкѣ въ кладовой.

Мотивъ о несчастіи, постигшемъ волка и волчицу, занесенъ въ данную вѣтвь изъ иной категоріи рассказовъ, стоящихъ внѣ предѣловъ животнаго эпоса.

22-я вѣтвь (Ren. vv. 12509 — 12986) передаетъ о томъ, „Какъ Ренаръ сталъ жонглёромъ; она примыкаетъ непосредственно къ предыдущей вѣтви, какъ необходимо заключить уже по одному началу (Or vos dirai... la contenance..., v. 12509).

Получивъ скрипку, Ренаръ выучивается на ней играть и послѣ долгихъ странствованій приходитъ къ женѣ. Последняя между тѣмъ собирается выйти замужъ за молодаго барсука Понсэ (Poncet, v. 12531; Poinciax, v. 12615; даже Grinbert, v. 12527), такъ какъ котъ сообщилъ о томъ, что видѣлъ, какъ Ренара повѣсили. Ренару приходится узнать, что Понсэ уже давно находился въ связи съ его женой. Ренаръ, приглашенный на свадьбу рѣшается ему отомстить. На свадьбу стекается множество звѣрей; между прочимъ является и жена Изенгрима, Эрсанъ (Hersent). Послѣ ужина всѣ расходятся и остаются только Ренаръ, замышляющій планъ мести, и Эрсанъ, принимающаяся стлать постель для

жениха. Ренаръ заявляетъ жениху, что если онъ желаетъ, чтобъ у него былъ сынъ, то онъ, съ босыми ногами и со свѣчкой въ рукахъ, долженъ отправиться къ могилѣ мученицы—именно курицы (Сорее),—которую нѣкогда зарѣзалъ Ренаръ. Въ дѣйствительности тамъ разставлены были силки и поставлена была западня. Неосторожный женихъ попадаетъ въ западню, а Ренаръ поднимаетъ его на смѣхъ и предоставляетъ на жертву собакамъ. Возвратившись къ женѣ, Ренаръ уличаетъ ее въ измѣнѣ, бьетъ ее, бранитъ Эрсанъ и выгоняетъ обѣихъ изъ своего дома. Изгнанныя „дамы“ вскорѣ затѣваютъ между собой ссору, предметомъ которой является ихъ предосудительное поведеніе, и вступаютъ въ рукопашную. Отшельникъ, проходившій мимо, узнаетъ причину ихъ ссоры и примиряетъ ихъ не только между собой, но и съ мужьями. Ренаръ въ заключеніе рассказываетъ женѣ о своихъ похожденияхъ.

Мотивъ о свадьбѣ лисы напоминаетъ одну русскую сказку (А. е. I² № 18), гдѣ лиса сватается за кота, угощаетъ въ своей норѣ и выходитъ замужъ, причемъ у нихъ начинается „пиръ да веселье“. Впрочемъ данныхъ этихъ пока мало, чтобы имѣть возможность сказать нѣчто положительное о взаимномъ отношеніи этой сказки къ упомянутому эпизоду.

Что касается молитвы, произносимой на могилѣ мученицы, причемъ молящійся попадаетъ въ силки, то черта эта отвѣчаетъ извѣстному мотиву о ложной клятвѣ (см. выше стр. 164), который видоизмѣнился сообразно новымъ условіямъ разсказа.

23-я вѣтвь озаглавлена слѣдующимъ образомъ: „Здѣсь начинается поломничество Ренара, и какъ онъ отправился въ Римъ“. Передается разсказъ о звѣряхъ-странникахъ, рассмотрѣнный выше (стр. 128). Въ дополненіе къ сдѣланнымъ замѣчаніямъ о звѣряхъ-странникахъ необходимо еще замѣтить, что первоначальнымъ источникомъ этого мотива является очевидно разсказъ Сукасапата, гдѣ тигръ обращается въ бѣгство вслѣдствіе того, что ему грозятъ съѣсть его. Съ этимъ разсказомъ и его истоками придется познакомиться ниже при разборѣ 25-й вѣтви.

24-я вѣтвь (Ren. vv. 13465—15308) передаетъ разсказъ о „Бое Ренара съ Изенгримомъ“.

Царь левъ созываетъ звѣрей ко двору. Всѣ являются, исключая Ренара. Является и Изенгримъ „рогоносецъ“ (v.

13490). Всѣ поднимаютъ Изенгрима на смѣхъ, что онъ безъ хвоста (*Son cul a porte decouvert*, v. 13492) и съ огромной тонзурой на головѣ. Изенгримъ становится предъ царемъ на колѣни и жалуется на Ренара. И царь смѣется надъ Изенгримомъ, но отправляетъ однако барсука (*Grimbert*) за Ренаромъ. Между тѣмъ при дворѣ всѣ веселятся, пляшутъ и поютъ, но многіе заняты и мыслями по поводу обвиненія Р. и даже запасаются адвокатами. Является Р. и привѣтствуетъ царя, который обращается къ нему съ грозной рѣчью и перечисляетъ его проступки противъ Изенгрима, кота, медвѣдя, пѣтуха, ворона и синицы. Р. выказываетъ себя покорнымъ вассаломъ, оправдывается, указываетъ царю на свои заслуги, указываетъ на то, какъ онъ ходилъ изъ-за него въ Римъ, Салерно и Монпелье,—лишь бы добыть лѣкарство для излѣченія его отъ тяжелой болѣзни. Барсукъ заступаетъ за него, но царь вновь перечисляетъ проступки Р. и рассказываетъ приключеніе съ котомъ въ домѣ священника (vv. 13734—808) и приключеніе съ медвѣдемъ, попавшимся въ расклиненный дубъ (vv. 13809—874). Кромѣ того пересказываются вкратцѣ приключенія съ синицей (v. 13880), съ курицей (v. 13899), съ ворономъ, лишившимся сыра (v. 13909), говорится о жалобѣ Изенгрима по поводу оскорбленія, нанесеннаго его женѣ Ренаромъ (*Qui sa fame li a maumise Et à force desoz lui mise Si vilment et en tel maniere Com se ce fust sa chanberiere*, v. 13931), рассказывается о томъ, какъ Р. заманилъ пса Ронеля въ силокъ, причемъ онъ подвергся жестокимъ побоямъ (vv. 13945—14008). Далѣе Ренару ставятся въ вину проступки, совершенные имъ съ момента появленія его въ лагерьъ непріятелей (см. выше стр. 213, въ концѣ 20-й вѣтви). Р. оправдывается, но со всѣхъ сторонъ на него немедленно взводятся новыя обвиненія; тѣмъ не менѣе Р. настаиваетъ на своей правотѣ и предлагаетъ рѣшить дѣло или судомъ Божьимъ, или поединкомъ (*O par jūise, o par bataille*, v. 14218). Изенгримъ выступаетъ съ обвинительной рѣчью,—за которой слѣдуютъ оправданія обвиняемаго,—и уличаетъ Р. въ преступной связи съ его женой, говоритъ о своемъ пребываніи въ раю (ср. выше стр. 79), о рыбной ловлѣ, о посѣщеніи виннаго погреба (см. выше стр. 148), о обвариваніи его головы кипяткомъ ради тонзуры (ср. выше стр. 90), о неудачномъ притворствѣ съ цѣлью кражи рыбы подъ видомъ мнимо-умершаго (см.

выше стр. 59). Изенгримъ требуетъ боя и Р. принимаетъ вызовъ. Каждый изъ нихъ (согласно обычаю) представляетъ заложниковъ. Заложниками со стороны Изенгрима оказываются медвѣдь, котъ, пѣтухъ и заяцъ, а со стороны Р. — быкъ, кабанъ, ежъ и барсукъ. Чрезъ 15 дней рѣшено сойтись для поединка. Начинаются заранѣе приготовленія къ бою, причемъ Р. рассчитываетъ главнымъ образомъ на свою хитрость и на свои увертки. Изенгримъ вооружается краснымъ щитомъ, а Ренаръ желтымъ; каждый изъ борцовъ захватываетъ съ собой и дубинку. Р., обривъ себѣ бороду и шею, отправляется наконецъ ко двору. Сильно беспокоится за Р. жена его; она возноситъ къ Богу теплыя молитвы за спасеніе своего супруга. И „Эрсанъ молится за своего господина, чтобы Господь оказалъ такую милость (*tel onor*), чтобы онъ [Из.] не вышелъ [цѣлымъ] изъ боя и чтобы Р. могъ его побѣдить“ (v. 14639). Царь поручаетъ оленю слѣдить за правильнымъ ходомъ поединка; олень избираетъ себѣ въ помощники леопарда, кабана и быка. Посовѣтовавшись съ товарищами, олень, при посредничествѣ царя, предлагаетъ помириться противникамъ, но Изенгримъ настаиваетъ на поединкѣ. Тогда царь призываетъ барана, своего капеллана, и приказываетъ ему привести къ присягѣ противниковъ: Р. клянется, что не причинялъ никому зла, а Из., что Р. далъ ложную клятву. Изенгримъ заранѣе увѣренъ въ побѣдѣ, но при первомъ же столкновеніи получаетъ такой сильный ударъ по головѣ, что не сразу въ состояніи опомниться; за вторымъ ударомъ Р. переламываетъ ему лѣвое плечо. Противники бросаютъ щиты и схватываются въ рукопашную; при помощи извѣстной хитрости (*un tor d'englois . . . jambet li fet*, v. 14979), Р. роняетъ Из. на землю, жестоко грызетъ его, бросаетъ землю въ глаза и издѣвается надъ нимъ. Но Р. нечаянно роняетъ свою дубину; Изенгримъ пользуется этимъ, чтобы схватить лапу противника въ зубы и въ свою очередь повалить его на землю. Изенгримъ обращается съ своимъ врагомъ безпощадно и оставляетъ его замертво; первого объявляютъ побѣдителемъ, а второго рѣшено повѣсить. Пока котъ завязываетъ глаза Р., а собака связываетъ его лапы, Р. приходитъ въ себя. Р. желаетъ исповѣдоваться. Призываютъ барана. Неожиданно появляется монахъ Бернаръ, который проситъ царя о помилованіи Р., и достигаетъ того, что царь отпускаетъ съ нимъ Р. въ монастырь. Въ монасты-

рѣ Р. быстро оправился и снова сталъ мечтать о курицахъ. Однажды одинъ буржуа приносить въ монастырь четырехъ каплуновъ; ночью Р. душитъ послѣднихъ и одного изъ нихъ пожираетъ; монахи вскорѣ узнаютъ проступокъ Ренара и выгоняютъ его изъ монастыря. Р. возвращается въ свой замокъ, гдѣ его встрѣчаютъ съ распростертыми объятіями.

Сюжетъ 24-й вѣтви, подобно сюжету 20-й, являлся основой различныхъ обработокъ. Къ числу такихъ обработокъ относится между прочимъ и обработка „Рейнарта“, извѣстная подъ именемъ „Исторіи Рейнарта“. Послѣдняя представляетъ позднѣйшую переработку подлиннаго „Рейнарта“ съ присоединеніемъ продолженія. Это „продолженіе“ и представляется непосредственной обработкой 24-й вѣтви романа о Ренарѣ, подобно тому, какъ древній „Рейнартъ“ оказывается обработкой 20^а вѣтви. „Рейнке“ содержитъ, понятно, тотъ же сюжетъ, такъ какъ основывается на позднѣйшей обработкѣ и продолженіи „Рейнарта“.

Отличительныя черты продолженія „Рейнарта“ заключаются въ слѣдующемъ.

Царь устраиваетъ празднество и всѣ звѣри веселятся, пляшутъ и поютъ. (Вторая книга „Рейнке“ присоединяетъ небольшое введеніе, въ которомъ звѣри высказываютъ свое недовольство Рейнке). Не является на царскій зовъ только Рейнартъ. Восемь дней уже длится торжество, какъ вдругъ является кроликъ (Lamprgeel) съ жалобой на Рейнарта, который сдѣлалъ на него нападеніе,—ударилъ перчаткой и ударомъ своей лапы нанесъ четыре раны въ голову. Вслѣдъ за тѣмъ является ворона съ жалобой на коварнаго Рейнарта (см. выше стр. 43). Левъ реветъ отъ гнѣва, что его провель Рейнартъ, собиравшійся отправиться въ Римъ, и старается свалить вину на совѣтъ жены; царь собирается его примѣрно наказать. Изенгримъ и медвѣдь радуются, но не отваживаются промолвить словечка, такъ какъ левъ слишкомъ свирѣпъ. Наконецъ рѣшается замѣтить царица: *Sire, pour dieu, ne croies mie Toutes choses que on vous die, Et ne jures pas legierement!* Она напоминаетъ супругу поговорку: *alteram partem audite!* совѣтуетъ оцѣнить умъ Рейнарта и принять въ соображеніе огромное число его родственниковъ (*van groten gheslachte*, v. 3687). Леопардъ поддерживаетъ королеву и совѣтуетъ царю потребовать Р. для оправданій, а въ случаѣ неявки—осудить его. Къ этому мнѣнію присоединяется

и Изенгримъ. Царь находитъ, что проще будетъ подвергнуть Р. осадѣ и приказываетъ черезъ шесть дней быть всѣмъ готовымъ выступить въ походъ. Барсукъ немедленно отправляется предупредить Рейнарта. На дворѣ застаётъ онъ Рейнарта, только что успѣвшаго поймать двухъ молодыхъ голубей, и сообщаетъ ему объ ожидающей его участи. Рейнартъ относится къ этой вѣсти довольно равнодушно, приглашаетъ барсука въ домъ и проситъ только умалчивать объ этой исторіи передъ женой. Рейнартъ угощаетъ племянника, хвастается своими дѣтьми и совѣтуетъ всѣмъ улечься спать. Самъ онъ не спитъ и обдумываетъ планъ защиты. Утромъ Рейнартъ прощается съ женой и отправляется ко двору. Дорогой Рейнартъ снова кается въ грѣхахъ и передаетъ барсуку, что онъ виною, что медвѣдю вырѣзали кусокъ шкуры изъ спины, а волку и волчицѣ содрали шкуру съ ногъ, что онъ обманулъ царя, рассказавъ о небываломъ кладѣ и о заговорѣ, что онъ умертвилъ зайца, покушался на кролика и съѣлъ ворону. Далѣе онъ вспоминаетъ исторію, какъ онъ свелъ Из. съ кобылой (см. выше стр. 147). Барсукъ отпускаетъ ему грѣхи, а Р. въ длинной рѣчи развиваетъ свои взгляды относительно невозможности быть непогрѣшимымъ и относительно испорченности міра вообще (въ „Рейнке“ [vv. 3841—4071] рѣчь эта представляетъ болѣе или менѣе значительныя отступленія: первая ея часть ближе отвѣчаетъ на тему о несчастныхъ жертвахъ кровожадности Рейнке, а вторая половина болѣе на тему о духовенствѣ вообще и въ частности). При входѣ во дворецъ Р. смущенъ (какъ въ „Рейнарѣ“, изд. М а р т и н а, br. VI v. 30); барсукъ ободряетъ его (ср. R e n. v. 13596 сл.); бароны не отвѣчаютъ на его привѣтствіе (ср. R e n. v. 13631), а возражаетъ царь угрозой (и частью даже тѣми же словами какъ въ R e n. v. 13650 сл. и R e i n. v. 4356 сл.). Рейнартъ не лестно отзывается о всѣхъ совѣтникахъ царя и замѣчаетъ, что не явился бы ко двору, если бы признавалъ свою вину. Онъ передаетъ о своей встрѣчѣ съ мужемъ обезьяны (Mertijn; по „Рейнке“ Mârtén), который освѣдомлялся о причинѣ озабоченнаго вида Рейнарта. Послѣдній пользуется этимъ мнимымъ запросомъ, чтобы освѣтить съ своей точки зрѣнія приключеніе съ кроликомъ и съ вороной. Раны кролика Рейнартъ объясняетъ простой дракой кролика съ его дѣтьми изъ-за кушанья, а смерть вороны тѣмъ, что, по словамъ мужа же послѣдней

ворона обѣлась. Супругъ обезьяны настаиваетъ на томъ, чтобы Рейнартъ немедленно шелъ ко двору оправдываться, обѣщаетъ самъ хлопотать, чтобы съ него была снята опала и заявляетъ, чтобы Рейнартъ, въ случаѣ несправедливаго осужденія его, Р., при дворѣ, немедленно извѣстилъ его; тогда Мартинъ обѣщаетъ выхлопотать интердиктъ на всю страну. Рейнартъ проситъ поэтому, чтобы съ нимъ поступали по правдѣ и въ случаѣ обвиненія приводили покрайней мѣрѣ свидѣтелей; съ своей стороны онъ всегда готовъ принять вызовъ на поединокъ.

Въ „Рейнке“ сюжетъ распредѣляется иначе: Рейнке, прибывъ ко двору (v. 4094 сл.), встрѣчаетъ Мартена, мужа обезьяны, который собирается въ Римъ; Рейнке вскользь упоминаетъ о обвиненіи, возводимомъ на него кроликомъ и ворономъ; далѣе Мартенъ даетъ свои обѣщанія помощи и ухаживать, а барсукъ и Рейнке вступаютъ во дворецъ. Весь разговоръ съ Мартеномъ приходится въ промежутокъ времени между приходомъ Р. ко двору (v. 4094) и вступленіемъ во дворецъ (v. 4235). Въ присутствіи царя Рейнке только вкратцѣ упоминаетъ о разговорѣ съ Мартеномъ (v. 4346—55). Далѣе слѣдуетъ рассказъ о приключеніи кролика (vv. 4356—4406) и гибели вороны (vv. 4407—20), которая будто бы подавилась рыбьими костями (v. 4412), а не обѣлась падали (aes vol maeden. v. 4487), какъ въ „Рейнартѣ“; притомъ приключенія эти передаются непосредственно царю, а не приводятся какъ пересказъ, сообщенный третьему лицу. Затѣмъ слѣдуетъ вызовъ на поединокъ тѣхъ, которые его обвиняютъ, и т. д., какъ въ „Рейнартѣ“.

Вызовъ на поединокъ пугаетъ кролика и ворону и они удаляются; это сильно огорчаетъ Изенгрима и медвѣдя. Рейнартъ готовъ уже торжествовать, но царь напоминаетъ ему умерщвленіе зайца и Рейнартъ смущенно замолкаетъ; Изенгримъ и медвѣдь испытываютъ радость. Обезьяна вступается за Рейнарта (какъ въ „Ренарѣ“ барсукъ, v. 13722 сл.) и говоритъ о необходимости соблюдать правосудіе. Царь прерываетъ обезьяну замѣчаніемъ, что она защищала бы Рейнарта менѣе ревностно, если бы онъ нанесъ ей тѣ же оскорбленія, которыя онъ нанесъ ему, царю. Обезьяна возражаетъ, что всегда будетъ одинаково расположена къ Рейнарту и, въ доказательство его ума, рассказываетъ о приговорѣ, произнесенномъ Рейнартомъ по поводу спора между

змѣей (een serpent) и человѣкомъ (см. выше стр. 137 [вар. 23]). Затѣмъ она дѣлаетъ весьма не лестный отзывъ объ умѣ волка и медвѣдя, призываетъ своихъ дѣтей и многочисленныхъ родственниковъ Рейнарта и проситъ царя правосудія (trecht van den lande, v. 5179; recht na howes wet, v. 5223) для обвиняемаго.

Въ „Рейнке“ планъ нѣсколько иной. Послѣ уличенія Рейнке въ умерщвленіи зайца царь уходитъ въ свои покои (v. 4524), гдѣ онъ находитъ царицу и обезьяну (v. 4531 сл.); послѣдняя рассказываетъ ему приключеніе человѣка со змѣей, говоритъ о тупоуміи волка и медвѣдя и объ умѣ Рейнке и указываетъ на многочисленный родъ послѣдняго; царь рѣшается подумать (v. 4774) и снова возвращается къ собранію (v. 4793).

Царица возражаетъ обезьянѣ, что толковали объ этомъ царю уже вчера; въ свою очередь леопартъ замѣчаетъ, что царь одинъ не можетъ чинить суда и расправы. Царь не прочь оправдать Рейнарта, если онъ въ состояніи очистить себя отъ обвиненія въ смерти зайца. Рейнартъ, ободренный участіемъ обезьяны, вдругъ восклицаетъ: „О, горе! развѣ Куварта не стало?... и гдѣ же баранъ Беллинъ?“ (v. 5261) и раздражается горькими жалобами по поводу не вознаградимой утраты трехъ драгоценностей, которыя онъ вручилъ барану для передачи царю и царицѣ.

Въ „Рейнке“ восклицаніе это умѣстнѣе встрѣчается тотчасъ послѣ перваго обвиненія Рейнке въ умерщвленіи зайца (v. 4511—22); затѣмъ оно вновь повторяется почти въ тѣхъ же выраженіяхъ послѣ переговоровъ царя съ обезьяной и послѣ вторичнаго его запроса по поводу гибели зайца (v. 4815—31); размышленія же Рейнарта, почерпающаго бодрость изъ энергичнаго заступничества обезьяны (Rein, vv. 5248—60), въ „Рейнке“ опущены.

Послѣ краткаго замѣчанія царя (v. 5270 слл.) и требованія обезьяны (v. 5292 слл.) Рейнартъ рассказываетъ, что драгоценности эти состояли изъ золотого кольца съ чудеснымъ трехцвѣтнымъ (краснымъ, „прозрачнымъ“ [doog claer и wit, v. 5378. 5393] и зеленымъ) камешкомъ, обладавшимъ свойствомъ предохранять отъ всѣхъ невзгодъ, болѣзней, враговъ и т. п. (vv. 5317—5438; Reinke vv. 4861—4932), изъ гребня, тоже обладавшаго чудесными качествами благодаря пахучей кости (scouderbeen) барса, изъ ко-

торой онъ былъ сдѣланъ, и украшеннаго между прочимъ изображеніемъ суда Париса (vv. 5439—5564; *Reinke* vv. 4933—5040), и, наконецъ, изъ зеркала, обладавшаго не менѣе чудесными и цѣлебными свойствами (vv. 5565—5643; *Reinke* vv. 5041—72, причемъ опущенъ рассказъ о полетѣ Клеомеда на деревянной лошади, т. е. *Rein.* vv. 5602—28, точнѣе—„Рейнке“ сокращаетъ все въ три стиха о невиданной лошади вообще [*Reinke* v. 5064—66]). На рамкѣ зеркала, сдѣланной изъ чудеснаго дерева, находился рядъ изображеній, именно: баснь о завистливой лошади, которая предложила человѣку свои услуги на время, но должна была остаться у него навсегда (vv. 5644—84, *Reinke* vv. 5073—5100), баснь объ ослѣ, вздумавшемъ ласкаться къ своему господину подобно собакѣ (vv. 5685—5754; *Reinke* vv. 5101—58), о лисицѣ и котѣ (см. выше стр. 107 сл.), о волкѣ и журавлѣ (vv. 5833—84; *Reinke* vv. 5213—52). Затѣмъ Рейнартъ упоминаетъ о заслугахъ своего отца, который излѣчилъ отца лѣва отъ тяжелой болѣзни печенъю семилѣтняго волка (въ „Ренарѣ“ [vv. 13713—21] объ излѣченіи царя говорится вкратцѣ и врачомъ является самъ Ренаръ). Не мудрено, если царь не помнитъ этого событія, такъ какъ оно происходило въ его, царя, молодые годы (v. 6040; двухъ лѣтъ, v. 5935. Въ „Рейнке“ неудачно присоединяется, что исторія болѣзни стараго царя была изображена на рамкѣ зеркала [v. 5387 сл.]; это противорѣчитъ вмѣстѣ съ тѣмъ заявленію Рейнке, что онъ взялъ зеркало изъ клада своего отца (v. 4937 сл.), изъ клада, принадлежавшаго нѣкогда королю Эрменриху [v. 2138 сл.]. Левъ присоединяетъ по поводу рассказа Рейнке, что онъ не помнитъ всей этой исторіи, но помнитъ много дрызгъ [sake] Рейнке). Рейнартъ напоминаетъ, что и самъ онъ пользовался нѣкогда большими почестями, въ доказательство чего рассказываетъ о дѣлѣ жѣ добычи (см. выше стр. 191). Затѣмъ Рейнартъ заявляетъ, чтобъ недовольные имъ выступили противъ него съ жалобой открыто. Царь вслѣдствіе этого беретъ свое обвиненіе назадъ; всѣ придаютъ вѣру рассказу Рейнарта; послѣдній собирается пуститься на поиски утраченныхъ драгоценностей, причемъ проситъ содѣйствія царя. Только Изенгримъ сильно негодуетъ (ср. *Rein.* v. 14221 сл.), объявляетъ Рейнарта лжецомъ и злодѣемъ и въ доказательство его злобы приводитъ приклю-

ченіе волчицы на льду, гдѣ честь ея была поругана Рейнартомъ (см. выше стр. 74 [вар. 6]). Послѣдній объясняетъ все приключеніе проще (vv. 6341—6408. *Reinke* vv. 5703—74): волчица замерзла во льду вслѣдствіе того, что слишкомъ долго стояла въ водѣ, желая изъ алчности поймать больше рыбы (ср. *Ren.* 14377); онъ только старался высвободить ее (ср. *Ren.* 14303 сл.), причемъ обращается къ самой волчицѣ съ просьбой подтвердить правдивость его словъ. Волчица въ доказательство его коварства рассказываетъ приключеніе въ колодцахъ (ср. *Ren.* 14319 и выше стр. 201 и 79). Во избѣжаніе насмѣшекъ Изенгримъ предлагаетъ самому Рейнарту рассказать приключеніе въ пещерѣ обезьянъ (vv. 6454—6716. *Reinke* vv. 5839—6096). Оказывается, что Рейнартъ благодаря лести былъ встрѣченъ радушно и накормленъ въ пещерѣ безобразныхъ обезьянъ, тогда какъ Изенгримъ, отправившійся въ ту же пещеру по выходѣ Рейнарта, былъ благодаря грубости жестоко избитъ. Изенгримъ не желаетъ болѣе препираться съ Рейнартомъ на словахъ и вызываетъ его на поединокъ (ср. *Ren.* v. 14506), предлагая свою перчатку (*ic biede u den hatscoe!* v. 6745); съ своею очередь Рейнартъ вручаетъ свой залогъ (ср. *Ren.* v. 14511) царю и оба противника даютъ по два заложника въ видѣ ручательства, что явятся на слѣдующій день къ поединку: заложниками со стороны Изенгрима были котъ и медвѣдь (ср. *Ren.* v. 14523 сл.), а со стороны Рейнарта—старшій сынъ обезьяны (*Biteluus*; *Moneke*) и барсукъ (ср. *Ren.* v. 14532)⁽¹⁾. Обезьяна обѣщаетъ прочесть надъ Рейнартомъ „побѣдоносный заговоръ“ (*een les, dat seer seghesalich es*, v. 6781 сл.) „утромъ натошакъ“ (*mit nuchteren monde*, v. 6791) и тогда онъ останется непобѣдимымъ. Она брѣшетъ Рейнарту всѣ волосы „между головой и хвостомъ“ (v. 6804; ср. *Ren.* v. 14612 сл.; „а также около груди къ животу внизъ“, прибавляетъ *Reinke* v. 6192) и намазываетъ его масломъ; она совѣтуетъ ему побольше пить, чтобы на слѣдующій день было „много мочи“ (v. 6812), которой онъ долженъ смачивать

(¹) О различныхъ порядкахъ и церемоніяхъ, которыми сопровождались поединки см. замѣчанія *Мартина* къ v. 6745 и 6774 (*Rein.* стр. 404 сл.).

хвостъ и бить въ глаза волка; кромѣ того онъ долженъ прижимать уши, чтобы нельзя было ухватиться за нихъ, долженъ бѣжать всегда противъ вѣтра, поднимать пыль столбомъ и ослѣплять такимъ образомъ противника и т. п. Она произноситъ заговоръ (Rein. v. 6863: blaerde scaey alphenio casby gor fons albulfrio; Reinke v. 6225: gaudo stazi salphenio casbu gorfous as bulfrio; ср. Ren. v. 14847: Renart... moult oï de nigromance), и Рейнартъ на разсвѣтѣ засыпаетъ. Проснувшись и съѣвъ молодую утку, принесенную выдрой, Рейнартъ отправляется на мѣсто поединка, несмотря на шутку царя по поводу гладко выбритаго тѣла, молча преклоняетъ голову предъ царемъ и царицей и вступаетъ въ „кругъ“. Леопардъ (ср. Ren. v. 14661 сл.) и рысь, „стражи арены“ (die krijts waerders, v. 6914), тотчасъ приносятъ реликвию (die heileghen, v. 6914; ср. Ren. v. 14787 сл.). Сначала присягаетъ Изенгримъ, затѣмъ—Рейнартъ. Всѣ удаляются изъ „круга“, исключая обезьяны, которая совѣтуетъ Рейнарту постоять за себя (Въ „Рейнке“ [v. 6283 сл.] только вскользь упоминается, что обезьяна совѣтовала ему помнить наставленія). Бой начинается. Рейнартъ слѣдуетъ совѣту обезьяны, бьетъ противника своимъ мокрымъ хвостомъ, скребетъ землю и поднимаетъ пыль (v. 6975 сл. 7053 сл. 7084 и др.; ср. Ren. v. 15001 сл. 15028) и наноситъ ему раны; онъ попадаетъ даже подъ Изенгрима, но успѣваетъ снова высвободиться, лишивъ противника даже глаза. Но Изенгриму удается вторично повалить Рейнарта, причемъ лапа послѣдняго попадаетъ въ его пасть (ср. Ren. v. 15033 сл.); Изенгримъ уже готовъ торжествовать, но Р., надумавшійся во время возраженій Изенгрима, произноситъ длинную рѣчь и вдругъ схватываетъ его bi beide sijn hoden (v. 7337), которыя начинаетъ сильно давить. Изенгримъ воетъ; Рейнартъ поспѣшно вытаскиваетъ свою лапу изъ его пасти, валитъ противника на землю и таскаетъ по всему кругу. Царь велитъ прекратить бой, признавая Рейнарта побѣдителемъ и оправдывая его отъ всѣхъ обвиненій. Рейнартъ благодаритъ, говоритъ о своихъ недругахъ, всегда клеветавшихъ на него, не предвидя конца, причемъ приводитъ рассказъ о собакѣ, которой завидовали другія собаки, увидѣвъ въ ея пасти кусокъ мяса, но не замѣтивъ, что поваръ обварилъ ей спину кипяткомъ (vv. 7456—99. Reinke vv. 6616—43). Царь осыпаетъ Рейнарта милостями и дѣ-

лаетъ своимъ чиновникомъ (baelju, v. 7585 и прим. М а р т и н а къ этому стиху) и тайнымъ совѣтникомъ. Раненный Изенгримъ подвергается лѣченію (v. 7612—33. R e i n k e vv. 6701—34). Всѣ разъѣзжаются и Рейнартъ прощается съ царемъ. Авторъ распространяется о томъ, что всѣмъ живется хорошо, кто знаетъ „искусство Рейнарта“ (vv. 7654—7721; R e i n k e vv. 6759—76 [весьма кратко]). Рейнартъ прощается съ своими родственниками, которые провожаютъ его до его замка, и рассказываетъ женѣ о своихъ похожденияхъ. Въ эпилогѣ высказывается, что авторъ сообщалъ только истину и что „Исторія Рейнарта“ можетъ служить поученіемъ для многихъ (vv. 7760—94; въ „Рейнке“ сокращенно, vv. 6829—44).

Подробное изложеніе содержанія „Исторіи Рейнарта“ ясно обнаруживаетъ, въ какомъ она находится отношеніи къ оригиналу. Оказывается, что въ „исторію Р.“ перешелъ весь остовъ 24-й вѣтви романа о Ренарѣ; всѣ параллели отмѣчены у М а р т и н а (Reinaert стр. xlj сл.). Впрочемъ проникли и нѣкоторыя отдѣльныя черты оригинала, примыкающія главнымъ образомъ непосредственно къ разсказу о вызовѣ на поединокъ. Иногда различные мотивы оригинала замѣняются самостоятельными разсказами, въ родѣ приключенія въ пещерѣ обезьянъ и вообще обезьянъ, выступающихъ при дворѣ.

Но помимо того въ „Исторіи Р.“ встрѣчаются нерѣдко и мотивы древняго или перваго „Рейнарта“, сюжетъ котораго заимствованъ изъ 20^а вѣтви романа о Ренарѣ. Мотивы эти превращаются въ данной поэмѣ только въ рядъ новыхъ параллелей. Такъ, жалобы кролика и вороны въ „Исторіи Р.“ отвѣчаютъ жалобамъ зайца и пѣтуха въ первомъ „Рейнартѣ“; разсказъ о трехъ драгоценностяхъ параллель къ разсказу о кладѣ и т. п. Рядъ этихъ параллелей отмѣченъ у М а р т и н а (Rein. стр. xlv сл.).

Кромѣ того цѣлый рядъ басенъ, вошедшихъ въ составъ „Исторіи Р.“, обнаруживаетъ, что авторъ пользовался средне-вѣковыми передѣлками басенъ Эзопа. Источники басенъ въ „Рейнартѣ“ приведены у М а р т и н а (въ ук. м.), какъ указаны и заимствованія изъ области французскихъ, классическихъ и іудейскихъ сказаній и заимствованія изъ бестиаріевъ. Впрочемъ касательно притворства лисы съ цѣлью поимки воронъ знакомство съ бестиаріями едва ли было непосред-

ственное. Полная зависимость „Рейнарта“ отъ романа о Ренарѣ и сходство даннаго приключенія съ подобными же эпизодами въ „Рейнартѣ“ (ср. выше стр. 41 слл.) заставляютъ скорѣе предполагать, что образцомъ для приключенія съ вороной служилъ тоже одинъ изъ рассказовъ „Ренара“.

Что касается мотива о дѣлѣ добычи, то онъ ближе подходитъ къ соотвѣтствующему эпизоду въ романѣ о Ренарѣ, какъ замѣтилъ уже Мартинъ (въ ук. м.), чѣмъ къ передѣлкамъ басенъ Эзопа.

Все остальное въ „Исторіи Р.“ излагается вполнѣ самостоятельно. Не только развиваются своеобразно различные частности,—напр., восхваляется „искусство Рейнарта“, описывается испорченность римскаго духовенства и т. п. — но придумывается даже окончаніе, совершенно не отвѣчающее окончанію 24-й вѣтви въ „Ренарѣ“.

Любопытную особенность представляетъ въ 24-й вѣтви и ея обработкахъ эпизодъ о больномъ лѣвѣ (Rein. vv. 5932--6042. Reinke vv. 5283—5392). Въ данномъ случаѣ любопытенъ онъ тѣмъ, что изъ обширныхъ поэмъ, въ которыхъ онъ является единственнымъ зерномъ или обширнымъ центромъ, вокругъ котораго группировались всѣ остальные мотивы, — онъ сократился до простаго упоминанія о немъ, какъ въ „Ренарѣ“ (vv. 13713—21), или въ крайнемъ случаѣ превращается въ небольшой эпизодъ, какъ „Рейнартѣ“ и „Рейнке“. Это доказываетъ, что интересъ, который сосредоточивался на этомъ эпизодѣ въ древнихъ поэмахъ (ср. выше стр. 175. 179. 185), съ теченіемъ времени успѣлъ изгладиться. Новый мотивъ, мотивъ о судѣ, развившійся изъ тѣхъ же поэмъ, успѣлъ взять перевѣсъ. Этотъ перевѣсъ мотива о судѣ, его исключительное предпочтеніе предъ другими мотивами, возможно объяснить себѣ только тѣмъ, что онъ ближе отвѣчалъ видоизмѣнявшимся воззрѣніямъ эпохи и болѣе удовлетворялъ вкусу и требованіямъ современниковъ; послѣдніе нерѣдко сами принимали уже участіе въ подобныхъ процессахъ. Популярность мотива о судѣ подтверждается между прочимъ цѣлымъ рядомъ обработокъ, развивавшихъ все тотъ же сюжетъ.

Переходимъ къ обзору слѣдующихъ вѣтвей романа о Ренарѣ.

25-я вѣтвь (Rein vv. 15309—17870) носитъ слѣдующее заглавіе: „О медвѣдѣ, о Ренарѣ и о вилланѣ Ліетарѣ“.

Авторъ этой вѣтви называетъ себя: *Uns Prestres de La Croiz en Brie* (v. 15309).

Первая половина этой вѣтви передаетъ мотивъ объ избавленіи отъ хищнаго звѣря (см. выше стр. 114 [вар. 2]). Необходимо отмѣтить только тотъ еще фактъ, что Ренаръ въ разговорѣ съ вилланомъ упоминаетъ о приключеніи волка въ колодезь (vv. 15814—32), о рыбной ловлѣ (vv. 15833—39), о кражѣ рыбы (vv. 15840—49), о постриженіи въ монахи, т. е. обвариваніи головы кипяткомъ (vv. 15850—73), а самъ вилланъ припоминаетъ эпизодъ о воронѣ съ сыромъ (vv. 15884—89); упоминается также о лихорадкѣ зайца (v. 17231 сл.). Всѣ эти мотивы были уже разобраны выше (стр. 201. 72. 59. 90. 205. 103).

Вторая половина (R en. 16900—17870) заключаетъ главнымъ образомъ рассказъ о мести Ренара. Жена Ренара утѣшаетъ послѣдняго и совѣтуетъ ему украсть постромки у виллана; вилланъ вскорѣ замѣчаетъ пропажу. Осель виллана обѣщаетъ привести къ нему Ренара и его жену. Послѣдніе оба привязываются къ ослу, который прикинулся мертвымъ. Ренаръ замѣчаетъ вскорѣ, что осель живъ и поспѣшно отвязываетъ себя, тогда какъ жена его увлечена къ виллану. Вилланъ наноситъ неудачный ударъ мечемъ и отсѣкаетъ ногу осла, такъ что лиса спасается. Затѣмъ Ренаръ уводитъ быковъ у уснувшаго виллана и возвращаетъ ихъ только подъ условіемъ получить курицъ. Курицъ, посаженныхъ въ мѣшокъ, жена виллана замѣняетъ собакой. Наконецъ Ренаръ грозитъ сообщить графу, что вилланъ умертвилъ медвѣдя; испуганный вилланъ дѣлаетъ всевозможныя уступки Ренару, — умерщвляетъ своихъ собакъ и выдаетъ ему пѣтуха и 11 курицъ.

Едва ли можетъ быть сомнѣніе, что рассказъ о томъ, какъ Ренаръ съ женой привязывается къ ослу, который обѣщается ихъ „притащить“ (*Traïnant les vos amengai*, v. 17071) хозяину, представляетъ только видоизмѣненіе мотива, встрѣчающагося въ одномъ индѣйскомъ источникѣ. Въ Сукасап-тати (*Ben fe y Pantsch. I, 506*) между прочимъ передается, что въ лѣсу женщинѣ, шедшей съ двумя дѣтьми, попадается тигръ. Не теряя присутствія духа, она обращается къ дѣтямъ и говоритъ: „раньше вы спорили между собой и утверждали, что каждый изъ васъ можетъ съѣсть по тигру“, — довольствуйтесь пока этимъ. Тигръ усматриваетъ въ нихъ де-

моновъ и обращается въ бѣгство. Попадшійся ему на встрѣчу шакаль смѣется надъ трусомъ и увѣряетъ, что женщина дрожитъ даже предъ именемъ его, шакала. Тогда тигръ проситъ его оставаться съ нимъ, а шакаль заявляетъ, чтобъ онъ привязалъ его къ своей шеѣ. На этотъ разъ находчивая женщина уличаетъ шакала, что онъ приводитъ только одного тигра, тогда какъ обѣщалъ ей привести трехъ. Тигръ въ ужасѣ обращается въ бѣгство. Параллели къ этому разсказу и его истоки указаны Бенфеємъ (Pantsch. I, 504 слл. ср. Liebrecht въ Heidelb. Jahrb. 1869 стр. 449), который страннымъ образомъ не обращаетъ вниманія на данную черту.

Въ персидскомъ (Iken стр. 66 слл.) и турецкомъ (Rosen II, 122 слл.) Тути-Намѣ въ роли труса выступаетъ левъ, а въ роли ободряющаго—обезьяна; но здѣсь нѣтъ черты о связываніи другъ друга веревкой. Черта эта встрѣчается въ другомъ разсказѣ Тути-Намѣ (Rosen стр. 142), гдѣ лиса привязываетъ себя къ ногѣ тигра въ доказательство того, что она говоритъ правду.

Въ большинствѣ разсказовъ сюжетъ можетъ быть сведенъ къ слѣдующимъ общимъ чертамъ. Въ пещеру льва забирается какое нибудь слабосильное животное; при возвращеніи владѣльца, самецъ спрашиваетъ самку: отчего дѣти плачутъ? и получаетъ въ отвѣтъ, что стараго льва (или другаго хищнаго звѣря, смотря по разсказу) не бдятъ, а свѣжаго нѣтъ. Левъ обыкновенно скрывается; если же онъ возвращается съ своимъ совѣтникомъ, то овладѣвшій пещерой большей частью возражаетъ, что лва обѣщался ему доставить хитростью его другъ, т. е. именно ободряющій льва. Левъ немедленно обращается въ бѣгство, растерзавъ предвзвѣстно совѣтника, котораго онъ подозрѣваетъ въ измѣнѣ; обыкновенно же онъ увлекаетъ съ собой привязаннаго къ нему звѣря и послѣдній во время его бѣгства (большей частью) погибаетъ.

Едва ли нужно подробное доказательство, что первая половина этого разсказа послужила основой для извѣстнаго мотива о припугиваніи волчьей головой въ группѣ сказокъ о звѣряхъ-странникахъ (см. выше стр. 124 слл.; ср. стр. 224). Мотивы во всѣхъ вариантахъ сохраняютъ общее сходство; видоизмѣняются только внѣшнія черты и тѣ же роли распредѣляются только между другими животными.

Напр., въ персидскомъ Тути-Намэ (Iken стр. 66 сл.) въ роли козла и барана русскихъ сказокъ выступаетъ Sijahgusch („Черноухій“, т. е. рысь; см. объ этомъ имени Benfey Pantsch. I, 303) его жена и плачущія дѣти, требующія „львинаго мяса“; послѣднее въ эпизодѣ о звѣряхъ-странникахъ замѣнилось волчьей головой. Ближайшимъ посредникомъ между европейскими вариантами и восточными версиями является, повидимому, одинъ изъ пересказовъ въ Панчатантрѣ Дюбуа (Benfey Pantsch. I, 507 сл.), гдѣ въ роли пугающаго выступаетъ уже козелъ. Козелъ забирается въ пещеру льва; онъ вдругъ видитъ свое опасное положеніе, но сознаетъ, что бѣгство грозило бы для него еще большей опасностью. Козелъ поэтому заявляетъ, что вслѣдствіе извѣстнаго обѣта онъ пришелъ его съѣсть; левъ тотчасъ обращается въ бѣгство. Лиса уговариваетъ его вернуться, а козелъ вторично наводитъ на него страхъ благодаря извѣстной уже хитрости.

Тотъ же самый рассказъ въ сложной формѣ, т. е. когда мотивъ о привязываніи одного звѣря къ другому соединяется съ мотивомъ о припугиваніи хищнаго звѣря,—проникъ главнымъ образомъ въ народныя сказки. Такимъ образомъ привязываются шакалъ къ леопарду (Bleek стр. 18 № 13), обезьяна ко льву (Минаевъ ук. соч. № 2), лиса къ великану (Hahn № 23), даже лисица и волкъ къ тигру (Орбелиани-Цагарели стр. 66 сл.).

Важень преимущественно рассказъ турецкаго Тути-Намэ (Rosen II, 142), гдѣ лиса привязываетъ себя къ тигру; къ этому рассказу примыкаютъ непосредственно и европейскіе варианты. Эпизодъ въ романѣ о Ренарѣ тоже обязанъ ему своимъ происхожденіемъ. Посредникомъ между формой этого эпизода въ „Ренарѣ“ и рассказомъ въ Тути-Намэ былъ одинъ изъ пересказовъ, занесенныхъ въ Fab. extrav. № 7: Lupus et asinus (J. Grimm R. F. стр. 424 сл.). Тутъ уже выступаетъ осель, который готовъ пожертвовать собой для голоднаго волка; чтобы волкъ могъ съѣсть его на покоѣ, осель, съ согласія самого волка, привязываетъ его къ себѣ и тащитъ въ деревню; неудачный ударъ топора перерубаетъ привязь изъ ивовыхъ прутьевъ и волкъ съ трудомъ лишь спасается. Въ „Ренарѣ“ этотъ рассказъ долженъ былъ подвергнуться измѣненіямъ согласно даннымъ условіямъ. Въ роли волка выступаетъ лисица; но сохраняется тотъ же осель,

который увлекаетъ съ собой привязанную лису. Не болѣе какъ параллелью въ миніатюрѣ представляется этотъ же эпизодъ „Ренара“ въ новомъ пересказѣ, какъ лисица тащитъ за собой цѣлое бедро, отрубленное у осла (Ren. vv. 17322 сл.).

Непосредственно къ басни о „Волкѣ и Ослѣ“ примыкаетъ одна нѣмецкая сказка (Grimm КНМ. № 132). Мотивъ о з в ѣ р ѣ, увлекаемомъ на привязи, присоединился къ мотиву о престарѣломъ животномъ (ср. выше стр. 145). Лошадь изгнана хозяиномъ и въ правѣ вернуться домой подѣ тѣмъ только условіемъ, если приведетъ съ собой льва. Лиса помогаетъ лошади; она совѣтуетъ послѣдней притвориться мертвой, а льву она сообщаетъ, чтобъ онъ позволилъ себя привязать къ хвосту лошади, тогда онъ можетъ „втащить ее въ свою пещеру и съѣсть совершенно спокойно“. Лошадь увлекаетъ льва къ своему хозяину. Впрочемъ на данную сказку повліялъ очевидно и одинъ изъ пересказовъ этого эпизода въ романѣ о Ренарѣ; это высказывается преимущественно по роли которую играетъ лиса.

Еще нагляднѣе обнаруживается вліяніе пересказовъ „Ренара“ въ одной норвежской сказкѣ (Asbjörnsen - Dalsent стр. 127 сл.). Тутъ медвѣдь научаетъ лису. Если лиса желаетъ добыть лошадь, то ей слѣдуетъ привязать себя къ хвосту послѣдней, пользуясь случаемъ, когда встрѣтится спящая лошадь; кромѣ того, привязавъ себя, лиса должна укусить лошадь. Тѣ же черты встрѣчаются и въ „Ренарѣ“. И Ренара вынуждаетъ голодъ къ тому, что онъ рѣшается привязать себя къ ослу; онъ вонзаетъ также зубы въ послѣдняго (v. 17108 сл.), чтобъ испытать—дѣйствительно ли осель мертвъ; осель же только прикидывается мертвымъ, какъ въ сказкѣ лошадь оказывается спящей.

Въ словинской сказкѣ (Valjaves № lxxvj; ср. А. о. Ск. IV² 19 сл.) рассматриваемый мотивъ присоединился къ мотиву о спорѣ изъ-за царской власти: быть ли царемъ ослу или льву? Тутъ волкъ привязанъ ко льву. Вся сказка сложилась подѣ вліяніемъ восточнымъ и западнымъ. Мотивъ о спорѣ изъ-за царской власти является передѣлкой даже басни Лютера, помѣщенной между прочимъ у Генте (F. G. Genthe Reinecke Vos Reinaert Reinhart Fuchs im Verhältniss zueinander. Progr. [Eisleben 1866] стр. 31 сл.) и носящей заглавіе: Eine neue Fabel Aesopi vom Löwen und Esel. По смерти стараго льва, рассказывается въ послѣдней

басни, благодаря проискамъ партій стали выставлять двухъ претендентовъ на престолъ: молодого льва и осла. Рѣшено покончить споръ испытываніемъ силъ обоихъ претендентовъ въ трехъ различныхъ состязаніяхъ. При прыганіи черезъ ручей левъ перелѣтаетъ на ту сторону, а осель попадаетъ прямо въ воду; но такъ какъ въ ухо осла попала рыбка, то приверженцы его даютъ этому случаю такое толкованіе, что признается побѣдителемъ осель. Второе испытаніе должно состоять въ поимкѣ самаго быстрого животного; левъ изловилъ зайца, а осель по лѣнности и отъ жары улегся и высунулъ языкъ; воронъ спускается на мнимую пададь и схваченъ губами осла. Снова осель признанъ побѣдителемъ. Бѣгъ до мельницы, предложенный въ видѣ третьяго испытанія, кончается тѣмъ, что левъ, прибѣжавъ къ мѣстѣ, застаётъ тамъ другаго осла, удивляется его быстротѣ, предлагаетъ бѣжать обратно и застаётъ перваго, который по лѣнности даже не двигался съ мѣста. Эта баснь превратилась въ словинскую сказку. Но такъ какъ „народныя“ сказки, оказывается, легче иглаживаются изъ народной памяти, чѣмъ изъ книгъ и записей, то поэтому и данная сказка не могла удержать первоначальной стройности приведенной басни, а отчасти видоизмѣнила ее. Такъ какъ введеніе къ этой басни для народной сказки нѣсколько недоступно, то мотивъ первой замѣнился во второй тѣмъ, что осель доказываетъ свои притязанія на царскую власть указываніемъ на мнимую грамоту (*pismo*), т. е. на подкову, закрѣпляющую за нимъ эту власть. Мотивъ этотъ проникъ въ данную сказку изъ иной области сказокъ (см. выше стр. 147). Далѣе вмѣсто трехъ родовъ испытаній удержался только одинъ, особенно бросавшійся въ глаза, — ловля птицъ; черта эта подверглась притомъ несоразмѣрнымъ преувеличеніямъ: не только левъ ловить множество звѣрей, но и осель ловить различныхъ птицъ.

Такъ какъ въ басни Лютера начальный мотивъ является главнымъ двигателемъ и въ концѣ басни, а сказка замѣнила его въ началѣ инымъ, слишкомъ недостаточнымъ для развязки, то она воспользовалась новымъ мотивомъ о звѣрѣ, увлекаемомъ на привязи. Здѣсь волкъ привязываетъ себя ко льву; въ этой формѣ черта эта непосредственно подходитъ къ восточнымъ редакціямъ. Левъ впрочемъ пугается не замѣчаній осла, а собственно замѣчанія волка, слова ко-

тораго: *ono ti je o sel*, онъ, не разслушавъ хорошенько, принимаетъ за *o sem* (*oho, kaj ih je o sem!*) и обращается въ бѣгство предъ такимъ количествомъ грозныхъ царей. Волкъ погибаетъ. Сказка эта во всякомъ случаѣ любопытный примѣръ перехода литературнаго источника въ народную среду.

26-я вѣтвь (*Ren. vv. 17871 — 19768*) озаглавлена: „Браншъ о Ренарѣ, какъ онъ сталъ врачомъ (*Mires*)“. Какъ подражаніе 20-й вѣтви (см. пока *J. Grimm R. F.* стр. сxxxij), браншъ эта представляетъ много точекъ соприкосновенія съ послѣдней.

„Около Троицы“ царь левъ (*Dant Nobles*) созвалъ звѣрей съ тѣмъ, какъ заявляетъ онъ впослѣдствіи (*v. 18686* сл.), чтобъ осадить крѣпость непокорнаго Ренара. На зовъ царя являются всѣ звѣри, за исключеніемъ Ренара. Самъ царь приноситъ жалобу на Ренара въ неповиновеніи. Изенгримъ поддерживаетъ царя и совѣтуетъ отнять у Ренара земли и ввергнуть его въ темницу. Коть, желая лично отомстить Ренару, совѣтуетъ сначала отправить къ Ренару пословъ. Изенгримъ принужденъ замолчать (*v. 18085* сл.; ср. въ 20-й вѣтви *v. 9957* сл.). Первымъ посломъ отправленъ песъ Ронель (*Roone*) съ запечатаннымъ письмомъ царя (*v. 18131*; ср. въ *br. 20 v. 10658* сл. *10665* сл. *10710* сл.) Заботливая жена тщетно напоминаетъ Ронелю приключенія съ котомъ, съ бараномъ и съ медвѣдемъ (*v. 18147* сл.). Ренаръ тотчасъ пускается въ путь и ведетъ Ронеля къ винограднику, гдѣ разставленъ силокъ. Ренаръ выдаетъ силокъ за мощи (*v. 18345* сл.; гробъ *Saint Ylaire* по *v. 18804* сл.; ср. въ *br. 20 v. 10152* сл. и др.); онъ становится на колѣни и молится. Ронель, въ подражаніе ему, прикладывается къ мощамъ, т. е. къ приманкѣ (къ сыру), попадаетъ въ силокъ, подвергается скорѣ жестокимъ побоямъ и возвращается съ жалобой ко двору. Изенгримъ совѣтуетъ повѣсить Ренара, но баранъ полагаетъ необходимымъ отправить втораго посла. Въ качествѣ послѣдняго выступаетъ олень, тоже захватывающій съ собой царскую грамоту (*v. 18946* сл.). Ренаръ въ страхѣ и желалъ бы исповѣдоваться (*v. 19026* сл.; ср. въ *br. 20 v. 10742* сл.); тѣмъ не менѣе онъ ведетъ посла „кратчайшимъ путемъ“, т. е. мимо деревни; они встрѣчаются съ вилланомъ и тремя собаками, которыя жестоко грызутъ оленя и „со спины срываютъ ему такой ремень, изъ котораго можно бы сдѣлать штаны (*v. 19062* сл.)“. Царь гнѣвается такъ

сильно, что впадаетъ въ лихорадку, которая не покидаетъ его въ теченіи полугода. Наконецъ барсукъ по собственному яобужденію отправляется къ Ренару, который обѣщаетъ ему двиться ко двору на слѣдующій день. Ренаръ собираетъ цѣлебныя травы (v. 19255 сл.), растираетъ ихъ (*les bat entre leus tuilettes*, v. 19278) и кладетъ въ боченокъ; на дорогѣ онъ встрѣчаетъ спящаго пилигрима, отнимаетъ и у него цѣлебныя травы (м. пр. *aliboron*, v. 19309) и его плащъ и является къ царю. Царь блѣденъ и сильно болитъ у него голова (vv. 19333. 19495 сл.); сначала онъ въ гнѣвъ, но потомъ смягчается, когда узнаетъ, что изъ-за него Ренаръ исходилъ различныя земли (v. 19375 сл.) и заручился въ Салерно отъ свѣдущаго человѣка надлежащимъ цѣлебнымъ средствомъ. Ронель объявляетъ всѣ рассказы Ренара о посѣщеніи Монпелье, Салерно и т. п. вздоромъ, но коть въ защиту Ренара приводитъ слова жены его, утверждавшей о его путешествіи въ Салерно. Царь перечисляетъ свои немощи. Ренаръ приказываетъ принести *un orinal* (v. 19509; ср. *Rein.* vv. 5959. 5980. *Reinke* vv. 5315. 5326), рассматриваетъ затѣмъ его содержимое на солнышкѣ и объявляетъ, что у царя „острая лихорадка“ (*fièvre ague*, v. 19525); онъ ощупываетъ его пульсъ и заявляетъ, что онъ успѣлъ явиться еще во время для исцѣленія царя. Ренаръ требуетъ доставленія волчьей шкуры, которую немедленно сдираютъ съ Изенгрима, вопреки его возраженіямъ; затѣмъ Ренаръ считаетъ еще необходимымъ кусокъ оленьяго рога, ремень со спины оленя и шкуру кота для согрѣванія ногъ царя. Коть ускользаетъ. При помощи Ронеля, барсука и барана, которые безропотно должны исполнять всѣ приказы Ренара, послѣдній изготавляетъ цѣлебный напитокъ и царь выздоравливаетъ. Царь окружаетъ Ренара почестями и, когда послѣдній собрался вернуться домой, въ предупрежденіе нападенія со стороны враговъ даетъ ему въ провожатые сто „кавалеровъ“ (v. 19738).

Вся эта вѣтвь весьма замѣтно распадается на двѣ части: въ первой изъ нихъ излагается въ видоизмѣненной формѣ исторія суда, во второй (отъ v. 19111) — исторія о больномъ львѣ. Спай этихъ двухъ частей такъ замѣтенъ, что Юнкблутъ (*Étude* стр. 202) не могъ не воспользо-ваться имъ для своихъ доказательствъ. Что первая часть является недосказанной достаточно обнаруживается уже тѣмъ,

что обѣщанная царемъ осада замка Ренара (v. 18708) не приводится въ исполненіе. Впрочемъ и заявленіе объ осадѣ дѣлается весьма поздно: царь предпринимаетъ ее въ виду неявки Ренара ко двору, въ виду нежеланія изъяснить свою вассальную преданность (*Dedanz ma cort por moi servir*, v. 18698), а между тѣмъ въ началѣ той же рѣчи (v. 18686 слл.) онъ заявляетъ, что все собраніе созвано именно съ цѣлью наказанія Ренара. Стало бытъ послѣдній долженъ былъ провиниться ранѣе. Подобныя противорѣчія, которыя почти на каждомъ шагѣ встрѣчаются и въ другихъ браншахъ, доказываютъ только, что послѣднія подвергались постояннымъ передѣлкамъ.

Разсказъ о больномъ львѣ ясно обличаетъ ту же основу, которая видна въ „Изенгримъ“ и *Esbasis* (см. выше стр. 175 и 179). Во всѣхъ поэмахъ Ренаръ совершаетъ далекія путешествія; онъ непременно проходитъ почти всю Италію; удерживается даже, согласно съ болѣе древнимъ „Изенгримомъ“, одинъ и тотъ же городъ, — Салерно (*I s e n g r. v. 171. R e i n a r d. II v. 375. R e n. v. 19381. 19385 [и 13717]. R e i n h. v. 1881*)⁽¹⁾. Во всѣхъ поэмахъ Ренаръ прибѣгаетъ къ лѣченію при помощи волчьей шкуры; послѣдняя, очевидно, признается главнымъ средствомъ; поэтому оно и удерживается во всѣхъ поэмахъ; другія же зелья и лѣкарства являются только для маскированія затаенной злобы Ренара по отношенію къ волку и поэтому постоянно мѣняются. Словомъ, не можетъ быть сомнѣнія, какъ обличаютъ совпаденія, что всѣ поэмы развились изъ одного общаго источника (ср. выше стр. 180). Сравнительно съ *Esbasis* послѣдующія поэмы представляютъ извѣстныя измѣненія въ угоду воззрѣніямъ той эпохи и вообще въ угоду духу времени: вмѣсто лысухъ, аистовъ, индѣйскихъ рыбъ и т. п. выступаютъ уже настоящіе врачи и знахари (*un sage, R e n. v. 19385*), почерпавшіе свои медицинскія свѣдѣнія въ Салерно, Монпелье и т. п.

Несмотря на эти несомнѣнно общія черты сходства, разсказъ о больномъ львѣ въ данной вѣтви представляетъ еще больше точекъ соприкосновенія съ „Рейнгартомъ“. И въ

⁽¹⁾ Салерно упоминается м. пр. и въ разсказѣ у *Pauli Schimpf u. Ernst* № 494; ср. и прим.

„Рейнгартъ“, какъ и въ нѣкоторыхъ изъ числа предыдущихъ поэмъ, исторія болѣзни льва приводится въ связь съ судомъ. „Это случилось во время всеобщаго мира (lantvride) ⁽¹⁾, который возвѣстилъ, подѣ угрозой ивовой петли (т. е. висѣлицы, *bî der wide*, v. 1240), левъ, по имени Vrevel (v. 1229 сл.)“. Онъ оповѣстилъ миръ изъ нужды, такъ какъ полагалъ, что боленъ при смерти. „Какъ это случилось,—это я вамъ расскажу (v. 1250)“. Левъ подошелъ къ муравейнику и потребовалъ отъ нихъ прекращенія дѣятельности (*ni hiez ers alle stille stân*, v. 1252); муравьи не хотѣли смириться и левъ въ гнѣвѣ разбросалъ муравьиною кучу. Когда муравьиный царь узналъ о бѣдствіи, постигшемъ его „народъ“, онъ рѣшился мстить; льву уснувшему подѣ липой, онъ залѣзъ въ ухо. Рейнгартъ, спрятавшійся вблизи, видѣлъ это. Муравей полѣзъ „прямо къ мозгу“ (v. 1307) льва, который вскочилъ отъ боли и считалъ свою болѣзнь наказаніемъ Божьимъ (*ez ist gotes slac*, v. 1319) за то, что давно не чинилъ суда и расправы. Царь созвалъ всѣхъ на судъ (*hof*). Явились всѣ звѣри, за исключеніемъ Рейнгарта. Сталъ требовать правосудія Изенгримъ. Царь назначилъ въ адвокаты Изенгрима медвѣдя. Послѣдній принесъ жалобу на Рейнгарта въ оскорбленіи чести жены Изенгрима. Барсукъ (*Krimel*) защищаетъ Рейнгарта, находитъ обвиненіе неправдоподобнымъ, такъ какъ оскорбленная „больше, чѣмъ онъ“ [Рейнгартъ] (v. 1390 сл.: ср. *R a i n*. v. 252 сл.), и вообще удивляется (какъ и въ 20-й вѣтви), что Изенгримъ подвергаетъ публичному осмѣянію свою жену. Олень (*Randolt*) совѣтуетъ осадить Р. и повѣсить его. Царь и другіе звѣри присоединяются къ этому мнѣнію, исключая верблюдицы (*d i e olbente*), которая совѣтуетъ три раза вызвать предварительно Рейнгарта. Является пѣтухъ (*Schanteclêr*) съ жалобой (v. 1458); слѣдуетъ описаніе торжественныхъ похоронъ курицы, испуга зайца (v. 1481) и исцѣленіе послѣдняго на могилѣ курицы. Затѣмъ передается извѣстный уже эпизодъ о посольствѣ медвѣдя (v. 1511); послѣдняго замѣчаетъ извозчикъ (а не лѣсничій, какъ въ „Ренаръ“ *br.* 20, v. 10329, и въ его истокахъ), который тотчасъ бѣетъ въ набатъ и т. обр. созываетъ народъ. Изби-

⁽¹⁾ По поводу всеобщаго м и р а въ странѣ, который объявлялся въ извѣстныхъ царствованіяхъ см. *J. G r i m m R. F.* стр. lxxvij сл.

таго медвѣдя Рейнгартъ спрашиваетъ: „Куда Вы дѣвали Вашу шляпу? развѣ Вы заложили ее въ кабакъ (umbe wîn, v. 1600 сл., тогда какъ Ren. v. 10414: De quel ordre volez-vous estre Qui roge charperon avez? также въ Rein. v. 943 и Reink. v. 851)?“ Бобръ требуетъ осужденія Рейнгарта и конфискаціи его имущества; олень соглашается съ его мнѣніемъ, но слонъ настаиваетъ на исполненіи данной клятвы и требуетъ, чтобы Р. былъ вновь вызванъ къ суду. Посольство кота (Dierpreht) (v. 1645 слл.) не сопряжено съ столь плачевными послѣдствіями для священника ⁽¹⁾; послѣдній схватываетъ серпъ (ein kirpen) и въ потемкахъ перерубаетъ веревку; котъ спасается бѣгствомъ, а попадья бьетъ мужа за то, что онъ упустилъ мнимую лису; „не будь Вернбурги, его горничной, онъ распростился бы съ жизнью (v. 1722)“. По возвращеніи кота, кабанъ настаиваетъ, чтобы Рейнгартъ былъ подвергнутъ опалѣ, и Изенгримъ присоединяется къ его мнѣнію. Посломъ отправляется барсукъ. Рейнгартъ запасается „полотнянымъ плащомъ пилигрима“ (v. 1819; ср. Ren. v. 19314. Rein. 372), беретъ сумку врача (v. 1821; ср. Ren. 19302), собираетъ „различныя невѣдомыя корешки“ (mange wurz unerkant, v. 1827), м. пр. гвоздику и корицу, беретъ посохъ въ руки и отправляется ко двору. При появленіи Рейнгарта Изенгримъ, медвѣдь, котъ, пѣтухъ, воронъ (Diezelîn), — всѣ возобновляютъ свои жалобы и требуютъ немедленнаго присужденія Рейнгарта къ висѣлицѣ. Рейнгартъ указываетъ царю на неприличіе, на нарушеніе придворнаго этикета столь неумѣстнымъ крикомъ со стороны придворныхъ. Всѣмъ приказано молчать. Рейнгартъ передаетъ царю поклонъ отъ знаменитаго салернскаго врача Пендина. Рейнгартъ знаетъ, что всѣ страданія царя заключаются въ головѣ (v. 1884 сл.; ср. Ren. vv. 19333. 19495). Пендинъ совѣтуетъ царю ѣсть ежедневно кашку (lactwêrjen. v. 1889). Гнѣвъ царя утихаетъ. „Много терній впивалось въ мои ноги въ теченіи этихъ семи недѣль (v. 1892 слл.)“, говоритъ Рейнгартъ; онъ требуетъ еще шкуры волка (ср.

⁽¹⁾ Въ «Рейнгартѣ» же Генриха Лицемѣра, т. е. въ оригиналѣ, а не въ переработкѣ вмѣсто священника встрѣчается: gebûg, gebûrman, крестьянинъ; ср. по этому поводу догадки Я. Гримма Sendschr. стр. 59 (къ прим. 1701).

Р е н. v. 19554), медвѣдя и кота. Несмотря на возраженія медвѣдя и Изенгрима, который тщетно указываетъ на „остатокъ своего хвоста“ (sîn zagelstrumpf, v. 1922), всѣ лишаются своихъ шкуръ. Кромѣ того Рейнгартъ требуетъ курицу на супъ, кусокъ сала кабана и ремень изъ оленьей шкуры (ср. Р е н. v. 19613); въ видѣ награды для врача Пендина онъ проситъ еще шкуры бобра. Испуганные звѣри разбѣгаются; остается только царская прислуга и приверженцы Рейнгарта, — барсукъ, верблюдица и слонъ. Рейнгартъ купаетъ царя въ ваннѣ, укладываетъ его на медвѣжьей шкурѣ, укутываетъ волчьей и надѣваетъ на его голову кошачій мѣхъ. Теплота заставляетъ муравья выползти на кошачій мѣхъ, на которомъ Рейнгартъ, при внимательномъ осмотрѣ на солнышкѣ, замѣчаетъ муравья; онъ грозитъ послѣднему смертью, но отпускаетъ его на волю, когда муравей обѣщаетъ ему тысячу замковъ. Дотронувшись до чела царя и узнавъ, что больной чувствуетъ себя почти здоровымъ, Рейнгартъ даетъ ему супъ изъ курицы и съ петрушкой, самъ съѣдаетъ курицу, а сало даетъ барсуку. Затѣмъ онъ предписываетъ царю небольшую прогулку и проситъ пожаловать слону помѣстье. Царь жалуетъ ему Богемію, гдѣ новаго повелителя жестоко бьютъ, причемъ ему наносятъ раны, „отчего онъ не выздоровѣлъ больше (v. 2116)“. Верблюдицу, которой Рейнгартъ выхлопоталъ мѣсто настоятельницы въ одномъ женскомъ монастырѣ, монашеники избиваютъ до полусмерти, „сильно беспокоятъ ее грифелями (griffeln, v. 2152; см. прим. Гримма къ этому стиху)“ и загоняютъ въ Рейнъ. Для окончательнаго исцѣленія царя Рейнгартъ предлагаетъ ему напитокъ, но вмѣсто цѣлебнаго средства даетъ царю отраву. Рейнгартъ уходитъ, подъ предлогомъ добыть другія коренья, и уводитъ съ собой барсука, которому объявляетъ, что отравилъ царя. Дорогой онъ издѣвается надъ злополучнымъ медвѣдемъ. Царь умираетъ: черепъ его разлетѣлся на три части, а языкъ согнулся девять разъ. Всѣ оплакивали его смерть и грозили Рейнгарту.

Такимъ образомъ первая половина приведеннаго эпизода по своей основѣ, по идеѣ представляетъ, какъ замѣтили уже Р о т е (Les romans du Renard стр. 212), Ф о р і э л ь (Histoire littér. XXII, 917) и др., полную аналогію съ br. 20^a. Вмѣстѣ съ тѣмъ совпаденія „Рейнгарта“ съ послѣдней вѣтвью при существованіи извѣстнаго разногласія заставляютъ вывести заключеніе, что браншъ 20^a и „Рейн-

гартъ“ восходятъ къ одному общему источнику, значительнымъ расширеніемъ котораго является вѣтвь 20^а.

Мотивъ о больномъ лѣвя въ 26-й вѣтви съ тѣмъ же эпизодомъ въ „Рейнгартѣ“ представляетъ еще больше точекъ соприкосновенія; это указываетъ цѣлый рядъ параллелей, отмѣченныхъ выше. Но рядомъ съ этими совпаденіями не могутъ не обратить на себя вниманія довольно рѣзкія, повидимому, разногласія. Въ дѣйствительности разногласія эти только кажущіяся; по крайней мѣрѣ нельзя пренебрегать соображеніями, которыя несомнѣнно свидѣтельствуютъ въ пользу этого взгляда.

Различныя причины вызываютъ болѣзнь по 26-й вѣтви и по „Рейнгарту“: въ первой царя раздражаетъ гнѣвъ, вызывающій лихорадку, во второмъ болѣзнь вызвана залѣзаніемъ муравья въ ухо. Тѣмъ не менѣе симптомы болѣзни — и въ данномъ случаѣ это весьма важно — тѣ же: царь ощущаетъ сильнѣйшую головную боль (*Qu'el [la teste] me soit par piéce fendue*, *Re n. v. 19497*), онъ блѣденъ (*Re n. v. 19332*; ср. *Reinh. v. 2026*). Затѣмъ способъ лѣченія въ общихъ чертахъ совершенно тотъ же: требуются шкуры, необходимыя для согрѣванія больного. Разница только въ томъ, что въ „Рейнгартѣ“ встрѣчается рядъ повтореній на одну и ту же тему: требуется нѣсколько шкуръ и, вообще, всѣхъ своихъ противниковъ Рейнгартъ наказываетъ. На основаніи этихъ чертъ можно сдѣлать два предположенія: или авторъ „Рейнгарта“ придумалъ новую причину болѣзни и присоединилъ къ оригиналу, которому онъ слѣдовалъ, рассказъ о мести муравья, или авторъ 26-й вѣтви, слѣдовавшій тоже болѣе древней версіи, опустилъ этотъ мотивъ, считая гнѣвъ царя, по поводу оскорбленія царскихъ пословъ Ренаромъ, вполне достаточнымъ для мотивировки болѣзни. Можно бы сдѣлать даже третье предположеніе, что передѣлыватель „Рейнгарта“ прибавилъ отъ себя мотивъ о влѣзаніи муравья въ ухо; но послѣднее предположеніе невѣроятно уже потому, что вся обработка представляетъ скорѣе переводъ подлинника, всѣ существенныя черты котораго сохраняются; удерживаются даже такія черты, которыя встрѣчались по всей вѣроятности во французскомъ оригиналѣ, какъ доказываетъ рядъ другихъ нѣмецкихъ обработокъ, хотя черты эти древній „Рейнгартъ“ замѣняетъ, считая ихъ почему либо неумѣстными. Такова, напр., замѣна священника крестьяниномъ, замѣна, встрѣчав-

шаяся выше. Но такъ какъ, вообще, сохраненіе многихъ французскихъ именъ въ древнемъ „Рейнгартѣ“, иногда и цѣлыхъ выраженій, доказываетъ, что Г е н р и хъ слѣдовалъ весьма точно своему образцу (можетъ быть даже и представляеть переводъ съ французскаго), то слѣдуетъ скорѣе допустить второе предположеніе, т. е. что авторъ 26-й вѣтви опустилъ подробность о причинѣ болѣзни, вызванной муравьемъ, считая, можетъ быть, этотъ мотивъ почему либо невѣроятнымъ. Впрочемъ авторъ 26-й вѣтви могъ также считать этотъ мотивъ вообще излишнимъ, и составилъ свою обработку болѣе въ духѣ мотива о судѣ; онъ счелъ поэтому свой мотивъ, повидимому, не только достаточнымъ, но и болѣе естественнымъ.

Второе разногласіе представляетъ мотивъ объ отравленіи царя. Въ 26-й вѣтви Ренаръ излѣчиваетъ царя цѣлебнымъ н а п и т к о мъ; начертаніе послѣдняго слова встрѣчается въ формѣ: *la poison* (vv. 19362. 19390. 19463. 19526. 19697 и др.). Такъ какъ объ отравленіи царя говорится только въ „Рейнгартѣ“, то Р о т е (ук. соч. стр. 211 сл. 61¹¹) и дѣлаеть предположеніе, что мотивъ объ отравленіи „могъ возникнуть просто вслѣдствіе смѣшенія словъ *poison*, *rotion* и *boisson*...“ Такое предположеніе вѣроятно, тѣмъ болѣе, что въ „Рейнгартѣ“ мотивъ этотъ стоитъ собственно внѣ связи съ предшествующимъ рассказомъ, является какой-то неожиданностью. Тѣмъ не менѣе трудно допустить, чтобы „Рейнгартъ“, повидимому, точно слѣдующій франц. оригиналу, рѣшился изъ ошибочно понятаго слова создать цѣлый рассказъ; вѣроятнѣе, что въ подобной версіи рассказъ этотъ встрѣчался уже въ оригиналѣ.

Въ виду представленныхъ соображеній едва ли можно серьезно настаивать на важности разногласій въ „Рейнгартѣ“ сравнительно съ 26-й вѣтвью. Тѣмъ болѣе нѣтъ основаній отдавать немедленно предпочтеніе „Рейнгарту“ предъ „Ренаромъ“, тотчасъ провозглашать даже сомнительную особенность „исключительной собственностью нѣмецкой саги“ (J. G r i m m R. F. стр. cvi) или находить „именно такой исходъ [т. е. отравленіе царя] самымъ мѣткимъ“ (W a s k e r n a g e l въ Kl. Schr. II, 297).

27-я вѣтвь (R e n. vv. 19769—20490) озаглавлена: *C'est la branche come Renart parfis* [закончилъ] *le c...* По словамъ автора сюжетъ этой вѣтви сообщенъ ему „умнымъ и весьма свѣдущимъ старцемъ“ (v. 19779 сл.).

Первая половина вѣтви посвящена разсказу о засѣвѣ поля, который представляетъ только незначительное видоизмѣненіе мотива о неравномъ дѣлежѣ жатвы (см. выше стр. 114 [вар. В]). Вмѣсто дѣлежа происходитъ потрава и, т. обр., трое изъ пайщиковъ обманываютъ Ренара.

Вторая половина вѣтви (vv. 20071 слл.) передаетъ о рѣшеніи Ренара отправиться съ жалобой къ царю и о приведеніи въ исполненіе плана мести. Ренаръ застаётъ царя за страннымъ занятіемъ, находитъ произведенія его искусства неудачными и совѣтуетъ употребить въ дѣло затылокъ оленя, гребень пѣтуха и мѣхъ волка. Олень, пѣтухъ и Изенгримъ становятся поочередно жертвой злобы Ренара.

Всѣ эти виды наказанія представляютъ лишь видоизмѣненіе и осложненіе извѣстнаго уже мотива о сдираніи шкуры съ волка въ разсказѣ о больномъ львѣ. Что автору этой вѣтви были знакомы и другія вѣтви, между прочимъ браншъ о судѣ, доказываютъ намеки на отношеніе Ренара къ женѣ Изенгрима (vv. 20369. 20039 слл.), на миръ (v. 20060) и др.

28-я вѣтвь (Ren. 20491—21976) озаглавлена: „Какъ Ренаръ и котъ Тиберь служили вечерню и заутреню, Ричарда де Лисонъ (de Lison)“⁽¹⁾. Авторъ называетъ себя кромѣ того норманцемъ (Ren. ad v. 21969 и Chabaille стр. 221).

Ренаръ заботится о голодающей семьѣ, отправляется за добычей, спасается вскорѣ бѣгствомъ отъ аббата (Huon), его челяди и собакъ, встрѣчается съ котомъ и снова принужденъ скрываться отъ собакъ Гюйома Бакона. Котъ между тѣмъ взбирается на дерево, гдѣ его преслѣдуютъ камнями и палками, въ чемъ принимаетъ участіе и подѣхавшій священникъ. Котъ пользуется тѣмъ, что лошадка безъ сѣдока, вскакиваетъ къ ней на спину, мчится на ней и встрѣчаетъ вскорѣ Ренара, которому онъ предлагаетъ отправиться съ нимъ въ церковь служить обѣдню. Ренаръ садится къ нему на коня и оба вступаютъ въ споръ по поводу семи искусствъ, поднимаютъ схоластическіе вопросы и, прибывъ въ деревню,

⁽¹⁾ Впрочемъ по рп. Q его имя Robert Grenon. См. поэтому поводу примѣчаніе Шабайля (ук. соч. стр. 221). Относительно извѣстныхъ чертъ въ 28-й вѣтви ср. еще Іонкблутъ (Étude стр. 277 слл.).

отправляются съ своими книгами въ церковь. Послѣ долгой службы и споровъ о томъ, какая доля должна принадлежать каждому изъ нихъ въ предполагаемыхъ сборахъ, котъ находитъ два сыра и уступаетъ старый Ренару, а себѣ беретъ свѣжій. Ренаръ рѣшается мстить. Онъ напоминаетъ, что они забыли звонить къ вечернѣ и ко всенощной. Чтобъ достать веревку, онъ подставляетъ скамейку, дѣлаетъ на концѣ веревки петлю, просовываетъ въ нее голову и лапы, ухватывается зубами за веревку и начинаетъ звонить. Котъ подражаетъ ему, но, отвѣчая на вопросъ Ренара, разжимаетъ зубы и петля затягивается; Ренаръ же немедленно вытаскиваетъ еще скамейку изъ подъ ногъ кота. Звонъ поднятый котомъ, болтающимся на воздухѣ, призываетъ народъ, который награждаетъ его жестокими побоями, пока ударомъ меча не пересѣкается веревка; котъ спасается бѣгствомъ. Ренару удается еще посмѣяться надъ избитымъ котомъ; затѣмъ онъ возвращается домой съ жирнымъ гусемъ.

Многіе мотивы этой вѣтви напоминаютъ частью отдѣльныя черты, частью цѣлые эпизоды въ браншахъ 7-й и 9-й (см. выше стр. 198. 199). Весьма близко совпадаютъ рассказы о спасеніи кота, о его прыжкѣ на лошадь, затѣмъ о службѣ въ церкви, объ отыскиваніи пищи, о колокольномъ звонѣ, о появленіи народа. Совпадаютъ иногда даже мелочи: въ 9-й вѣтви первыя лица, явившіяся на звонъ, принимаютъ волка за дьявола и разбѣгаются, чтобы созвать больше народу (v. 3423 слл.), и тоже повторяется въ 28-й вѣтви (v. 21703 слл.). Вообще вторая половина послѣдней представляетъ видоизмѣненіе извѣстнаго уже мотива о волкѣ-кутилѣ (ср. выше стр. 148).

29-я вѣтвь (Ren. vv. 21977—24344) передаетъ рассказъ о томъ, „Какъ Ренаръ спрятался между шкурами“.

Первая половина вѣтви (до v. 22824 включительно) не представляетъ ничего общаго съ романомъ о Ренарѣ. Весь рассказъ посвященъ описанію рыцарскаго замка и подробному изображенію жизни рыцаря. Описываются пріемъ гостей, пиры, сборы рыцаря на охоту, травля оленя, кабана. Между прочимъ рассказывается и о травлѣ Ренара, который два раза спасается въ замокъ и безслѣдно исчезаетъ: его находятъ наконецъ въ замкѣ прицѣпившимся рядомъ съ шкурами убитыхъ лисицъ; Ренаръ тѣмъ не менѣе спасается бѣгствомъ.

Любопытно то, что Ренаръ (v. 22028) называется нарицательнымъ именемъ (u n renart), причемъ въ такой формѣ оно повторяется въ шести рпп. (ADGGM), тогда какъ только въ двухъ рпп. (SZ) встрѣчается иное чтеніе (dant Renart). Мартинъ (Examen стр. 38) полагаетъ, что предпочтительнѣе второе чтеніе, съ чѣмъ едва ли можно согласиться. Не говоря о томъ, что въ пользу перваго чтенія свидѣтельствуется большинство рпп., слѣдуетъ еще замѣтить, что въ данномъ разсказѣ преобладаетъ вообще нарицательное имя (gorpil) надъ собственнымъ (Renart), встрѣчающимся сравнительно рѣдко. Наоборотъ, во второй половинѣ 29-й вѣтви (vv. 22825 слл.) исключительно господствуетъ собственное имя Renart (исключая vv. 23402 и 23422, гдѣ говорится о лисицѣ вообще). Это сопоставленіе кромѣ того наглядно доказываетъ, что обѣ половины не имѣютъ между собой ничего общаго и принадлежать, вѣроятно, различнымъ авторамъ. Это подтверждается и тѣмъ, что обѣ половины соединены между собой только внѣшнимъ образомъ. Такое подраздѣленіе необходимо еще принять на основаніи рѣзкаго отличія, выступающаго въ обѣихъ поэмахъ, по тону, по характеру, какъ замѣтилъ уже Роте (ук. соч. стр. 229): въ противоположность картинѣ рыцарскихъ нравовъ въ первой половинѣ, — во второй выступаетъ на сцену снова только міръ животныхъ, снова устраиваетъ свои козни Ренаръ.

Первый эпизодъ второй половины 29-й вѣтви посвященъ разсказу о поимкѣ Ренаромъ вороны (см. выше стр. 42). Съѣвъ ворону, Ренаръ засыпаетъ на стогу; проснувшись, онъ видитъ себя окруженнымъ разливомъ. Вскорѣ къ стогу подъѣзжаетъ вилланъ на лодкѣ. Ренаръ, притворяясь больнымъ, выманиваетъ виллана изъ лодки, самъ вскакиваетъ въ нее и уплываетъ. Замѣтивъ Изенгрима и его жену, Ренаръ натирается волшебной травой, становится вслѣдствіе этого чернымъ и неузнаваемымъ, высаживаетъ затѣмъ на островъ Изенгрима, гдѣ послѣдній попадаетъ въ западню, и, открывъ себя женѣ Изенгрима, удовлетворяетъ своей страсти. Ренаръ снова отвозитъ жену Изенгрима на берегъ, а Изенгримъ подвергается скорѣ побоямъ и лишается ноги. За лодку Ренаръ выговариваетъ себѣ у виллана 4 каплуновъ.

Далѣе (v. 23118 слл.) Ренаръ встрѣчаетъ голоднаго пса Ронеля, который принимаетъ Ренара за дьявола и обращается въ бѣгство. Ренаръ призываетъ его назадъ, называ-

етъ себя Chufles и ведетъ Ронеля въ виноградникъ, гдѣ за-
влекаетъ его въ западню, соблазнивъ мясомъ, положеннымъ
для приманки. Вскорѣ Ронель подвергается побоямъ и от-
правляется къ царю льву съ жалобой.

Вслѣдъ затѣмъ (v. 23313 слл.) Ренаръ встрѣчается съ
бѣлкой (Rosset), выдаетъ себя за иностранца и проситъ до-
ставить ему случай насытить свой голодъ. Забравшись въ
куратникъ, Ренаръ схватываетъ каплуна, а бѣлка выпива-
етъ яйца изъ-подъ насѣдки. Проснувшійся мальчикъ подни-
маетъ всѣхъ на ноги. Ренаръ кое какъ спасается и заста-
етъ на дворѣ бѣлку, оплакивающую его жалкое положеніе.
Ренаръ и бѣлка засыпаютъ подъ дубомъ и, проснувшись,
пускаются на поиски за добычей. Не найдя ничего, Ренаръ
собирается съѣсть бѣлку и схватываетъ ее за хвостъ, съ ко-
торого сдираетъ шкуру. Бѣлка спасается бѣгствомъ и при-
носитъ жалобу царю; къ которой присоединяется и Ронель
съ Изенгримомъ.

Царь (v. 23604 слл.) отправляетъ посломъ кота, кото-
раго Ренаръ тоже завлекаетъ въ силокъ. Котъ, избитый
лѣсничимъ, освобождается, перегрызая веревку. Вторымъ по-
сломъ отправленъ баранъ (v. 23760 слл.); его Ренаръ ве-
детъ въ овесъ; вилланъ травитъ на барана собаку. Царь
приказываетъ ослу (Dant Bernart l'Archevrestre), медвѣдю и
кабану привести Ренара силой. Посломъ благодаря хитрости
удается связать Ренара и привести ко двору. Пострадавшіе
возобновляютъ жалобу. Царь грозитъ его сжечь или повѣ-
сить. Ренаръ защищается, но тѣмъ не менѣе Ронель вызы-
ваетъ его на поединокъ и побѣждаетъ. Царь приказываетъ
недвижимаго Ренара завязать въ мѣшокъ и бросить съ моста
въ воду. Спрятавшійся барсукъ вытаскиваетъ Ренара изъ
воды; послѣдній смываетъ съ себя черную краску и возвра-
щается въ свой замокъ.

Съ перваго же взгляда тотчасъ бросается въ глаза цѣ-
лый рядъ совпаденій, представляемыхъ 29-й вѣтвью съ дру-
гими вѣтвями. Такъ, черный Ренаръ представляетъ только
подражаніе желтому въ 21-й вѣтви, что было замѣчено уже
Я. Г р и м м о м ъ (Р. Г. стр. сxxxij). Заманиванію Ронеля
въ силокъ отвѣчаетъ рассказъ въ 26-й вѣтви. Разница только
въ томъ, что въ послѣднемъ случаѣ приманка въ силкѣ,
которой служить сыръ, выдается за могилу святаго, тогда
какъ въ вѣт. 29 говорится только о „большомъ кускѣ мя-

са“ (v. 23178). Еще болѣе замѣтны совпаденія съ разсказомъ о судѣ, т. е. съ br. 20^a, изъ которой заимствованы иногда цѣлые стихи. Не менѣе точекъ соприкосновенія представляетъ 29-я вѣтвь съ 31-й. Обзоръ почти всѣхъ параллелей представилъ К н о р р ъ (Die zwanzigste Branche des Roman de Renart und ihre Nachbildungen, nebst einem kurzen Nachtrage zu Reinardus vulpes, von Wilh. K n o r r. [Progr.] Eutin 1866. Стр. 17 слл.), вслѣдствіе чего здѣсь достаточно ограничиться указаніемъ на его трудъ.

Впрочемъ необходимо еще сдѣлать замѣчаніе, что заглавіе этой вѣтви отвѣчаетъ только первой ея части; это представляетъ во всякомъ случаѣ одно изъ подтвержденій въ пользу мнѣнія о независимости обѣихъ половинъ 29-й вѣтви.

30-я вѣтвь (R e n. vv. 24345—27782) носитъ заглавіе: „Браншъ о Ренарѣ, какъ онъ сталъ императоромъ“.

Ренаръ отправляется за добычей для голодающей семьи и встрѣчается съ Изенгримомъ, который совѣтуетъ ему спастись съ нимъ бѣгствомъ, такъ какъ за нимъ погоня. Усталый Изенгримъ засыпаетъ; Ренаръ привязываетъ его къ дереву; проходящій мимо вилланъ бьетъ его дубиной, но падаетъ. Изенгримъ грызетъ его и вилланъ поспѣшно обращается въ бѣгство. Ренаръ отвязываетъ Изенгрима, который, ничего не подозревая, изъ благодарности угощаетъ его у себя. Пускаясь въ обратный путь (v. 24607 слл.), Ренаръ застаётъ надъ ровомъ тутовое дерево, но, при сбиваніи съ него ягодъ, всѣ падаютъ въ ровъ и онъ принужденъ отказаться отъ нихъ. Онъ встрѣчаетъ избитаго пса Ронеля (v. 24684 слл.) и вѣшаетъ его на дерево. Проходящій мимо царь левъ со свитой освобождаетъ его и отдаетъ на излѣченіе искусныхъ врачей. Ренаръ между тѣмъ (v. 24897 слл.) пожираетъ на дубу 4 птенцовъ коршуна, принужденъ вступить вскорѣ въ бой съ родителями, умерщвляетъ обоихъ, но и самъ остается на мѣстѣ за мертво. Проходящій мимо рыцарь, велитъ отнести мнимо-умершаго Ренара домой. Дорогой Ренаръ схватываетъ конюха зубами par les naches dou cul (v. 25038) и обращается въ бѣгство; онъ „находитъ траву, которую искалъ“ (v. 25103), проглатываетъ ее и немедленно излѣчивается отъ ранъ.

Далѣе слѣдуетъ эпизодъ о д р о з д ѣ - к о р м и л ь ц ѣ, въ роли котораго выступаетъ воробей (см. выше стр. 154 [вар. Ж]). На основаніи сдѣланныхъ (въ ук. м.) замѣчаній

нельзя, конечно, считать этотъ разсказъ вмѣстѣ съ *Fori-эле мъ* (*Hist. littér. XII, 927*) плодомъ *d'une inspiration singulièrement aimable*.

Ренара, истерзаннаго собакой, берутъ на излѣченіе Изен-гримъ и его супруга, сильно сокрушающаяся о больномъ (v. 25744 сл.).

Ренаръ овладѣваетъ (v. 25881 сл.) вслѣдствіе неожиданнаго нападенія барабаномъ и соколомъ оруженосца и ловить при помощи сокола утокъ. Вскорѣ онъ встрѣчается съ улиткой (*Tardif*) въ полномъ вооруженіи, которую Ренаръ побѣждаетъ. Царскій вѣстникъ передаетъ Ренару, „одному изъ лучшихъ друзей“ (v. 26026) царя, письмо, въ которомъ царь приглашаетъ его къ себѣ. Ренаръ обѣщаетъ явиться, встрѣчается съ барсукомъ, котораго дѣлаетъ своимъ оруженосцемъ, и затѣмъ съ своимъ старшимъ сыномъ (*Persehaie*), который сообщаетъ о смерти своей матери, жены Ренара (*Hermeline*). Погоревавъ немного, Ренаръ приказываетъ своему сыну привести двухъ своихъ братьевъ ко двору царя для посвященія ихъ въ рыцари. Царь сообщаетъ между тѣмъ Ренару о вторженіи въ его страну враговъ подъ предводительствомъ верблюда, оставляетъ Ренара для защиты царицы и самъ отправляется въ походъ. Вскорѣ Ренаръ „сдѣлалъ подложное письмо“ (v. 26675), въ которомъ возвѣщалось о смерти царя и поручалось Ренару взять за себя царицу. Ренаръ женится на царицѣ и провозглашаетъ себя императоромъ. Ренаръ укрѣпляется въ своемъ замкѣ и, по возвращеніи царя, оказываетъ ему открытое сопротивленіе. Начинается осада, которая ведется съ обѣихъ сторонъ съ переменнымъ счастьемъ. Наконецъ Ренаръ попадаетъ въ плѣнъ, но прощенъ царемъ за то, что онъ излѣчилъ его отъ лихорадки.

Т. обр., вторая половина вѣтви, описывающая похождения Ренара по его выздоровленіи, представляетъ тѣ же картины рыцарскихъ нравовъ, какими они изображаются въ рыцарскихъ романахъ. „Все“, какъ вѣрно замѣчаетъ *Роте* (ук. соч. стр. 242), „что составляетъ основу и суть фабулы, совершенно устранено, опущено, стерто“.

Что же касается первой половины, то большинство встрѣчающихся въ немъ мотивовъ, вопреки мнѣнію *Роте* (ук. соч. 240: *Les aventures... sont pour la plupart neuves*), представляютъ только болѣе или менѣе новое примѣненіе

старыхъ мотивовъ. Преслѣдованіе и бѣгство, неизбѣжные побои, вѣшаніе, укушеніе *par les naches*, цѣлебныя травы,— все это извѣстные уже мотивы, встрѣчающіеся здѣсь только въ нѣсколько иномъ сочетаніи.

Такимъ же извѣстнымъ мотивомъ въ новой оболочкѣ представляется рассказъ о желаніи Ренара добыть тутовья ягоды, рассказъ, представляющій, понятно, передѣлку басни Эзопа о „Лисицѣ и Виноградѣ“ (см. выше стр. 47).

31-я вѣтвь (*Ren. vv. 27783 — 28664*) озаглавлена: „Какъ Ренаръ хотѣлъ съѣсть своего исповѣдника“. Начало вѣтви, составляющее какъ бы введеніе, посвящено цѣлому ряду пословицъ и той мысли, что отъ Ренара прямого не ждать (*Jà nus n'aura de lui droiture, v. 27834*).

Первый эпизодъ (*v. 27855* слл.) рассказываетъ, какъ Ренаръ забирается ночью въ монастырскій курятникъ, гдѣ душитъ каплуна, и какъ онъ послѣ тяжкихъ побоевъ все-таки спасается бѣгствомъ. Добравшись до берега рѣки, Ренаръ, послѣ извѣстныхъ пожеланій и богохульныхъ молитвъ (*v. 28013* слл.), засыпаетъ на стогу и, проснувшись, видитъ себя окруженнымъ водой. Ренару грозитъ голодная смерть. Къ счастью Ренара на стогъ опускается коршунъ (*v. 28105* слл.). Ренаръ изъясняетъ ему желаніе исповѣдоваться и перечисляетъ свои грѣхи. Онъ не прочь бы поступить въ монастырь, но считаетъ себя неспособнымъ по разнымъ причинамъ, особенно вслѣдствіе невозможности разстаться съ женой Изенгрима, причемъ Ренаръ пускается въ скандальное восхваленіе извѣстныхъ преимуществъ женщинъ (*C... est li plus souverains sire etc. v. 28250*). Коршунъ считаетъ „безгрудую старуху“ (*v. 28280*) недостойной его любви и находитъ въ ней рядъ недостатковъ. Ренаръ рѣшается ему отомстить. Продолжая свою исповѣдь, онъ дѣлаетъ видъ, что ужасается своихъ собственныхъ грѣховъ, падаетъ въ обморокъ и, когда коршунъ приближается къ нему, неудачно пытается его схватить. Коршунъ въ испугѣ крестится и уличаетъ Ренара въ коварствѣ, причемъ упоминаетъ, какъ онъ обманулъ извозчиковъ (ср. выше стр. 59¹). Ренаръ продолжаетъ исповѣдь и сознается, что поѣлъ 4 птенцовъ коршуна. Исповѣдникъ признаетъ ихъ за своихъ птенцовъ (по *br. 30* погибаютъ и родители послѣднихъ) и проклиняетъ Ренара, который проситъ прощенія, обѣщаетъ сдѣлаться его вассаломъ и требуетъ въ знакъ примиренія поцѣлуя. Коршунъ протягиваетъ

свой клювъ, а Ренаръ немедленно схватываетъ его и пожираетъ.

Въ первомъ эпизодѣ этой вѣтви представляется цѣлый рядъ совпаденій съ 29-й вѣтвью; отдѣльные случаи этихъ совпаденій помѣчены у Кнорра (*Die 20. Branche* стр. 17 сл.). Какой изъ этихъ эпизодовъ считать подражаніемъ, рѣшить трудно. Кнорръ склоняется къ мнѣнію, что данный эпизодъ въ br. 31 представляетъ только дополненный и приукрашенный рассказъ 29-й вѣтви.

Эпизодъ о Ренарѣ на стогѣ сѣна, окруженномъ водой, встрѣчается не только въ 29-й вѣтви, но и въ 33-й. Эпизодъ первыхъ двухъ вѣтвей восходитъ повидимому къ br. 33.

Мотивы объ исповѣди и о притворной смерти (обморокѣ) встрѣчались уже въ другихъ вѣтвяхъ.

32-я вѣтвь (*Ren. vv. 28665—30362*), подъ заглавіемъ: „Смерть Ренара“, представляетъ подражаніе 20-й вѣтви.

Ренаръ пожираетъ въ монастырскомъ курятникѣ каплуна и избавляется отъ монаха, который награждаетъ его ударами, тѣмъ, что слѣдуетъ примѣру кота по отношенію къ священнику въ br. 20^a. Ренаръ встрѣчается съ зайцемъ (v. 28725 слл.), который въ рукопашномъ бою побѣдилъ скорняка; заяцъ ведетъ послѣдняго къ царю. При дворѣ празднуется день мученицы курицы (*Dame Courée*). Царь радуется встрѣчѣ съ Ренаромъ, освобождаетъ виллана и задаетъ всѣмъ пиръ. Затѣмъ Ренаръ садится съ Изенгримомъ играть въ шахматы (v. 28939 слл.) подъ условіемъ извѣстной ставки (*ma s..... ou mon v...*, v. 28960), проигрываетъ и Изенгримъ при помощи огромнаго гвоздя: *Parmi la s..... li ficha Et à l'eschequier l'atacha* (v. 28971). Царица въ неопisanномъ горѣ (v. 28977; ср. 10599), освобождаетъ раненаго, ухаживаетъ за нимъ. Ренаръ исповѣдуется (v. 29050), упоминаетъ о своей связи съ волчицей, съ львицей, говоритъ объ исцѣленіи льва; онъ падаетъ въ обморокъ и всѣ принимаютъ его за мертваго. Приступаютъ къ всеобщей, а на слѣдующій день къ перенесенію тѣла въ церковь; гробъ ставятъ предъ алтаремъ курицы, надъ гробомъ которой творятся чудеса. Архіеп. Бернаръ, т. е. осель, произноситъ надгробное слово, въ которомъ прославляетъ жизнь Ренара и оправдываетъ отношенія послѣдняго къ волчицѣ и львицѣ. Затѣмъ слѣдуетъ чтеніе новыхъ молитвъ. Медвѣдь роетъ могилу; Ренара опускаютъ въ нее и, когда его начинаютъ засыпать

землей, онъ вдругъ вскакиваетъ схватываетъ пѣтуха, держащаго кадильницу, и обращается въ бѣгство. При помощи собаки одного виллана Ренаръ схваченъ. Ренаръ оправдывается, но пѣтухъ вызываетъ его на поединокъ и побѣждаетъ. Ренаръ притворяется мертвымъ и его бросаютъ въ ровъ. Затѣмъ слѣдуетъ эпизодъ о покушеніи на вѣрона (ср. выше стр. 43), который идетъ съ жалобой къ царю. Царь шлетъ за нимъ барсука и коршуна. Ренаръ заявляетъ барсуку, чтобъ онъ заявилъ царю, что его не стало. Жена Ренара ведетъ барсука къ гробу виллана по имени Renart. Царь сожалеетъ о гибели столь доблестнаго барона.

Вся эта вѣтвь представляетъ подражаніе 20-й вѣтви (ср. К п о г г ук. соч. стр. 23 слл.) или подробное развитіе отдѣльных ея моментовъ. Къ числу послѣднихъ относится, между прочимъ, служба по мнимо-умершемъ Ренарѣ, образцомъ которой являются похороны курицы въ 20-й вѣтви. Иногда повторяются даже мельчайшія подробности: раненнаго льва тщательно купаютъ (v. 11953 слл.) и Ренара сажаютъ въ ванну (v. 28999 слл.); и въ той и въ другой вѣтви Ренаръ желаетъ приступить къ исповѣди и получаетъ отъ исповѣдника одинаковыя предостереженія и т. п.

Помимо цѣлаго ряда совпаденій съ 20-й вѣтвью встрѣчаются и намеки на br. 30, именно на женитьбу Ренара на царицѣ, и на рассказываемое въ 26-й вѣтви исцѣленіе льва (v. 29062—66). Кромѣ того встрѣчаются черты, совпадающія съ извѣстными чертами въ br. 5, какъ обличаютъ слова пѣтуха, подстрекающаго Ренара дать отвѣтъ своимъ преслѣдователямъ (v. 29782 слл.; ср. v. 1670 слл.). Описаніе боя Ренара съ пѣтухомъ (v. 29962 слл.) совершенно отвѣчаетъ описанію поединковъ съ Изенгримомъ въ br. 24 (v. 14506 слл.) и съ Ронелемъ въ br. 29 (v. 24016 слл.).

На извѣстныя черты сходства, между прочимъ и на нѣкоторыя совпаденія съ 20 вѣтвью, указаль и Р о т е (ук. соч. стр. 256 слл.).

33-я вѣтвь (Ren. vv. 1—309 у Chabaille стр. 1 слл.) носитъ заглавіе: „Какъ Ренаръ съѣлъ господина Пинсара, цаплю (le haïon), и чуть не утопилъ виллана“. Въ небольшомъ вступленіи авторъ обѣщаетъ, не смотря на всѣмъ извѣстныя авантюры и рассказы Пьера де Сэнъ-Клу (de Saint-Cloot), передать еще одинъ рассказъ въ стихахъ.

„Случилось нѣкогда въ Англіи“ (v. 17) отправиться Ренару на поиски за добычею. Вдругъ онъ замѣчаетъ въ рѣкѣ цаплю, охотящуюся за рыбой. Послѣ нѣкотораго размышленія Ренаръ бросаетъ связку папоротника, росшаго на берегу, въ рѣку; связка уносится теченіемъ по направленію къ цаплѣ. Послѣдняя отступаетъ, но, убѣдившись, что это простая связка травы, снова принимается за рыбную ловлю. Ту же уловку употребляетъ Ренаръ во второй разъ. Въ третій разъ Ренаръ притаивается самъ на связкѣ и, приблизившись къ цаплѣ, схватываетъ ее и, приплывъ къ берегу, душитъ. Покончивъ съ цаплей, Ренаръ засыпаетъ на стогу, а выступающая вода заливаешь стогъ. Ренаръ спасается только тѣмъ, что вскакиваетъ въ лодку виллана, подѣхавшаго къ стогу съ цѣлю поймать Ренара; вилланъ же, оставленный на стогу, съ трудомъ добирается потомъ до берега.

Первый эпизодъ представляетъ, можетъ быть, приукрашенное изложеніе какого нибудь болѣе или менѣе подходящаго дѣйствительнаго наблюденія. Покрайней мѣрѣ наблюденіе, весьма близко подходящее къ данному случаю, сообщается у Кембля (ук. соч. I, 270 № 6), конечно, со ссылкой на авторитетъ 3-го лица (he had seen). Тутъ лиса ловить утокъ при помощи слѣдующей хитрости: она беретъ пучекъ вереску въ зубы, чтобы прикрыть голову, подплываетъ къ уткамъ и, бросивъ пучекъ, кидается на утокъ.

Эпизодъ о затопленномъ стогѣ встрѣчается въ br. 29 и 31. Которая изъ трехъ вѣтвей послужила основой для другихъ двухъ вѣтвей съ достовѣрностью сказать трудно; но по всей вѣроятности основой послужила данная вѣтвь, въ которой даже намекается, что въ ней излагается новый сюжетъ. Другія двѣ вѣтви вслѣдствіе цѣлаго ряда подражаній, едва ли могутъ претендовать на самостоятельность и по отношенію къ данной чертѣ (ср. впрочемъ Knorr ук. соч. стр. 18).

34-я вѣтвь (Ren. vv. 310 — 440 у Chabaille стр. 13 слл.) носитъ заглавіе: „О колбасѣ, которая была разыграна въ мельницу“ (? marelles) ⁽¹⁾.

⁽¹⁾ Относительно названія этой игры mérelle (marelle) см. Виггу ук. соч. III² п. слов. matras. Лаконическое опредѣленіе этой игры у Роте (ук. соч. стр. 122¹⁾) весьма неточно. Игра состоитъ въ слѣдую-

Разставшись съ волчицей, Ренаръ подходит къ кресту надъ могилой убитаго; тутъ на плоскомъ камнѣ пастухи выцарапали родъ шашечницы (*un marregler*). Ренаръ видитъ за игрой четырехъ игроковъ, раздѣлившихся на двѣ партіи: осленокъ (*Fremiz Fremonz*) и горностаѣ (*Blanz*) съ одной стороны играютъ противъ кота (*Tyberz*) и бѣлки (*Ros*); они разыгрываютъ найденную ими колбасу. Вдругъ осленокъ замѣчаетъ появленіе Ренара и крикъ его: „Спасайтесь!“ обращаетъ игроковъ въ бѣгство. Котъ съ колбасой взлѣзаетъ на крестъ и не обнаруживаетъ желанія подѣлиться съ Ренаромъ. Послѣдній вдругъ дѣлаетъ видъ, что поймалъ мышъ; котъ невольно дѣлаетъ неосторожное движеніе и колбаса падаетъ внизъ; Ренаръ немедленно схватываетъ ее и пожираетъ.

Къ этому длинному ряду вѣтвей присоединяются еще, согласно М а р т и н у (*Echamen* стр. 9), 35-я вѣтвь: „Женитьба льва“ (въ рц. *M*, неизд.) и 36-я вѣтвь: „Ренаръ и коза“ (см. выше стр. 115 [вар. *C*]).

Приведенныя вѣтви исчерпываютъ сюжеты животнаго эпоса въ строгомъ смыслѣ этого слова. Всѣ остальные поэмы, къ которымъ не подходитъ уже названіе вѣтвей, помѣщены частью у Ш а б а й л я (*Suppl.* стр. 19 сл.), частью у М е о н а (въ IV томѣ). Онѣ стоятъ собственно внѣ предѣловъ животнаго эпоса, такъ какъ представляютъ всѣ признаки разложенія послѣдняго. Къ животнымъ примѣняются чисто рыцарскіе идеалы, изображаются со всѣми мелочами и во всѣхъ ихъ проявленіяхъ чисто феодально-рыцарскіе нравы или проводятся извѣстныя правоучительныя или сатирическія тенденціи. Помимо сатиры Р ю т б ё ф а (*Renart le Bestourné*)⁽¹⁾ и поэмы: *Renart mestres de l'ostel le roy* (*Chabaille* стр. 19 сл.), гдѣ слишкомъ 300 стиховъ посвящено разсказу о томъ, какъ Ренаръ распредѣляетъ различныя при-

шемъ: Стороны трехъ концентрическихъ квадратовъ, раздѣленныя пополамъ, соединены между собой (въ точкахъ дѣленія) прямыми линіями. Два игрока попеременно размѣщаютъ шашки на всѣхъ точкахъ пересѣченія такъ, чтобы три шашки одного изъ игроковъ находились на пересѣченіяхъ одной прямой; это даетъ право отнимать у противника одинъ изъ жетоновъ. У нѣмцевъ игра эта называется *Mühlenspiel*.

⁽¹⁾ Издана эта сатира Я. Г р и м м о мъ (*R. F.* стр. 443 сл.) и Ш а б а й л е мъ (*Suppl.* стр. 34 сл.). См. также *Hist. littér.* XX. 775 сл.

дворныя должности (ср. выше стр. 179 сл.), какъ распѣваетъ онъ пѣсни, какъ звѣри пируютъ и т. п., слѣдуетъ вкратцѣ отмѣтить только главнѣйшія поэмы, стоящія на переходной ступени.

Le Couronnement Renart состоитъ изъ 3398 восьми слоговыхъ стиховъ, написанныхъ во второй половинѣ XIII в. неизвѣстнымъ авторомъ, а не Marie de France, какъ предполагалъ Меонъ (*Ren.* I, vii сл.); послѣднее мнѣніе опровергаетъ Роте (ук. соч. 326 слл.) и Фориэль (въ *Hist. littér.* XXII, 936). Вся поэма во всѣхъ отношеніяхъ довольно подробно разобрана Роте (ук. соч. стр. 302—359). Издана она впервые Меономъ (*Ren.* IV, 1—123).

Renart le Nouvel состоитъ изъ 8048 стиховъ. Авторъ поэмы, Jacquemars Gielée de Lille, написалъ ее въ 1288 г. Издана поэма Меономъ (*Ren.* IV, 125 слл.). Помимо разбора, встрѣчающагося у Роте (ук. соч. стр. 360—459), необходимо еще указать на обстоятельное изслѣдованіе Удуга (*Renart - le - Nouvel Roman satirique composé au XIII-e siècle par Jacquemars Gielée de Lille précède d'une introduction historique etc. par Jules Houdou.* Paris, Lille, Bruxelles 1874).

Renart le Contrefait, заключающій въ себѣ около 50000 стиховъ, относится къ первой половинѣ XIV в. и принадлежитъ перу неизвѣстнаго автора. Содержаніе поэмы пересказано у Робера (*Fables* I, cxxxiiij слл.) и у Роте, который присоединяетъ и разборъ ея (ук. соч. стр. 459—514). Кромѣ того слѣдуетъ еще обратить вниманіе на статью Вольфа (*Le Roman de Renart le Contrefait.* Von Ferdinand Wolf въ *Denkschr. d. philos.-histor. Cl. d. K. Ak. d. Wiss.* XII [1862] 71—86), гдѣ (стр. 71) указана и вся литература вопроса.

Всѣ эти поэмы совершенно измѣняютъ первоначальный характеръ животнаго эпоса, всѣ онѣ тенденціозны, всѣ служатъ цѣлямъ сатиры. Правда, звѣри большей частью все тѣ же, но они не преслѣдуютъ уже личныхъ интересовъ, а стали рабами предвзятыхъ идей авторовъ. Въ первой поэмѣ (*Le Cour. de R.*) подвергается всестороннему обсужденію вопросъ о коварствѣ (т. наз. *renardie*), господствующемъ надъ миромъ, и заключается прямая сатира на Jacobins et Freres Meneurs (Menors) (т. е. на доминиканцевъ и францисканцевъ). Во второй поэмѣ (*R. le N.*) преслѣдуется не толь-

ко цѣль правоучительная и сатирическая, прилагаемая къ извѣстной фабулѣ объ осадѣ, о войнѣ между животными, но прямо вводится аллегорія, и Ренаръ, напр., хвастается своимъ домомъ, „который устроенъ изъ измѣны, изъ ненависти и зависти“, „изъ обмана былъ входъ и изъ хвастовства полъ“ (v. 116? слл.), причемъ шесть дамъ: Злоба, Зависть, Скупость и т. д., встрѣчаютъ гостя пѣснями, приподносятъ подарки и т. п. (v. 1173 слл.). Наконецъ третья поэма представляетъ странную смѣсь самыхъ разнохарактерныхъ рассказовъ, переплетающихся съ сюжетами изъ области животнаго эпоса.

Слѣдовательно, первоначальный характеръ неразложившагося еще животнаго эпоса возможно признать только въ 36-и браншахъ романа о Ренарѣ. Въ виду многихъ мѣстныхъ замѣчаній Роте (ук. соч. стр. 259 слл.) по поводу „Ренара“ вообще здѣсь можно ограничиться нѣкоторыми дополнительными замѣчаніями.

Сравнивая между собой всѣ вѣтви романа о Ренарѣ, нельзя не замѣтить, что всѣ онѣ отличаются разнообразнымъ характеромъ, всѣ находятся на различныхъ ступеняхъ развитія. Однѣ изъ нихъ напоминаютъ басни, отличающіяся только болѣе развитыми эпическими чертами, другія переходятъ въ область циничныхъ рассказовъ, третьи сохраняютъ болѣе или менѣе своеобразный характеръ. Но всѣ онѣ ясно обличаютъ развитіе изъ болѣе простыхъ основъ, которыя осложнялись только съ теченіемъ времени; иногда основы эти собирались въ группы и тогда получались болѣе полныя формы развитія. Но несмотря даже на такое сплоченіе основныхъ сюжетовъ, легко подмѣтить, что всѣ они тѣмъ не менѣе сохраняютъ характеръ разрозненности, обособленности, стоятъ внѣ всякой тѣсной связи между собой; ихъ возможно перемѣщать въ любомъ порядкѣ и единство той или другой вѣтви нисколько не нарушится, т. е. достаточно чисто внѣшней связи для скрѣпленія ихъ между собой. Исключеніемъ являются вѣтви, развивающія мотивъ о судѣ. Въ рассказѣ о судѣ нельзя не признать внутренняго единства, извѣстной идеи. Она заключается въ отраженіи извѣстныхъ сторонъ и отношеній средневѣковой жизни, въ изображеніи извѣстныхъ бытовыхъ чертъ.

Но и рассказъ о судѣ, какъ было замѣчено выше (стр. 213. 221), развился изъ болѣе простой основы; онъ не былъ сразу

приложенъ цѣликомъ въ той формѣ, въ какой онъ существуетъ, напр., въ br. 20^a. Это видно между прочимъ изъ того, что въ самыхъ древнихъ поэмахъ онъ существуетъ только въ зародышѣ (см. выше стр. 214): въ нихъ обвиненія и оправданія еще весьма немногосложны, судебное слѣдствіе не получило еще формальнаго развитія. Но постепенно мотивы все осложняются, т. е. привходитъ понемногу разнообразный матеріалъ, дающій пищу обвиненію и защитѣ: присоединяются въ подновленномъ и дополненномъ видѣ различные классическія басни, примѣшиваются извѣстные рассказы изъ бестіаріевъ, различные сказочные сюжеты или черты изъ современной жизни. Такъ какъ въ древнихъ поэмахъ, какъ въ *Ecbasis* и „Изенгримъ“, этихъ добавочныхъ элементовъ пока не существуетъ, а тѣмъ не менѣе ясно проглядываетъ мотивъ о судѣ, хотя и существующій только въ зародышѣ, то слѣдуетъ принять мотивъ этотъ за основной, къ которому постепенно присоединялись упомянутые добавочные элементы. Это весьма наглядно обнаруживаютъ послѣдовательныя наслоенія и осложненія, какія проявляются въ постепенномъ ходѣ развитія поэмъ о животныхъ, начиная отъ *Ecbasis* и переходя къ „Изенгриму“, затѣмъ „Рейнгарду“ и, наконецъ, роману о Ренарѣ.

Нельзя обойти молчаніемъ слѣдующаго опредѣленія: „Романъ о Ренарѣ“, говоритъ А. Н. Веселовскій (въ Ист. русск. слов. А. Галахова I², 511),—„сводный эпосъ, въ которомъ послѣдовательно накопились рассказы, представлявшіе, подъ животной личиной, отрицательную характеристику всего средневѣковаго общества“. Это опредѣленіе мы позволимъ себѣ примѣнить не къ роману о Ренарѣ вообще, а именно къ рассказу о судѣ, и къ тѣмъ вѣтвямъ, въ которыхъ дѣйствительно воспроизводятся тѣ или другія стороны быта. Это ограниченіе необходимо сдѣлать въ виду того, что встрѣчаются вѣтви (напр., br. 2. 12. 15. 16. 17. 33. 34. 36) и еще чаще отдѣльные мотивы, въ которыхъ средневѣковое общество вовсе не затрагивается.

Всѣ вѣтви, входящія въ составъ романа о Ренарѣ, представляютъ очевидно передѣлки болѣе древнихъ вѣтвей, не дошедшихъ до насъ. Это необходимо заключить на томъ основаніи, что въ „Рейнгартѣ“, „Рейнартѣ“ и „Райнардо“ отдѣльные эпизоды указываютъ на такіе источники, которые въ данныхъ браншахъ о „Ренарѣ“ не существуютъ.

Между вѣтвями не существуетъ связи; она существуетъ только въ рассказѣ о судѣ. Такъ какъ многія вѣтви представляютъ развитіе сюжета о судѣ, то возникъ вопросъ: не составляютъ ли всѣ эти вѣтви одно цѣлое и кто является авторомъ этого цѣлаго? Пока только въ пяти вѣтвяхъ встрѣчались названія авторовъ: въ br. 11 (v. 4851 и 6358) и 33 (v. 4) — *Pierres de Saint-Clost* (Cloot), въ br. 20 (v. 9649 — *Perroz* (dim. отъ *Pierre*), въ br. 25 (v. 15309) — анонимный *Prestres de la Croiz en Brie* и въ 28-й (v. 21966) — *Richart de Lison*.

Совмѣстно на оба вопроса постарался отвѣтить *Гонкблутъ*.

Гонкблутъ исходитъ изъ того положенія, что всѣ вѣтви романа о Ренарѣ восходятъ къ болѣе древней редакціи, представителемъ которой долженъ считаться „Рейнгартъ“ (*Étude* стр. 65 сл.); послѣдній можетъ быть вслѣдствіе этого названъ древнимъ „Ренаромъ“ (стр. 120. 239. 320 и др.). Далѣе *Гонкблутъ* пытается доказать, что не только три вѣтви романа о Ренарѣ (стр. 129 сл.), но многія его вѣтви (болѣе трети всего числа) принадлежатъ одному и тому же автору, именно — *Пьеру де Сэнъ-Клу* (*Pierre de Saint-Cloud*). Объ этомъ можно судить по общему характеру вѣтвей и по одинаковымъ приѣмамъ, каковы, напр., обращеніе къ слушателямъ (стр. 134. 177. 213. и др.), приписываніе животнымъ извѣстныхъ титуловъ (стр. 134 сл. 158 и др.), изображеніе феодальныхъ и рыцарскихъ нравовъ (стр. 172 сл. 193 и др.) и т. п. На основаніи этого критическаго приѣма получается рядъ вѣтвей, которыя рамѣщаются въ извѣстномъ порядкѣ и распадаются т. обр. на четыре опредѣленныя группы. Одну группу составляетъ 25-я вѣтвь (стр. 338. 280 сл.), другую — 29-я вѣтвь (стр. 338. 265. 279 и др.). Двѣ другія группы слагаются изъ цѣлаго ряда вѣтвей и, съ соблюденіемъ извѣстнаго порядка въ распредѣленіи послѣднихъ, распадаются на двѣ обширныя поэмы. Одну изъ нихъ можно бы озаглавить: *Les aventures de Renart*, а другую: *Le Plaid* (стр. 338 сл.). Въ составъ первой поэмы („Приключеній Ренара“) входятъ слѣдующія вѣтви: 11-я (vv. 4851—6357), 30-я (vv. 24350—24384. 24607—24896), 9-я и 10-я (vv. 2995—4832, 30-я (vv. 24899—25116), 26^a (vv. 17885—19110), 20^b (vv. 11297—11952). 26^b (vv. 19111—19768) ... 19-я (vv. 9138—9434), 30-я

(vv. 24385 — 24606 и 25117—27780) ⁽¹⁾. Вторую поэму („Судъ“) образуютъ слѣдующія вѣтви: 20^a ((vv. 9649—11296), 21-я и 22-я (vv. 11959—12970), 23-я (vv. 12989—13464 и 32-я (vv. 28665—30362) ⁽²⁾. Кромѣ того къ первой поэмѣ слѣдуетъ, повидимому, присоединить первыя 204 стиха 8-й вѣтви, а ко второй — 13-ю вѣтвь (стр. 339. 304. 313). Авторъ этихъ поэмъ, Пьеръ де Сэнъ-Клу, бывший клерикомъ (*prestre de la Croiz en Brie*, стр. 292 слл.), идентиченъ съ Петромъ *de Sancto Clodoaldo*. Послѣдній подвергся обвиненію въ ереси, такъ какъ принадлежалъ къ числу вольнодумцевъ, отрицавшихъ значеніе таинствъ, признававшихъ наитіе св. Духа вполне достаточнымъ для спасенія души, возводившихъ сладострастіе и прелюбодѣяніе въ принципъ хрістіанской любви и т. п. (стр. 348 слл.). Клодоальдо присужденъ былъ вмѣстѣ съ другими еретиками къ сожженію на кострѣ и избавился отъ казни тѣмъ, что успѣлъ заблаговременно удалиться въ монастырь (стр. 291). Жиль Клодоальдо въ правленіи Филиппа Августа (стр. 295. 369 слл.) и написалъ свои произведенія ок. 1200—1209 г. (стр. 385; ср. 368. 378 сл.). — Помимо произведеній Пьера, изъ романа о Ренарѣ выдѣляется еще другая поэма неизвѣстнаго автора, слагающаяся изъ пролога (т. е. vv. 1—22), изъ br. 5, 6, 7, 15, 14—5 (т. е. vv. 337—530 и 531—748) и 19 (стр. 398. 386 слл.). — Наконецъ еще одну независимую поэму образуетъ слѣдующая серія вѣтвей: 2-я, 3-я, 4-я, и 24-я (стр. 400).

Результаты, добытые изслѣдованіемъ *Іонкблута*, весьма остроумны, но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобъ они были настолько же убѣдительны. *Іонкблутъ* представилъ рядъ доказательствъ, которыя вовсе не говорятъ въ пользу его взгляда, а свидѣтельствуютъ только въ пользу того, что многія вѣтви „Ренара“ представляютъ между собой замѣчательное сходство. Онъ собственно доказалъ, чего не желалъ доказывать, — что извѣстныя вѣтви находятся въ прямой зависимости отъ другихъ вѣтвей. Этимъ обстоятельствомъ не замедлил воспользоваться *Кнорръ*, чтобы окончательно рѣшить вопросъ о взаимомъ отношеніи между собой извѣстныхъ вѣтвей.

⁽¹⁾ *Étude* стр. 338. 186. 170. 149 слл. 232 слл. 259. 275. 317. 253 слл. и др.

⁽²⁾ *Тамъ-же* стр. 339. 212. 231 и др.

На основаніи весьма обстоятельных сопоставлений параллелей въ отдѣльныхъ браншахъ К н о р р ъ (Die 20. Branche стр. 3 слл.) доказываетъ, что br. 19 (стр. 4 слл.), 20^о (v. 11369 слл.) (стр. 9 слл.), 26 (стр. 14 слл.), 29 (стр. 16 слл.), 24 (стр. 20 слл.) и 32 (стр. 23 слл.) составляютъ подраженіе br. 20^а. Притомъ br. 19 повидимому слѣдовала отчасти и по br. 20^б. Импульсомъ къ br. 19 могли послужить vv. 9689 — 92 изъ 20-й вѣтви, хотя вѣроятнѣе допустить существованіе „болѣе древняго, независимаго отъ br. 20 зерна, въ которомъ рассказывалось, какъ Ренаръ долженъ былъ произносить клятву надъ зубами собаки“; „зерно“ это было обработано по образцу br. 20 однимъ или нѣсколькими авторами (стр. 9). Br. 20^а является первоначальнымъ источникомъ; другой авторъ составилъ по ней br. 20^б, которая дала толчекъ къ возникновенію br. 21—22 подъ перомъ третьяго автора; впослѣдствіи всѣ три вѣтви подверглись новой переработкѣ, въ виду составить одно цѣлое (стр. 14). И для br. 26 возможно допустить болѣе древнюю основу, которая впослѣдствіи была обработана по образцу br. 20 (стр. 15), причемъ совершенно вѣрно указывается (стр. 16¹¹) на несостоятельность группировки Іонкблута, вставляющаго br. 20^б въ br. 26 (см. выше). Двѣ половины 29-й вѣтви составлены различными авторами (стр. 16), а не однимъ авторомъ, именно Пьеромъ, какъ полагаетъ Іонкблутъ (стр. 19⁹¹); кромѣ того присоединяется новый моментъ,—поединокъ (собаки съ Ренаромъ). Br. 24, помимо 20-й вѣтви, пользовалась и другими вѣтвями; между прочимъ поединокъ Ренара съ Изенгримомъ въ br. 24 представляетъ передѣлку поединка Ренара съ собакой въ br. 29 (стр. 23). Слѣдуя главнымъ образомъ 20-й вѣтви, br. 32 пользовалась однако и другими вѣтвями и относится къ весьма поздней эпохѣ, вслѣдствіе чего нельзя ее приписывать Пьеру (стр. 26). Наконецъ br. 20^а въ свою очередь является передѣлкой болѣе древняго сказа, представителемъ котораго долженъ считаться „Рейнгартъ“; оригиналомъ же „Рейнгарта“ является болѣе древняя и безыскусственная франц. редакція, служившая вмѣстѣ съ тѣмъ основой для br. 20 (стр. 38). Что же касается автора br. 20, то упоминаніе его въ 3-мъ лицѣ, притомъ употребленіе имени въ уменьшительной формѣ (Pergoz, Perrin), съ явнымъ стремленіемъ къ униженію, и цѣлый рядъ другихъ соображеній—вовсе не могутъ служить доказательствомъ въ

пользу Пьера. Даже всевозможные доводы (Ионкблута), предусматривающіе и оправдывающіе эти несообразности, доказываютъ только возможность закрѣпленія br. 20 за Пьеромъ де Сэнъ-Клу, но далеко не обличаютъ послѣдняго дѣйствительнымъ ея авторомъ (стр. 32 сл.). Равнымъ образомъ по поводу идентичности Пьера де Сэнъ-Клу съ Петромъ де Санкто - Клодоальдо возможно говорить только о вѣроятности этого тождества, — не болѣе (стр. 36 сл.). Такъ какъ эпоха связанная съ послѣднимъ доводомъ сомнительна, то приходится довольствоваться замѣчаніемъ, что br. 20 написана не ранѣе 1146 г. и не позже 1233 (стр. 35 сл.).

Т. обр. остроумные выводы Ионкблута въ виду доказательствъ Кнорра должны были рушиться даже помимо вопроса объ авторствѣ. Доводы Ионкблута, какъ замѣтилъ и Кнорръ (ук. соч. стр. 34 сл.), тѣмъ болѣе непрочны, что онъ основывалъ ихъ на тождествѣ выраженій и оборотовъ, стихосложенія, орфографіи и т. п., т. е. на тождествѣ такихъ особенностей, которыя невозможно приписывать исключительно одному автору, такъ какъ онѣ могутъ составлять отличительную примѣту многихъ авторовъ и даже цѣлой эпохи. Кнорръ предполагаетъ (стр. 35²¹), что Ионкблутъ исходитъ изъ предвзятой гипотезы о громадномъ объемѣ поэмъ Пьера.

Тѣмъ не менѣе въ извѣстныхъ случаяхъ Ионкблутъ весьма удачно группируетъ вѣтви или выдѣляетъ эпизоды. Такъ, въ br. 19 vv. 9131—9434 (ср. выше стр. 210) необходимо вмѣстѣ съ Ионкблутомъ (стр. 317) причислить къ интерполяціямъ; затѣмъ нельзя не признать замѣчательно тѣсной связи между br. 2, 3, 4 и 24 (стр. 400); тоже слѣдуетъ замѣтить относительно br. 21 и 22, пожалуй, въ связи съ br. 20, но не болѣе. Этимъ собственно и приходится ограничить уступки въ пользу доводовъ Ионкблута.

Что же касается доводовъ Кнорра, то всѣ они весьма солидны. Подъ сомнѣніемъ приходится впрочемъ оставить замѣчаніе о передѣлкѣ поединка въ br. 24 изъ br. 29, такъ какъ въ данномъ случаѣ невозможно съ достовѣрностью утверждать, какой эпизодъ является по отношенію къ другому оригиналомъ. Затѣмъ совершенно несостоятельно (ср. выше главы I и II) возрѣніе Кнорра (стр. 37) на исконное достояніе „животной саги“, въ чемъ онъ слѣдуетъ взгляду Я. Гримма.

Вопросъ о послѣдовательной связи вѣтвей между собой всегда будетъ представлять непреодолимые трудности, такъ какъ новая находка какой нибудь рукописи или болѣе основательное сличеніе рпп. между собой въ состояніи нарушить установленный порядокъ. Это доказываетъ между прочимъ и новое изданіе *М а р т и н а* (см. выше стр. 41).

Въ первомъ томѣ *М а р т и н ѣ* издалъ 11 вѣтвей (по его счету), которыя заключаются въ каждой изъ трехъ рпп. *ИВБ*; во второмъ томѣ будутъ заключаться изолированные вѣтви, сохранившіяся только въ рпп. одной семьи или двухъ семей, третій томъ будетъ заключать въ себѣ варианты (*Le R. de Ren.* стр. xxv). Итакъ, браншамъ въ изд. *Мартина* (обозначеннымъ римск. цифрами) отвѣчаютъ слѣдующія бранши въ изд. *Меона*: Br. I = br. 20^a; br. I a = br. 20^b (vv. 11369 сл.); br. I b = br. 21 и 22 (отброшены vv. 12985—86); br. II = br. 1 (vv. 1—22), 5, 6 (vv. 1725—2102), 15 и 1 (vv. 339—716); br. III = br. 2, 3 и 4; br. IV = br. 13; br. V = br. 18 (vv. 7737—8098. 8202—8210); br. V a = br. 1 (vv. 717—748), 19 (vv. 8248—9128. 9445—9568); br. VI = br. 24 (vv. 13465—66. 13470—89. 13547—14008. 14107—15296); br. VII = br. 31; br. VIII = br. 23; br. IX = br. 25 (vv. 15309—17384; 17591—17870); br. X = br. 26; br. XI = br. 30.

Т. обр. сочетаніе извѣстныхъ вѣтвей у *Мартина* нѣсколько иное, чѣмъ, напр., у *Юнкблута*: побуждали ли *Мартина* къ подобному распредѣленію одни рпп. или и другія соображенія — это покажетъ, вѣроятно, обѣщанная имъ брошюра (стр. xxv). Но и до появленія послѣдней можно утвердительно сказать, что *Мартинъ* воспользовался и критическими замѣчаніями своихъ предшественниковъ. Отмѣченную выше интерполяцію онъ выбрасываетъ, согласно *Юнкблуту*; ему же онъ слѣдуетъ, съ нѣкоторыми впрочемъ видоизмѣненіями, составляя br. I a, I b и отчасти II; въ распредѣленіи вѣтвей въ br. II онъ слѣдовалъ, очевидно, порядку въ рп. *И* (см. *Ехатен* стр. 9 и 13 сл.). *Мартинъ* руководствуется и *Кнорромъ* (ук. соч. стр. 9), а также *Я. Гриммомъ* (*R. F.* стр. cxхvi), начиная br. I a = br. 20^b стихомъ 11369 (¹).

(¹) И у *П. Парі* (*Nouv. étude* стр. 358) встрѣчается произвольное распредѣленіе вѣтвей «подлиннаго Ренара» (*le veritable R.*), которое

Во всякомъ случаѣ вопросъ о послѣдовательности вѣтвей всегда останется гипотетическимъ или можетъ быть рѣшенъ только въ отрицательномъ смыслѣ, такъ какъ большинство вѣтвей вовсе не представляетъ между собою внутренняго единства.

Что касается эпохи, то слѣдуетъ замѣтить, что всѣ франц. оригиналы, какъ доказываетъ „Рейнгартъ“, необходимо отодвинуть къ началу XII в.; можетъ быть ихъ слѣдовало бы перенести даже въ предѣлы XI в. Остается только сожалѣть объ уtratѣ многихъ, повидимому, франц. произведеній изъ цикла разсказовъ о Ренарѣ.

Однимъ изъ самыхъ важныхъ истоковъ „древняго Ренара“ является средне-верхненѣмецкйй „Рейнгартъ“.

„Рейнгартъ“ написанъ странствующимъ поэтомъ Генрихомъ Лицесмеромъ (der Glîchesære или Glîchezære), родомъ эльзасцемъ. О происхожденіи и прозвищѣ Генриха подробно распространяется Я. Гриммъ (R. F. стр. cviij сл. Sendschr. стр. 64 сл.), предполагающій, что данное автору прозвище стоитъ внѣ связи съ его поэмой и перешло къ нему можетъ быть уже отъ предковъ. Возникъ „Рейнгартъ“ около 1150 г., какъ полагаетъ Я. Гриммъ, (R. F. стр. cjh), вѣрнѣе около 1170 г., какъ утверждаютъ Вакернагель (Gesch. d. deutsch. Liter. [bes. v. E. Martin] I² [1878] 230) и Коберштейнъ (Gesch. d. d. Nationalliter. [umgearb. v. K. Bartsch] I⁵ [1872] 158 сл.). Специальную статью посвятилъ автору „Рейнгарта“ Вакернагель (Heinrich der Gleissner въ Kl. Schriften II, 212—233; ср. 295 сл.), а вопросамъ о „Рейнгартѣ“ вообще Я. Гриммъ (R. F. стр. ciij—cxv).

„Рейнгартъ“ сохранился только въ разрозненныхъ отрывкахъ, уцѣлѣвшихъ на пергаментныхъ листкахъ, помѣчен-

мы вкратцѣ приводимъ: 1: «Рожденіе Из. и Р.». 2: «Окороки Из.». 3: «Ферма Конст. Денъ и Шантекларъ». 4: «Р. и воронъ». 5: «Р. и синица». 6: «Р., Тиберъ и западня». 7: «Р. и хвостъ кота». 8: «Р., Тиберъ и колбаса». 9: «Т. и два священника». 10: «Р. и рыботорговцы». 11: «Из. монахомъ». 12: «Ловля угрей». 13: Le double adultère d'Hersent. 14: «Из., собраніе и клятва». 15: «Охота и дѣлежъ льва». 16: «Из. въ колодцѣ». 17: «Судъ надъ Р.».

ныхъ 1515 г. и сданныхъ Я. Г р и м м о м ъ въ Кассельскую публ. библіотеку (Sendschr. стр. 6). Отрывки эти составляютъ около трети всей поэмы и отвѣчаютъ въ обработкѣ стихамъ: 588—660. 698—981. 1524—1796. 1831—1901; изда ны они Я. Г р и м м о м ъ (въ Sendschreiben стр. 13 [resp. 33] слл.).

Утрата оригинала вознаграждается отчасти тѣмъ, что уцѣлѣла его обработка, предпринятая неизвѣстнымъ авторомъ въ половинѣ XIII в. Обработка эта сохранилась въ двухъ рпп.: К (Колоцкая рп. [Koloczaer Codex]) половины XV в., въ Берлинѣ, и Р (Пфальцской [cod. Palatinus] или Гейдельбергской, № 341,61)⁽¹⁾. По рп. К обработка анонима была издана М а й л а т о м ъ и К ё ф ф и н г е р о м ъ (Koloczaer Codex altdeutscher Gedichte, hrsg. v. J. N. Graf. Mailáth u. J. P. Köffinger. Pest 1817 стр. 361—420), а затѣмъ на основаніи сличенія рп. Р съ этимъ изданіемъ возникло изданіе Я. Г р и м м а (R. F. стр. 25 слл.).

Обработка по отношенію къ оригиналу ограничивается тѣмъ, что сглаживаетъ различныя шереховатости слога, устраняетъ франц. слова или вообще устарѣвшія выраженія и т. п. (см. J. Grimm Sendschr. стр. 63 слл.). Слѣдовательно, обработка можетъ быть разсматриваема какъ оригиналъ. Она состоитъ изъ 2266 стиховъ, но, къ сожалѣнію, въ ней встрѣчается (послѣ v. 562) пропускъ въ 140 стиховъ, по мнѣнію Я. Г р и м м а (Sendschr. стр. 9 сл.); пропускъ или недостающіе стихи касались эпизода о звѣряхъ-странникахъ (ср. выше стр. 132).

„Рейнгартъ“ сравнительно съ разсмотрѣнными браншами „Ренара“ представляетъ всѣ эпизоды въ весьма сокращенной формѣ, откуда впрочемъ не слѣдуетъ, чтобы Рейн-

⁽¹⁾ Гёдеке (D. Dichtung im Mittelalt.² стр. 606), у котораго рп. Р помѣчена «Гейдельбергской», ссылается по поводу послѣдней на Wilken Gesch. d. bildung, beraubung u. vernichtung d. alt. heidelberg. büchersamml. стр. 424. Относительно рп. К см. м. пр. предисловіе въ ук. изд. Coloz. Cod. стр. vj слл. и ср. стр. 360. Къ какому вѣку относится пфальцкая рп.?—пособія, имѣвшіяся у насъ подъ руками, умалчиваютъ.—Обертанъ (Hist. de la langue et de la littér. franç. au moyen âge p. Charles Aubertin. II [1878] 48 сл.), толкуя по поводу оригинала и обработки анонима, очевидно, не понималъ, что прочелъ у Я. Г р и м м а.

гартъ“ являлся сокращеніемъ именно этихъ вѣтвей. Въ изд. рп. К онъ начинается стихами: *Ditz ist fuchs Reinhart genannt, Got helf uns in sin lant*; очевидно это заглавіе писца; впрочемъ и v. 10 стоитъ: *Reinhart fuhs*; но авторъ и тотъ же анонимъ обработки тѣмъ не менѣе даютъ поэмѣ названіе *Isengrînes nôt* (или *arbeit*, v. 1790).

Краткое введеніе (въ 10 стиховъ) обѣщаетъ разсказать истинную исторію о коварномъ Рейнгартѣ.

Первый эпизодъ (vv. 11—175) посвященъ разсказу о похищеніи пѣтуха (ср. выше стр. 96 сл.). Отступленія отъ br. 5 „Ренара“ незначительны. — Богатый крестьянинъ (v. 13 слл.; ср. *Ren.* v. 1275 слл.) (*Lanzelîn*) и его жена (*Ruotzela*) горюютъ о своихъ курицахъ, которыхъ имъ приходится беречь отъ Рейнгарта. Крестьянинъ, въ виду жалобъ жены, оплакивающей 10 курицъ, рѣшается соорудить палисадникъ (въ „Ренарѣ“ онъ уже существуетъ), гдѣ онъ надѣялся укрыть пѣтуха Шантеклэра и его жену (v. 37 слл.; *Ren.* v. 1289 слл.). Однажды, на разсвѣтѣ, Рейнгартъ подкрадывается къ палисаднику (v. 40 слл. *Ren.* v. 1294 слл.), крѣпкому и высокому (v. 47. *Ren.* v. 1298 слл.), вырываетъ зубами колъ (v. 48 сл. *Ren.* v. 1315 сл.) и своимъ появленіемъ приводитъ въ ужасъ курицъ (v. 56 слл. || v. 1322 сл.). Далѣе слѣдуютъ увѣренія пѣтуха въ безопасности отъ всякихъ вторженій (v. 62 слл. || v. 1329 слл.), пересказъ сна (v. 67 слл. || v. 1390 слл.), воззваніе къ ангелу (хранителю) (v. 72 || v. 1412), разговоръ съ Рейнгартомъ и похищеніе пѣтуха. Поднимаетъ тревогу не случайно появившаяся хозяйка дома (какъ въ „Ренарѣ“), а курица (*Pinte*) своимъ крикомъ.

Затѣмъ слѣдуетъ эпизодъ о приключеніи Рейнгарта съ синицей (vv. 176—216), передаваемый какъ въ Ренарѣ, но въ сокращенной формѣ (см. выше стр. 98).

Слѣдующій разсказъ (vv. 217—284) о приключеніи Ренара съ ворономъ (*Diezelîn*) вполне аналогиченъ br. 15 „Ренара“ (см. выше стр. 205); не сообщается только, откуда воронъ добылъ сыръ, а говорится вообще, что онъ добылъ его хитростью; не упоминается также прогулка Рейнгарта, а послѣдній выводится сидящимъ уже „подъ деревомъ“ (v. 229).

Разсказъ о появленіи „охотника съ собаками“ (vv. 285—312), присоединяющійся въ „Ренарѣ“ къ приключенію съ синицей (ср. выше стр. 98), слѣдуетъ въ „Рейнгартѣ“ непо-

средственно за эпизодомъ о воронѣ; кромѣ того Рейнгартъ ничѣмъ не извиняетъ своего бѣгства передъ ворономъ, а ограничивается простымъ бѣгствомъ.

Встрѣча Рейнгарта съ котомъ (Diepreht) (vv. 313—384) сравнительно съ br. 6 (см. выше стр. 193) сильно сокращена. Послѣ любезной встрѣчи Рейнгартъ подстрекаетъ кота показать свое проворство; котъ перепрыгиваетъ чрезъ западню и толкаетъ въ нее Рейнгарта. Избавленіе послѣдняго соотвѣтствуетъ разсказу въ br. 6, но крестьянинъ оцѣниваетъ предварительно шкуру Рейнгарта въ „пять шиллинговъ или болѣе“ (v. 368; ср. выше стр. 59²¹).

Рейнгартъ (vv. 385—448), освободившись изъ западни, встрѣчается съ Изенгримомъ и предлагаетъ себя въ товарищи: „предъ Вашей силой и моей хитростью нельзя будетъ устоять“ (v. 399). Изенгримъ совѣтуется съ женой (Hersaut) и своими двумя сыновьями и принимаетъ предложеніе Рейнгарта. Далѣе разсказывается объ ухаживаніи Рейнгарта за волчицей. (см. выше стр. 184).

Разсказъ о похищеніи окорока (vv. 449—498), отвѣчаетъ изложенію въ „Ренарѣ“, но начинается прямо съ момента, когда Ренаръ замѣчаетъ крестьянина, несущаго окорокъ. О связи этого разсказа съ эпизодомъ о дроздѣ-кормильцѣ было замѣчено выше (стр. 184).

Далѣе (vv. 499—550) описывается кутежъ Изенгрима, его жены и двухъ его сыновей въ монастырскомъ погребѣ (см. выше стр. 148). Тотъ же эпизодъ встрѣчается и въ „Ренарѣ“ (см. выше стр. 225), но въ болѣе сокращенномъ видѣ, такъ какъ приключеніе это упоминается Изенгримомъ въ видѣ обвиненія, бросаемаго въ лицо Ренару.

Разсказъ о встрѣчѣ Рейнгарта съ осломъ (Baldewin) сохранился только въ отрывкѣ (см. выше стр. 132).

Первая фраза послѣ отрывка начинается словами: „онъ ускользнулъ отъ своего кума“. Затѣмъ (vv. 563—634) разсказывается, что Изенгримъ истекалъ кровью и утѣшался только мыслью, что, въ случаѣ его смерти, его „милая“, „благородная“ и „добрая“ жена „не возметъ [за себя] никакого другаго мужа (v. 576)“. „Эту жалобу услыхалъ Кюнинъ (Künin, v. 577)“⁽¹⁾, который разочаровываетъ Изенгрима за-

(¹) Что это за животное, — Рейнгартъ ближе не опредѣляетъ, но догадка Я. Гримма (R. F. стр. ccxlviii и Sendschr. стр. 53 [ad v. 595])

мѣчаніемъ, что его жена отдалась Р. (*ich hân zwischen ir beinen gesehen: Reinhart hât si gevrît*, v. 585). Съ горя Из. падаетъ въ обморокъ и, очнувшись, заявляетъ, что выцарапалъ бы ему глаза за это извѣстіе, еслибъ имѣлъ его въ своихъ рукахъ. Вой Из. привлекаетъ его жену и двухъ его сыновей; Из. успокоивается увѣреніями своей супруги, что она уже три дня, какъ не видала Р.; она совѣтуетъ ему прекратить „вздорныя рѣчи“ (*veltsprâchen*, v. 631; *âsprâchen*, по ориг.). Успокоенный Из. вскорѣ выздоравливаетъ, такъ какъ его раны зализываются (*Dô wart lecket her Isengrin...* v. 632).

Вполнѣ аналогичный эпизодъ въ „Ренарѣ“ не встрѣчается, но рассказъ, подходящій къ нему чрезвычайно близко, нельзя не признать въ br. 1 (vv. 337—530). Рассказъ въ „Рейнгартѣ“ сравнительно съ „Ренаромъ“ представляется только, по обыкновенію, весьма сокращеннымъ. Кромѣ того первая половина эпизода въ br. 1 (vv. 337—475), т. е. пересказъ объ удачномъ волокитствѣ Ренара, очевидно, выдѣлился въ „Рейнгартѣ“ и присоединился къ тому эпизоду, гдѣ Р. предлагаетъ себя въ товарищи Из., а послѣдній поручаетъ свою жену его попеченіямъ. Вторая же половина эпизода въ br. 1 (vv. 476—530) отвѣчаетъ уже данному рассказу въ „Рейнгартѣ“; впрочемъ разница въ томъ, что Кюнину отвѣчаютъ волчата въ „Ренарѣ“. Тутъ они пересказываютъ отцу позоръ волчицы, заявляютъ, что Ренаръ называетъ его рогоносцемъ (*que vos estiez cous*, v. 491); тоже выраженіе влагается и въ уста Кюнина (*alter gouh, du bist cus!* v. 606 ориг.). Въ „Рейнгартѣ“ Из. падаетъ въ обморокъ, воетъ и плачетъ (vv. 593. 607. 611); въ „Ренарѣ“ же онъ чуть не падаетъ въ обморокъ (*A bien petit qu'il ne se rasme*, v. 494) и тоже воетъ и плачетъ (*Il ule et bret come desves*, v. 495); въ обѣихъ поэмахъ Из. дѣлаетъ почти тѣ же упреки женѣ (*Reinh.* v. 611 слл. *Ren.* v. 496 слл.),

болѣе чѣмъ вѣроятно, что это обезьяна. Откуда поэтому Генге (ук. соч. стр. 19) почерпнулъ свѣдѣніе, что это «жеребецъ», — мудрено рѣшить. Впрочемъ, какъ опасно довѣряться Генге, видно м. пр. изъ того, что онъ допускаетъ даже невозможныя опечатки: вмѣсто рыся (*Luchs*, стр. 20), примирителя враждебныхъ партій, онъ выводитъ лису (*Fuchs*), не замѣчая, что т. обр. является новый соперникъ Рейнгарта.

которой съ той же легкостью удастся успокоить его (Reinh. 627 слл. Ren. v. 513 слл.). Далѣе, конечно, оба эпизода расходятся, такъ какъ примыкаютъ къ инымъ рассказамъ. Но, кажется, и приведенныхъ сближеній достаточно, чтобы устранить сомнѣніе относительно тождества обоихъ рассказовъ. Въ виду того, что „Рейнгартъ“ въ другихъ случаяхъ, повидимому, весьма точно слѣдуетъ франц. оригиналу, какъ можно заключить изъ уцѣлѣвшихъ вѣтвей, слѣдуетъ допустить, что подобная версія приключенія, сохранившася только въ „Рейнгартѣ“, существовала, вѣроятно, и во франц. оригиналѣ.

Вслѣдъ за этимъ эпизодомъ въ „Рейнгартѣ“ передается (vv. 635 — 726), что Р. укрѣпился въ лѣсу изъ опасенія предъ пришельцами. Однажды случилось Из. проходить мимо жилища Р.; Из. слышитъ запахъ поджариваемыхъ угрей и стучится въ дверь. Р. объявляетъ себя монахомъ, который не покинетъ монастыря, такъ какъ Из. лишилъ его своей дружбы. Из. объявляетъ ему прощеніе, а Р. предлагаетъ ему даже два куска угря. Из. изъявляетъ желаніе быть поваромъ. Р. возражаетъ что онъ можетъ имъ сдѣлаться если пострижется въ монахи; тогда его поставили бы присматривать за жаркими (meister über die braten, v. 687). По предложенію Р., Из. просовываетъ голову, а Р. обвариваетъ ему голову кипяткомъ. Из. жалуется на боль, но успокоивается замѣчаніемъ Р., что рай дается не даромъ, и изъявляетъ притязаніе на угрей, имѣющихся у Р. Послѣдній увѣряетъ, что рыбы больше нѣтъ, но что онъ можетъ наловить ее въ монастырскомъ пруду. Из. тотчасъ приглашаетъ Р. отправиться съ нимъ на рыбную ловлю.

Съ весьма ничтожными отступленіями тотъ же эпизодъ передается въ „Ренарѣ“ (ср. выше стр. 90), гдѣ Ренаръ тоже выдаетъ себя за монаха, но выступаетъ въ семейномъ кругу.

Слѣдующій рассказъ въ „Рейнгартѣ“ посвященъ рыбной ловлѣ (см. выше стр. 73 [вар. D]).

Далѣе пересказывается мотивъ о волкѣ въ раю (см. выше стр. 203).

„Война началась“ (v. 1061; Ren. 8960), продолжаетъ вслѣдъ за тѣмъ Рейнгартъ (vv. 1061—1153). Рысь, „рожденная отъ обоихъ, отъ волка и лисы“ (v. 1072 сл.), т. е. въ качествѣ родственницы Р. и Из., старалась помирить про-

тивниковъ. Рысь обращается къ Из.; послѣдній говоритъ: „долго было бы рассказывать, много мнѣ жаловаться [на то], что сдѣлалъ мнѣ Р. (v. 1087; R e n. v. 8961)“. Онъ указываетъ на то, что благодаря Р. онъ безъ хвоста, а главное—Р. волочился за его женой; „если бы онъ оказался не виновенъ въ этомъ, я бы простилъ ему остальное“ (v. 1093; ср. R e n. vv. 8223. 8272. 8331). Черезъ три недѣли назначено было сойтись (vv. 1082. 1096; ср. R e n. vv. 8836. 8901. 8916). Из. привелъ многихъ родственниковъ (v. 1100; R e n. vv. 9008 слл. 9035),—слона, бизона, „которые казались Р. великанами“ (v. 1104), медвѣдя, кабана и вообще животныхъ съ „большимъ тѣломъ“; у Р. же были все „звѣрьки“ и между прочимъ барсукъ Krimel (v. 1113; R e n. 9040). Из. предусмотрительно привелъ съ собой пса Рейце (Reitze), „надъ зубами котораго Р. долженъ былъ очистить себя (entschuldget hân); совѣтъ этотъ далъ г. Брунъ [медвѣдь]; они заставили Рейце лежать замертво“ (v. 1124 слл. R e n. v. 9081. 8984). Барсукъ предупреждаетъ Р. объ опасности (v. 1130. R e n. v. 9450). Рысь приглашаетъ Р. дать клятву въ томъ, что не оскорблялъ жены Из. (v. 1137. R e n. v. 9093). Р. сообщаетъ своимъ родственникамъ: „знаете ли вы, что я замѣтилъ (v. 1148; R e n. v. 9119. 9446)? Рейце живъ“. Р. обращается въ бѣгство.

Достаточно бѣгло пробѣжать всѣ параллели и отмѣченныя отступленія, чтобъ убѣдиться, что этотъ эпизодъ „Рейнгарта“, т. е. его оригиналь, послужилъ основой для br. 19 „Ренара“. Послѣдній представляетъ только подробное развитіе почти каждой отдѣльной черты „Рейнгарта“. Любопытны притомъ отступленія въ обѣихъ версіяхъ. Въ „Рейнгартѣ“ Из. способенъ еще соображать и вмѣстѣ съ медвѣдемъ приказываетъ (sie hiezen, v. 1127) собакѣ притвориться мертвой; въ „Ренарѣ“ Изенгримъ играетъ уже совершенно пассивную роль: всѣ ему совѣтуютъ, другіе за него думаютъ. Это служитъ нагляднымъ доказательствомъ, какъ съ теченіемъ времени центръ тяжести переносится исключительно на Ренара; въ позднѣйшихъ поэмахъ Ренаръ является главнымъ героемъ.

За убѣгающимъ Р., какъ продолжаетъ „Рейнгартъ“ (vv. 1154—1238), пускаются въ погоню Из. и его жена (v. 1154. R e n. v. 555), которая значительно опережаетъ супруга (v. 1156; ср. R e n. 561. 568). „Она хотѣла загрызть своего ми-

лаго ради [доказательства] своей невинности и [снисканія] расположенія Из.“ (v. 1158). Р. завлекъ „свою подружку“ (sîner âmie . . . , v. 1162; R e n. v. 571: . . . s'amie) въ свою пещеру (v. 1164. R e n. v. 569. 579); при входѣ въ нее волчица завязла „по животъ“ (v. 1169. R e n. v. 576. 663); „Р. выскочилъ изъ другой дыры“ (v. 1173) и обезчестилъ волчицу на глазахъ Из. (v. 1176. R e n. 681), грызшую камни отъ ярости, выслушивая насмѣшки Р. Съ Из. прибѣжали его сыновья и многіе хищные звѣри, которые могли подтвердить, „что была опозорена его [Из.] милая жена“ (v. 1192). Пока Из. плачетъ, а волчицу вытаскиваютъ изъ тѣснины за заднія ноги (v. 1194. R e n. v. 686. 708: „за хвостъ“), Р. въ своемъ убѣжищѣ (v. 1201. R e n. v. 716) остритъ надъ Из. и своимъ крестникомъ, который грозитъ ему непримиримой враждой. Из. все скорбитъ о томъ, что брачная жизнь, длившаяся мирно 7 лѣтъ, нарушена (v. 1217. R e n. v. 9811). Предъ уходомъ Изенгрима Р. совѣтуетъ ему оставить свою жену: „она по праву будетъ здѣсь хозяйкой“ (v. 1237); но Из. не удостоилъ его отвѣта.

Указанныя параллели ясно обнаруживаютъ, что данному эпизоду въ „Рейнгартѣ“ отвѣчаетъ извѣстный эпизодъ въ br. 1 (R e n. vv. 531 — 748); только начало и конецъ послѣдняго представляютъ нѣкоторыя отступленія, такъ какъ прикрѣпляются къ инымъ рассказамъ. Любопытно также совпаденіе мотива, касающагося воспоминанія Из. о вступленіи въ бракъ съ женой, о блестящемъ собраніи на ихъ свадьбѣ и пр., съ эпизодомъ въ br. 20^a, гдѣ передаются тѣ же черты. Это совпаденіе съ br. 20^a, какъ и цѣлый рядъ моментовъ въ послѣдней вѣтви, аналогичныхъ съ даннымъ эпизодомъ „Рейнгарта“, но вмѣстѣ съ тѣмъ рядъ отступленій или несоотвѣтствіе чертъ съ „Ренаромъ“ прямо указываютъ на то, что br. 20^a и „Рейнгартъ“ восходятъ къ одному общему источнику.

Вслѣдъ за рассказомъ о приключеніи съ волчицей въ тѣснинѣ передается рассказъ о б о л ь н о м ѣ л ь в ѣ въ связи съ мотивомъ о с у д ѣ (см. выше стр. 243).

Сличая весь этотъ пересказъ съ br. 20^a, нельзя не замѣтить, что онъ представляетъ значительныя отступленія; но рядомъ съ ними существуютъ и общія черты сходства, обнаруживается та же основа: созваніе суда, появленіе всѣхъ звѣрей, за исключеніемъ Р., принесеніе жалобы Изенгри-

момъ на Р. въ поруганіи чести волчицы, защита барсука, основанная на одинаковыхъ мотивахъ, совѣтъ, удѣляемый царю, относительно вызова Р. на судъ, поочередное отправленіе трехъ пословъ (медвѣдя, кота и барсука въ обѣихъ поэмахъ) и одинаковый способъ обращенія съ ними, появленіе пѣтуха и курицы въ качествѣ обвинителей Р., гнѣвъ царя, заяцъ въ ляхорадкѣ, погребеніе курицы, причемъ медвѣдь исправляетъ функціи священника, и исцѣленіе зайца на гробѣ курицы-мученицы.

Всѣ эти точки соприкосновенія опять только указываютъ на общій источникъ для br. 20^a и для „Рейнгарта“. Но притомъ „Рейнгартъ“ болѣе приближается къ оригиналу, представляется менѣе сложнымъ и какъ бы экстрактомъ br. 20^a, которая въ свою очередь является подробнымъ развитіемъ общаго источника.

Относительно отступленій въ „Рейнгартѣ“, касающихся преимущественно причины болѣзни льва, салернскаго врача (Pendin или Bendin, v. 1874. 1886. 1981; см. о немъ J. Grimm R. F. стр. cxijj), обезьяны въ роли лазутчика и ябедника, рыси въ качествѣ посредника, отравленія льва, — итакъ, относительно этихъ отступленій слѣдуетъ замѣтить, что всѣ они такого свойства, что едва ли допускаютъ мысль о возможности произвольныхъ вставокъ и измышленій со стороны Генриха Лицемѣра, а тѣмъ менѣе анонима обработки. Въ виду рабскаго подражанія допускавшаго въ данномъ случаѣ даже перенесеніе цѣлаго ряда франц. словъ, трудно допустить на столько самостоятельности въ нѣмецкихъ переводчикахъ, чтобъ они рѣшились предпринять всѣ измѣненія на собственный страхъ. Упомянутое кладъ Нибелунговъ (v. 662), на что ссылаются Я. Гриммъ (R. F. стр. cvijj) и Форіэль (Hist. littér. XXII, 904), не можетъ служить опроверженіемъ этого предположенія, такъ какъ кладъ Нибелунговъ упоминается въ такой формѣ, которую слѣдуетъ отнести къ числу идиотизмовъ, — не болѣе: „мы, монахи, не промолвимъ словечка ни за сокровище Нибелунговъ“, т. е., очевидно, — ни за какія сокровища въ мірѣ. Подобныя фразы, если бы онѣ были внесены даже намѣренно, а не по необходимости, въ качествѣ неизбѣжныхъ выраженій, не даютъ еще права заключать о видоизмѣненіи сюжета. Впрочемъ и Форіэль (ук. соч. 905), помимо сдѣланнаго имъ замѣчанія, приходитъ къ заключенію, что „Рейнгарта“ „слѣ-

дуетъ разсматривать, и по основѣ, и въ цѣломъ (*dans son ensemble*), какъ явное подражаніе франц. оригинала“. Въ этомъ смыслѣ можно допустить мнѣніе *Гонкблута* (*Étude* стр. 120), считающаго „Рейнгарта“, другими словами — „древняго Ренара“, „переводомъ“ утраченнаго франц. оригинала. Въ дѣйствительности „Рейнгарту“ приличнѣе названіе *вольнаго перевода*. Въ виду сдѣланныхъ замѣчаній необходимо, слѣдовательно, допустить утрату нѣсколькихъ франц. произведеній, въ которыхъ встрѣчались всѣ черты, представляющіяся теперь въ „Рейнгартѣ“ самостоятельными.

Обращаясь къ плану „Рейнгарта“, слѣдуетъ допустить, что и порядокъ приключеній былъ прямо перенесенъ изъ франц. оригинала. Отчасти это можно заключить по рп. *М* (см. *Martin Ehamen* стр. 9; ср. стр. 14), гдѣ *Br.* 5, 6²¹⁰² и 15 отвѣчаютъ приблизительно порядку первыхъ приключеній въ „Рейнгартѣ“.

Переходимъ къ средне-нидерландскому „Рейнарту“. „Рейнартъ“ дошелъ до насъ въ оригиналѣ и въ обработкѣ; въ первомъ случаѣ *Мартинъ* даетъ ему названіе *Reinaert I*, во второмъ — *Reinaert II* или, — согласно заключительнымъ стихамъ самой обработки, — *Reinaerts historie*.

Подробное описаніе рп. и ихъ изданій встрѣчается въ предисловіи къ изданію *Мартина* (см. выше стр. 43¹). Кромѣ того слѣдуетъ еще отмѣтить изслѣдованіе *Кнорра* (*Reinaert de Vos und Reineke Vos. Progr. Eutin 1857* стр. 3 сл.), гдѣ трактуется и о данномъ вопросѣ.

„Рейнартъ“ I сохранился только въ одной пергам. рп. *а* (согласно обозначенію *Мартина*), — Комбургской, хранящейся въ Корол. Публ. библ. (*ms. poet. et. phil. fol. № 22*) въ Штутгартѣ, и относящейся къ 1400 г. Первое критич. изд. принадлежитъ *Я. Гримму* (*R. F.* стр. 115 сл.); затѣмъ слѣдовали изд. *Виллемса* (*R. de Vos, episch fabeldicht van de twaelfde en dertiende eeuw... van J. F. Willems. Gent 1836 [2-е изд. 1850]*), *Гонкблута* (*Van den vos Reinaerde. Groningen 1856* [къ сожалѣнію, этого изд. мы не имѣли подъ руками]) и прекрасное изд. *Мартина* (заглавіе см. выше стр. 43¹).

Въ критическомъ отношеніи важенъ латинскій переводъ оригинала, обозначаемый Мартиномъ посредствомъ I, переводъ этотъ возникшій не задолго до 1280 г., сохранился въ утрехтскомъ изд. 1473 г., открытомъ и изданномъ Кемблемъ (Reinardus Vulpes. Recudi curavit M. F. A. G. Campbell. Hagae comitis 1859). Новое критическое издание появилось благодаря Кнорру (R. V. Emendavit et adnotavit Guilelmus Knorr. Utini 1860). Переводчикомъ является нѣкто Бальдуинъ (Baldwinus; подробности о немъ у Campbell Rein. Vulp. стр. v. и Martin Rein. стр. xjx) ⁽¹⁾. Въ какомъ отношеніи находится лат. переводъ къ оригиналу, — можно опредѣлить по количеству стиховъ, которое ограничивается въ переводѣ 1851 ст., тогда какъ въ Rein. I—3476 ст.

Рп. b, Брюссельская, написанная въ первой трети XV в. писцомъ Claes van Aken, содержитъ только Rein. II и находится въ bibliothèque de Bourgogne (№ 16601) въ Брюсселѣ.

Рп. c, въ Корол. библ. (№ 814) въ Гагѣ, представляетъ только отрывокъ, относящійся къ 1475 г. и изданный Я. Гриммомъ (R. F. стр. 235 сл.).

d представляетъ отрывки, т. наз. Кулеманнскіе, стариннаго изданія, появившагося въ 1487 г. въ Антверпенѣ у Лею (Ghegaert Leeu), какъ необходимо заключить на основаніи типографскихъ соображеній (см. F. Prien Zur vorgeschichte des Reinke Vos, въ Beiträge z. Gesch. d. deutsch. Spr. u. Lit. hrsg. v. H. Paul u. W. Braune VIII [1880] стр. 9). Уцѣлѣвшіе семь листовъ (in 4°), принадлежавшіе сенатору Кулеманну (Culemann) въ Ганноверѣ, хранятся въ Кембриджѣ и вновь изданы Гоффманномъ ф. Фаллерслебенъ (въ Notae belgicae XII, 7—15). Новое критическое издание встрѣчается въ статьѣ Прина (въ ук. м. стр. 10—16), помѣщающій и весьма подробное описаніе самихъ отрывковъ (въ ук. м. стр. 8 сл.). Уцѣлѣвшіе отрывки отвѣчаютъ слѣдующимъ стихамъ въ „Рейнартѣ“ II и „Рейнке“: „Р“. II v. 1513—88 || „Рейнке“ v. 1413—1492; v. 1637—54 || v. 1556—76; v. 1751—70 || v. 1665—84; v. 1778—1806 || v. 1692—1722; v. 1829—52 || v. 1723—

⁽¹⁾ Подробныя и до крайности сухія коньектуры, дополненія и т. п. представилъ E. Schulze Über Reinhardus Vulpes ed. Knorr. Ein Beitrag zur Reinhartssage. Progr. Züllichau 1862.

90; всего 222 стиха. Отрывки эти обличают, что все произведение было раздѣлено на главы и снабжено правоучительной глоссой, составленной прозою *X и н р е к о м ъ в а н ъ А л ь к м а р ъ*. Въ этомъ видѣ оно было переведено на ниже-нѣмецкій языкъ подъ именемъ „Рейнке“.

Для возстановленія критическаго текста въ в важны еще слѣдующія изданія.

р—прозаическая переработка *R e i n. II* подъ заглавиемъ: *Die historie van Reynart de vos* и съ подраздѣленіемъ на главы, представляющимъ разногласіе съ *d*; она уцѣлѣла въ двухъ старинныхъ изданіяхъ: одно появилось въ Гаудѣ (*Gouda* у *Gheraert Leeu*) въ 1479 г. (in. 4°) и хранится въ К. библ. въ Гагѣ, другое перепечатано съ перваго изданія въ Дельфтѣ въ 1485 г. и хранится въ Городск. библ. въ Любекѣ; переиздано послѣднее Сулемъ (*L. Suhl*) въ Любекѣ въ 1783 г.

г—именно „Рейнке“, на основаніи перваго любекскаго изданія 1498 г., былъ изданъ сначала Гофманномъ ф. Фаллерслебенъ (*Reineke Vos. N. der Lübecker Ausg. v. J. 1498. M. Einl., Glossar u. Anm. v. Hoffmann von Fallersleben. Breslau 1834*), затѣмъ Люббеномъ (*R. de Vos etc. v. August Lüb ben. Oldenburg 1867*) и наконецъ Шрёдеромъ (*R. de V. Hrsg v. Karl Schröder. Lpz. 1872 [= Deutsche Dichtungen des Mittelalt. hrsg. v. K. Bartsch. II Bd]*)⁽¹⁾; только Люббень издалъ „Рейнке“ въ полномъ его составѣ, т. е. вмѣстѣ съ глоссой⁽²⁾.

⁽¹⁾ По послѣднему изданію приводятся цитаты у насъ.

⁽²⁾ Подробныя бібліографическія указанія, касающіяся «Рейнарта» и «Рейнке» вообще, встрѣчаются м. пр. у Ф. А. Эберта (*F. A. Ebert Allg. bibliogr. Lexicon II* п слов. *Reynke* и т. д.), у Виллемса (*Rein. de Vos* стр. xlvij слл.), у Делепьера (*Le R. du Renard traduit . . . d'après un texte flamand du XII-e siècle, éd. p. Willems; par Octave Delepierre. Bruxelles 1838. Стр. 35 слл.*). Потвѣна (ук. соч. стр. 130 слл.), Гёдеке (*D. D. im Mittelalt.*² стр. 615 и 616; его же *Grundriss z. Gesch. d. deutsch. Dichtung* I² [1862] 107, 292). Въ ук. мѣстахъ помѣщены не только подробныя описанія изданій (какъ у Эберта), но и переводовъ на различные языки. Изъ числа переводовъ слѣдуетъ выдвинуть нѣмецкій переводъ Гейдера (*Reinhart Fuchs, aus d. Mittelniederl. zum Erstenmal in das Hochdeutsche übers. v. A. F. H. Geuder. Breslau 1844*), гдѣ встрѣчаются любопытныя примѣчанія (стр. 209 слл.).

Для исторіи дальнѣйшаго распространенія „Рейнарта“ важны еще нидерландскія народныя книги; послѣднія, вопреки мнѣнію Л а т е н д о р ф а (см. ниже), восходятъ къ р, именно, къ изд. 1485 г. (M a r t i n R e i n. стр. xxvj. R r i e n въ ук. м. стр. 41). Эти народныя книги распа- д ю т ъ на двѣ группы: 1) голландскую и 2) бельгійскую.

Голландская народная книга носитъ заглавіе (полное, напр., у M a r t i n a R e i n. стр. xxjv): Een seer genoeglijke en vermakelyke historie van Reynaert de Vos etc. Te Amsterdam, by d'Erve van der Putte en Bastiaan Boekhout 1778. Помимо приведеннаго изданія существовалъ и цѣлый рядъ предшествовавшихъ ему изданій.

Непосредственно изъ голландской народной книги вы- текаетъ бельгійская. Древнѣйшее изд. послѣдней было не- давно открыто M a r t i n о м ъ въ Фрейбургѣ (Баденскомъ) и издано подъ заглавіемъ: Das niederländ. Volksbuch Rey- naert de Vos nach der Antwerpener Ausgabe von 1564 abgedr. etc. von E. M a r t i n. Paderborn 1877. Заглавіе самаго изданія отличается только перестановкой словъ: R. de Vos, een seer ghenuechlijke ende vermakelijcke historie etc. Te . . . Antwerpen, by Peeter van Keerberghen. 1564. Тамъ же появилось два года спустя второе изданіе у Chri- stoffel Plantijn. Бельгійскія изданія отличаются тѣмъ, что всѣ намеки на католическую церковь были тщательно уни- чтожены и замѣнены весьма обыденными фразами (M a r t i n R e i n. стр. xxvij и его-же Das nl. Volksb. стр. jx).

Авторъ „Рейнарта“ называетъ себя В и л л е м о м ъ, „ко- торый сочинилъ Мадокъ“ (Willem, die Madoc maecte, R e i n. I v. 1) ⁽¹⁾. Предположеніе Я. Г р и м м а (R. F. стр. cxljx сл.), что „Мадокъ“ — прозвище Виллема, оказывается оши- бочнымъ. Несостоятельно и мнѣніе Л е о (H. L e o Madoc въ Zs. f. d. Alterth. IV, 565 сл.), усматривавшаго въ этомъ словѣ поэтическое названіе лисы на кельтскомъ языкѣ и до- пускавшаго подъ этимъ заглавіемъ существованіе стихотво-

⁽¹⁾ J. Verdam (Reinaerdiana въ Tijdschr. voor Nederlandsche taal-en letterkunde. 1. Aflevering 1881), какъ намъ извѣстно, къ сожалѣнію, только изъ Jahresbericht üb. d. erscheinen. auf d. gebiete d. germ. philol. III. Jahrg. стр. 224, читаетъ приведенный стихъ слѣдующимъ образомъ: Willem die d e n Madoc maakte. Это во всякомъ случаѣ весьма удачная конъектура.

ренія, аналогичнаго по содержанію съ „Рейнартомъ“ и передѣланнаго Виллемомъ. Теперь возможно только утверждать, что „Мадокъ“ — заглавіе утраченнаго произведенія Виллема, которое посвящено было описанію какого то „аллегорическаго сновидѣнія“ (Martin Rein. стр. xiv. Jonkbloet's Geschichte. d. niederländ. Lit. I [1870] 139). На основаніи извѣстныхъ данныхъ возможно заключить, по мнѣнію Мартина (стр. xv), что Виллемъ получилъ духовное образованіе и занималъ гдѣ нибудь должность клерка; съ этимъ отчасти согласуется то обстоятельство, что Виллемъ написалъ „Рейнарта“ по просьбѣ „одной“ (дамы), „которая направляетъ свои помыслы на большую вѣжливость“ (v. 27).

Родина Виллема — восточная Фландрія, какъ необходимо заключить по цѣлому ряду упоминаемыхъ имъ мѣстностей и преимущественно по подробному описанію мѣстности близъ (куста) Hnsterlo (vv. 2577. 2666) (J. Grimm R. F. стр. clvj сл. Martin Rein. стр. xvj сл.; ср. xv), гдѣ нѣкогда существовало и поселеніе.

Возникъ „Рейнартъ“ не задолго до 1250 г. (Jonkbloet's Gesch. d. nl. Lit. I, 98. 141. Martin Rein. стр. xviii).

Что касается автора „Исторіи Р“, то пока можно утверждать, что имя его неизвѣстно. Цѣлый рядъ остроумныхъ догадокъ извѣстныхъ ученыхъ, отождествлявшихъ автора „Рейнарта“ II то съ Виллемомъ Утенгове (Willem's Rein. стр. xxix), то съ Виллемомъ ванъ Гиллегарсберхъ (Jonkbloet's G. d. nl. Lit. I, 289 сл.), то съ какимъ нибудь авторомъ по имени Виллемъ вообще или даже съ писцомъ Класомъ ванъ Акенъ (Martin Rein. стр. xx), — оказывается совершенно несостоятельнымъ. Возможно только допустить, что онъ получилъ духовное образованіе, „но, какъ и его предшественникъ (т. е. Виллемъ), онъ едва ли былъ священникомъ; судя по многочисленнымъ рѣзкимъ нападкамъ противъ состоянія церкви (Martin въ ук. м.)“. Кажется, достаточно одного примѣра „Рейнарда“, написаннаго духовнымъ лицомъ, чтобы убѣдиться, что мнѣніе Мартина весьма шатко. Напротивъ, необходимо скорѣе допустить, что мірянинъ не осмѣливался бы такъ рѣзко возставать противъ церкви, которая, вовсе не стѣняясь, на любой площади могла воздвигнуть костры для вольнодумцевъ. Только изъ среды духовныхъ и

могли раздаваться такіе рѣзкіе голоса протеста, тѣмъ болѣе, что интересы одной партіи всегда шли въ разрѣзъ съ интересами другой и щадить другъ друга не было причины. Словомъ, авторы „Рейнарта“ I и II вѣроятно всего были духовными лицами⁽¹⁾.

„Исторія Р.“ написана въ послѣдней четверти XIV в. (т. е. вскорѣ послѣ 1378 г.) (Jonckbloet G. d. nl. L. I, 289. 291. Martin Rein. стр. xx слл.) и возникла въ предѣлахъ западной Фландріи (Martin Rein. стр. xxj).

Въ виду сообщеннаго выше (стр. 211. 227) содержанія „Рейнарта“ I и II, здѣсь можно ограничиться дополнительными замѣчаніями.

Рядъ похвалъ въ формѣ восклицаній посвятилъ Гервинусъ (ук. соч. I⁵, 229 слл.) „Рейнарту“ I. Странно слышать эти восклицанія въ устахъ такого ученаго, тѣмъ болѣе странно, что они сопровождаются постоянными вылазками на „безвкусіе“, „безтактность“, „балаганничаніе“, „обезьяничаніе“ и т. п. франц. вѣтвей романа о Ренарѣ. Подъ неумѣренными похвалами и желчными нападками плохо скрывается скорбь, что однимъ „національнымъ“ сокровищемъ, захваченнымъ у сосѣдей благодаря ученому набѣгу, — стало меньше.

Вмѣсто длинныхъ восхваленій Гервинуса умѣстиѣе, кажется, ограничиться немногими замѣчаніями. Въ „Рейнартѣ“ I обнаруживается довольно объективное изложеніе, умѣніе группировать матеріаль и справляться съ нимъ; кромѣ того замѣчается вѣрное изображеніе характера звѣрей и удачно устраняются посторонніе или неумѣстные элементы (напр., въ родѣ хвастовства ученостью, вмѣшательства людей на равныхъ правахъ съ животными, избытка человеческого ума въ животныхъ и т. п.).

О внѣшнихъ приемахъ изложенія Виллема, именно: о различныхъ грамматическихъ особенностяхъ, о встрѣчающейся аллитераціи, о народныхъ выраженіяхъ, о пословицахъ и т. п., довольно подробно распространяется Мартинъ (Rein. стр. xlv. слл.).

⁽¹⁾ Къ такому же результату приходитъ между прочимъ и Кноррь (Reinaert de Vos стр. 20), считающій авторовъ „Рейнарта“ духовными лицами.

„Исторія Рейнарта“ частью расширяетъ, частью сокращаетъ „Рейнарта“ I, но въ сущности рамка остается почти та же, т. е. 3476 стихамъ „Р.“ I отвѣчаютъ 3480 стиховъ въ „Р.“ II. Весь же „Р.“ II вмѣстѣ съ „продолженіемъ“ состоитъ изъ 7794 стиховъ, слѣдовательно, на одно „продолженіе“ приходится 4314 стиховъ.

Болѣе замѣтныя видоизмѣненія и отступленія „Р.“ II отъ „Р.“ I, отмѣченныя уже большей частью у К н о р р а (Reinart de Vos u. Reinke Vos. Стр. 30 сл.), заключаются въ слѣдующемъ.

Къ краткому описанію весны въ „Р.“ I (vv. 41 — 42) присоединяются въ „Р.“ II (vv. 46—52) зеленѣющая трава, пѣніе веселыхъ птичекъ, произрастаніе былиннокъ, благоуханіе цвѣтовъ и прекрасный, ясный день. Вмѣсто краткаго замѣчанія барсука въ „Р.“ I (vv. 261—268), что Р. нельзя обвинять въ присвоеніи похищеннаго добра (колбасы), такъ какъ онъ со времени объявленіе царемъ общаго мира живетъ какъ отшельникъ, „Р.“ II (vv. 273—297) распространяется на тему, что свѣдущій въ правѣ долженъ присвоивать себѣ чужое добро (dieflie goet), какъ это подобаетъ особенно „благороднымъ“, „высокороднымъ“ лицамъ, что Р. не повѣсилъ собачку, какъ слѣдовало бы, предоставляя расправу царю, и что Р. живетъ согласно царскому наказу. Съ болѣшими подробностями, чѣмъ въ „Р.“ I (vv. 445—465), описывается въ „Р.“ II (vv. 475—495) отпѣваніе усопшей курицы, перечисляются различныя молитвы (die responsen, die lessen, die psalmen mitten collecten и т. п.) и вдвое пространнѣе составляется эпитафія курицы. Въ „Р.“ I (vv. 538—541) говорится, что Р., услыхавъ медвѣдя, удалился въ темнѣйшую свою нору, а „Р.“ II (vv. 562—584) подробно останавливается на описаніи жилища Р., толкуетъ о многочисленныхъ выходахъ и т. п. Значительно подробнѣе развивается разговоръ Р. съ медвѣдемъ, соблазняемымъ медомъ въ „Р.“ II (v. 585), чѣмъ въ „Р.“ I (v. 547) и обстоятельнѣе описывается безвыходное положеніе медвѣдя („Р.“ I v. 683; „Р.“ II v. 735) и насмѣшки надъ нимъ Р. („Р.“ I v. 929; „Р.“ II v. 950). Подробнѣе излагаются мотивы, побуждающіе Р. отправиться съ барсукомъ ко двору („Р.“ I vv. 1391—1404; „Р.“ II vv. 1411—48), торжественнѣе отпущеніе грѣховъ съ трехкратнымъ ударомъ прутомъ, прыганіемъ черезъ пруть и цѣлованіемъ его („Р.“ I vv. 1674—91; „Р.“ II vv.

1688—1712) и нѣсколько подробнѣе судебное слѣдствіе, вызвавшее осужденіе („Р.“ I vv. 1873—89; „Р.“ II vv. 1900—23). Секретъ о кладѣ барсука передаетъ сначала своей жень, послѣдняя жень Р., а Р. узнаетъ его отъ своей жены („Р.“ I vv. 2280; „Р.“ II vv. 2304). Баранъ готовъ прочесть надъ Р. молитву, если онъ заступится за него предъ викаріемъ Losevont (Коварства-находчикомъ), епископомъ Prendeloor (Бери-злато) и деканомъ Kaipamus („Р.“ II vv. 2955—61; „Р.“ I vv. 2967—71).

Помимо этихъ главныхъ отступленій, представляющихъ большей частью расширение „Р.“ I въ „Р.“ II встрѣчается рядъ искаженій, неточностей, устраненіе древнихъ чертъ и т. п. (см. Knorr Reinaert de Vos стр. 34 слл.)

Что „продолженіе“ и переработка „Рейнарта I“, т. е. вся „Исторія Рейнарта“ вообще, принадлежатъ перу одного автора видно между прочимъ изъ того, что древній текстъ передѣлывается на столько, чтобы могло примкнуть вслѣдъ затѣмъ продолженіе. Кромѣ того встрѣчается рядъ именъ, которыя встрѣчаются въ однихъ и тѣхъ же формахъ какъ въ продолженіи, такъ и въ переработкѣ „Р.“ I.

Въ прологѣ къ „Рейнарту“ II въ отличіи отъ „Рейнарта“ I встрѣчается между прочимъ рекомендательная фраза: „внимайте: тутъ заключается много мудрости“.

„Рейнартъ“ II во многихъ отношеніяхъ значительно уступаетъ „Рейнарту“ I. Чисто энический тонъ вытѣсняется нерѣдко дидактическимъ элементомъ, выступающимъ въ формѣ морализацій, длинныхъ проповѣдей, вообще замѣчается меньше объективности. Подчасъ встрѣчается аллегорія (напр., восхваленіе искусства Р. со всѣми его проявленіями [ср. выше стр. 234]), не совсѣмъ удачное измѣненіе сюжета, перенесеннаго изъ „Рейнарта“ I, растянутые діалоги, вслѣдствіе чего нить разсказа иногда ускользаетъ и возникаютъ противорѣчія (ср. Martini Rein. стр. I), неправильности въ стихосложеніи и въ римахъ (тамъ-же стр. Ij. 423 слл.) и частое примѣненіе латинскихъ и преимущественно франц. словъ и даже цѣлыхъ выраженій (ср. выше стр. 227).

Несмотря на эти отрицательныя качества въ „Рейнартѣ“ II встрѣчаются черты, которыя нельзя причислять къ недостаткамъ, хотя и трудно усматривать въ нихъ исключительно достоинства. Такъ, рядомъ съ пословицами, приводимыми даже съ избыткомъ, попадаются, сравнительно съ „Р.“ I, по-

вые народныя выраженія и обороты, исправляются нѣкоторыя неточности, встрѣчавшіяся въ „Р.“ I и присоединяются болѣе или менѣе удачныя самостоятельныя черты (см. *Martin Rein.* стр. 1). „Во всякомъ случаѣ“, полагаетъ *Мартинъ* (ук. соч. стр. 1), „авторъ Исторіи Рейнарта стоитъ во главѣ своей эпохи“.

Относительно источниковъ „Рейнарта“ I слѣдуетъ замѣтить, что самый тщательный разборъ этого вопроса, окончательно рѣшающій зависимость „Р.“ I отъ br. 20^a, представленъ былъ, по словамъ *Кнорра* (*Die 20. Branche* стр. 26) и *Мартина* (*Rein.* стр. xxviii), *Юнкблутомъ* въ введеніи къ изданному имъ „Рейнарту“. Впрочемъ обстоятельный разборъ того же вопроса встрѣчается и у *Кнорра* (въ ук. м.) и у *Мартина* (въ ук. м.). Сличеніе пересказаннаго выше (стр. 210. 214) содержанія 20-й вѣтви и „Р.“ I обнаруживаетъ взаимное отношеніе источника къ переработкѣ, поэтому здѣсь достаточно ограничиться указаніемъ на главные моменты тождества.

Общіе моменты въ br. 20^a и „Рейнартѣ“ I слѣдующіе: Призывъ ко двору весной, жалоба Из., появленіе пѣтуха съ женой и ихъ жалоба, погребеніе курицы, три посла и примѣненіе одинаковаго способа предательства по отношенію къ первымъ двумъ, появленіе Р. при дворѣ, его защита и осужденіе. Далѣе: мотивъ о паломничествѣ, просьба возносить молебны за царицу, похищеніе (умерщвленіе) зайца, осмѣяніе царя и бѣгство въ свою крѣпость; кромѣ того буквальный переводъ имени хорька *Petiz-porchaz* („малая добыча“, *Ren.* v. 11308) = *Clenebejash* (*Rein.* v. 1860).

Изъ br. 20^b заимствованы слѣдующіе мотивы: мотивъ о сокровищѣ (*Ren.* v. 11805. *Rein.* v. 2237), предлагаемомъ въ видѣ выкупа или обѣщаемомъ съ цѣлью добиться свободы (заимствование этого мотива мыслимо впрочемъ только въ томъ случаѣ, если допустить отсутствіе вполне тождественнаго съ „Рейнартомъ“ разсказа въ числѣ древнихъ, но утраченныхъ вѣтвей „Ренара“), дѣятельное участіе медвѣдя, волка и кота при исполненіи приговора надъ Р. (*Ren.* v. 11605 слл. *Rein.* v. 1900 слл.) и исповѣдь Р. (приглашеніе приступить къ ней, *Ren.* v. 11716); кромѣ того общее имя лисѣнка (*Rosseel*, *Rein.* 1413; *Rousel*, *Ren.* v. 11729).

Существуетъ и цѣлый рядъ весьма точныхъ совпаденій частныхъ мотивовъ, изобличающихъ, что „Рейнартъ“ частью

переводилъ подлинникъ цѣликомъ, частью весьма близко придерживался его. Всѣ эти мѣста отмѣчены у *Ionkbluta* (*Van den vos Reinaerde* cap V., p. lxxxviii слл.), согласно указанію *Korra* (*Die 20. Branche* стр. 31), который присоединяетъ дополненія. Въ видѣ примѣра достаточно ограничиться хотя бы слѣдующими стихами, изображающими моментъ поимки медвѣдя въ расклиненномъ деревѣ (*Ren. v. 10305: Rein. v. 680*):

Renart a les coins enpoigniez	Reinaert poghede dat hi brac
Et à grant paine descoigniez;	Die wegghen bede uter eken.
Et quant li coins furent osté,	Dien hi te voren ghinc so
	smeken,
La teste Brun et li costé,	Bruun bleef ghevanghen in den
Furent dedenz le chesne enclos	boom.

Моменты разноглася въ „Р.“ I и въ br. 20 выступаютъ изъ непосредственнаго сличенія сообщеннаго содержанія.

Что касается „Исторіи Р“, то основныя черты сходства съ br. 24 заключаются въ слѣдующемъ. Празднество при дворѣ, отсутствіе Р., опасенія Р. при вступленіи во дворецъ, и ободреніе со стороны барсука, неотвѣчаніе на поклонъ Р., угроза царя, оправданіе Р. въ связи съ обвиненіемъ противниковъ, заступничество со стороны родственниковъ Р. (барсука въ „Ренарѣ“, обезьяны въ „Р.“ II), упоминаніе объ излѣченіи царя (въ br. 24 самъ Р. является врачомъ, въ „Р.“ II—его отецъ, исцѣляющій отца льва), обвиненіе въ поруганіи чести волчицы (въ „Р.“ II въ связи съ рыбной ловлей) и въ помѣщеніи волчицы (волка въ „Ренарѣ“) въ мнимый рай (колодець), какъ главныхъ пунктахъ обвиненія, вызовъ на поединокъ, представленіе заложниковъ, присяга и бой.

Этимъ ограничиваются главныя черты тожества, помимо совпаденія нѣкоторыхъ частныхъ чертъ (ср. выше стр. 233).

Любопытную особенность, сравнительно съ „Ренаромъ“ и „Рейнгартомъ“, представляетъ „Р.“ II въ томъ отношеніи, что мотивъ о болѣзни царя представляетъ существенныя отличія. Больной царь излѣчивается не волчьей шкурой, какъ во всѣхъ предыдущихъ поэмахъ, а печенью волка. Черта эта невольно напоминаетъ предложеніе волка въ „Изенгримѣ“ (см. выше стр. 175), совѣтующаго больному льву съѣсть печень козла и барана. Нельзя не обратить вниманія на

слѣдующія, притомъ частныя черты сходства. Въ „Изен-
гримъ“, какъ и въ „Р.“ II, на поклонъ Р. никто не отвѣча-
етъ, но въ концѣ концовъ онъ достигаетъ высшихъ поче-
стей, — становится первымъ сановникомъ (ср. выше стр. 176.
177). Последняя черта и рассказъ о роскошномъ придвор-
номъ пиршествѣ встрѣчается въ *Escbasis* (см. выше стр.
179. 180).

Подобныя черты сходства, конечно, невозможно объ-
яснять случайностью, тѣмъ болѣе, что о зависимости позднѣй-
шихъ поэмъ отъ предыдущихъ можно было убѣдиться по сдѣ-
ланнымъ уже выше замѣчаніямъ. Необходимо, слѣдовательно,
сдѣлать заключеніе, что „Р.“ II въ основной своей части
слѣдовалъ не непосредственно 24-й вѣтви въ настоящемъ ея
видѣ, а какой нибудь версіи, въ которой встрѣчалась такая
приблизительная группировка мотивовъ, какая обнаруживается
въ „Р.“ II. А такъ какъ „Р.“ II обнаруживаетъ явные слѣ-
ды, что образцомъ его служилъ франц. оригиналъ, то не-
избѣженъ выводъ, что такой оригиналъ, въ которомъ встрѣ-
чались всѣ эти мотивы непременно существовалъ, но утра-
ченъ. Выводъ этотъ тѣмъ болѣе неизбеженъ, что „Р.“ II въ пер-
вой своей части, т. е. въ переработкѣ „Р.“ I, обличаетъ
весьма мало самостоятельности; поэтому невозможно отне-
сти и цѣлый рядъ новыхъ чертъ, встрѣчающихся притомъ
полныя аналогіи въ латинскихъ поэмахъ, — на долю изобре-
тательности его автора.

Т. обр. въ заключеніи можно замѣтить, что каждая изъ
предшествовавшихъ поэмъ доставляла сюжеты слѣдующимъ,
которыя не пренебрегали малѣйшими чертами, развивая ихъ
на новые лады. Притомъ болѣе независимости и оригиналь-
ности въ такомъ развитіи завѣщанныхъ мотивовъ обнару-
живаютъ францу. авторы и отчасти Виллемъ; всѣ же
остальныя обработки являются въ полной зависимости отъ
своихъ образцовъ.

Долгое время, вслѣдствіе незнанія дѣйствительнаго по-
ложенія вопроса, необыкновенная популярность и масса пе-
реводовъ на всевозможныхъ языкахъ отводили ниже-нѣмец-
кому „Рейнке“ первое мѣсто; съ научной точки зрѣнія
ему можетъ быть отведено только послѣднее мѣсто.

„Рейнке“ не сохранился въ рукописяхъ. Первое его изданіе появилось въ Любекѣ въ 1498 г. А такъ какъ d, т. е. Кулеманнскіе отрывки (см. выше стр. 278), изданы въ 1487 году, то, слѣдовательно, переводъ „Рейнке“, составленный по этимъ отрывкамъ, приходится, незадолго до 1498 г.

„Рейнке“ заключаетъ въ себѣ 6844 стиха, которые распадаются на 4 книги: первая состоитъ изъ 3246 стиховъ, вторая содержитъ vv. 3247—4234, третья — vv. 4235—5624 и четвертая — vv. 5625—6844. Каждая книга подраздѣлена на опредѣленное число главъ съ неравномѣрнымъ количествомъ стиховъ: первая глава содержитъ 30 главъ, вторая — 9, третья — 14, четвертая — 13. Глосса распредѣляется неправильно: то она встрѣчается послѣ каждой изъ двухъ рядомъ стоящихъ главъ, то послѣ известной группы главъ.

Какъ глосса, такъ и распредѣленіе на главы встрѣчается уже въ Кулеманнскихъ отрывкахъ; но по отрывочности послѣднихъ нельзя заключить — былъ ли оригиналъ, въ составъ котораго входили и эти отрывки, подраздѣленъ на 4 книги или нѣтъ?

Изъ двухъ предисловій, которыми снабженъ „Рейнке“, въ первомъ между прочимъ говорится (Reinke ed. L ü b b e n стр. iij сл.): „Я, Хинрекъ ванъ Алькмаръ (Hinrek van Alckmer), наставникъ и воспитатель (tuchtlerer) благороднаго и добродѣтельнаго князя и господина, герцога Лотарингскаго, по просьбѣ моего все милостивѣйшаго господина выбралъ эту настоящую книгу изъ иностраннаго (walscher) и французскаго языка и перевелъ на нѣмецкій языкъ во славу и хвалу Господа и во спасительное поученіе тѣмъ, которые ее будутъ читать, и раздѣлилъ я эту самую книгу на 4 части и снабдилъ каждую главу краткимъ толкованіемъ и мнѣніемъ того самого поэта, чтобы понимать настоящій смыслъ главы“.

На основаніи этого предисловія глосса, подраздѣленіе на главы и книги принадлежитъ Хинреку ванъ Алькмаръ. Такъ какъ нелѣпое мнѣніе, считавшее нидерландца Хинрека авторомъ ниже-нѣмецкаго „Рейнке“, опровергнуто уже Я. Гриммомъ (R. F. стр. slxxv), то оказывается, слѣдовательно, что переводчикъ „Рейнке“ цѣликомъ перенесъ нидерландское предисловіе, не возбуждающее никакихъ подозрѣній въ подлинности, въ свой переводъ и что

подраздѣленіе на книги дѣйствительно принадлежитъ Х и н-
р е к у (ср. также R g i e n въ ук. м. стр. 21 сл.).

Не всѣ однако заявленія Хинрека можно принимать на
вѣру: увѣреніе его въ заимствованіи изъ франц. источни-
ковъ, понятно, ложно. Хинрекъ, какъ предполагалъ еще
Я. Г р и м м ъ (R. F. slxxvj), подвергъ „Рейнарта“ II, спу-
стя столѣтіе, незначительной передѣлкѣ, которая „ограничи-
валась, пожалуй, присоединеніемъ предисловія и подраздѣ-
леніемъ на книги и главы“.

Возникъ вопросъ о болѣе точномъ опредѣленіи лично-
сти Хинрека.

Основываясь преимущественно на приведенномъ предис-
ловіи, Я. Г р и м м ъ (въ ук. м.) предполагалъ, что Х и н-
р е к ъ ванъ А л ь к м а р ъ очутился при лотарингскомъ дво-
рѣ вмѣстѣ съ Филиппой Эгмонтской, дочерью герцога Адоль-
фа Гельдернскаго, вышедшей замужъ въ 1485 г. за герцога
Лотарингскаго Рената II. Хинрекъ сдѣланъ былъ воспита-
телемъ дѣтей герцога, который „въ угоду своей нидерланд-
ской супругѣ могъ заставить обучать своихъ сыновей этому
языку и могъ желать новой обработки знаменитаго произве-
денія“, заключаетъ Я. Г р и м м ъ (въ ук. м.). Оказывается,
что сыновья Рената II умерли малолѣтными (R g i e n въ ук.
м. стр. 3), а такъ какъ обработка Хинрека появилась въ
1487 г., то остается заключить, что Хинрекъ „обучалъ са-
мого герцога нидерландскому языку и съ этой цѣлью вновь
обработалъ Рейнарта“ (R g i e n въ ук. м. стр. 4); это и отвѣ-
чаетъ вполнѣ словамъ предисловія.

Въ одной рп. открытъ еще другой Х и н р е к ъ ванъ
Алькмаръ, современникъ автора d, но онъ не имѣетъ съ
послѣднимъ ничего общаго (см. R g i e n въ ук. м. стр. 4—7).
Тщательныя сличенія „Рейнке“ съ d по поводу подраз-
дѣленія „Рейнке“ на книги (R g i e n въ ук. м. стр. 21), на
главы (т а м ѣ - ж е стр. 30), на оглавленія (стр. 32) и раз-
боръ вопроса о глоссѣ (стр. 38), — въ чемъ П р и н ъ на-
шелъ предшественника въ лицѣ Л а т е н д о р ф а (Zur Kri-
tik u. Erklärung des Reineke Vos, v. Dr. F r. L a t e n d o r f.
Progr. Schwerin 1865. Стр. 30 сл.), — ясно доказываютъ,
что „Рейнке“ лишень всякаго самостоятельнаго значенія и
находится въ полной зависимости отъ своего образца. Въ
рѣдкихъ случаяхъ ниже-нѣмецкій переводчикъ d позволяетъ
себѣ слегка сокращать или расширять глоссу подлинника;

иногда впрочемъ встрѣчаются мѣста (Ргіеп въ ук. м. стр. 44 сл.), которыя приходится, повидимому, приписать исключительно переводчику.

Что касается повѣствовательнаго текста, то и въ этомъ случаѣ „Рейнке“ восходитъ непосредственно къ *d*, вытекающему изъ „Р.“ II. (тамъ-же стр. 52). Непосредственное же сличеніе отступленій въ „Рейнке“ сравнительно съ содержаніемъ въ „Р.“ II (см. выше стр. 227 сл.) обнаруживаетъ, что „Рейнке“ представляетъ во многихъ случаяхъ болѣе сокращенный текстъ, чѣмъ въ „Р.“ II, видоизмѣняетъ иногда планъ разсказа и перелагаетъ большинство собственныхъ именъ на ниже-нѣмецкія формы.

Остается открытымъ вопросъ: кого считать авторомъ, точнѣе — переводчикомъ „Рейнке“?

Еще Ролленгагенъ († 1609) въ предисловіи къ первому (1595) изданію своего аллегорическо-сатирическаго произведенія (Froschmeuseler) утверждалъ, что „ученый остроумный, мудрый саксъ“, Николай Бауманнъ, составилъ „Рейнке“. Заявленіе это мало по малу находило приверженцевъ, къ которымъ присоединился и Я. Гриммъ (Р. Г. стр. slxxiiј сл.), который приводитъ подобное же извѣстіе изъ ростокской хроники Линденберга. Лишь (Gesch. der Buchdruckerkunst in Mecklenburg bis zum Jahre 1540. Schwerin 1839), какъ значится у Кнорра (Rein. de Vos стр. 23 сл.), доказалъ, что Бауманнъ былъ (съ 1507 по 1526 г.) секретаремъ герцоговъ Мекленбургскихъ, Генриха и Альбрехта, что съ 1514 г. онъ жилъ въ Ростокѣ, гдѣ присоединился къ лицамъ, принимавшимъ дѣятельное участіе въ распространеніи народнаго образованія и въ расширеніи книгопечатанія. Относительно автора „Рейнке“ Лишь не приходитъ къ положительнымъ результатамъ, а полагаетъ только, что Бауманнъ могъ быть авторомъ „Рейнке“.

Мнѣніе Ролленгагена было опровергнуто Кнорромъ (Rein. de Vos стр. 21 сл.); опроверженіе остальныхъ защитниковъ Бауманна взялъ на себя Царнке (Zur Frage nach dem Verfasser des Reineke въ Zs. f. D. Alterth. IX [1853] 374 сл.). Разбирая основательно всѣ доказательства Лиша, начиная съ мнѣнія Ролленгагена, Царнке (въ ук. м. стр. 378) приходитъ наконецъ къ опроверженію всѣхъ доводовъ Лиша, касающихся какъ независимости „Рейнке“, его изданій, его цѣли, такъ и біографическихъ

свѣдѣній о Бауманнѣ. Устранивъ послѣдняго, Царнке возводитъ на его мѣсто Германна Баркгузена (Barkhusen), основываясь главнымъ образомъ на типографскихъ соображеніяхъ и на времени появленія извѣстныхъ изданій (въ ук. м. стр. 380 слл.). Самъ Баркгузенъ хотя и жилъ въ Ростокѣ, находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Любекомъ, гдѣ появлялись первыя изданія „Рейнке“, обладалъ типографіею, проявлялъ свою дѣятельность и на литературномъ поприщѣ, занимаясь преимущественно переводами съ иностранныхъ языковъ, и былъ секретаремъ думы (Stadt-schreiber) одного изъ самыхъ значительныхъ ганзейскихъ городовъ (стр. 384 слл.); умеръ Баркгузенъ въскорѣ послѣ 1526 г.

Мнѣніе Царнке, которое мелькомъ высказывалось уже Лишемъ и затѣмъ Францемъ Болдемомъ (см. Latendorf ук. соч. стр. 34), подверглось критикѣ отчасти со стороны Вихманна (С. М. Wieshmann Mecklenburgs altniedersächs. Lit. I. Thl. Schwerin 1864), который, по словамъ Латендорфа (въ ук. м.), приводитъ „внѣшніе аргументы“ (какъ время существованія типографіи и т. п.); но главнымъ образомъ взгляды Царнке опровергаются самимъ Латендорфомъ.

Латендорфъ обращается противъ „внутреннихъ причинъ“ Царнке, именно: противъ тождества двухъ изданій „Рейнке“ (1498 г. и 1517 г.) и противъ языка и способа изложенія Баркгузена, которые, по мнѣнію Царнке, вполне отвѣчаютъ характеру изложенія въ „Рейнке“. На основаніи обстоятельной критики изданій въ связи главнымъ образомъ съ разногласіемъ и отступленіями въ текстѣ (стр. 1—28) и на основаніи отличій въ изложеніи „Рейнке“ и Баркгузена (стр. 35) Латендорфъ (въ ук. м.) приходитъ къ заключенію, что до настоящаго покрайней мѣрѣ момента „не встрѣчается ни малѣйшаго слѣда, который указывалъ бы на опредѣленную личность“. Довольствуясь пока незнаніемъ его имени, остается „причислить переводчика Рейнке къ классу тѣхъ почтенныхъ мужей, которые непосредственно изъ Любека оказывали около этого времени многочисленными поэтическими и прозаическими произведеніями безъимянное и однако продолжительное, постоянное вліяніе“.

Слѣдовательно, имя переводчика „Рейнке“ по прежнему остается неизвѣстнымъ.

Въ виду отмѣченныхъ выше (стр. 214 слл. 227 слл.) отступленій содержанія „Рейнке“ съ „Рейнартомъ“ I и II здѣсь достаточно ограничиться дополнительными замѣчаніями. Послѣднія падаютъ главнымъ образомъ на долю сокращеній текста въ „Рейнке“, сокращеній, которыя приходится, конечно, опредѣлять, какъ и выше, по отношенію къ „Рейнарту“, главнымъ образомъ къ „Р.“ II, такъ какъ оригиналъ (d), съ котораго „Рейнке“ переведенъ, сохранился только въ скудныхъ отрывкахъ. Расширенія текста по отношенію къ „Рейнарту“ II встрѣчаются въ „Рейнке“ очень рѣдко. Нѣсколько подробнѣе описывается (Reinke vv. 12—16) появленіе звѣрей ко двору, причемъ въ числѣ многихъ „знатныхъ лицъ“ (vele stolter gesellen), которыхъ всѣхъ нельзя было счесть, явились журавль (Lütke) и сойка (Marquârt) ⁽¹⁾. Полнѣе представляется рассказъ о кражѣ рыбы (см. выше стр. 59 сл. [вар. C и D]) и о похищеніи свиной туши (R. v. 199—219), которую Р. выбрасываетъ изъ окна, причемъ онъ подвергается нападенію со стороны собакъ и затѣмъ получаетъ для обгладыванія палку, на которой висѣла туша; въ „Р.“ II (vv. 221—238; „Р.“ I v. 217—232) лаконически говорится, что отъ (похищеннаго?) окорока Из. предложилъ Р. веревку, причемъ человѣкъ какой-то бросилъ его, Р., въ мѣшокъ (ср. также выше стр. 183). Въ эпизодѣ о волокитствѣ Р. (vv. 227—246) прибавляется нѣсколько новыхъ замѣчаній сравнительно съ „Р.“ II (vv. 239—254; „Р.“ I vv. 233—246), что Из. только срамитъ супругу своимъ обвиненіемъ, тогда какъ послѣдняя отдалась по доброй волѣ. Сцена на чердакѣ приукрашена чертами о томъ, какъ Р. вытаскиваетъ подпорку у окна, вслѣдствіе чего послѣднее со стукомъ захлопывается и Из. съ испугу падаетъ внизъ (v. 1565 слл.), тогда какъ въ „Р.“ II (v. 1647) Р. просто сталкиваетъ волка (въ „Р.“ I v. 1632 сл. и объ этомъ умалчивается) и объ окнѣ не упоминается.

Но такихъ расширеній текста сравнительно весьма немногихъ ⁽²⁾. Главнымъ же образомъ преобладаютъ различныя

⁽¹⁾ Ср. F. W o e s t e Einige Namen des hachters въ Korrespondenzblatt des Vereins für niederdeutsche Sprachforschung II (1877) № 5 стр. 64 сл.

⁽²⁾ Ср. м. пр. K н о р р а (Reinaert de Vos стр. 48 слл.), который приводитъ цѣлый рядъ „улучшеній“ въ „Рейнке“ сравнительно съ „Рейнартомъ“, которыя на самомъ дѣлѣ не существуютъ. Это объясняется

сокращенія. Къ сокращеніямъ, встрѣчавшимся уже выше, можно, напр., присоединить краткое упоминаніе въ „Рейнке“ (v. 877—878), что израненный въ колодѣ медвѣдь съ трудомъ доползъ до царскаго двора; наоборотъ въ „Рейнартѣ“ II (v. 995—1005) и „Р.“ I (v. 971—981) подробно изображается, какъ медвѣдь ползъ (*over sine hamen* и *over sinen staert*), и какъ перекувыркивался вслѣдствіе невозможности наступать на переднія лапы. Значительно сокращается въ „Рейнке“ (vv. 1167—1223) рассказъ о приключеніи кота въ домѣ священника (*Rein. II vv. 1223—1321; I vv. 1199—1301*), причемъ опущены и циничныя замѣчанія Р., утѣшающаго горюющую попадью.

Иногда сокращенія эти сводятся прямо къ пропускамъ. Напр., въ „Рейнке“ пропускается хвостовство медвѣдя (*Rein. I vv. 592—600; II vv. 644—652*), что онъ сразу съѣлъ бы весь медъ „отсюда и до Португаліи“ (*tuschen hier ende Portegael*). Нѣсколько далѣе (*Rein. I vv. 603—626; II vv. 655—674*) опускаются увѣренія Р., что меду хватитъ на семь лѣтъ, причемъ Р. проситъ заступничества медвѣдя и т. п. Первый пропускъ встрѣчается въ „Рейнке“ послѣ v. 576, а второй собственно сокращается въ два стиха (v. 579 сл.).

Что касается стихосложенія и грамматическихъ и діалектическихъ особенностей „Рейнке“, то о нихъ подробно распространяются въ предисловіяхъ къ изд. „Рейнке“ Люббенъ, Шрёдеръ и отчасти Гоффманъ ф. Фаллерслебенъ.

Изъ огромнаго числа переводовъ и обработокъ, доставившихъ „Рейнке“ такую необыкновенную популярность, нельзя обойти молчаніемъ обработки Гёте. Гёте облекъ „Рейнке“ въ форму гегзаметра, но „не отваживался“, пользуясь восклицаніемъ Гервинуса (ук. соч. стр. 230), „отступать [отъ оригинала] даже на шагъ!“ Первое изданіе „Рейнке“ Гёте появилось въ 1794 г. въ Лейпцигѣ ⁽¹⁾.

тѣмъ, что Кноррь могъ пользоваться только изданіемъ Виллемса, гдѣ помѣщено только скудное число вариантовъ изъ «Рейнарта» II. О существованіи Кулеманнскихъ отрывковъ онъ не могъ еще подозрѣвать.

⁽¹⁾ Рядъ другихъ обработокъ и переводовъ встрѣчается въ отмѣченныхъ выше (стр. 279²) мѣстахъ, посвященныхъ библіографіи «Рейнарта» и «Рейнке».

Въ замѣнѣ утраченной во всѣхъ отношеніяхъ самостоятельности „нѣмецкаго“ животнаго эпоса можно, въ успокоеніе слишкомъ ревностныхъ нѣмецкихъ патріотовъ, заключить замѣчанія о „Рейнке“ словами Гёд е к е. Впрочемъ приходится дѣлать скромный выборъ, такъ какъ „поэтическое возвеличеніе первобытнаго достоянія“ не подходящія сюда фразы. „Рейнке“, говоритъ онъ (*D. D. im Mittelalt.*² стр. 616), „доставилъ позднѣйшимъ поэтамъ матеріаль и фонтъ для ихъ искусственныхъ животныхъ произведеній и породилъ множество лучшихъ пьесъ болѣе древнихъ сборниковъ басенъ XVI в.... и вдохновилъ Гёте къ его прекрасному стихотворенію, которое въ свою очередь, — подобно лучшимъ рѣзчикамъ на деревѣ XVI в., посвящая своимъ рѣзецъ „Рейнке“, — вызвало чудесные рисунки Каульбаха“.

Оглядываясь на длинный рядъ памятниковъ изъ области животнаго эпоса, нельзя не удивляться столь громадному числу этихъ памятниковъ, которое столь же краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о громадной популярности ихъ. Но не смотря на это громадное число дошедшихъ до насъ литературныхъ обработокъ животнаго эпоса, можно почти съ увѣренностью утверждать, что по крайней мѣрѣ половина этихъ памятниковъ не дошла до насъ, утрачена.

Это необходимо утверждать на томъ основаніи, что большинство, напр., вѣтвей о „Ренарѣ“ предполагаетъ непременно существованіе болѣе древнихъ версій или оригиналовъ. Часть изъ нихъ представляла, повидимому, только болѣе простыя формы существующихъ вѣтвей, часть изъ нихъ заключала въ связи съ извѣстными уже сюжетами рядъ отдѣльныхъ мотивовъ, о существованіи которыхъ можно заключать по нѣкоторымъ намекамъ, часть, наконецъ, развивала, по всей вѣроятности, эти мотивы въ самостоятельныхъ вѣтвяхъ.

Чтобы эти замѣчанія не казались вполнѣ голословнымъ, можно привести и нѣкоторыя данныя.

О необходимости допущенія существованія болѣе древнихъ версій собственно не можетъ быть рѣчи, такъ какъ въ этомъ наглядно убѣждаетъ примѣръ „Рейнгарта“. Что же касается отдѣльныхъ мотивовъ, то необходимо указать на слѣдующіе намеки.

Въ 23-й вѣтви (vv. 13105—109) Ренаръ въ своей исповѣди отшельнику между прочимъ говорить: „Когда я далъ ему [Из.] клятву поступать съ нимъ честно, я изъ любви [къ нему] выдалъ за него замужъ Эрсанъ (li fis esposer Hersent), свою свояченицу“. Подобный разсказъ, отвѣчающій этому намеку, не существуетъ, а между тѣмъ не можетъ быть сомнѣнія, что онъ существовалъ.

Въ „Рейнартѣ“ больше намековъ на утраченные разсказы. Одинъ изъ нихъ, намекающій на то, что Р. причинилъ какое-то зло выдрѣ (dat ic den otter.... hebbe misdaen, Rein. v. 1452; II v. 1494. Reinke v. 1390) встрѣчался выше (стр. 216); о такомъ разсказѣ ничего не извѣстно. Когда Р. собираются вѣшать, котъ напоминаетъ Изенгриму, какъ Р. былъ причиною, что двухъ его, Из., братьевъ повѣсили (Rein. v. 1918—21; II v. 1950—53). Мартинъ (Rein. стр. xxxviii) нѣсколько сомнѣвается, чтобы въ этихъ словахъ заключался намекъ на утраченное „народное сказаніе“, такъ какъ имя одного изъ волковъ „Пространный“ (Rume), другаго — „Широкобедрый“ (Widelanke) прямо указываетъ на то, что они придуманы авторомъ. Что этимъ намѣренъ сказать Мартинъ, откровенно говоря, — непонятно. Развѣ Мартинъ отрицаетъ существованіе, напр., пѣтуха въ „народномъ сказаніи“ оттого, что его величаютъ „Звонкогласый“ (Chantecler)? Наконецъ допустивъ фиктивность именъ, этимъ не устраняется возможность безъимяннаго или иноименнаго существованія этихъ волковъ въ оригиналѣ.

Заяцъ, вызванный Р. съ цѣлью подтвержденія его показанія о существованіи пустыни (ср. выше стр. 217), между прочимъ говорить (Rein. vv. 2678—80; II vv. 2690—92): „это было, прежде чѣмъ я заключилъ съ Риномъ [псомъ] прочный союзъ, который избавлялъ меня отъ многихъ хлопотъ“. Въ чемъ состояли подробности этого разсказа тоже неизвѣстно. „Рейнке“ (v. 2516 сл.) эти отношенія казались непонятны и поэтому встрѣчается слѣдующая замѣна: „Когда я изъ нужды долженъ былъ спастись отъ пса Рина, который былъ для меня жестокъ“. Мартинъ (въ ук. м.) не только готовъ признать существованіе подобнаго разсказа, но даже подыскиваетъ параллели къ имени собаки.

Эти примѣры во всякомъ случаѣ указываютъ на рядъ утраченныхъ оригиналовъ изъ области животнаго эпоса.

Нельзя не пожалѣть объ утратѣ такой массы оригиналовъ, которые способствовали бы точному опредѣленію всѣхъ вопросовъ, касающихся литературной обработки животнаго эпоса. Тогда возможно было бы и опредѣленіе взаимнаго отношенія отдѣльныхъ его вѣтвей. Теперь этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только относительно позднѣйшихъ вѣтвей, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ приходится довольствоваться приблизительнымъ рѣшеніемъ вслѣдствіе отсутствія оригиналовъ.

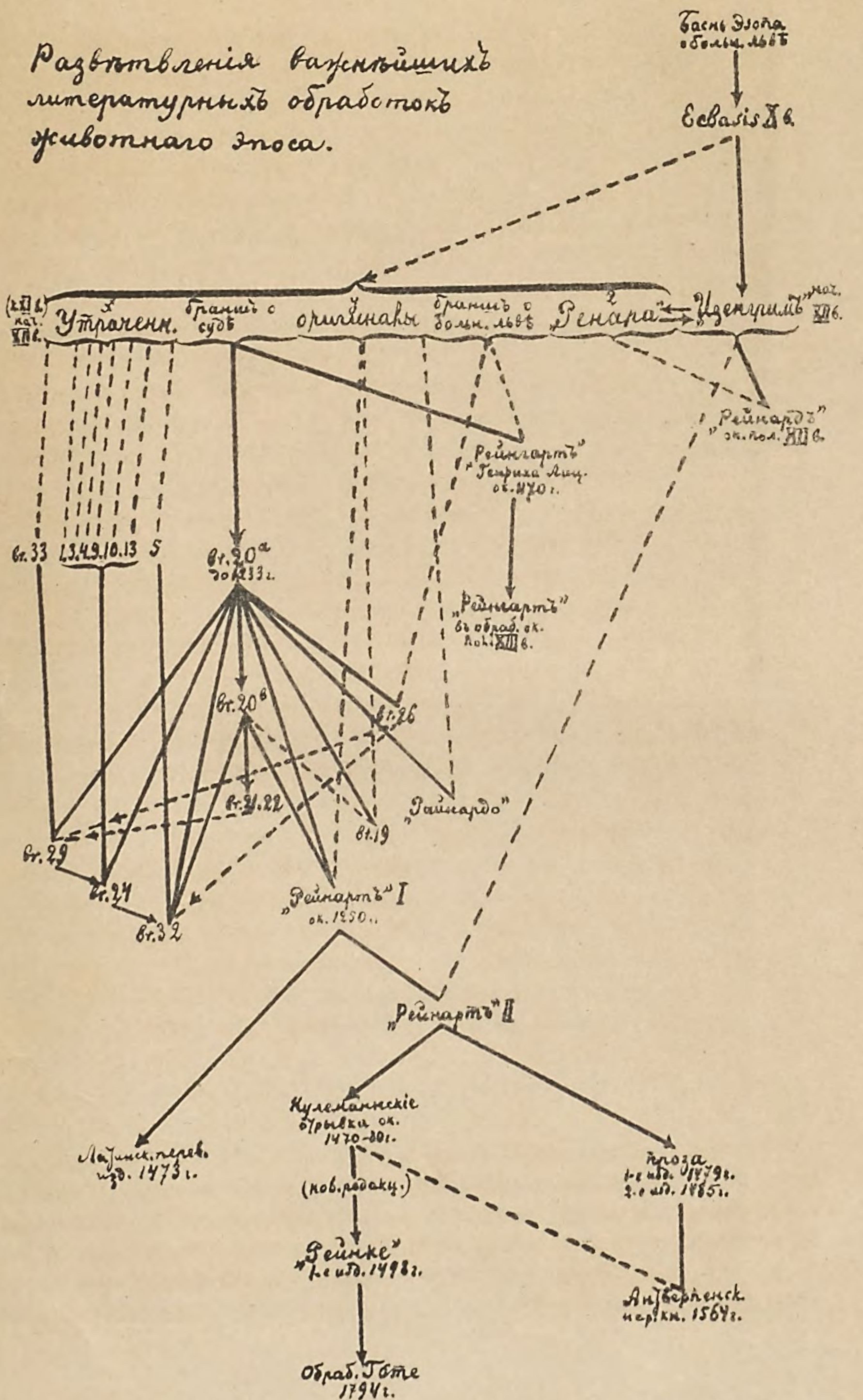
Но не смотря на утрату многихъ оригиналовъ нельзя не замѣтить, что каждая изъ предшествовавшихъ поэмъ доставляла матеріалъ послѣдующимъ поэмамъ. Въ каждую новую поему частью цѣликомъ переходили предшествовавшіе рассказы, частью заимствовались отдѣльные мотивы, частью удерживались только основа, планъ, идея.

Изъ всего выше сказаннаго необходимо вывести заключеніе, что всѣ поэмы развивались постепенно и вытекали изъ одного источника. Съ теченіемъ времени потокъ постепенно увеличивался благодаря новымъ притокамъ отдѣльныхъ мотивовъ, пока не образовался весь сложный составъ литературныхъ обработокъ животнаго эпоса.

Представляемъ на прилагаемомъ чертежѣ схематическое изображеніе ⁽¹⁾ главнѣйшихъ истоковъ литературныхъ обработокъ животнаго эпоса во взаимномъ ихъ отношеніи.

⁽¹⁾ Линіи, отмѣченныя точками, означаютъ или частичное заимствованіе, т. е. заимствованіе извѣстныхъ мотивовъ или отдѣльныхъ чертъ, или переходъ, который неизбежно долженъ быть допущенъ, хотя бы и не существовало осязательныхъ данныхъ. Относительно бг. 33. 1. 3. 4. 9. 10. 13. 5 не исключается возможность, что нѣкоторыя изъ нихъ сами являются оригиналами.

Развѣтвленія важнейшихъ
литературныхъ обработокъ
животнаго эпоса.

Дозволено цензурою.
Казань. 20 июля 1882 г.

Автография Н. В. Давыдова

IV.

Сатирическій элементъ въ предѣлахъ животнаго эпоса.

Общій ходъ развитія животнаго эпоса служитъ вѣрнымъ указателемъ на тѣ элементы, которые могутъ постепенно входить въ его составъ въ качествѣ новыхъ осложненій. На первыхъ порахъ возникаетъ животная сказка и возникаетъ, понятно, только съ цѣлью доставить развлеченіе. О преднамѣренности, о сатирическихъ намекахъ на религіозное или политическое состояніе или на частныя условія человѣческаго быта вообще — не можетъ быть и рѣчи. Даже когда животная сказка превращается въ басню, она все еще не имѣетъ въ виду сатиры, а — поученіе. И поэмы, развивающіяся изъ басни, преслѣдуютъ на первыхъ порахъ обыкновенно только цѣль невиннаго развлеченія. Слѣдовательно, сатира выдѣляется сама собой и присоединяется къ общей цѣпи элементовъ животнаго эпоса въ качествѣ послѣдняго звена.

Хотя подобный ходъ развитія является, повидимому, самымъ естественнымъ, тѣмъ не менѣе высказывались и взгляды отрицательнаго свойства. Въ животномъ эпосѣ усматривали не только общую сатиру или отдѣльные сатирическіе намеки, а доискивались сатиры послѣдовательно во всей его основѣ, въ любомъ имени, въ каждой чертѣ разсказа на всемъ его протяженіи.

Такую сатиру сталъ впервые усматривать въ животномъ эпосѣ Э к к а р д ъ.

Въ предисловіи къ своему изданію этимологическаго сборника Лейбница (*Illustris viri Godofr. Guilielmi Leibnitii Collectanea etymologica etc. cum praefatione Io. Georgii Essardi. Hanoverae 1717. Стр. 34—52*) и, согласно указанію Я. Г р и м м а (*R. F. стр. cclj*), въ другомъ еще изслѣдованіи (*Francia orientalis II [1729] 781—800*)

Э к к а р д ъ, основываясь исключительно на „Рейнке“, сталъ утверждать (стр. 36 слл.), что въ концѣ IX и нач. X вв. одинъ изъ вассаловъ лотарингскаго короля Святополка (Zven-teboldus), Reginarius, тождественъ съ героемъ животнаго эпоса Рейнгартомъ. И замокъ послѣдняго (Malpertuis) вполне отвѣчаетъ названію замка Регинарія (Durfos): стоитъ только первую часть слова истолковать по нѣмецки, вторую — по латыни и получится его буквальный переводъ (perfossus, Durchgraben). Точно такъ же волкъ Изенгримъ отвѣчаетъ баварскому графу Изанрику (Isanricus), вооружившемуся противъ императора Арнульфа († 899).

Дальнѣйшимъ развитіемъ и отчасти видоизмѣненіемъ этого мнѣнія является взглядъ М о н е, который въ „критическихъ и историческихъ комментаріяхъ“ къ „Рейнгарду“ видитъ въ послѣднемъ не болѣе какъ сатирическую аллегорію. Имя царя льва (Rufanus) оказывается (стр. 85 къ v. 33) анаграммой имени германскаго императора Арнульфа (Arnulfus i. e. Arnulfus). Изенгримъ оказывается Святополкомъ (по Моне стр. 800: swatý wlk [sic]), побочнымъ сыномъ Арнульфа и лотарингскимъ королемъ (стр. 1 къ v. 1); подъ Рейнгардомъ (въ ук. м.) необходимо подразумѣвать графа Генегаускаго (Reginarius comes Nanoniæ); медвѣдь Бруно (стр. 85 къ v. 48. 49) — Гаттонъ I, архіепископъ Майнцскій; козелъ и баранъ, осель и гусь — все именитые графы (стр. 90. 258. 140); даже серна находитъ пріютъ въ одномъ монастырѣ (стр. 139). Рядъ намековъ въ „Рейнгардѣ“, прямо указывавшихъ на XII в. Моне устранялъ тѣмъ, что относилъ ихъ къ числу позднѣйшихъ интерполяцій.

На основаніи столь комичныхъ лингвистическихъ объясненій (напр., Durfos; или у Моне Reinard. стр. 139: Bertiliana — quasi Petriliana и т. п.), на основаніи крайне произвольныхъ толкованій, натяжекъ и сопоставленій извѣстныхъ моментовъ животнаго эпоса и историческихъ фактовъ, — Э к к а р д ъ и М о н е усматривали въ „Рейнке“ и „Рейнгардѣ“ явную сатиру. Нелѣпыя объясненія рано или поздно должны были вызвать возраженія. Противъ Э к к а р т а вооружился Я. Г р и м м ъ (R. F. стр. cclj сл.), противъ М о н е выступилъ, помимо послѣдняго (R. F. стр. cclij сл.), Р е н у а р ъ въ своей рецензіи на изд. Моне (въ Journal des Savants 1834 стр. 405—417).

Я. Г р и м м ь считалъ еще необходимымъ серьезно возражать противъ взглядовъ Эккарда. Въ данный моментъ достаточно знать исторію происхожденія „Рейнке“, исходного пункта доводовъ Эккарда, чтобы убѣдиться въ невозможности доискиваться такой сатиры.

Мнѣніе М о н е было особенно подробно разобрано Р е н у а р о м ь. На основаніи сопоставленія историческихъ фактовъ съ тѣми моментами изъ „Рейнарда“, которые Моне считалъ знаменательными, Р е н у а р ь доказалъ всю искусственность его теоріи. Въ свою очередь Я. Г р и м м ь въ правѣ былъ подтрунивать надъ этимологическими доводами Моне, утверждая (Р. Г. стр. сslj***), что, слѣдую его примѣру, нѣкогда потомство можетъ доказывать, что издатели „Ренара“ и „Рейнарда“ одно и тоже лицо (Méon, Mone).

Отрицая превращеніе исторіи въ животный эпосъ, Я. Г р и м м ь (Р. Г. стр. сsljv сл.) допускаетъ тѣмъ не менѣе сатирическіе намеки на отдѣльныя личности. Такъ, въ лицѣ медвѣдя Бруно заключается можетъ быть намекъ на брата императора Оттона I († 973), занимавшаго рядъ духовныхъ должностей и между прочимъ епископскую кафедру въ Кельнѣ, или на канцлера Генриха V († 1125) (стр. сslv); подъ волкомъ Примò можно усматривать одного анжерскаго аббата, Примальда, жившаго въ началѣ XI в. (стр. сslvj). Баранъ (по „Рейнardu“) или осель (по „Ренару“) Бернаръ представляетъ, очевидно, Бернара Клервоскаго (въ ук. м.), баранъ Іосифъ — архіепископа Турскаго (стр. сslvij) и т. п. Что же касается волка и Ренара, которые „о б а набрасываютъ на себя монашескую рясу, чтобы безпрепятственнѣе грабить и умерщвлять“ (въ ук. м.), то къ нимъ скорѣе всего могли быть примѣнены сатирическіе намеки на какихъ нибудь духовныхъ. Но „ихъ монашество, преимущественно волка, возникло изъ самой развивавшейся фабулы, а не вслѣдствіе сатирическаго намека“ (въ ук. м.; ср. также стр. xxxv сл. xxxvij*). сxsj). Сатира на мірянъ менѣе свойственна животному эпосу, тогда какъ по отношенію къ духовнымъ она примѣнялась незамѣтно, „возникла какъ бы сама собой“ и въ позднѣйшихъ обработкахъ усиливается и расширяется. Самой „умѣренной“ и „мѣткой“ сатирой является „безличная“, напр.: канонизація курицы и чудеса, творящіяся надъ ея гробомъ (стр. сsljx).

Хотя Я. Гриммъ и вооружался противъ догадокъ своихъ предшественниковъ, но дальше догадокъ и онъ не ушелъ. Правда, у него точно подбираются имена тѣхъ лицъ на которыхъ, будто бы, направлена сатира. Но только относительно намековъ на Бернара Клервоскаго можно съ достовѣрностью сказать, что сатира имѣетъ въ виду именно его: это ясно высказывается въ „Рейнардъ“, гдѣ Бернаръ прямо называется алчнымъ (IV v. 89) и насмѣшливо — тряпцено-сцемъ (rannifer, III v. 1170), съ намекомъ и на его рясу и на знамя крестоносцевъ, которыхъ онъ побуждалъ къ (2-му) крестовому походу.

Вообще же говоря, допущеніе двоякаго толкованія именъ доказываетъ, что подобныя гипотезы, пытающіяся извлекать изъ сомнительныхъ данныхъ положительныя, — весьма непрочны. Притомъ — если въ собственныхъ именахъ непременно доискиваться сатиры — немислимо же отрицать возможности, что имѣлась въ виду личность, которая можетъ и не значиться ни въ какихъ анналахъ. Слѣдовательно, догадки Я. Гримма только и могутъ имѣть значеніе догадокъ, за которыми, пожалуй, возможно признать извѣстную долю вѣроятности, но не болѣе.

Мнѣніе Я. Гримма о монашествѣ волка безъ всякихъ возраженій было принято нѣмецкими учеными. Гервингъ (ук. соч. I^o, 218), Вакарнагель (Kl. Schr. II, 269. 270. 275) и др. повторяли извѣстную уже фразу, что „волкъ всегда изображается монахомъ“. Но именно эта фраза послужила, на ряду съ другими вопросами, причиной, вызвавшей весьма горячія возраженія со стороны Мейснера.

Мейснеръ опять таки основывается на результатахъ изученія памятниковъ искусства. Онъ указываетъ на то, что различные барельефы и вообще изображенія изъ области рассказовъ о Ренарѣ встрѣчаются въ церквяхъ на такихъ мѣстахъ, которыя прежде всего бросались въ глаза (Arch. f. d. St. d. n. Spr. u. Lit. LVIII, 254), преимущественно на креслахъ или скамьяхъ (Chorstuhl, stalle), предназначенныхъ для духовенства (LVI, 269. LXV, 232). Барельефы эти рѣзали не свѣтскія лица (LVI, 278), а клерики (LVI, 268. LVIII, 245). Все это служитъ доводомъ клерикальнаго характера этихъ изображеній (LXV, 232), доказываетъ, что басни, передаваемыя путемъ традицій, развивались въ клерикальныхъ кружкахъ (LVIII, 257). Между тѣмъ

господствует мнѣніе, что всѣ изображенія, касающіяся разсказовъ о Ренарѣ, — явная сатира, если не на религію, то по крайней мѣрѣ на духовенство (LVI, 267). Но немислимо же допустить, чтобы духовенство одобряло проявленіе сатирическихъ насмѣшекъ въ своихъ же собственныхъ церквяхъ (LVI, 268), насмѣшекъ, повторявшихся въ теченіи длиннаго ряда вѣковъ (LVIII, 268) и исходившихъ со стороны мірянъ, знавшихъ объ испорченности своихъ духовныхъ пастырей (LVIII, 260). Словомъ, невозможно допустить, чтобы изображенія эти были сатирическими намеками. Слѣдовательно, все это не сатира (LVI, 268. LVIII, 245 сл. 248. 259. LXV, 205. 210. 219), направленная противъ религіи или духовенства (LXV, 205. 219), не насмѣшка или шутка (LXV, 210), а всѣ эти изображенія возникли съ цѣлью назиданія прихожанъ, при помощи басенъ или притчей, съ цѣлью поученія, излагаемаго образно, символически (LVIII, 248. 255. 259). Міряне же нуждались въ такомъ поученіи, такъ какъ настоящіе монахи (Бенедиктинцы, Цистерцианцы, Премонстратинцы, Картезіанцы), которые строго отличали себя отъ нищенствующихъ монаховъ (гл. обр. Доминиканцевъ и Францисканцевъ), желали предостеречь неопытныхъ прихожанъ отъ лжеучителей (LXV, 205). Эти лжеучители, противъ которыхъ направлена сатира и иронія, оказываются нищенствующими орденами (LVIII, 259. LXV, 222), именно Францисканцами и Доминиканцами (LVIII, 246). Они то изображаются всегда подъ образомъ лисы, выступающей въ качествѣ лжеучителя, дьявола (LVIII, 258 сл. LXV, 205). Лиса всегда изображается монахомъ, волкъ же — никогда (LVI, 271). Волкъ всегда изображается только подъ образомъ ученика, послушника; если онъ пытается выступать въ качествѣ монаха, то его немедленно выдаетъ тупоуміе или обжорство или онъ всегда попадаетъ въ просакъ, благодаря коварству лисы (въ ук. м.). Лиса, наоборотъ, всегда выступая въ качествѣ монаха, является постоянно проповѣдникомъ, которому прилежно внимаютъ гуси⁽¹⁾. Последніе обыкновенно становятся его добычей⁽²⁾, такъ какъ этотъ

⁽¹⁾ Meissner въ ук. м. LVI, 272 сл. 275. 276. 278. 279. LVIII, 245. 248. 254. 255. LXV, 210. 211. 218—221. 223. 226. 229.

⁽²⁾ Тамъ же LVIII, 243. 248. 249. 253. 255. 258. LXV, 210. 212. 217. 219 (bis). 221 (bis).

проповѣдникъ—лжеучитель, который только съ тѣмъ и произносить проповѣдь, чтобы похитить гусей, т. е. погубить души вѣрующихъ. Проповѣдникъ этотъ всегда изображается въ одеждѣ нищенствующаго монаха, — съ острымъ капюшономъ на затылкѣ и перепоясанный веревкой. Противъ нищенствующихъ монаховъ, выступавшихъ сначала исключительно въ качествѣ проповѣдниковъ, сильно вооружались другіе монашескіе ордена и бѣлое духовенство, стараясь всѣми мѣрами ограничить права первыхъ; они считали своей обязанностью предостерегать прихожанъ отъ лжеучителей и отъ ихъ проповѣдей (LXV, 205). Если, слѣдовательно, извѣстный слой духовенства высказывался противъ нищенствующихъ монаховъ, немилосердно преслѣдуя ихъ во всѣхъ церквахъ сатирическими изображеніями, то этимъ далеко еще не осмѣивались религія и духовенство (LXV, 206).

Т. обр., Мейснеръ утверждаетъ, что всѣ изображенія въ церквахъ являются не сатирой на духовенство и религію, а только на нищенствующихъ монаховъ, т. е. являются символическими поученіями. Съ этимъ взглядомъ нельзя не согласиться и вполне достаточно доводовъ Мейснера, чтобъ видѣть всю несостоятельность отрицательнаго воззрѣнія. Но такой постановкой вопроса сатирическій элементъ ограничивается только тѣсными предѣлами церкви, точнѣе одними только нищенствующими орденами. Предѣлы же сатиры по отношенію къ животному эпосу значительно шире и рѣшеніемъ Мейснера далеко не исчерпываются всѣ ея стороны. А между тѣмъ свои выводы Мейснеръ желаетъ сдѣлать обязательными и для исторіи проникновенія сатирическаго элемента въ предѣлы животнаго эпоса.

Не отыскивая непременно личной сатиры въ животномъ эпосѣ, какъ поступали предшественники Мейснера, нельзя однако не замѣтить, что часто осмѣиваются высшіе и низшіе слои духовенства, вовсе, понятно, не принадлежащіе къ нищенствующимъ орденамъ. Достаточно, напр., вспомнить осла въ роли архіепископа въ 32-й вѣтви и его нахальное надгробное слово. Онъ исходитъ изъ того, что Ренаръ „велъ жизнь мученика и апостола“ (v. 29530), считаетъ его вполне добродѣтельнымъ и съ увлеченіемъ оправдываетъ его въ такихъ грѣхахъ (v. 29542 слл.), циничное перечисленіе которыхъ только самая ѣдкая сатира могла вложить въ уста духовнаго лица. Проповѣдникъ обращается (v. 29566

сл.) притомъ съ увѣщаніемъ къ царю объявить по всему царству прощеніе въ восхваляемомъ имъ грѣхѣ; съ своей стороны онъ грозитъ всѣмъ ослушникамъ своего приказа (грѣшитель) мученіями ада, а послушнымъ обѣщаетъ наслажденіе рая (*A joie en paradis seront*, v. 29586).

Выведеніе духовныхъ лицъ въ подобныхъ роляхъ встрѣчается весьма часто, какъ часто произносятся и подобныя же поученія, о чемъ свидѣлствуютъ циничныя рѣчи въ устахъ коршуна, выступающаго въ роли исповѣдника въ 31-й вѣтви.

Если же обратиться къ „Рейнарду“, то сатира оказывается еще рѣзче. Она направлена противъ духовенства вообще и противъ цистерцинцевъ и бѣлаго духовенства въ частности. Авторъ „Рейнарда“ не знаетъ пощады ни аббату (Reinard. III 272. 279. 285 сл.), которыхъ онъ уподобляетъ волчьимъ головамъ, подносимымъ Изенгриму, ни епископамъ (II v. 507. III v. 1153 сл.), ни Бернару, ни даже папѣ (Евгенію III). Одинъ изъ епископовъ перещеголялъ даже Римъ, такъ какъ онъ „грабитъ какъ сатана и держитъ [захваченное такъ крѣпко] какъ адъ“ (III v. 1174); онъ снимаетъ шерсть и съ овецъ и съ козъ; онъ негодуетъ только, что, къ несчастію, не въ состояніи захватить больше, чѣмъ находитъ. „Клервоскій рясоносецъ“ въ сравненіи съ нимъ — ничто: „онъ связываетъ мякину (*connectit paleas* III v. 1171), выскиваетъ узлы въ камышѣ, облупливаетъ камни, доить журавлей“. Апостолы Петръ и Павелъ ничего не понимали (III v. 1145 сл.), папа же стрижетъ овецъ ножницами Симона волхва и, кто больше даетъ, тотъ помѣщается въ „лучшее небо“. Коварный папа (IV v. 1015 сл.) продалъ сицилійскому вождю (Рожеру) христіанъ, вслѣдствіе чего изъ-за монаха (Евгенія) гибнутъ два царства (Германія и Франція). Послѣднее замѣчаніе, вложенное въ уста свиньи, Ренаръ пытается будто бы смягчить своимъ возраженіемъ, взводящимъ на папу еще болѣе тяжкія обвиненія. Между прочимъ онъ говоритъ (IV, v. 1214 сл.), что въ противномъ случаѣ сицилійскій король опасался бы прохода крестоносцевъ чрезъ свои владѣнія. Онъ поясняетъ притомъ, что „гадкая чернь“ разрубала монеты пополамъ, вслѣдствіе чего разрубался и крестъ⁽¹⁾. Это было величайшее злодѣяніе, надъ которымъ

(¹) По примѣчанію Монне (Reinard. стр. 321 къ v. 1229), моне-

сильно скорбѣлъ „добрый папа“. Если онъ поэтому забралъ всѣ деньги сицилійскія и у тиранновъ французскаго, англійскаго и датскаго и со всей земли, то только потому, что онъ трудился надъ спасеніемъ душъ людскихъ, хотѣлъ уничтожить этотъ грѣхъ и спряталъ деньги въ свой ящикъ; побуждаемый тѣмъ же благочестіемъ онъ готовъ бы захватить и сокровища всего міра, а вовсе не оттого, чтобъ онъ предпочиталъ металлъ красный или бѣлый.

Едва ли нужно приводить еще другіе примѣры, чтобы составить себѣ понятіе о рѣзкости сатиры, господствующей въ „Рейнардѣ“. Впрочемъ въ видѣ дополненія можно замѣтить, что ѣдкія нападки автора „Рейнарда“ на цѣлый орденъ Цистерцинцевъ вообще Я. Г р и м м ѣ (R. F. стр. с) объясняетъ себѣ тѣмъ, что самъ авторъ былъ бенедиктинцемъ, которому всѣ нововведенія, исходившія со стороны первыхъ, въ частности со стороны Бернара Клервосскаго, должны были казаться въ высшей степени достойными порицанія. Слѣдовательно, возможность появленія рѣзкой сатиры вообще объясняется состояніемъ самой эпохи, въ которой разгоралась борьба между свѣтской и папской властью и взаимная вражда различныхъ слоевъ духовенства и ненависть ихъ другъ къ другу.

Итакъ, выводы М е й с н е р а въ примѣненіи ко всѣмъ проявленіямъ сатирическаго элемента въ предѣлахъ животнаго эпоса оказываются недостаточными. Что же касается его замѣчанія (LXV, 206) относительно первоначальнаго примѣненія сатиры со стороны консервативнаго духовенства на реформаторскіе ордена, то оно подтверждается помѣченной выше ненавистью между Бенедиктинцами и Цистерцинцами въ „Рейнардѣ“.

Относительно монашества волка мнѣніе М е й с н е р а, въ выраженной имъ формѣ, вполне основательно. Г е р в и н у с ѣ (ук. соч. I⁵, 218), правда, слѣдуя Я. Г р и м м у, утверждаетъ, что „уже въ Esbasis“, волкъ является монахомъ. Едва ли такъ. Волкъ, встрѣчающій теленка, названъ въ Esbasis (v. 95) не монахомъ, а „лѣсникомъ“ (*silvae tutamina*), онъ поетъ гимны, „какъ въ обычаѣ монаховъ“ (v. 98),

ты, съ изображеніемъ креста на нихъ (откуда и понынѣ названіе «крейцеръ»). разрубались пополамъ, чтобы имѣть полъ крейцера.

заявляетъ, что въ теченіи трехъ мѣсяцевъ не ѣлъ „сладкаго мяса“ (v. 112) и не пилъ крови, вслѣдствіе чего желаетъ вознаградить себя за продолжительный постъ. Но развѣ пѣніемъ гимновъ и лишеніемъ скоромной пищи обусловливается непременно монашество? Даже допустивъ утвердительный отвѣтъ, не слѣдуетъ забывать, что рамка Esbasis, въ которой авторъ предоставлялъ полный просторъ своей фантазіи, еще не обязательна для внутренняго разсказа, т. е. для разсказа о больномъ львѣ; въ послѣднемъ разсказѣ упоминается нѣсколько волковъ, но не въ роли монаховъ.

По поводу „Изенгрима“ и Я. Г р и м м ъ (R. F. стр. lxxvj) принужденъ сознаться, что „Изенгримъ не называется собственно монахомъ (I v. 427 сл.), а между тѣмъ только въ седьмомъ разсказѣ происходитъ его посвященіе въ монахи (см. выше стр. 186); притомъ онъ едва успѣваетъ попасть въ монастырь, какъ тотчасъ же избить и выгнать. Какъ же согласить эти противорѣчія? Очевидно только то, что на монашествѣ волка настаивать нельзя, что „волкъ“, по словамъ Мейснера (въ ук. м. LVI, 271), „пытается часто выступать въ качествѣ монаха, но это ему никогда не удается. Или его выдастъ его тупость и прирожденное обжорство, или лиса всегда дурачить его“. Словомъ, онъ является (въ ук. м. LXV, 207) въ качествѣ „ученика или послушника, и притомъ всегда въ качествѣ тупаго ученика, который вовсе не годится для духовнаго званія или монастырской жизни“.

Такимъ неучемъ и непригоднымъ монахомъ или послушникомъ Изенгримъ дѣйствительно является во всѣхъ обработкахъ. Стоитъ только вспомнить сцены въ „Ренарѣ“, въ „Рейнгартѣ“ и намекъ въ „Рейнартѣ“ Виллема (ср. выше стр. 216). Слѣдовательно, остается только принять мнѣніе Мейснера.

Мейснеръ (LXV, 207) задается притомъ вопросомъ: на чемъ основывается идея о монашествѣ волка? Совершенно тѣмъ же вопросомъ интересуется Я. Г р и м м ъ (R. F. стр. cxvj), съ тѣмъ только отѣнкомъ, что желалъ бы знать: когда появилась эта идея?

Мейснеръ предполагаетъ, что идея эта развилась на основаніи извѣстной басни о волкѣ въ школѣ (J. Grimm R. F. стр. 333 сл.)⁽¹⁾: въ школѣ волкъ на

⁽¹⁾ Ср. также W. Wackernagel Der Wolf in der Schule, въ Zs. f. D. Alterth. VI, 285 сл.

всякое предложіе повторить извѣстный звукъ азбуки звѣщаетъ только: „овечка“, „ѣсть хочу“ и т. п. Я. Г р и м м ѣ же (въ ук. м.), не считая эту черту существенной принадлежностью животнаго эпоса, допускаетъ однако, что она могла возникнуть задолго до извѣстнаго ему древнѣйшаго памятника, именно — Ecbasis (е г о - ж е Lat. Ged. стр. 307**); ср. R. F. въ ук. м.).

Въ данномъ случаѣ догадка Я. Гримма основательна. Идея о монашествѣ волка вообще, а не въ примѣненіи непосредственно къ животному эпосу, по вѣрной мысли Ве б е р а (Ind. Stud. III, 365), восходитъ къ Индіи, гдѣ встрѣчается множество аналогій въ разладѣ религіозной жизни, „тогда какъ религіозное лицемѣріе едва ли можетъ быть разсматриваемо, какъ характеристическій признакъ вѣрующаго христіанства и духовенства запада въ эпоху первыхъ крестовыхъ походовъ“. Съ этимъ взглядомъ вполне соглашается и Б е н ф е й (Pantsch. I, 178).

Сатира на духовенство встрѣчается въ животномъ эпосѣ чаще всего. Это предпочтеніе впрочемъ невозможно объяснять вмѣстѣ съ Я. Г р и м м о м ѣ „незамѣтнымъ возникновеніемъ“ изъ самой природы животнаго эпоса. Это даже болѣе чѣмъ темное опредѣленіе. Причина этого предпочтенія заключается, очевидно, въ томъ, что духовенство среднихъ вв. было само по себѣ самымъ выдающимся явленіемъ, которое приковывало къ себѣ вниманіе всѣхъ. Все, что совершалось въ его средѣ ненормальнаго, должно было чутко отзываться въ другихъ слояхъ общества. Изображеніе же этихъ явленій со стороны авторовъ вполне зависѣло отъ ихъ характера и душевнаго настроенія. Тотъ же авторъ „Рейнарда“, бичующій съ такимъ ожесточеніемъ испорченность духовенства, отзывается однако съ большою похвалою о двухъ духовныхъ лицахъ (Reinard. III v. 1501 слл. 1541 слл.).

Съ усиленіемъ новыхъ элементовъ или съ болѣе замѣтнымъ разложеніемъ господствующихъ усиливаются и новые мотивы сатиры. Такъ, въ „Рейнартѣ“ II, — чего нѣтъ, понятно, въ его источникѣ, — Рейнартъ заключаетъ свою исповѣдь передъ барсукомъ длинной сатирической рѣчью (vv. 4126 — 4263; ср. vv. 7500 — 49. 7654 — 7721), въ которой бичуетъ испорченность міра вообще, господство лжи и лести при княжескихъ дворахъ, продажность судей, говоритъ (vv. 6012 — 6033) о грубыхъ невѣждахъ, окружающихъ царей,

помышляющихъ только о наживѣ и въ критическую минуту покидающихъ своего господина. Съ большей еще рѣзкостью вооружается „Рейнартъ“ II противъ испорченности духовенства въ Римѣ (vv. 4532—4609). Мужъ обезьяны заявляетъ Рейнарту, что онъ, въ качествѣ епископскаго клерка, самъ поведетъ его дѣло въ Римѣ и непременно добьется отпущенія грѣховъ. Тамъ „мой дядя Симонъ“ (Simoen, т. е. намекъ на симонію), пользующійся большимъ вліяніемъ; „онъ помогаетъ охотно [тѣмъ], которые нѣчто даютъ“; тамъ же Беривсе (Prentout) и Подслушивай-хорошенько (Luusterwel), Изобрѣтатель-козней (Scalcvont), Дайте-мнѣ (Gheeftmi) и Хватай-скорѣй (Greepsnel). Придется немного захватить денегъ, такъ какъ „просьба съ даяніемъ отважна“. У папы нетрудно будетъ выхлопотать также интердиктъ; папа уже старъ, такъ всѣмъ управляетъ кардиналъ Valoot (см. Martin Rein. стр. xx). Онъ держитъ у себя наложницу (een concubijn), которую онъ очень любитъ: малѣйшую ея просьбу онъ тотчасъ исполняетъ; и это „моя племянница“; „она всегда исполняетъ мою просьбу“. Такъ выражается сатира въ „Исторіи Рейнарта“.

Подобныя же сатирическія выходки встрѣчаются и въ „Ренарѣ“, но онѣ далеко не проводятся съ такой настойчивостью какъ, напр., въ „Рейнардѣ“ или даже „Рейнартѣ“ II. Сатира въ „Ренарѣ“ разбросана и прорывается только мелькомъ, чтобы вслѣдъ затѣмъ быстро перейти къ основному сюжету. Напр., Ренаръ заявляетъ, что вилланъ долженъ питаться чертополохомъ; только богачи имѣютъ право на хорошую пищу (Ren. v. 28090 слл.). Когда богачъ является ко двору (Ren. v. 10205—230), всѣ тѣсняются около него, угощаютъ его лучшими блюдами, а бѣдняка не допускаютъ къ столу; онъ ѣстъ съ колѣнъ, получаетъ только кости для обгладыванія и долженъ довольствоваться всѣмъ этимъ въ своемъ углу, тогда какъ богачи утопаютъ въ изобиліи, отсылая излишки своимъ наложницамъ. „Барство (Ren. v. 6091 слл.) все готово устроить по своему желанію, ни въ чемъ не желаетъ признавать дѣлежа, все желаетъ удержать [себѣ] по своему произволу“. Судьба вообще издѣвается надъ міромъ (Ren. 27782—854) и неравномѣрно распредѣляетъ свои блага. Презрѣніе къ вилланамъ царь левъ выражаетъ между прочимъ словами (Ren. v. 6038 слл.): „лучше я коснусь до вонючей чаши съ ядомъ, чѣмъ я дотронусь до виллана“. Что касается монаховъ, то они „слишкомъ горды

(R e n. v. 27940 — 43), и народъ этотъ чрезвычайно сквернаго нрава и за молитву ничего не сдѣлаетъ“. Съ тѣхъ поръ (v. 28128 сл.), какъ объявился Господь, духовенство и священники — всѣ безумны“. Не забыть вопросъ и о женской злобѣ. „Женщинѣ (v. 15005 — 13) нельзя вѣрить на слово; мало женщинъ безъ коварства; благодаря женщинѣ больше сумятицы, чѣмъ мира; . . . женщина изъ всѣхъ золъ величайшее (some t. e. бремя)“.

Всѣ эти проявленія сатиры невозможно, конечно, отнести къ „невинной ироніи“, а остается причислить къ весьма ѣдкой и притомъ личной сатирѣ, хотя личностями являются во многихъ случаяхъ цѣлыя корпораціи или слои общества, подвергающіеся бичеванію.

Но помимо этой рѣзкой сатиры встрѣчается и болѣе мягкая, которую согласно опредѣленію Я. Г р и м м а (R. F. стр. ссlх), можно отнести къ „безличной“ сатирѣ. Собственно въ составъ послѣдней входятъ вопросы менѣе животрепещущіе, болѣе обыденные, т. е. покрайней мѣрѣ сдѣлавшіеся обыденными, или стоящіе на ступени будничныхъ явленій жизни. Съ подобными признаками тѣ или другія черты, встрѣчающіяся въ животномъ эпосѣ скорѣе относятся къ области пародіи и, пожалуй, ироніи.

Сюда нельзя не отнести описаніе богослуженія, совершаемаго различными животными въ извѣстныхъ браншахъ „Ренара“ и его истоковъ; сюда же относятся черты о поклоненіи мощамъ, о постриженіи волка въ монахи благодаря обливанію головы его кипяткомъ и т. п. Впрочемъ нерѣдко и эти черты настолько обостряются, что простая шутка принимаетъ болѣе рѣзкій оттѣнокъ и переходитъ въ сатиру. Такой переходъ нельзя не видѣть, напр., въ предложеніи виновной волчицы прибѣгнуть къ суду божьему (R e n. v. 9794 сл.; ср. 9930 слл.), или въ замѣчаніи пса, что въ деревнѣ за святыми дѣло не станетъ (*assez aurez en ceste vile sains et saintes*, v. 8978 слл.), чтобы замѣнить неимѣющіяся мощи, и т. п.

Вообще цѣлый рядъ чертъ, отличающихся частью сатирическимъ, частью ироничнымъ оттѣнкомъ служить вѣрнымъ отраженіемъ разнообразныхъ проявленій той эпохи. Въ „Ренарѣ“ можно встрѣтить намеки на продажность судей (R e n. v. 8972), на лицемерные поцѣлуи (v. 5687) и лицемеріе въ семейной жизни (v. 27760), нормальный ходъ которой весь-

ма часто нарушается (br. 30, 32, жалобы Из. по поводу безчестія его жены и т. п.). То представляется характеристика женскаго лукавства (v. 7107), то обличаются въ нецѣломудренной жизни монашенки (v. 12430; ср. v. 28271) или вообще набрасывается тѣнь на поведеніе женщинъ (v. 12840).

Коснувшись этихъ чертъ, слѣдуетъ указать спорный вопросъ о томъ: какъ относиться къ упоминаемымъ „женамъ священниковъ“? Іонкблутъ (Étude стр. 384) сопоставилъ уже всѣ относящіяся сюда мѣста. Остается только замѣтить, что упоминаніе съ одной стороны „женъ священниковъ“, съ другой женщинъ предосудительнаго поведенія (une putain, vv. 10556. 10628. 21057. 20880. 21893 [pute]. 21824 (meschine)) свидѣтельствуетъ въ пользу переходной эпохи, когда священникамъ было уже предписано безбрачное состояніе, но тѣмъ не менѣе удерживались еще старые порядки. Упоминаніе же наложницъ ясно показываетъ, что названіе это сознательно употребляется авторами съ цѣлью сатиры.

Т. обр., всѣ приведенныя черты служатъ вѣрнымъ отраженіемъ средневѣковой жизни, все слагается въ назидательную картину нравовъ.

Если обратить, наконецъ, вниманіе на то, въ какихъ браншахъ или поэмахъ вообще встрѣчаются сатирическія черты по преимуществу, то легко замѣтить, что послѣднія обнаруживаются въ обработкахъ болѣе поздней эпохи.

Въ древнѣйшемъ изъ сохранившихся обработокъ, именно во внутреннемъ разсказѣ Esbasis, не сохранилось ровно ничего сатирическаго. Насколько возможно было автору, начитавшемуся Горація, Вергилія, Овидія, Пруденція и мн. др. и хваставшему своей ученостью, — онъ сравнительно довольно безыскусственно излагаетъ разсказъ о болѣзни льва. Въ этомъ разсказѣ трудно видѣть признаки какихъ либо сатирическихъ намековъ. Правда, у Вакернагеля (Kl. Schr. II, 274) рождается сильное подозрѣніе, что выраженіе автора относительно образности (per tropologiam) слѣдуетъ „можетъ быть“, примѣнить не только къ рамкѣ Esbasis, но и къ внутреннему разсказу. Для подобныхъ догадокъ разсказъ о больномъ левѣ не представляетъ ровно никакихъ данныхъ.

„Была ли уже такая рѣзкость сатиры въ отрывкѣ Изенгримъ“, говоритъ Гервинусъ (ук. соч. I^o, 219), „какъ въ

Рейнардъ, — нельзя сказать, пока нѣтъ на лицо всего [„Изенгрима“]; впрочемъ можно сомнѣваться въ этомъ“.

Во первыхъ, почему „Изенгримъ“ „отрывокъ“, — это известно только самому Гервинусу, хотя онъ, къ сожалѣнію, забылъ сообщить основаніе своему голословному заявленію. Странно, во вторыхъ, что Гервинусъ на основаніи 685 стиховъ „Изенгрима“ не берется положительно рѣшать вопроса: присуща ли „Изенгриму“ сатира? тогда какъ на основаніи двухъ трехъ неудачныхъ фразъ составителей франц. вѣтвей „Ренара“, онъ заключаетъ о „бездарности“, „пошлости“ и т. д. рассказчиковъ послѣдняго и самаго романа! Впрочемъ въ замѣнъ положительности дано „сомнѣніе“. На самомъ дѣлѣ „сомнѣнія“ быть не можетъ относительно отсутствія малѣйшаго сатирическаго намека въ „Изенгримѣ“. Весь интересъ сосредоточенъ только на рассказѣ, который передается въ высшей степени просто и естественно.

Полъ столѣтія спустя появляется „Рейнардъ“ и сразу изливаетъ массу ѣдкой сатиры, точно она накоплялась въ теченіи этого времени. На характеръ этой сатиры было указано выше.

Переходя затѣмъ къ „Ренару“, не трудно замѣтить по приведеннымъ примѣрамъ, что самая ѣдкая сатира заключается въ позднѣйшихъ браншахъ, истокахъ br. 20^a, именно въ 29-й, 32-й и отчасти 19-й. Восходя къ br. 20^a, нельзя не видѣть огромной разницы между мягкой сатирой послѣдней и рѣзкими выходками истоковъ этой вѣтви.

Въ „Рейнгартѣ“ еще менѣе сатиры; нѣкоторые же историческіе намеки, которые отыскиваетъ Я. Г р и м м ъ (R. F. стр. cxiv), — еще не сатира. Слѣдовательно, можно предположить, что истоки утраченныхъ оригиналовъ „Ренара“, относящіеся къ той же эпохѣ какъ и „Изенгримъ“, а можетъ быть и къ болѣе ранней, должны были раздѣлять съ нимъ тѣ же свойства, т. е. отличаться отсутствіемъ всякой сатиры.

Наконецъ достаточно сравненія между собой „Рейнарта“ I и II, чтобы убѣдиться, что „Рейнартъ“ II — хотя оба принадлежатъ сравнительно къ весьма поздней эпохѣ — заключаетъ въ себѣ больше и болѣе ѣдкой сатиры, чѣмъ „Рейнартъ“ I. Даже измѣнившійся въ пользу Рейнарта конецъ въ „Рейнартѣ“ II (стало быть и въ „Рейнке“), т. е. его блестящее оправданіе и окруженіе почестями, доказываетъ, что взяла верхъ исключительно сатирическая точка зрѣнія,

взяло верхъ „искусство Рейнарта“. Наконецъ сосредоточеніе главнаго интереса на одномъ Рейнартѣ доказываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ сталъ главнымъ и исключительнымъ героемъ. И чѣмъ поэма возникла позднѣе, какъ, напр., въ упомянутыхъ выше (стр. 260) поэмахъ чисто личнаго творчества, тѣмъ болѣе все концентрируется въ Ренарѣ.

Резюмируя вкратцѣ все вышесказанное по поводу сатирическаго элемента, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1. Поэмы о животныхъ преслѣдовали на первыхъ порахъ исключительно цѣль развлеченія.

2. Сатирическій элементъ вообще не свойственъ животному эпосу; гипотезы, усматривающія въ послѣднемъ изложеніе историческихъ фактовъ подъ оболочкой сатиры, несостоятельны.

3. Сатира проникаетъ въ животный эпосъ сравнительно въ весьма позднюю эпоху: въ древнѣйшихъ его памятникахъ сатира отсутствуетъ и появляется лишь въ позднѣйшихъ.

4. Личная сатира встрѣчается въ животномъ эпосѣ лишь въ исключительныхъ случаяхъ; преимущественно преобладаетъ сатира общая или безличная; она является отраженіемъ средневѣковой жизни.

5. Назиданіе при помощи отдѣльнаго момента изъ области животнаго эпоса вообще имѣли въ виду (помимо басенъ) только изображенія извѣстныхъ отраслей искусства; впоследствии и животнымъ поэмамъ придавалось назидательное значеніе и присоединялись нравоучительные глоссы.

6. Волкъ не изображается въ животномъ эпосѣ монахомъ; роли волка подъ личиной монаха изобличаютъ его неспособность къ этому званію или представляютъ его тупоумнымъ послушникомъ. Идея о монашествѣ волка вообще обязана своимъ происхожденіемъ востоку.

ДОПОЛНЕНИЯ.

Къ стр. 64, слѣдуетъ прибавить: . . . изъ бестиаріевъ, при посредствѣ басни Лютера (см. ниже стр. 239), . . .

Къ стр. 81 слл. Въ подтвержденіи нашего взгляда на независимое возникновеніе только извѣстной категоріи разсказовъ, сходныхъ только въ основныхъ своихъ моментахъ, приводимъ одну сказку, встрѣчающуюся у трансильванскихъ саксонцевъ и опущенную нами изъ виду. Въ ней передается (Haltreich ук. соч. стр. 34 сл. № ххviј), что медвѣдь, волкъ, лиса и заяцъ отправляются въ качествѣ пѣвчихъ на ярмарку, не уплачиваютъ свой долгъ въ гостинницѣ, хозяинъ которой вмѣстѣ съ скорнякомъ собираются снять съ нихъ шкуры. Дряхлаго медвѣдя и трусливаго зайца имъ удалось вскорѣ пригвоздить къ стѣнѣ; волкъ же, выламавъ ставни, обращается съ лисой въ бѣгство. Пока хозяинъ гостинницы и скорнякъ бросаются закрывать ставни, медвѣдь и заяцъ срываются съ гвоздей, вслѣдствіе чего у нихъ появились короткіе хвосты. Т. обр., мы находимъ новый примѣръ, что одно и тоже явленіе куцости поражало въ одинаковой степени младенческой умъ человѣка, но вызывала не одинаковое объясненіе,—лучшее доказательство въ пользу независимости происхожденія разсказовъ.

Къ стр. 109. По поводу состязанія съ ракомъ и происхожденіи этого разсказа ср. м. пр. Вебера въ *Ind. Studien* III, 365**).

Къ стр. 117 (къ группѣ № 5). Почти на дняхъ вышла въ свѣтъ книга, имѣвшаяся въ виду уже довольно давно: *Litauische Volkslieder und Märchen aus dem preuss. u. russ. Litauen ges. von A. Leskien u. K. Brugman. Strassburg 1882.* Въ числѣ сказокъ встрѣчаются и двѣ животныя сказки. Одна изъ нихъ (стр. 352 № 1 нѣмецк. перевода) передаетъ мотивъ объ избавленіи человѣка отъ хищнаго звѣря.

Библіотечная
записная книга
№ 1000

Крестьянинъ пашетъ у опушки лѣса. Лежавшій въ кустахъ медвѣдь заявляетъ вдругъ, что съѣсть его быковъ. Является лиса и, заручившись обѣщаніемъ цѣлаго мѣшка съ курицами, беретъ выручить крестьянина. Убѣжавъ въ лѣсъ, она прибѣгаетъ къ извѣстной уже хитрости, т. е. заявляетъ о облавѣ, спрашиваетъ пѣтъ ли хищныхъ звѣрей, допытывается, что лежитъ въ кустахъ, и сомнѣвается, чтобы выкорчеванный пенъ имѣлъ сучья. Догадливый медвѣдь очень развязно проситъ обрубить ему ноги; повидимому, онъ не довольствуется такой услугой и требуетъ за вторымъ разомъ воткнуть въ него топоръ. Когда дѣло приближается къ расплатѣ, мужикъ сажаетъ въ мѣшокъ двухъ собакъ; остальное пересказывается, какъ въ вар. АБ.

Къ этой сказкѣ, какъ и ко всемъ сказкамъ вообще, присоединены примѣчанія „г. докторомъ Вольнеромъ“, какъ значится въ предисловіи. Примѣчанія эти ничѣмъ не отличаются отъ примѣчаній, дѣлаемыхъ къ сказкамъ вообще, не исключая и примѣчаній Р. Келера, т. е. приводится длинный рядъ сказокъ сходныхъ, констатируется фактъ сходства, которое въ состояніе констатировать и неграмотный, — и только. Указать на взаимное отношеніе этихъ сказокъ, на генетическую ихъ связь, на пути перехода, — все это, конечно, не дѣло примѣчаній и поэтому благоразумно обходится молчаніемъ.

Поэтому весьма оригинальнымъ и довольно смѣлымъ должно казаться замѣчаніе Вольнера (стр. 516): „довольно вѣроятно [только вѣроятно?!], что рассказчику была извѣстна русская версія“, причемъ добавляется, что „въ самомъ дѣлѣ“ одна бѣлорусская сказка [у насъ вар. Г] „во многихъ пунктахъ совпадаетъ съ нашей литовской“. Это замѣчаніе вызвано примѣчаніемъ Б р у г м а н а (стр. 353¹), что въ оригиналѣ слова *nàtibì vòst* представляютъ порчу русскаго выраженія: „на тебѣ хвостъ“. Т. обр. смѣлость Вольнера объясняется этой указкой, безъ которой, конечно, онъ не отважился бы на такой подвигъ, какъ наглядно обличаютъ все остальные примѣчанія.

Но и помимо искаженного выраженія необходимо было бы заключить, что литовская сказка заимствована у русскихъ. Передается она съ тѣми признаками непоследовательности и отчасти неестественности, которыя свойственны всемъ заимствованнымъ сказкамъ. Такъ, утраченъ мотивъ о

проклинаніи быковъ и вообще не мотивируется желаніе медвѣдя съѣсть послѣднихъ; затѣмъ не мотивируется, почему медвѣдь не исполняетъ своей угрозы, не упоминается, что медвѣдь удалился, такъ какъ не въ его же присутствіи лиса дѣлаетъ предложеніе извести его; наконецъ, неестественно предложеніе медвѣдя обрубить ему лапы. Далѣе слѣдуютъ совпаденія и преимущественно съ вар. Г: мотивъ о мнимой барской охотѣ, перебѣганіе лисы съ одного мѣста на другое, допросы лисы, гибель медвѣдя, выдаваемого за колоду (пень), мѣшокъ съ двумя собаками, облающими собственными именами (Рыжая и Пѣгая, по литовск. сказкѣ, Сѣрка и Бѣрка, по вар. Г), разговоръ лисы съ своими членами (глаза, ноги, хвостъ). Г. обр. всѣ эти черты ясно примыкаютъ къ вар. Г. Но такъ какъ съ другой стороны вмѣсто волка въ Г выступаетъ медвѣдь, какъ вар. ДЖ, съ которыми встрѣчаются и другія совпаденія, то, очевидно, литовская сказка возникла на основаніи посредствующаго звена между вар. Г съ одной стороны и ДЖ съ другой. Любопытно и то, что черты, изгладившіяся въ вар. ГД, уцѣлѣли въ литовск. сказкѣ и вполнѣ совпадаютъ съ вар. Ж. Такое совпаденіе обнаруживаетъ все начало сказки: мужикъ пашетъ (ср. вар. Ж), медвѣдь, залегшій въ кустахъ (*en un buisson avait boté*, Ren. v. 15392. 15397. 15459), требуетъ выдачи воловь (Ren. v. 15477) и т. д. Эти новыя дословныя совпаденія въ связи съ отмѣченными раньше (см. выше стр. 117 сл.) не только заставляютъ обратить вниманіе на это сходство (см. выше стр. 118), но вынуждаютъ къ заключенію, что рассказъ этотъ заимствованъ именно съ запада и шелъ путемъ, намѣченнымъ уже выше (въ ук м.). Притомъ нѣкогда, т. е. въ моментъ передачи сказанія на Русь, если можно такъ выразиться, передаваемый рассказъ сохранялъ почти всѣ черты вар. Ж, которыя только съ теченіемъ времени, при неустойчивости устной передачи, породили рядъ произвольныхъ сочетаній; къ числу послѣднихъ долженъ быть отнесенъ рассказъ легшій въ основу и приведеннаго литовскаго варіанта.

Къ стр. 122 (къ группѣ № 5). Такъ какъ бѣгло сдѣланное указаніе на то, что изъ басни Эзопа „Лисица и Дровосѣкъ“ развилась, вѣроятно, пятая группа сказочныхъ мотивовъ, можетъ показаться недостаточнымъ, то слѣдуетъ остановиться здѣсь вкратцѣ на этомъ вопросѣ.

Въ упомянутой басни Эзопа рассказывается, что лисица, спасающаяся отъ преслѣдованія охотниковъ, встрѣчаетъ дровосѣка и обращается къ нему съ просьбой спрятать ее. Дровосѣкъ указываетъ ей на свою избу, гдѣ лисица прячется въ углу. Вслѣдъ затѣмъ являются охотники и пускаются въ распросы. Дровосѣкъ отговаривается невѣдѣніемъ, но рукой указываетъ на мѣсто убѣжища лисы. Охотники, не замѣтивъ его жеста, удаляются. Вскорѣ лиса покидаетъ свое убѣжище и молча удаляется. Дровосѣкъ укоряетъ ее въ неблагодарности, но получаетъ въ отвѣтъ отъ лисы, что она благодарила бы его только въ томъ случаѣ, еслибы его поступки (жесты) согласовались съ его словами.

Въ данномъ случаѣ вся первая половина басни довольно близко отвѣчаетъ главнымъ моментамъ пятой группы животныхъ сказокъ. И въ послѣдней на медвѣдя (волка) наводитъ страхъ мнимое появленіе охотниковъ; онъ старается спрятаться отъ нихъ при помощи крестьянина (пахаря); послѣдній, дѣйствительно, дѣлаетъ видъ, что прячетъ медвѣдя, уступая его просьбамъ; на вопросы лисы, которая въ данной группѣ сказокъ выступаетъ въ роли охотниковъ, крестьянинъ тоже даетъ рядъ отрицательныхъ отвѣтовъ. Только конецъ представляетъ, повидимому, отступленіе, такъ какъ въ одномъ случаѣ лиса уходитъ цѣлой, а въ другомъ медвѣдь погибаетъ. Но въ басни важна была мораль, и потому лиса поучаетъ лицемернаго дровосѣка, въ сказкѣ же необходимъ былъ болѣе подходящий къ народнымъ воззрѣніямъ и понятіямъ конецъ, и потому медвѣдь погибаетъ. Въ сущности конецъ басни и сказки сводятся къ одной же идеѣ: звѣрь измѣннически преданъ.

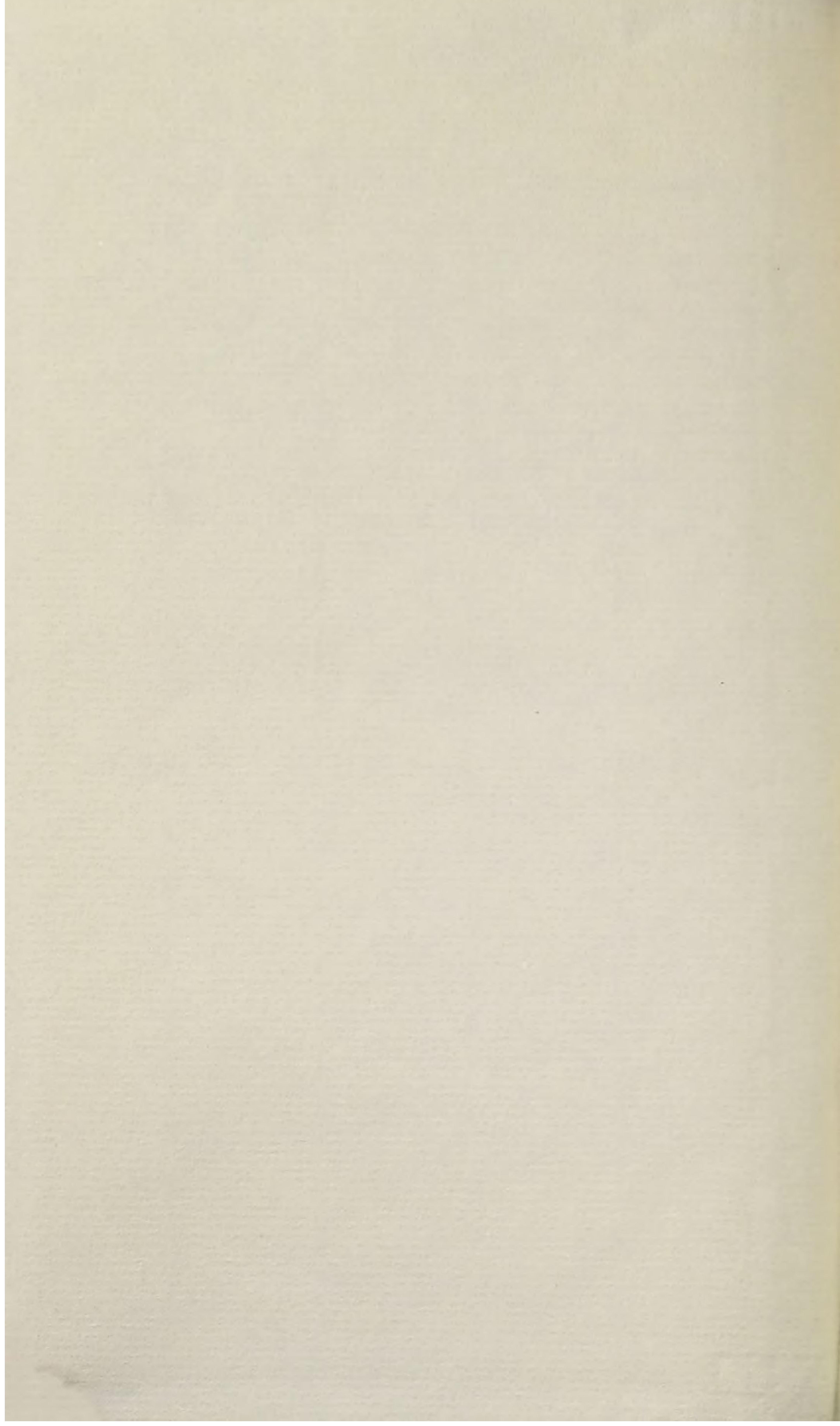
Т. обр., въ возникновеніи этой группы сказокъ на основаніи данной басни едва ли можетъ быть сомнѣніе. И сказки и баснь представляютъ цѣлый рядъ совпаденій, которыя слишкомъ очевидны, тогда какъ другія сказки, развившіяся на основаніи той же басни обнаруживаютъ подчасъ значительно больше отступленій. Таковы м. пр. сказки, встрѣчающіяся у Бенфея (Pantsch. I, 210).

Та же баснь встрѣчается и у Waldis III, 44; ср. и прим.

Къ стр. 132. По поводу выраженія: „Въ „Рейнгартѣ“, какъ сокращенной передѣлкѣ франц. оригинала...“, во избѣ-

жаніе недоразумѣній, ссылаемся на отдѣлъ, посвященный разбору „Рейнгарта“ (см. ниже стр. 268).

Къ стр. 136 (къ группѣ № 7). Въ указанномъ сборникѣ Лескина и Бругмана (стр. 353 № 2) другая животная сказка передаетъ мотивъ о Лисѣ - судѣ. Человѣкъ освобождаетъ изъ подъ бревна змѣя, заручившись обѣщаніемъ награды. Судьями являются собака, лошадь и лиса. За избавленіе лиса выговариваетъ себѣ гуся, но, по совѣту жены, крестьянинъ беретъ въ одну руку гуся, въ другую ружье и убиваетъ лису. И въ этой сказкѣ изгладились извѣстные мотивы: не говорится, зачѣмъ лиса ведетъ змѣя къ прежнему мѣсту, а лиса прямо велитъ человѣку поднять бревно и улечься змѣю. Литовская сказка примыкаетъ посредственно къ вар. А съ одной стороны и къ вар. Б съ другой. О происхожденіи этихъ сказокъ вообще было указано выше (стр. 137).

Peter Greiner
Buchbinderei
München 15

Kolmačevskij, Leonard Z.

Životnyj ěpos na zapade i u slavjan

Kazan 1882

4 H.lit.p. 325 z

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11499094-3